ПОЭЗИЯ ДЕКАБРИСТОВ

П
145047

1825-1950

Не пропадет ваш
скорбный труд
И дум высокое
стремленье...

А. Пушкин

II
КН 149047

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

БОЛЬШАЯ

СЕРИЯ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

П-81

8-1
П 67

ПОЭЗИЯ ДЕКАБРИСТОВ

3

Кн 140647

ЛЕНИНГРАД · 1950

Вступительная статья,
подготовка текстов и примечания
Б. Мейлаха

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ДЕКАБРИСТОВ

В исторический день 14 декабря 1825 г. Россия впервые видела организованное открытое вооруженное восстание против самодержавия. На Сенатскую площадь вышли люди, сознававшие всю рискованность попытки переворота в придавленной абсолютизмом и крепостническим гнетом стране, где малейшее неповиновение грозило жесточайшими карами, исчезновением навечно в пустынях Сибири или в одиночных казематах крепостей. Преемник дела декабристов — Герцен назвал их «фалангой героев», «воинами-сподвижниками», которые пошли сознательно «на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в сфере палачества и раболепия».[1] В. И. Ленин, процитировавший в статье «Памяти Герцена» эту характеристику декабристов, сказал чеканными, точными словами об историческом значении их дела и о причинах декабрьской катастрофы. Декабристы — были первым поколением русского революционного движения. «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало».[2] Отдаленность от народа обусловила и политическую ограниченность движения декабристов — дворянских революционеров. Но, тем не менее, неизмеримо велика их заслуга в пробуждении к революционной борьбе поколения Герцена, а затем демократов-шестидесятников — предшественников пролетарского освободительного движения, движения самих народных масс. И, оценивая роль декабристов в истории освобождения нашей родины, Ленин отметил, что к ним исторически восходит русская республиканская традиция.[3]

---

[1] А. И. Герцен «Концы и начала». Избр. соч., 1937, стр. 349.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4-е, стр. 14.
[3] Там же, т. 6, стр. 103.

К декабристам восходят и традиции передовой русской литературы, которой всегда было свойственно единство революционного слова и революционного дела, высокое сознание гражданского долга, глубочайшее стремление неуклонно служить благу родины и народа. Далеко не случайно среди декабристов выдвинулась плеяда писателей, ознаменовавших своей деятельностью целую полосу в развитии русской литературы и вместе с тем явившихся активными участниками революционной борьбы. Самыми яркими и своеобразными произведениями декабристской поэзии являются стихотворения Кондратия Рылеева — одного из наиболее убежденных сторонников политического переворота, Владимира Раевского, развернувшего задолго до восстания агитацию среди солдат, Вильгельма Кюхельбекера, пламенно преданного идее свободы, Александра Одоевского — человека, который сквозь «каторжные норы» пронес веру в победу правого дела и идею возмездия тиранам. В деятельности поэтов-декабристов нашли свое дальнейшее осуществление радищевские заветы борьбы за освобождение родины. Глубоко знаменательно, что писатель и издатель «Полярной звезды» Александр Бестужев утром 14 декабря первый привел солдат Московского полка на Сенатскую площадь.

Среди поэтов-декабристов были люди различные по степени революционности и по своим литературным вкусам. Но, тем не менее, в их поэзии явственно ощущаются общие черты. Своими произведениями поэты-декабристы вдохновенно пропагандировали идеи революционного патриотизма, политической свободы, учили ненавидеть самодержавие и крепостничество. Они всемерно содействовали созданию новой русской литературы, вождем и знаменем которой был друг и ближайший соратник декабристов — величайший русский национальный поэт А. С. Пушкин. Поэты-декабристы своим творчеством боролись за новую эстетику, за искусство, отвечавшее задачам народного освобождения. В своей литературной деятельности они отвечали на коренные вопросы, выдвигавшиеся русской жизнью.

1

Политические и литературные взгляды декабристов уходят своими корнями в славную эпопею русского народа — войну 1812 г. против наполеоновской Франции. Мировоззрение декабристов формировалось под влиянием национально-освободительной войны, обнаружившей перед всем миром могучие силы и одаренность русских людей. Беспримерный героизм солдат — крепостных кре-

стьян, патриотическая самоотверженность народа, истреблявшего врага партизанскими действиями, — все это вызывало восхищение передовых офицеров — будущих декабристов. В. Штейнгель в «Записках касательно составления и самого похода санкт-петербургского ополчения», изданных в 1814 г., восторженно рассказывает о воодушевлении, которое владело «русским ратником», о его «богатырской силе», неустрашимости, готовности положить жизнь на алтарь отечества. Об этом же говорят воспоминания Якушкина, Басаргина и других декабристов.

С темой 1812 г. были связаны первые литературные опыты Рылеева. Восемнадцатилетний поэт в своих тогда еще несовершенных стихах выразил те чувства пламенной, беззаветной любви к родине, которые в дальнейшем воодушевили его на геройскую борьбу против самодержавия. Стихотворение «Любовь к отчизне» (1813) начинается прославлением патриотизма:

Где алтарей не соружают
Святой к отечеству любви?
И долгом где не почитают
Питать святой сей жар в крови?
. . . . . .
Нет, нет, везде равно пылает
В сердцах святой любви сей жар.

Сравнивая легендарных героев древности, пожертвовавших жизнью за отчизну, с беспримерной самоотверженностью русских людей, Рылеев восклицал:

Но римских, греческих героев,
В любви к отечеству прямой,
Средь мира русские, средь боев
Затмили давнею порой.

И славные страницы прошлого, овеянные воспоминаниями о Пожарском, Петре I, Суворове, и героика современности — победоносный исход Отечественной войны — все это приводило Рылеева к выводу:

Тот здравого ума лишился,
Кто росса покорить решился;
Он ломит гордому рога! ..

В этой оде Рылеев славит Кутузова как спасителя отечества и (это весьма существенно) как «верного гражданина» России. Таким образом, уже в ранний период творчества в сознании

Рылеева объединились понятия патриотизма и гражданской доблести. Правда, в этом стихотворении юного поэта еще имеются иллюзорные представления о заслугах Александра I в войне с Наполеоном. Но политическое развитие Рылеева было необычайно быстрым. Он вскоре преодолел свои былые иллюзии и стал последовательным борцом с «тяжким игом самовластья» и приверженцем такого понимания гражданской доблести, которое требовало деятельной борьбы «за угнетенную свободу человека».

Ярко выраженным политическим характером отличается тема 1812 г. в творчестве Владимира Раевского, одного из героев Отечественной войны и человека, который первым из декабристов (еще в 1822 г.) был заключен в крепость и судим. Его «Песнь воинов перед битвой» соединяет в себе прославление воинского подвига с проповедью политической независимости, ненавистью к «властному гордецу» и «рабам-искателям». А в «Послании Г. С. Батенькову» Раевский, говоря о себе, прямо связывает участие в войне 1812 г. с пробуждением политического сознания:

Когда над родиной моей
Из тучи молния сверкала,
Когда Москва в цепях страдала
Среди убийства и огней,
Когда губительной рукою
Война носила смерть и страх
И разливала кровь рекою
На милых отческих полях, —
Тогда в душе моей свободной
Я узы в первый раз узнал
И, видя скорби глас народной,
От соучастья трепетал...

Идеи национальной свободы и национального самосознания, получившие яркое развитие в период войны 1812 г., имели громадное значение для всей общественной жизни России, для культурного и литературного развития. Под влиянием этих идей воспитывались даже те из передовых русских деятелей, для которых эта героическая эпоха была известна лишь по воспоминаниям старших современников. Так, например, Герцен в «Былом и думах» писал: «Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о взятии Парижа были моей колыбельной песнью, детскими сказками, моей Илиадой и Одиссеей». Но если рассказы о войне 1812 г. имели такое огромное воспитательное значение, то можно заключить, как велико было ее влияние на участников и свидетелей героических сражений! А таковыми и являлись декабристы.

В показаниях, письмах, воспоминаниях декабристов значению Отечественной войны для развития политической борьбы за свободу отводится почетное место. Александр Бестужев в письме из крепости к Николаю I писал: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то русский народ впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России». Один из вождей декабризма, С. И. Муравьев-Апостол считал войну, освободившую Европу от ига Наполеона, и ее политические последствия — первыми «источниками революционных мнений». Декабрист Е. П. Оболенский показал на следствии, что «науки политические сделались по возвращении гвардии в 1814 г. предметом общих разговоров».

В буржуазно-либеральной историографии, отличавшейся всегда рабским преклонением перед всем иностранным, решающим фактором возникновения декабристского движения считалось пребывание передового русского офицерства заграницей. Факты полностью опровергают такого рода утверждения. Конечно, для разработки планов преобразований государственной системы сыграли определенную роль наблюдения будущих декабристов над политическими порядками в странах, где отсутствовало крепостное право и где был так называемый «представительный образ правления». Но еще из среды декабристов раздавались протесты против преувеличенных мнений о том, что деятелями тайных обществ «крайние средства были заимствованы из европейских революционных идей, а не из собственной истории». В действительности «побуждение к преобразованию государства» вытекало «из данного положения государства и общества».[1]

Заграницей, в обстановке победоносного марша русской армии в Париж, передовая молодежь еще больше прониклась чувством национальной гордости и любви к отечеству, еще сильнее стала верить в великое будущее России, еще острее прониклась желанием видеть свою родину счастливой и свободной. Письма Рылеева из Парижа говорят о том, что он восхищался сокровищами искусства в Луврском музее или парижскими парками, но видел и оборотную сторону западноевропейской цивилизации. Стремясь в родные русские края, Рылеев писал: «Наконец я оставляю Париж, сию шумную столицу забав и веселостей, сие обиталище разврата и пороков»... Свои впечатления от парижской жизни он обобщает в образе внешне привлекательного цветка:

---

[1] Д. И. Завалишин. Записки. СПб., 1906, стр. 178.

...посмотри на цветок сей не пылким взором разгоряченного юноши, но взором проницательного, хладнокровного старца, коего зрение на сей раз превосходнее твоего; посмотри, говорю я, и ты увидишь, что роза сия ненатуральна, что благоухание оной несходственно с благоуханием свежего цветка, разливающего оное в поле».[1]

Вместе с тем Рылеев отделял французский народ от их правителей. В тех же письмах из Парижа он обличает «пруссаков», которые своим варварским поведением в Париже оскорбляли народ, еще недавно, в период французской революции, показавший перед всем миром свое свободолюбие. Говоря о действиях союзников, Рылеев писал: «Мы, русские, совсем иначе обходимся. Наши союзники надменностью и жестокостью своею скоро выведут из терпения народ, в сердцах которого еще с прежней горячностью кипит любовь к независимости и к славе».[2]

Думы о родине никогда не покидали передовых русских людей. Показательно в этом отношении стихотворение Ф. Глинки, написанное во время заграничного похода, — «Сон русского на чужбине». Заснувшему воину видятся

...долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной русской стороны!

С лирическим проникновением и любовью говорится здесь о молодых елях, которые густеют на родине, о запахе берез, о колокольчике удалой тройки и грустной песне ямщика. Но вот «милый сон» исчез:

И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... все красиво;
Но я в раздумьи молчаливо
Вздохнул по стороне родной...

Подобные мотивы нашли свое развитие и в поздней лирике декабристов. В. Кюхельбекер в стихотворении «Ницца» (1821) пишет о роскошной, воспетой многими поэтами природе Италии, однако его взор проникает глубже. «Васильковая лазурь» небес,

[1] Письмо Рылеева из Парижа от 23 сентября 1815 г.
[2] Его же письмо от 19 сентября 1815 г.

Титульный лист альманаха, издававшегося Бестужевым и Рылеевым

апельсиновые рощи, сокровища древнего Рима — все это еще не составляет счастья:

Здесь я видел обещанье
Светлых, беззаботных дней;
Но и здесь не спит страданье,
Муз пугает звук цепей!

Поэт сочувствует итальянской национально-освободительной борьбе (здесь отражены впечатления от революционных событий в Пьемонте). Но мысль о родине является для него самой священной. В стихотворении, написанном в том же году на Рейне, Кюхельбекер, обращаясь к друзьям, восклицает:

Пью за наш союз священный,
Пью за русский край родной!

Из всего этого становится очевидным, насколько чуждым и враждебным для декабристов было свойственное реакционному дворянству убеждение, что уделом России и русской культуры является будто бы подражание Западной Европе. В уставе раннего тайного общества декабристов — Союза благоденствия — членам союза предписывалось высмеивать нелепую «приверженность к иноземному». А в стихотворении Владимира Раевского «Сатира на нравы» говорится о том, что после «триумфа побед» — Отечественной войны, в век, дивный «россов доблестью», — подражание особенно позорно:

Из всех гражданских зол всего опасней, злей
Для духа нации есть чуждым подражанье...

Этому «гражданскому злу» Раевский противопоставляет чистую и могучую любовь к отчизне. На множестве примеров убеждаясь в героическом патриотизме русского народа, в его самоотверженной преданности родине, в его талантливости, будущие декабристы поняли, что вопрос о дальнейшем развитии русского государства нельзя решать вне зависимости от положения и судьбы народа. Один из вождей Союза благоденствия и участник Отечественной войны — генерал М. Ф. Орлов в 1819 г. писал о русском крестьянине военному историку Д. П. Бутурлину: «Войди в хижину бедного россиянина, истощенного от рабства и несчастья, и извлеки оттуда, если можешь, предвозвещение будущего нашего величия». Декабристы еще в военные годы воодушевлялись желаниями «быстрейших перемен». Об этих желаниях дает яркое представление интереснейшая запись, сделанная в 1814 г. Николаем Тургеневым в его дневнике. После войны, по его мнению, в Россию

возвращается «много таких русских, которые убедились в том, что и «без рабства может существовать гражданский порядок...» «После того, что русский народ сделал, ...что случилось в Европе, освобождение крестьян мне кажется весьма легким, и я бы поручился за успех даже скорого переворота».

Тогда Н. Тургенев, как и многие его современники, полагал, что этот «переворот» — ликвидация крепостного права и преобразование политического строя — может произойти путем реформ, дарованных царем. Но эти пустые надежды впоследствии рассеялись, а убежденность в необходимости «переворота» возросла. По мере перехода Александра I на все более реакционные позиции, по мере роста политического расслоения дворянства, для всей передовой части общества становилось яснее, что единственным путем для достижения заветной цели является путь революционной борьбы. Это не был путь массового протеста. Но все же восстанием декабристов была начата история организованного революционного движения в России.

С каким же положением столкнулись после победы над врагом люди, не жалевшие жизни для блага родины?

Почти все дошедшие до нашего времени воспоминания, письма, дневники декабристов говорят об ожидавшихся после войны решительных переменах во внутренней жизни — ликвидации крепостного права, введении конституции. ...«все ожидало наступления новой эры, — вспоминал декабрист Завалишин, — все было преисполнено самых радужных надежд в будущем; никто не предвидел крутого поворота во внешней и внутренней политике». Для всех, кроме крепостников и придворных льстецов, было ясно, что народ ждет перемены в своем положении, что он заслужил этого победой, которую купил своей кровью. Но ожидания потерпели полное крушение. Наступили томительные годы александровской реакции, всеобщего шпионажа, подавления всякой свободолюбивой мысли, годы аракчеевских военных поселений и тупоумной шагистики. Народ, освободивший Европу, попал в еще более сжавшиеся тиски крепостничества и деспотизма. М. Бестужев писал об этом времени: «...Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в дом, первые разнесли ропот в классе народа. «Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас вновь тиранят господа»... Сначала, покуда говорили о том беспрепятственно, это расходилось в ветер, ибо ум, как порох, опасен только сжатый... Но с 1817 г. все переменилось. Люди, видавшие худое или желавшие лучшего, от множества шпиков принуждены стали разговаривать скрытно, —

и вот начало тайных обществ. Притеснение начальством заслуженных офицеров разгорало умы... Тогда-то стали говорить военные: «Для того ли освободили мы Европу, чтобы наложить цепи на себя? Для того ли дали конституцию Франции, чтобы не сметь говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы нас унижали дома?»

После окончания войны Александром I было сделано все от него зависевшее, чтобы убить в зародыше попытки сопротивления, подавить даже самые слабые вспышки свободолюбия. Многими десятилетиями спустя современники не могли без содрогания вспоминать об этом времени. «Душно было тогда в Петербурге людям, только что расставшимся с полями побед, с трофеями, с Парижем и прошедшим на возвратном пути через сто триумфальных ворот почти в каждом городе, на которых на лицевой стороне было написано: Храброму российскому воинству, а на обратной: Награда в отечестве!», — вспоминал Ф. Н. Глинка.

Для того, чтобы представить переживания, которые выпали в это время на долю всех искренних патриотов, достаточно сослаться на два произведения Рылеева — «Победная песнь героям» и «К временщику». Первое из них — стихотворение в прозе, написанное в 1813 г., после изгнания Наполеона из России. Оно представляет собой гимн доблести, храбрости, патриотизму великого русского народа и, вместе с тем, говорит о беспредельном восхищении поэта русскими людьми, истребившими «неисчетные полчища» врага. И те же чувства любви к своему народу руководили Рылеевым, когда он в сатире «К временщику» (1820) писал о положении народа, обращаясь со словами гневного обличения к Аракчееву:

Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он, что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...

В. Ф. Раевский в стихотворении «Смеюсь и плачу» с возмущением писал о том,

Как знатный вертопрах, бездушный пустослов
Ивана à rebours с Семеном гнет на двойку
Иль бедных поселян, отнявши у отцов,
Меняет на скворца, на пуделя иль сойку...

А в стихотворении «Певец в темнице» он призывал к «мести благородной» за «стон простонародный» и, вспоминая легендарную новгородскую республику, предсказывал, что народ вновь восстанет «с ударом силы».

В этой политической обстановке вновь проявились замечательные качества русского национального характера — свободолюбие, стойкость, ненависть к тиранам и поработителям. Эти черты выразились в поэзии Пушкина и в его агитационной политической лирике, распространившейся в сотнях рукописных копий по всей России.

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Эти строки из пушкинского стихотворения «К Чаадаеву» явились поэтическим выражением помыслов и стремлений всего передового поколения, мечтавшего увидеть «народ неугнетенный». Через несколько лет после Отечественной войны стало ясно, что надежды на реформы «сверху», по «царской милости», — всего лишь сказки, которыми царь убаюкивал народ. Сама жизнь требовала организации подпольной революционной борьбы. В 1816 г. возникло первое, еще очень узкое по составу тайное декабристское общество Союз спасения (получившее затем название «общества истинных и верных сынов отечества»). В 1818 г. оно было ликвидировано и заменено более широкой, также тайной организацией — Союзом благоденствия, которое ставило одной из своих задач широкую пропаганду освободительных идей всеми возможными средствами. В этом обществе отчетливо выделилась и победила идея установления в России республиканского правления. Но рост революционного движения в России и в странах Западной Европы привели к расслоению в Союзе благоденствия на радикалов и колеблющихся. Стали отсеиваться люди случайные, желавшие порвать с тайным обществом. В 1821 г. на съезде Союза благоденствия в Москве было объявлено о ликвидации тайного общества с тем, чтобы организовать новый, более конспиративный Союз. Весной 1821 г. в Тульчине, на квартире Пестеля, возникло Южное общество, принявшее республиканскую программу и методы военной революции. Осенью 1822 г. в Петербурге было основано Северное общество. Русское революционное движение перешло в новую фазу борьбы за коренные изменения государственного строя.

Программы декабристов заключали в себе требования ликвидации крепостного права и замены самодержавия республикой (а более умеренные программы — конституционной монархией). Конечно, классовая ограниченность дворянской революционности ставила непреодолимые преграды слиянию декабристов с народом.

Но все же в своих наиболее передовых устремлениях декабристы отражали, пусть в урезанном виде, народные чаяния. Осуществление даже умеренных декабристских программ нанесло бы серьезное поражение феодально-крепостнической системе и объективно ускорило бы дальнейшее развитие борьбы за действительное и полное освобождение народа. Любовь к родине, думы о народе, горячее желание видеть его просвещенным и свободным от цепей крепостничества — все это иногда перерастало у наиболее левых декабристов рамки классовой ограниченности и выливалось в прямое обращение к народу с революционной проповедью. В. Ф. Раевский, руководитель бессарабского ответвления тайного общества, был арестован в 1822 г. за революционную пропаганду среди солдат и юнкеров дивизионной школы. Революционная «прокламация» С. И. Муравьева-Апостола («Православный катехизис») была составлена для возможного использования в целях тайного общества даже религиозных предрассудков народа и доказывала, что «цари похитили свободу» и «поступают вопреки воле божьей». Попытки революционной пропаганды среди солдат предпринимались и в среде членов Общества соединенных славян.

В этом ряду должны рассматриваться и агитационные песни Рылеева и Бестужева, обличавшие деспотизм самодержавия, крепостнические порядки, полицейский произвол, говорившие о рабстве и нищете народа. В некоторых из этих песен содержатся прямые призывы к народному восстанию, а песня «Уж как шел кузнец...» агитирует за физическое уничтожение бояр, вельмож и самого царя. Это стихотворение не было единственным исключением в агитационной лирике декабристов. В одном из архивов обнаружена еще подобного рода песня Рылеева и Бестужева — «Близ Фонтанки-реки», с революционным обращением к солдатам:

Разве нет у вас штыков
На князьков-дураков?
Слава!
Разве нет у вас свинца
На тирана-подлеца?
Слава!

В литературе о поэтах-декабристах обычно с излишней доверчивостью приводится показание А. А. Бестужева следственной комиссии о том, что декабристы, боясь народной революции, эти песни «в народ и между солдатами никогда не пускали». Спору нет, декабристы боялись народного восстания, «новой пугачевщины». Но попытку Бестужева доказать, что агитационные песни, написанные им совместно с Рылеевым, остались достоянием тайных

149047

БИБЛИОТЕКА

дружеских пирушек, можно объяснить лишь желанием не усугубить ответственности перед царским судом. Конечно, в крепостной деревне эти песни не распространялись, но среди городского населения, а также среди солдат и матросов имели хождение. В воспоминаниях другого декабриста — Н. А. Бестужева мы читаем: «Хотя правительство всеми мерами старалось истребить сии песни, где только могло находить их, но они были сделаны в простонародном духе, были слишком близки к его состоянию, чтобы можно было вытеснить их из памяти простолюдинов, которые видели в них верное изображение своего настоящего положения и возможность улучшения в будущем. ...Рабство народа, тяжесть притеснения, несчастная солдатская жизнь изображались в них простыми словами, но верными красками. В самый тот день, когда исполнена была над нами сентенция, и нас, морских офицеров, возили для того в Кронштадт, бывший с нами унтер-офицер морской артиллерии сказывал нам наизусть все запрещенные стихи и песни Рылеева, прибавя, что у них нет канонира, который, умея грамоте, не имел бы переписанных этого рода сочинений и особенно Рылеева».

Из следственных дел декабристов известно, что агитационные песни Рылеева и Бестужева были переправлены С. Г. Волконским на юг, в район расположения второй армии. Интересен и следующий факт. В неопубликованном дневнике А. И. Тургенева (брата декабриста Н. И. Тургенева) указано, что в 1825 г. в Петербурге было запрещено исполнение романса Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Ох, тошно мне на чужой стороне...»[1] Это запрещение явилось, несомненно, реакцией на распространение нелегальной антикрепостнической песни Рылеева и Бестужева «Ах, тошно мне на родной стороне»... (где первые две строки варьируют начало романса Нелединского-Мелецкого). Известное распространение агитационных песен в народе (как и попытки революционной агитации среди солдат, предпринимавшиеся отдельными декабристами), разумеется, не могли изменить характера декабристского влияния как движения дворянских революционеров. Именно эта исторически обусловленная ограниченность и привела тогда к неудаче революционного переворота. Но самая попытка этого переворота сделала бессмертным великий, героический подвиг декабристов, этих «штурманов будущей бури».

---

[1] Дневник А. И. Тургенева хранится в рукописном отделении Института Русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.

II

Н. Г. Чернышевский, говоря о зависимости литературного движения от коренных потребностей общественно-политической борьбы, указывал: «Только те направления литературы достигают блестящего развития, которые возникают под влиянием идей сильных и живых, которые удовлетворяют настоятельным потребностям эпохи».[1] И, в действительности, с развитием русского революционного движения передовая русская литература все с большей полнотой отражала существенные вопросы своего времени, все глубже и последовательнее выступала против различного рода реакционных эстетических теорий.

Декабристы, продолжая традиции Радищева, первыми в истории русского литературного движения стали рассматривать литературу как составную часть организованной революционной борьбы. История тайных обществ 10—20-х годов XIX века самым тесным образом связана с историей литературы. Начав борьбу за коренное изменение существующего строя, выступив против основ феодально-крепостнического строя, декабристы всем своим творчеством пропагандировали революционное понимание роли поэта, задач литературы, содержания художественного творчества.

Во всех основных программных документах декабризма в той или иной степени отражено внимание к литературе как одной из форм политической пропаганды. Устав («Законоположение») одного из ранних тайных обществ декабристов — Союза благоденствия (1818—1821) вменял своим членам в обязанность «убеждать, что сила и прелесть стихотворений не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мысли, ни в непонятности изложения, но в живости писаний, в приличии выражений, а более всего в непритворном изложении чувств в ы с о к и х и к добру увлекающих», «что описание предмета или изложение чувства не возбуждающего, но ослабляющего в ы с о к и е положения, как бы оно прелестно ни было, всегда не достойно дара просвещенной поэзии». Термин «высокость» соответствовал в кругу декабристов понятию революционной цели. В таком смысле этот термин употреблялся и поэтами-декабристами. О кипящей отваге «в ы с о к и х дум» писал Рылеев в послании своему соратнику — Бестужеву, клянясь в преданности «общественному благу». О таинствах «высокого искусства» говорится в стихах Кюхельбекера «Грибоедову». Критерий «высокого» положил Александр Бестужев в основу своих критических статей,

---

[1] Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й. Избранные сочинения, 1934, стр. 443.

напечатанных в «Полярной звезде» и рассматривавших произведения с позиций гражданского искусства.

В уставе Союза благоденствия члены этого общества призывались к сочинениям и переводам по словесности, «. . .обращая особое внимание на обогащение и очищение языка». Там же указывалось, что в периодическое издание Общества должны входить, в частности, «мелкие стихотворения и сочинения». Наконец, «Отделу распространения познаний» предписывалось «изыскать средства изящным искусствам дать надлежащее направление, состоящее не в изнеживании чувств, но в укреплении, облагородствовании и возвышении нравственного существа нашего». О роли литературы, искусства, просвещения говорит и следующий пункт в правилах декабристского Общества соединенных славян: «Почитай науки, художества и ремесла. Возвысь даже к ним любовь до энтузиазма, и будешь иметь истинное уважение от друзей своих».

Изучение истории литературных кружков и объединений, в той или иной степени связанных с тайными обществами 10—20-х гг., свидетельствует о том, с какой настойчивостью декабристы стремились проводить в жизнь принципы своей литературной политики. Используя всевозможные легальные и нелегальные формы воздействия на литературное движение, они добились значительного расширения пропаганды освободительных идей в литературе и сплоченного отпора различного рода реакционным выступлениям против передового литературного лагеря.

В то время литературные кружки и объединения служили серьезнейшим средством организации общественного мнения. По существу, они представляли собою единственное место, где могли публично обсуждаться (да и то большей частью в косвенной форме) вопросы общественно-политической жизни. Об огромном значении литературных объединений для развития и укрепления оппозиционных настроений говорят и признания современников. Член тайного Северного общества А. Бестужев писал о том, что «чтения публичные в литературных обществах, возбуждая соревнование между молодыми писателями, развивают и в публике вкус к родной словесности. Нередко те, которые приезжают туда, чтобы других посмотреть и показать себя, возвращаются домой с новыми понятиями и с полезнейшею охотою». Эти многозначительные слова А. Бестужева в статье из «Полярной звезды» (1824) расшифровываются следующим его показанием следственной комиссии по делу декабристов: «В 1822 г. . .свел знакомство с г. Рылеевым, и как мы иногда возвращались вместе с Общества соревнователей просвещ<ения> и благо<творения>,

то и мечтали вместе, и он пылким своим воображением увлекал меня еще более. Так грезы эти оставались грезами до 1824 г., в который он сказал мне, что есть тайное общество, в которое он уже принят и принимает меня». Конечно, далеко не все члены прогрессивных литературных объединений этого времени (и, в частности, того же литературного Общества соревнователей просвещения и благотворения) проделали подобную эволюцию: для большинства грезы так и остались грезами, не претворившись в действие. Но несомненна агитационная роль этих объединений. Именно потому их организация и деятельность привлекли усиленное внимание тайных политических обществ 20-х годов.

«Члены союза, — указывал в своих записках член Союза благоденствия М. А. Фонвизин, — учреждали и отдельные от него общества под влиянием его духа и направления; таковы были общества: военное, члены которого узнавали друг друга по надписи, вырезанной на клинках шпаг и сабель, — «За правду», литературные — одно в Москве, другое под названием «Зеленая лампа», и две масонские ложи». Пушкин, говоря о собраниях «Зеленой лампы» (членом которой он состоял), упоминал о разговорах

Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного

(„В. В. Энгельгардту" 1819 г.)

Если в «Зеленой лампе» декабристы ограничились лишь попытками влиять на развитие литературы и на использование ее в своих целях, то СПб. Вольное общество любителей российской словесности (оно же Общество соревнователей просвещения и благотворения) они превратили в свой литературный (притом легальный) центр, связанный с Союзом благоденствия, а затем с Северным обществом декабристов.

В околодекабристских объединениях так же, как и среди литераторов-декабристов, встречались люди различных литературных вкусов и пристрастий. Было бы ошибочным говорить о тождестве их политических позиций. Но при всем этом различии, во многих взглядах литераторов, входивших в тайные общества, — К. Рылеева, А. Бестужева, В. Кюхельбекера, В. Раевского, А. Одоевского, Ф. Глинки и др., а также близкого к декабризму Грибоедова, — отчетливо выступают объединяющие их тенденции в понимании высокой общественной роли искусства, как одного из средств изменения существовавшего социального порядка. Все они,

с большей или меньшей последовательностью, выступали против различных проявлений реакции в литературе, против всех тех направлений, которые мешали развитию национальной русской литературы и которые отвлекали общественное внимание от актуальных вопросов политической жизни.

Именно эта линия нашла свое выражение в изданиях 1820—1825 гг., в находившихся в сфере декабристских влияний — «Соревнователе просвещения и благотворения», «Сыне отечества», «Невском зрителе», в альманахах «Полярная звезда» и «Мнемозина». Формально — только «Полярная звезда», издававшаяся Рылеевым и А. Бестужевым, может считаться органом, отражавшим литературную политику декабристов. Но фактически ими же в большой степени являются все перечисленные издания. В Вольном обществе любителей российской словесности (органом которого являлся «Соревнователь») цензором поэзии был К. Рылеев, цензором прозы — М. Бестужев, цензором библиографии — А. Корнилович, а председателем Общества состоял бывший член коренной думы Союза благоденствия Федор Глинка (все они члены тайного общества). «Невский зритель» и своей политической и литературной платформой, несомненно, выражал позиции правого крыла Союза благоденствия. В «Сыне отечества» 1819—1825 гг. сотрудничал тот же круг писателей-декабристов и близких к ним людей. Наконец, в «Мнемозине» В. Кюхельбекер вразрез со взглядами своего соредактора В. Ф. Одоевского, пытавшегося ориентировать альманах на немецкую идеалистическую философию и эстетику, боролся против «германического» направления, за политическую, действенную роль литературы.

Программа декабристского литературного лагеря с достаточной (для подцензурной статьи) ясностью выражена А. Бестужевым в его «Взгляде на русскую словесность в течение 1823 г.»: «В старину, — писал он, — науки зажигали светильник свой в погасающих перунах войны. В наши времена мы видим совсем противное: ...гром отдаленных сражений одушевляет слог автора и пробуждает праздное внимание читателей; ...воображение, недовольное сущностью, алчет вымыслов, и под политической печатью словесность кружится в обществе». В условной, эзоповской форме Бестужев подчеркивал необходимость для литературы перестроиться в соответствии с требованиями освободительного движения, необходимость связать литературу с политической борьбой.

Эта же мысль отражена и Рылеевым в его программной статье «Несколько мыслей о поэзии», напечатанной в 1825 г. в «Сыне отечества» (ч. 104). Свобода политическая и гражданская рассматриваются здесь в неразрывном единстве: «Многолюдность... го-

сударств новых, степень просвещения народа, дух времени, словом все физические и нравственные обстоятельства нового мира определяют и в политике и в поэзии поприще более обширное».

Из всего этого понятно, почему тема значения поэзии и поэта занимает видное место в художественном творчестве поэтов-декабристов. Декабристский идеал поэта сформулирован Рылеевым в думе «Державин». Долг поэта быть

...в родной своей стране
Органом истины священной.

В представлении Рылеева поэт — это высший пример гражданского героизма, преданности родине и народу: он —

Везде певец народных благ,
Везде гонимых оборона
И зла непримиримый враг...

Поэту

...неведом низкий страх;
На смерть с презрением взирает
И доблесть в молодых сердцах
Стихом правдивым зажигает.

Вот почему, как утверждал Рылеев, «нет выше ничего предназначения поэта». Такое понимание роли поэта проходит во всем творчестве поэтов-декабристов, сливаясь с пониманием роли народного вождя, революционера. В особенности эта тема характерна для поэзии Кюхельбекера. Через все его творчество проходит высокий образ певца — пророка — гражданина. Эта тема была начата им еще в конце 1810-х гг. (см. стих. «К Пушкину», где поэт — «избранник мощных судеб» — противопоставлен «низким рабам» — «мелким, ничтожным судьям»). В стихотворении 1820 г. «Поэты» (вызвавшем донос на Кюхельбекера министру внутренних дел гр. Кочубею) говорится о силе поэтического слова:

В руке суровой Ювенала
Злодеям грозный бич свистит
И краску гонит с их ланит,
И власть тиранов задрожала.

Строки о «союзе поэтов» звучат далее как клятва в бесстрашной верности делу свободы:

...что гоненья?
Бессмертие равно удел
И смелых вдохновенных дел
И сладостного песнопенья!

Так! Не умрет и наш союз,
Свободный, радостный и гордый,
И в счастьи и в несчастьи твердый;
Союз любимцев вечных муз.

Идея единства героического дела и героического слова развивается с новой силой в послании Кюхельбекера «А. П. Ермолову» (написанному в связи с слухами о том, что Ермолов будет командовать войсками для помощи Греции, восставшей против турецкого владычества). Здесь союз поэтов превращается в «союз прекрасных прямых героев и певцов», но за поэтами остается право суда и приговора:

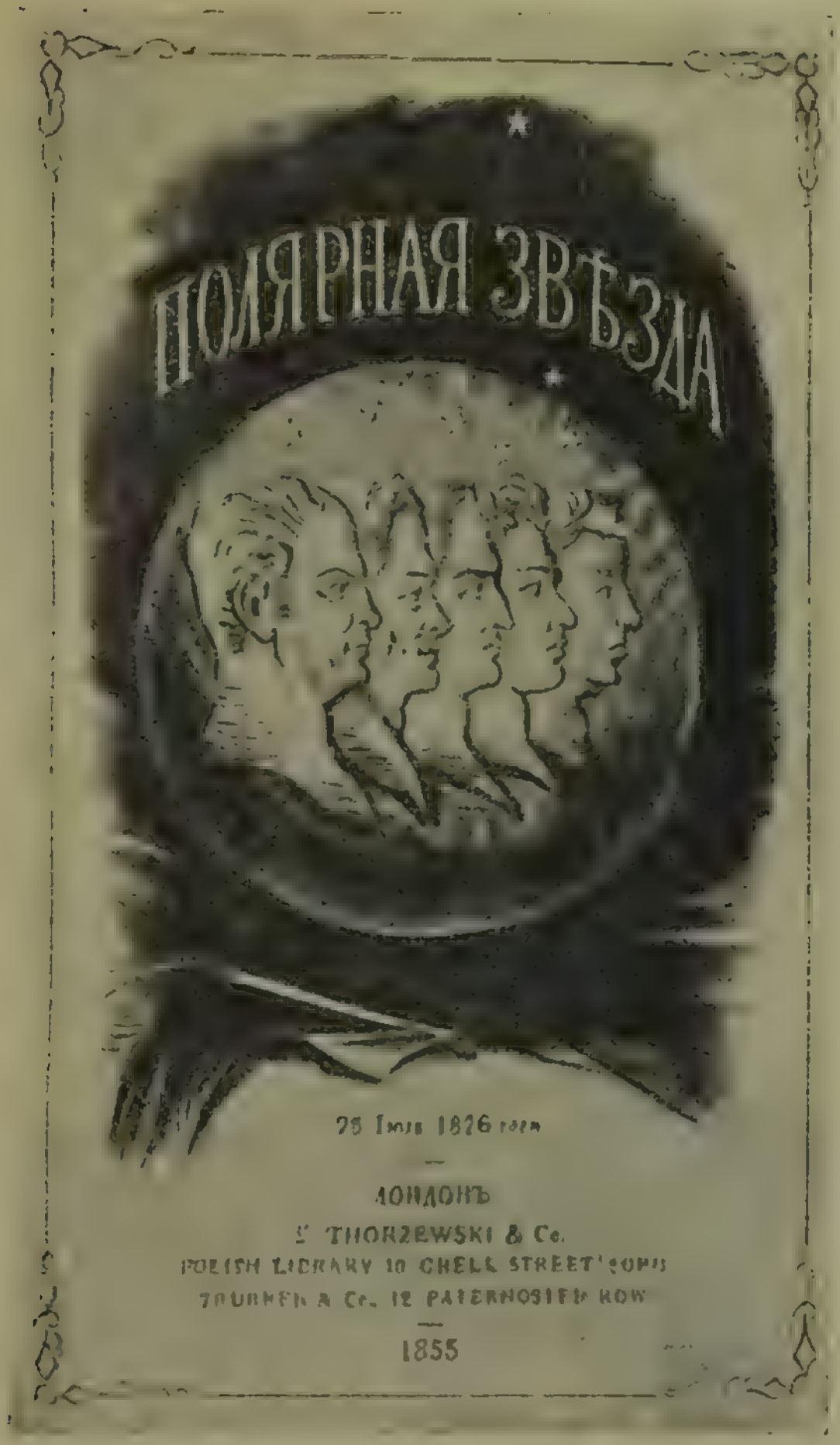
Но кто же славу раздает,
Как не любимцы Аполлона?
В поэтов верует народ.
Мгновенный обладатель трона,
Царь не поставлен выше их.
В потомстве Нерона клеймит бесстрашный стих.

Эта же тема гражданского призвания поэта развивается в стихотворениях Кюхельбекера «Пророчество», «Участь поэтов», «Жребий поэта» и других. Торжество дела поэта-гражданина неизбежно, слава его не померкнет в веках — такова пронизывающая их идея.

Декабристская трактовка роли поэта резко противостояла взглядам, которые проповедовались тогда апологетами самодержавно-крепостнического строя. Нет необходимости задерживаться здесь на позициях реакционной «Беседы любителей русского слова» (влияние которой на литературу было незначительным из-за бездарности ее «певцов», наводнявших книжный рынок реакционными монархическими одами и переложением псалмов). Значительно более вредным было идеологическое влияние Карамзина — писателя, пользовавшегося известным авторитетом и подвергшегося нападкам «беседчиков» в борьбе сторонников «нового» и «старого слога». Карамзин, однако, развивал целую программу, ограничивавшую задачи и содержание поэзии созданием «цветника чувствительных сердец». Он считал, что поэт — «искусный лжец», которому следует чуждаться всяких «бурных страстей» и даже изображая «натуру» — воспроизводить не «пожар природы», а идиллические, тихие картины.

Народы, власти покоряйтесь,
Свободой ложной не прельщайтесь:
Она призрак, страстей обман.

Такова политическая основа понимания Карамзиным призвания писателя. Утверждая, что прекрасное — это то, чего нет в действи-



Обложка «Полярной звезды» А. И. Герцена с силуэтами пяти казненных декабристов

тельности, он писал: «Если это прекрасное, подобно легкой тени, вечно от нас убегает, овладеем им хотя бы в воображении, устремимся за ним в мир сладких грез, будем обманывать себя самих и тех, кто достоин быть обманутым».

Трактовка декабристами задач и роли поэзии была направлена также и против идейно-эстетической программы Жуковского с ее, куда более чем у Карамзина, последовательной отрешенностью от «существенности», культом «невыразимого», стремлением к уходу от противоречий действительности в так называемый мир «мистического откровения» и «чистого искусства». Если в пору становления своего мировоззрения поэты-декабристы еще считали Жуковского в лагере прогрессивной литературы (известное значение имело представление о нем как о «барде» 1812 г. и травля поэта «беседчиками»), то в дальнейшем их позиция принципиально меняется. При всех заслугах Жуковского в разработке поэтического языка, при всем его мастерстве переводчика, реакционная идейная сущность его поэзии была и тогда очевидной. Пониманием этой сущности и были продиктованы известные слова Рылеева о Жуковском в письме к Пушкину: «Мистицизм, которым проникнута большая часть его стихотворений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые иногда в нем даже прелестны, растлили многих и много зла наделали». Так мог писать о Жуковском только человек, чувствовавший гражданскую ответственность за воспитание молодого поколения в духе высоких идеалов революционной борьбы.

В полном соответствии с представлениями о роли поэта находились и требования, которые предъявлялись декабристами к содержанию литературы. Утверждение гражданских, политических тем в противоположность узкой, интимной дворянской поэзии проходит во многих декларациях поэтов-декабристов.

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! Моя отчизна страждет,
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет —

писал Рылеев. Еще резче выразил эту мысль В. Раевский в своем стихотворном наказе Пушкину, посланном из тюремного заключения в 1822 г.:

Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой,

Где слово, мысль, невольный взор
Влекут, как явный заговор,
Как преступление на плаху,
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шопотом роптать.

Не следует из этого заключать, что темы любви, дружбы, природы поэты-декабристы считали недостойными для себя: речь шла об основном идейном направлении художественного творчества. В этом же смысле следует понимать и признание Рылеева в посвящении к поэме «Войнаровский» — «Я не поэт, а гражданин». Этим он хотел выразить свою чуждость узко-литературным заданиям, свое презрение к тем «поэтам-эгоистам» и «досужим журналистам», которые

...тогда,
Как вспыхнула война
На юге за свободу, —
О срам! о времена! —
Поссорились за оду!

Убеждение в необходимости подчинить литературу политике, сосредоточить внимание писателей на острейших задачах, выдвинутых временем, выражено и в упомянутой выше статье Рылеева «Несколько мыслей о поэзии». Опровергая «классиков», требовавших «слепого подражания древним», Рылеев призывал поэтов употребить «все усилия» для того, чтобы «осуществить в своих писаниях идеалы высоких чувств...» О том, как расшифровывается в сознании декабристов понятие «высокого», мы уже говорили, разбирая устав Союза благоденствия.

Все это являлось выражением новых понятий о прекрасном в искусстве. Очень хорошо сказал по поводу декабристских представлений о сущности поэзии Николай Бестужев в воспоминаниях о Рылееве: «Единственная мысль, постоянная его идея была пробудить в душах своих соотечественников чувства любви к отечеству, зажечь желание свободы. Такое намерение уже само по себе носит отпечаток поэзии, где бы оно ни было приведено в исполнение, но становится совершенно поэтическим, когда, окруженные шпионами деспотизма, посреди рабских похвал, посреди боязливой лести и трусливого подобострастия, посреди целой империи, стенящей под игом тяжкого самоуправства, мы вдруг внимаем голосу поэта, возвещающего нам высокие истины, впервые нами слышанные, но знакомые нашему сердцу. Сама природа влагает в нас понятие о свободе, и это понятие, этот слух сердца так верны, что как бы ни заглушали их, они отзовутся при первом возза-

нии. В чем же другом заключается поэзия, как не в пробуждении отголоска на песни ее в нашем сердце!»

Проведение в жизнь декабристской литературно-эстетической программы наталкивалось на условия жесточайшего цензурно-полицейского террора. Невозможность свободного развития русской литературы явилась в свою очередь немаловажным фактором роста революционной борьбы против самодержавия. Свидетельства этому имеются в делах следственной комиссии, интересовавшейся, в числе многих вопросов, также и причинами, вызвавшими восстание 14 декабря. В. Кюхельбекер показал на следствии, что одной из основных причин его «неудовольствия настоящим положением было крайнее стеснение, которое российская словесность претерпевала в последнее время», подчеркивая при этом, что «такое до невероятия тягостное стеснение породило рукописную словесность». Развитие национальной культуры Кюхельбекер оценивал исходя из тех богатейших возможностей русского народа, которые раскрылись в период Отечественной войны и которые могли быть реализованы лишь в малой доле: «Взирая на блистательные качества, которыми бог одарил народ русский, народ первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку (и это для писателя не последнее), коему в Европе нет подобного, наконец по радушию, мягкосердию, остроумию и непамятозлобию, ему перед всеми свойственному, я душою скорбел, что все это подавляется, все это вянет и, может быть, опадет, не принесши никакого плода в нравственном мире!» Но не только литераторы в своих показаниях говорили о своем желании освободить литературу от ограничений и стеснений. Декабрист Якубович, говоря о том, что за «10 лет мирного спокойствия», прошедшие после войны, правительство Александра I ничем не содействовало прогрессу, отметил в частности: «...изящные искусства не украсили отечество; но народная образованность значительно подвинулась вперед и желание лучшего сделалось первым чувством каждого».

Однако и в жестоких условиях александровского царствования первые русские писатели сумели превратить литературу в трибуну политической борьбы. Революционные идеи могли получить наиболее полное воплощение, конечно, не в легальной поэзии, а в стихах, распространявшихся тайными путями в рукописных копиях. На первое место здесь должны быть поставлены политические стихотворения Пушкина: хотя он и не входил в тайное общество, но такие его стихотворения, как «Вольность», «К Чаадаеву», «Сказки», «Деревня» и др., имели огромное значение и

в деле революционной пропаганды и для формирования стиля декабристской поэзии. Большую роль сыграли также стихотворения Рылеева, распространявшиеся в рукописи, — в особенности «Гражданин», эта декларация всего передового поколения, песни, написанные им совместно с А. Бестужевым, стихи В. Раевского — «Певец в темнице», «К друзьям», Кюхельбекера — «На смерть Чернова» и др. О влиянии на умы стихов Пушкина и Рылеева имеется немало свидетельств самих декабристов. По словам Якушкина, нелегальные стихи Пушкина «были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который бы не знал их наизусть». Петр Бестужев заявил, что свободомыслие зародилось у него под влиянием оды «Вольность» и «Деревни» Пушкина. По словам А. П. Беляева, «Вольность» Пушкина, «Войнаровский» и «Наливайко» Рылеева были знакомы каждому и сообщались и повторялись во всех дружеских и единомышленных кружках». Лорер рассказал, что молодые люди, служившие в Измайловском полку, собираясь на частной квартире, рассуждали о современных вопросах, читали стихи Пушкина, альманах «Полярная звезда» Рылеева и Бестужева. Мичман Дивов признал, что его увлекли ходившие в рукописи стихи Пушкина и Рылеева. Один из главарей Южного общества М. П. Бестужев-Рюмин использовал потайную поэзию как средство для убеждения в необходимости самых решительных действий. Эти факты можно было бы умножить.

Но заслуга поэтов-декабристов заключается в том, что они сумели провести идеи революционного патриотизма и революционного героизма не только в нелегальной литературе, но также и в легальной печати. Политические условия, в которые была поставлена русская литература, не давали возможности писателям полного и открытого выражения в печати своих взглядов, если они противоречили понятиям «законности». Порождением этих условий была своеобразная терминология, на разработку которой писателям приходилось затрачивать столько усилий. Поэты-декабристы выработали целую систему условной фразеологии, которая была понятной и доходчивой для широких прогрессивных читательских кругов и которая, вместе с тем, не давала прямого повода для цензурных преследований. Такие слова, как «общественное благо», «гражданин», «свобода», «самовластье», «тиранство» и т. п. и даже, казалось, совершенно нейтральные — как «дружба», «верность», «надежда», наполнялись конкретным революционным содержанием в декабристской поэзии. Из-за невозможности прямых обличений существовавшего строя и призывов к его замене другим использова-

лись политические намеки и иносказания, упоминались, например, Вадим Новгородский или герои древнего мира — римские республиканцы Кассий, Брут, Катон и другие.[1]

Устойчивое политическое содержание имели у поэтов-декабристов и такие поэтические образы и метафоры, как буря, заря, солнце и т. п. Вот, например, типично декабристская трактовка распространенной тогда метафоры «звезда»:

Мы вместе помчимся туда,
Туда, где восходит *свободы звезда!*

(В. Кюхельбекер. „К Ахатесу")

Звезда надежды засияла

(Рылеев. Посвящение А. А. Бестужеву к „Войнаровскому")

...сердца подвиг благородный
Пребудет для души младой
К могиле Бейрона святой
Всегда *звездою путеводной.*

(Рылеев. „На смерть Бейрона")

Ты взора не сводил с *звезды своей вожатой...*

(Бестужев. М. И. Муравьеву-Апостолу)

В таком смысле употреблялся этот образ у Пушкина (ср. в послании «К Чаадаеву» — «Звезда пленительного счастья»). С такой же трактовкой образа связано, конечно, и название альманаха Рылеева и Бестужева — «Полярная звезда».

О «Думах» Рылеева Н. Бестужев в этом плане писал, что «Цель Рылеева обнаруживается в приноровлении, которое может сделать сам читатель»... Но о «Думах» мы скажем ниже. Теперь же упомянем об интересных фактах совершенно конкретного «приноровления» у других поэтов.

В 1817—1818 гг. появляется несколько произведений тираноборческого характера, и в числе их два особенно примечательных. Ф. Глинка печатает в 1817 г. в «Сыне отечества» под длинным и

---

[1] При этом поэты-декабристы следовали тем методам, которые широко использовались в повседневной агитации членами тайных обществ. Каховский заявил в своих показаниях, что он был «воспламенен героями древности». О том, что своеобразно подобранное чтение исторической литературы возбуждало «любовь к вольности и народодержавию», говорили подпоручик Борисов 2-й, Киреев, Андреевич, Арбузов, Якушкин. В таком плане использовались образы героев борьбы с иностранными нашествиями в России.

скучным названием («Отрывок из опытов трагических явлений без рифмы») острейшее произведение, смысл которого ясен уже из предпосланной поэтом аннотации: «Один из верных сынов покоренного тираном отечества увещевает сограждан своих в тишине ночи к поднятию оружия против насильственной власти». Отрывок кончается строками:

На трупах, на пепле пожженных им стран,
На выях согбенных под гнетом рабов
Тиран наш воздвиг свой железный престол;
Но слышен уж ропот, тирана клянут...
Клянут лишь и только! а руки и меч,
А предков примеры кто отнял у них?

В примечании предусмотрительно указывается для усыпления бдительности цензуры, что отрывок «написан только для опыта, чтобы узнать, могут ли стихи такой меры заменить александрийские и монотонию рифмы»... На самом же деле это стихотворение преследует вовсе не версификаторские цели, а изображает совершенно конкретную атмосферу реакции, наступившей в России после войны 1812 г., говорит об упоенном победой Александре. Разочарованный после возвращения на родину воин, увидевший «тиранство на лоне утех» и все то же «рабство во прахе», обращается к товарищам, с которыми «в битвах славу делил», с призывом освободить родину от тирана.

Спустя некоторое время в «Сыне отечества» появляется тираноборческий «Отрывок из Корнелева Цинны» Катенина. Все это станет понятным, если учесть, что в 1817—1818 гг. в среде деятелей тайного общества оживленно обсуждались различные проекты свержения Александра. Катенинский «Отрывок из Цинны» следует связать с его же гимном, содержавшим строки:

Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.

Система всякого рода «приноровлений» так органично вошла в сознание декабристов, что использовалась ими даже в повседневном обиходе. Исключительный интерес представляют с этой точки зрения некоторые записи, сохранившиеся в архиве Александра Бестужева и сделанные им после декабрьской катастрофы. Осужденный декабрист, находившийся под неослабным надзором тюремщиков, не мог, конечно, вести даже какого-либо подобия дневника. Но свои чувства и размышления он выражал путем искусно подобранных цитат, часто вырванных с этой целью из

контéкста. На плотно исписанных листах имеются записи, которые в совокупности составляют как бы отрывки лирического дневника осужденного декабриста.[1] Эти записи можно распределить по таким рубрикам:

О своей судьбе:

Такали, такали новгородцы, да и протакали <вольность>.

(Пословица)

Судьба нас будто берегла:
Ни беспокойства, ни сомненья,
А горе ждет из-за угла.

(Грибоедов)

Вдруг начал тмиться неба свод
Мрачнее и мрачнее,
За тучей грозною идет
Другая вслед, грознее.

(Жуковский)

Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.

(Пушкин)

Ах, злые языки страшнее пистолета.

Ах нет, надеждами я мало избалован.

(Грибоедов)

От милых близких вдалеке
Живет ли сердцу радость?
И в безутешной бы тоске
Моя увяла младость.

(Жуковский)

Облегчение цепей не мирит нас с рабством, но усиливает желание прервать оные.

(Карамзин)

О стойкости и мужестве:

Я злобу твердостью сотру.

(Державин)

Будь тверд в злосчастные минуты,
Но счастью тож не доверяй.

(Капнист)

---

[1] Рукописное отделение Гос. Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (бумага с водяным знаком «1826»).

В русском сердце много железа, чтобы не любить севера.

(А<лександр Бестужев>)

Я солдат, и вечный, неизменный отзыв[1] мой — истина.

Для любви нет смерти, нет страшных перемен, с нею сопряженных, она всегда в царстве вечной правды.

На этих же страницах имеются и другие любопытные записи:

Близ царя — близ смерти (пословица, которую хотела уничтожить Екатерина II).

Чтобы спокойно есть медовый сот, надобно задавить пчел.

(Пословица русская)

Где царь, там и орда.

(Древняя пословица)

И флюгера от ржавчины делаются постоянными.

(Бестужев)

Кто узрит нас? Под ризой ночи
Путями тайны мы пройдем,
И будет пир страстей роскошный.

(Ф. Глинка)

Эти записи Бестужева являются примером того, как поэты-декабристы часто пользовались иносказаниями. Такие приемы были вынуждены политическими условиями и вполне себя оправдывали. Не надо ли удивляться тому, что, например, Рылеев в своих произведениях часто игнорировал объективное содержание тех или иных исторических фактов прошлого, влагая в них иной, необходимый поэту, часто совершенно противоположный истине смысл?

III

Передовая русская литература конца 10-х — начала 20-х гг. XIX в. выступила под знаменем романтизма. «Романтизм — вот первое слово, огласившее пушкинский период», — писал Белинский. Это был революционный романтизм, пронизанный идеями самоотверженной борьбы за свободу, страстным протестом против рабства и тирании, романтизм, воодушевленный мечтой о крушении старого мира. Романтизм поэтов-декабристов был в корне враждe-

---

[1] Т. е. пароль. — *Б. М.*

бен реакционному, мистическому романтизму, который смотрел не вперед, а назад, вырастал на почве полной отрешенности от жизненной борьбы, мечтал о возврате к старине и проповедовал религиозное смирение.

Но поэзия декабристов с ее романтическим пафосом выросла на почве русской жизни, и в ней имелись, наряду с романтическими элементами, черты реалистического отражения действительности. Конечно, это еще не был реализм, метод, который предполагает изображение типических характеров в типических обстоятельствах, воспроизведение мира человека, общественных отношений, природы во всем многообразии и, вместе с тем, в самых существенных и важнейших чертах. Такой реализм, как художественный метод, в то время только еще складывался. И все же своей литературной деятельностью поэты-декабристы способствовали подготовке грядущей победы реализма. Они обратили внимание на вопросы, настоятельно выдвигавшиеся ходом общественно-политического развития перед художественной литературой.

В первой главе этой статьи мы говорили о громадном значении народной борьбы с наполеоновским нашествием для формирования декабристского мировоззрения. Не случайно вопросы преобразования литературы были подняты деятелями декабризма также в связи с обсуждением исторического значения Отечественной войны 1812 г. Если обобщить содержание декабристских выступлений на эту тему, то все они могут быть определены словами: *борьба за национальную самобытность и народность литературы.*

Едва ли не самой ранней декларацией такого рода было «Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года» Федора Глинки (напечатано в «Сыне отечества» в 1816 г.). Излагая задачи «исторического повествования», Глинка выдвинул принципы, которые затем мы встретим в декабристских выступлениях по отношению к литературному развитию в целом. Ф. Глинка ставит задачи борьбы за расцвет национальной русской литературы в прямую связь с национальным подъемом, вызванным Отечественной войной. Литература должна быть на уровне героизма патриотов, сражавшихся за родину; «во все времена и у всех народов слава языка следовала за славою оружия, гремя и возрастая вместе с нею». С этих позиций и определяются пути литературы. С поэтическим проникновением говорится в этой статье о героической истории русского народа — «великих деяниях, рассеянных в летописях отечественных». Писатель, изучая эти деяния, может составить «ожерелье славы, которому подобное едва ли имели Греция и Рим». Далее указывается также на «старинные

народные предания, песни и стихотворения русские» как на «первые источники исторического повествования». Во всех этих требованиях, которые вскоре так часто стали встречаться в декабристской литературе, отражалось стремление к художественному воспроизведению типических особенностей русского национального характера.

Весьма важным являлось тогда постепенно возраставшее внимание к новым слоям читателей, призыв к демократизации литературы. По словам того же автора, слог должен быть «понятен не для одних ученых, не для одних военных, но для людей всякого состояния, ибо всякие состояния участвовали в славе войны и в свободе отечества». С этим положением связано и резкое осуждение подражательства иноземному, призыв к очищению русского языка от иностранных выражений: «Русские не потерпели ига татарского; не потерпели нашествия галлов и двунадесяти языков; они, конечно, не потерпят и владычества чуждых наречий в священных пределах словесности своей».

Все это писалось человеком, который в то время был уже членом раннего декабристского общества — Союза спасения, участником Бородинского сражения и всего заграничного похода русской армии, писателем, который в своих «Письмах русского офицера» глубоко раскрыл народный характер Отечественной войны. Было бы неправильно утверждать, что именно «Рассуждение» Глинки явилось непосредственным документом литературного декабризма: оно характерно как показатель настроений передовой дворянской интеллигенции, считавшей, что народ завоевал право на свободное развитие национальной культуры.

Александр Бестужев, критикуя антинародный, подражательный характер дворянской литературы конца XVIII — начала XIX в., писал в «Полярной звезде»: «Было время, что мы невпопад вздыхали по-стерновски, потом любезничали по-французски, теперь залезли в тридевятую даль по-немецки. Когда же попадем мы в свою колею? Когда будем писать прямо по-русски?» Писать «по-русски» означало, с точки зрения Бестужева, — отразить в литературе национальный характер народа.

В другом месте А. Бестужев, говоря о подражании всему иноземному и имея в виду обычное среди дворянства воспитание, писал: «Мы всосали с молоком безнародность и удивление только к чужому. Измеряя свои произведения исполинской мерою чужих гениев, нам с высока видится своя малость еще меньшею, и это чувство, не согретое народной гордостью, вместо того, чтобы возбудить рвение сотворить то, чего у нас нет, старается унизить даже и то, что есть. К завершению несчастья, мы выросли на од-

ной французской литературе, вовсе не сходной с нравом русского народа, ни с духом русского языка».

Близкая к этому мысль находится и в статье Рылеева «Несколько мыслей о поэзии»: «Окутав себя веригами чужих мнений и обескрылив подражанием гения поэзии, мы влеклись к той цели, которую указывала нам ферула Аристотеля и бездарных его последователей». А. В. Кюхельбекер писал: «...песни и сказания народные — лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности. Станем надеяться, что наконец наши писатели, из которых особенно некоторые молодые одарены прямым талантом, сбросят с себя поносные цепи немецкие и захотят быть русскими. Особенно имею в виду А. Пушкина, которого три поэмы, особенно первая, подают великие надежды». Характерно также, что Кюхельбекер, выступая за национальное самоопределение русской литературы, опирается на творчество республиканца А. Н. Радищева и В. Нарежного — писателя, близкого демократическим кругам:

«Несмотря на усилия Радищева, Нарежного и некоторых других, на усилия, которым, быть может, со временем узнают цену, в нашей поэзии до начала XIX столетия господствовало учение, совершенно основанное на правилах французской литературы».

Источником «самобытной» литературы признавалось устное народное творчество. Известные мысли Пушкина о необходимости в создании русской литературы опираться на «историю песни, сказки» совпадают с высказыванием почти всех прогрессивных писателей этих лет. Темпераментный призыв А. Бестужева читать «возвышенные песнопения старины русской», «дабы в них найти черты русского народа и тем дать настоящую физиономию языку», постоянные ссылки В. Кюхельбекера на «песни и сказания», обоснование тезиса о богатстве фольклорного материала в статьях П. Катенина, Н. Бестужева, А. Корниловича, специальные статьи о народных песнях в «Соревнователе» и «Сыне отечества» 1818—1825 гг. — все это является выражением вполне определенной единой линии.

Интересами развития национально-самобытной литературы было вызвано и то острое внимание к темам и образам русской истории, которое является типичнейшей чертой деятельности поэтов-декабристов и которое определяло их понимание народности литературы. Александр Бестужев в «Полярной звезде» призывал писателей изучать исторические повествования — песнь о полку Игореве, песнь о битве Донской и другие «древности нашего слова», «дабы в них найти черты русского народа».

Вопрос о народности литературы в связи с историческими темами явился в первой четверти XIX в. предметом ожесточенной

борьбы различных литературных направлений. К историческим сюжетам обращались приверженцы реакционного реставратора А. С. Шишкова и так называемые «карамзинисты». Однако уже в самом характере обращения к национальному прошлому вскрывались цели писателей. Шишков, который, казалось бы, являлся ярым противником сентиментализма, неизменно впадает в слащавый мечтательный тон об ушедшей «безмятежной идиллии» феодального общества: «Мы оставались еще до времени Ломоносова и современников его при священных книгах, при размышлениях о величестве божием, при умствованиях о христианских должностях и о вере, научающей человека кроткому и мирному житию, а не тем развратным нравам, которым новейшие философы обучали род человеческий и которых пагубные плоды после толикого проливания крови и доныне еще во Франции гнездятся». Извращая, таким образом, историческое прошлое России, Шишков считал всякие революционные идеи якобы чуждыми русскому народу и навеянными исключительно французской революцией.

Понимание «народности», как смиренного служения «богу, царю и отечеству», характеризует реакционное направление литературной и общественной мысли на протяжении всего XIX в. В 1812—1820 гг. оно наиболее полно представлено «Русским вестником» С. Глинки, в тон которому Шишков писал: «Мы видим в предках наших приметы многих добродетелей: они любили отечество свое, тверды были в вере, почитали царей и законы». . . Близкое к этому понимание народности нашло выражение во вступлении к повести Карамзина «Наталья боярская дочь», в котором идеализируется смиренная патриархальность как якобы характерная черта русского народа.

Взгляды декабристов на историческое прошлое России были в корне враждебны реакционному дворянству. Наиболее передовые члены тайных обществ были восторженными поклонниками русской старины, в которой они, однако, видели не идиллическую покорность общества царю, а мятежи и восстания. В послании В. Ф. Раевского «К друзьям» (1822) строки о «древней Руси» вполне программны:

Пора, друзья! Пора воззвать
Из мрака век полночной славы,
Царя-народа дух и нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше вече
И сокрушало издалече
Царей кичливых рамена.

В таком же духе говорили о прошлом России Пестель, Каховский, Кюхельбекер, Рылеев и другие декабристы. Характерно

использование декабристами древнерусских терминов: «собор», «дума», «бояре», «вече», «палата», «старшины», «головы» и многие другие понятия были воскрешены в конституционных проектах тайных обществ. Так политические убеждения определяли освоение древнерусского языка старовером Шишковым, ратовавшим против вторжения в язык российский таких слов, как «революция», и декабристами, воскресившими древнерусскую терминологию. «Язык славянский служит для нас арсеналом», — говорил А. Бестужев, отграничивая себя этим от «староверов».

В качестве главнейших тем художественных произведений писатели декабристского направления выдвигали темы мятежей и восстаний. В большой статье «О романтической поэзии» Орест Сомов, критик, близкий к декабристам, писал: «Летописи наши и великий труд славного историографа (Карамзина. — *Б. М.*) знакомят нас с событиями старины русской и служат громким ответом тем, которые жалуются на недостаток преданий исторических. Россия до Владимира и при сем князе, во времена удельных княжеств под игом татар, при Иоаннах, в годину междуцарствия и при вступлении на престол династии Романовых заключает в себе по крайней мере столько же богатых предметов, сколько с м у т н ы е в е к а старобытной Англии или Франции». Интерес к «смутным векам» определял работу писателей-декабристов — Рылеева, Бестужева, А. Одоевского и других над историческими произведениями.

Опыт Отечественной войны 1812 г., героические страницы прошлого русского народа, протест против абсолютизма и крепостничества, мечты о свободе — все это отразилось в произведениях декабристов, запечатлевших существенные черты русского национального характера. В преддверии того штурма самодержавно-крепостнической системы, к которому готовились декабристы, одной из главнейших задач являлась поэтизация непоколебимой преданности родине и делу свободы, бесстрашия и смелости в борьбе, готовности стоически перенести любые испытания и самую смерть. Эти черты отражены в том положительном собирательном образе гражданина-борца за свободу, который запечатлен в декабристской поэзии. Создание этого образа явилось громадным вкладом декабристов в развитие русской литературы.

Положительный образ героя-борца создавался декабристами в контрастном противопоставлении равнодушного к судьбе отечества и народа большинства дворянской молодежи. В стихотворении Рылеева «Гражданин» обличаются юноши, которые

...с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны,

не хотят постигнуть «предназначенье века» и позорят «гражданина сан». Стихотворение выдвигает образы Брута и Риеги в качестве борцов против самовластья, руководителей «бурного мятежа». Эти же критерии высокой гражданской доблести и такие же требования целиком посвятить свою жизнь борьбе за свободу мы находим в поэзии В. Раевского. Его стихотворение «Певец в темнице» — это пламенный монолог, обращенный к современному поколению с требованием отдать себя «цели благородной» и столь характерным для всей декабристской литературы напоминанием об ответственности перед судом потомства. Та же тема развивается в стихотворении Раевского «Глас правды» и в «Подражании первой сатире Буало» Александра Бестужева.

Пропагандируя образ гражданина-борца, декабристы отвергали христианскую мораль смирения и требовали решительного отпора всякому злу и всякой несправедливости. «Гражданское мужество» Рылеева — это гимн герою, который является непоколебимым борцом с «коварной несправедливостью». Такого рода мужество воспевается здесь как самое высокое:

Велик, кто честь в боях снискал
И, страхом став для чуждых воев,
К своим знаменам приковал
Победу, спутницу героев!
. . . . . .
Но подвиг воина гигантский
И стыд сраженных им врагов
В суде ума, в суде веков —
Ничто пред доблестью гражданской.

Такое понимание гражданской доблести исходило из необходимости *идейной сознательности* всякого истинного сына отечества, устремленности к единой цели «общественного блага» в самом широком смысле этого понятия. Отсюда и произведенная в декабристской поэзии переоценка всех традиционных представлений, в том числе о семье, дружбе, любви. Словами Наливайки, обращенными к Лободе, Рылеев определил свое понимание соотношений между долгом семьянина и гражданина:

Но ты отец, но ты супруг,
...давно пора, мой друг,
Быть не мужьями, а мужами.
Всех оковал какой-то страх...

Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 35. 1-го марта 1903 года № 35

КАРЛЪ МАРКСЪ.

Тридцать пятый номеръ „Искры“ выходитъ въ свѣтъ въ день двадцатилѣтія смерти Карла Маркса, которому я принадлежитъ въ немъ первое мѣсто.

Если вѣрно то, что великое международное движеніе пролетаріата было самымъ замѣчательнымъ общественнымъ явленіемъ девятнадцатаго столѣтія, то нельзя не признать, что основатель Международнаго Товарищества Рабочихъ былъ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ этого столѣтія. Борецъ и мыслитель въ одно и тоже время, онъ не только организовалъ первые кадры международной арміи рабочихъ, но и выковалъ для нея, въ сотрудничествѣ со своимъ неизмѣннымъ другомъ Фридрихомъ Энгельсомъ, то могучее духовное оружіе съ помощью которого она уже нанесла множество пораженій непріятелю и которое современемъ дастъ ей полную побѣду. Если соціализмъ сталъ наукой, то этимъ мы обязаны Карлу Марксу. И если сознательные пролетаріи хорошо понимаютъ теперь, что для окончательнаго освобожденія рабочаго класса необходима соціальная революція, и что эта революція должна быть дѣломъ самого рабочаго класса, если они являются теперь непримиримыми и неутомимыми врагами буржуазнаго порядка, то въ этомъ сказывается вліяніе научнаго соціализма. Съ точки зрѣнія „практическаго разума“ научный соціализмъ отличается отъ утопическаго именно тѣмъ, что рѣшительно разоблачаетъ коренныя противорѣчія капиталистическаго общества и безпощадно обнаруживаетъ всю наивную тщету всѣхъ тѣхъ, иногда очень остроумныхъ и всегда вполнѣ благожелательныхъ плановъ общественной реформы, которые предлагались соціалистами утопистами разныхъ школъ, какъ вѣрнѣйшее средство прекращенія борьбы классовъ и примиренія пролетаріата съ буржуазіей. Современный пролетаріи, усвоившій теорію научнаго соціализма и остающійся вѣрнымъ ея духу, не можетъ не быть революціонеромъ и по логикѣ, и по чувству, т. е. не можетъ не принадлежать къ самой „опасной“ разновидности революціонеровъ.

Марксу досталась великая честь сдѣлаться наиболѣе ненавистнымъ для буржуазіи соціалистомъ [illegible] вѣка. Но

между русскими революціонерами, Энгельсъ, въ письмѣ къ В. И. Засуличъ, выразилъ сожалѣніе о томъ, что это произошло не при жизни Маркса, который, по его словамъ, радостно привѣтствовалъ бы литературное предпріятіе этой группы. Что же сказалъ бы великій авторъ „Капитала“, если бы ему довелось дожить до настоящаго времени и узнать, что у него есть уже много и много послѣдователей въ средѣ русскихъ рабочихъ! Какою радостью наполнилось бы его сердце, если бы ему пришлось услыхать о событіяхъ подобныхъ недавнимъ событіямъ въ Ростовѣ на-Дону? Въ его время русскій марксистъ былъ рѣдкостью, и передовые русскіе люди посматривали на эту рѣдкость въ лучшемъ случаѣ съ улыбкой добродушнаго сожалѣнія, которыя идеи Маркса господствуютъ въ русскомъ революціонномъ движеніи, а тѣ русскіе революціонеры, которые, по старой привычкѣ, отвергаютъ ихъ вполнѣ или отчасти, въ дѣйствительности давно уже, — и несмотря на свою, по большей части, очень громкую революціонную фразеологію — перестали быть передовыми и незамѣтно для себя перешли въ обширный лагерь отсталыхъ.

Не мало пустяковъ говорилось и говорилось также объ его частыхъ полемическихъ стычкахъ съ противниками. Миролюбивые, но недалекіе люди объясняли эти стычки его будто бы неудержимой страстью къ полемикѣ, которая, въ свою очередь, будто бы порождалась его будто бы самымъ характеромъ. На самомъ дѣлѣ та почти безпрерывная литературная борьба, которую ему приходилось вести особенно въ началѣ своей общественной дѣятельности, вызывалась не собственнымъ личнаго характера, а общественнымъ значеніемъ защищаемыхъ имъ идей. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ соціалистовъ, отчетливыхъ, и въ теоріи, и на практикѣ всецѣло встать на точку зрѣнія классовой борьбы и отдѣлить интересы пролетаріата отъ интересовъ мелкой буржуазіи. Неудивительно, поэтому, что ему приходилось часто и враждебно сталкиваться съ теоретиками мелко-буржуазнаго соціализма, очень многочисленными тогда особенно въ средѣ германской „интеллигенціи“. Прекращеніе и замѣна съ этими теоретиками означало бы отказъ отъ мысли сплотить пролетаріатъ въ особую партію, имѣющую свою собственную историческую цѣль, а не плетущуюся во хвостѣ мелкой буржуазіи. „Наша задача, — говорилъ журналъ Маркса „Новая Рейнская Газета“ въ апрѣлѣ 1850 года, — состоитъ въ безпощадной критикѣ, направляемой даже болѣе противъ нашихъ мнимыхъ друзей, чѣмъ противъ нашихъ явныхъ враговъ, и, занимая такую позицію,

нашихъ „критиковъ“ дѣлали очевидной полную неосновательность всякихъ разсчетовъ на нихъ, какъ на соціалистовъ. Ихъ мѣсто — въ рядахъ либеральной оппозиціи, которой они и дали — въ лицѣ редактора „Освобожденія“, г. П. Струве, — внимательнаго старательнаго и талантливаго литературнаго выразителя.

Судьба марксовой теоріи доказываетъ ея вѣрность. И это не только въ Россіи. Извѣстно, что западные ученые долго пренебрегали ею, какъ неудачнымъ плодомъ соціально-революціоннаго фанатизма, но прежде всего и съ теченіемъ времени дѣлалось все болѣе и болѣе ясными даже и для глазъ, смотрѣвшихъ сквозь очки буржуазной ограниченности, что плодъ соціально-революціоннаго фанатизма имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одно неоспоримое преимущество: онъ даетъ чрезвычайно плодотворный методъ изслѣдованія общественной жизни. Чѣмъ болѣе подвигалось впередъ научное изученіе первобытной культуры, исторіи, права, литературы и искусства, тѣмъ плотнѣе и плотнѣе подходили изслѣдователи къ историческому матеріализму, несмотря на то, что большинство изъ нихъ, или совсѣмъ ничего не знало объ исторической теоріи Маркса, или какъ огня боялось его матеріалистическихъ, — т. е., въ глазахъ современной буржуазіи, безнравственныхъ и опасныхъ для общественнаго спокойствія — взглядовъ. И мы видимъ, что матеріалистическое объясненіе уже начинаетъ пріобрѣтать себѣ въ ученомъ мірѣ право гражданства. Недавно появившееся на англійскомъ языкѣ сочиненіе американскаго профессора Зелигмана „Экономическое объясненіе исторіи“ свидѣтельствуетъ о томъ, что оффиціальные жрецы науки понемногу проникаются сознаніемъ великаго научнаго значенія исторической теоріи Маркса. Зелигманъ даетъ намъ понять, между прочимъ, и тѣ психологическія причины, которыя препятствовали до сихъ поръ правильному признанію и пониманію этой теоріи буржуазнымъ ученымъ міромъ. Онъ прямо и откровенно говоритъ, что ученыхъ пугали соціалистическіе выводы Маркса. И онъ старается растолковать своимъ собратьямъ по наукѣ, что соціалистическіе выводы можно отбросить, усвоивъ себѣ только лежащую въ ихъ основаніи историческую теорію. Это остроумное соображеніе, которое, замѣтимъ кстати, хотя и робко, но совершенно ясно было высказано уже въ „Критич. замѣткахъ“ г. П. Струве, — служитъ новымъ доказательствомъ той, не новой уже истины, что легче верблюду пролѣзть сквозь игольное ушко, чѣмъ идеологу буржуазіи перейти на точку зрѣнія пролетаріата. Марксъ былъ революціонеромъ до конца ногтей. Онъ возставалъ [illegible]

Заголовок Ленинской газеты «Искра» с эпиграфом из ответа декабристов Пушкину («Из искры возгорится пламя»)

В духе своей морали определял Рылеев и обязанности женщины-матери. Ее долг —

Прекрасных чад образовать.
Пусть их сограждане увидят
Готовых пасть за край родной,
Пускай они возненавидят
Неправду пламенной душой.
(*„Вере Николаевне Столыпиной"*)

Мотивы дружбы освобождены в декабристской поэзии от той сентиментально-элегической трактовки, которая была столь распространенной в дворянской поэзии этой поры. Дружба, скрепленная общими политическими стремлениями, надеждами, чаяниями, — возникает как самостоятельная тема в стихах Рылеева, Бестужева, Раевского, Одоевского.

Раскрывая в своей лирике черты героя-борца, декабристы с особенной настойчивостью подчеркивали стойкость как характернейшую черту его облика. Эта тема имела особенное значение, так как многие из декабристов сами сознавали малую вероятность в то время успеха революционного переворота, но готовы были пожертвовать собою для того, чтобы разбудить грядущие поколения. «Исповедь Наливайки» звучала в то время пророчески:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

Первой проверкой этой стойкости явилась судьба В. Раевского. В послании «К друзьям» (1822), написанном в заключении, он говорит о грозящей ему смертельной каре, но с полным правом заявляет:

...Я судьбу мою сурову
С терпеньем мраморным сносил,
Нигде себе не изменил...

Задаче создания положительного образа гражданина-борца за общественное благо посвящены «Думы» Рылеева, написанные на сюжеты из русской истории. Как отмечалось в предисловии к первому изданию «Дум», цель автора заключалась в том, чтобы воспеть «подвиги добродетельных или славных предков». Точнее

раскрыл замысел «Дум» А. Бестужев, утверждая, что целью Рылеева было «возбуждать доблесть сограждан подвигами предков». Каждая из «Дум» посвящена какому-либо русскому историческому деятелю: среди них были и такие легендарные личности, как «Олег Вещий», и исторические деятели XVIII в., как Волынский, Наталья Долгорукова, и военные вожди — Дмитрий Донской, Богдан Хмельницкий. Внешний историзм «Дум» позволял Рылееву свободно оперировать в них чисто декабристскими лозунгами. Таковы, например, строки в думе «Дмитрий Донской»:

Доколь нам, други, пред тираном
Склонять покорную главу...

или призыв возвратить народу —

Святую праотцев свободу
И древние права граждан.

В «Думах» герои произносят речи, выражающие самые основы декабристского миросозерцания, как например:

...За победы заслужив
Благословления отчизны —
Нам смерть не может быть страшна.
(„Смерть Ермака")

Кто русский по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело!
(„Иван Сусанин")

Когда защитник нам закон
И совесть сердца не тревожит,
Тогда ни ссылка, — думал он, —
Ни казнь позорить нас не может,
. . . . . .
Своей покорствуя судьбе,
Быть твердым всюду я умею...
(„Артемон Муравьев")

Некоторые «Думы», подобно «Исповеди Наливайки», являются как бы размышлениями самого поэта о возможном трагическом конце своей судьбы. Так, Богдан Хмельницкий мечтает в темнице об освобождении от цепей для возмездия тирану, а Наталья Долгорукова, поехавшая в Сибирь, чтобы разделить с мужем его судьбу, совсем по-декабристски рассуждает о долге.

С художественной точки зрения «Думы» неравноценны. Создавая свои «Думы» с целью агитации за свободу, Рылеев часто

вкладывал в уста героев монологи, которые были уместны для декабриста, но звучали как совершенный парадокс у конкретного исторического лица (такова, например, дума «Волынский», герой которой был злым и сварливым вельможей). Но этот принцип отношения к историческому материалу не был результатом сознательного пренебрежения фактами, а находился в соответствии с романтической теорией. Критик и теоретик литературного декабризма А. Бестужев так объяснял особенности «Дум»: «Дума не всегда есть размышление исторического лица, но более воспоминание автора о каком-либо историческом происшествии или лице, и нередко олицетворенный об оных рассказ». Такими «размышлениями» поэта и были «Думы». Несмотря на несоответствие ряда «Дум» историческим фактам, они все же сыграли заметную роль в борьбе за народность литературы. Нельзя считать вполне правильным замечание Пушкина о «Думах»: «Национального, русского нет в них ничего»... (письмо Рылееву, 1825 г.). Рылеев не всегда удачно выбирал деятелей прошлого для прославления «добродетели», грешил против исторической достоверности в изображении отдельных конкретных героев, но при всех этих слабостях он, несомненно, многого достиг в своем стремлении правдиво воспроизвести типические черты русского национального характера. Герои «Дум» — пламенные патриоты, люди несгибаемой воли, стойкие в борьбе за свободу и в обличении несправедливости, преданные народу, пылающие ненавистью к тиранам и изменникам родины. Впрочем, в таких «Думах», как «Борис Годунов» и «Петр Великий в Острогожске», Рылеев с большой строгостью относился и к историческим фактам. Отметим, что Пушкин, говоря об отсутствии в «Думах» «национального, русского», оговорился: «Исключаю «Ивана Сусанина»... и указал, что «во всех встречаются стихи живые». Критика Пушкиным «Дум» верна в том отношении, что задачу создания реалистического эпоса, основанного на «истинном» воспроизведении истории, Рылеев разрешить не смог. Черты национального характера Рылеев воспроизводил в форме переживаний лирического героя, которые он облекал в исторические образы, часто противоречившие по своему объективному значению замыслу поэта. Необходимо учитывать, что Пушкин критиковал Рылеева, находясь уже на позициях зрелого реализма и требовал верного изображения не только исторических деятелей, но и отдельных деталей. К реализму (в смысле художественного метода) Рылеев только еще подходил (даже в поэме «Войнаровский» он, наряду с реалистическими описаниями, по существу идеализировал образ Мазепы).

Однако само обращение декабристов к темам русской истории составило важный этап в борьбе за народность литературы и постановке на историческом материале вопросов, актуальных для современности. И здесь заслуга не только Рылеева. А. Бестужев в исторических повестях, Ф. Глинка в «Богдане Хмельницком», В. Кюхельбекер, А. Одоевский, П. Катенин в своих стихотворениях также ставили целью возбуждения в читателях «вольнолюбивых чувств» «подвигами предков» и стремились, каждый по-своему, воссоздать черты русского национального характера. Однако ограниченность романтического метода не позволила им осуществить эту задачу с достаточной полнотой. Она была решена Пушкиным в его творчестве.

В свете борьбы поэтов-декабристов за национальную самобытность русской литературы, против подражания иноземным писателям, отчетливо обнаруживается неправильность оценки революционного романтизма, — стиля декабристской поэзии, — как «русского байронизма». Такая трактовка встречалась во многих литературоведческих работах. Увлечение декабристов поэзией Байрона свидетельствовало не об отсутствии самостоятельности, не о стремлении к «заимствованию» и «подражанию», а совсем о другом: передовые русские писатели горячо сочувствовали борьбе за свободу, прогрессивным идеям в литературах различных народов. Декабристы ценили в творчестве Байрона созвучные их настроениям мотивы политического протеста и сочувствие национально-освободительной борьбе.

Вместе с тем Кюхельбекер, А. Бестужев и другие писатели-декабристы резко осуждали всякого рода копирование западноевропейских романтиков и пренебрежение национальной, русской спецификой. Кюхельбекер в своей программной статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетье» (1824) призывал «сбросить поносные цепи» подражательности, «английского и немецкого владычества» и «быть самобытными». Когда Бестужев писал в 1823 г. (в «Сыне отечества») о том, что «Жуковский принадлежит к школе романтической, но более как переводчик, чем как автор», то он исходил из понимания романтизма как национально-самобытного направления литературы. Глубокое различие между консервативным романтизмом Жуковского (сложившимся на почве главным образом его переводных мистико-романтических баллад) и прогрессивным русским романтизмом, тесно связанным с современностью и политической борьбой, именно это различие и обусловило ту сплоченную критику Жуковского,

с которой в 20-е гг. выступили Рылеев, Бестужев, Кюхельбекер. Писатели-декабристы считали неотъемлемыми признаками русского романтизма его политическое содержание, интерес к устному народному творчеству и отечественной истории, т. е. признаки, которые ярко отражают именно русскую национальную специфику литературного творчества. Упомянутые признаки дают основание говорить о прогрессивном романтизме начала XIX века как о своеобразном этапе *борьбы за реализм*. Эти особенности русского романтизма можно проследить во всех жанрах и, в частности, на попытках Катенина создать русскую балладу, противопоставленную переводной немецкой балладе Жуковского.

Русский прогрессивный романтизм 20-х гг. органически связан с политическим движением, возглавленным декабристами. Этой связью определяется воинствующий и демонстративный характер выступлений писателей-декабристов и их единомышленников, выступлений, требовавших пересмотра литературных традиций и авторитетов, объявивших войну реакционерам. «Думы» Рылеева, которыми он «пробил новую тропу в русском стихотворстве», избрав целью «возбуждать доблести сограждан подвигами предков», повести Бестужева, прокламировавшие поставленную им задачу показа старины не «сквозь туман старины поэзии», а «вблизи и по правде», гражданская лирика Рылеева, В. Кюхельбекера, В. Раевского, Ф. Глинки, А. Одоевского, «простонародные» баллады Катенина — все эти хотя и неравноценные произведения были противопоставлены позициям литературных и политических консерваторов. Каждый из перечисленных писателей шел своими творческими путями, но все они по-своему отразили социальные сдвиги, происшедшие в России и вызвавшие к жизни новые литературные принципы, новые темы, новые жанры.

День 14 декабря 1825 г. стал историческим рубежом для дальнейших судеб России. «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма...»,[1] — говорил Ленин. Воспитательное значение этого исторического события для последующих революционных поколений было огромным. Вместе с тем восстание декабристов способствовало дальнейшей поляризации общественных сил, резкому проявлению действительных позиций и тех элементов, которые случайно оказались в русле политического подъема послевоенных лет, и тех, кто подделывался под «свободо-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 23, изд. 4-е, стр. 234.

любцев», учитывая возможность успеха противников деспотизма, и, наконец, тех, кто пытался стоять в стороне от идейно-политической борьбы.

Декабрьская катастрофа отчетливо разделила дворянское общество на тайно сочувствовавших этой первой попытке штурма самодержавия и явных сторонников старой России, получившей теперь нового самодержца — Николая I. «Первые годы, следовавшие за 1825-м,— писал Герцен,— были ужасающие... Людьми овладела глубокая безнадежность, общий упадок сил. Высшее же общество с подлым и низким рвением поспешило отречься от всех человеческих чувств, от всех гуманных мыслей...» И. Гончаров об этом же времени говорил: «Тогдашние либералы, вследствие крутых мер правительства, приникли, притихли, быстро превратились в ультраконсерваторов»... Всегда консервативно настроенный, но не любивший резкостей Жуковский впадал буквально в ярость, рассуждая о декабристах. Карамзин со злорадством писал И. И. Дмитриеву: «Первые два выстрела рассеяли безумцев с «Полярной звездою», Бестужевым, Рылеевым и их достойными клевретами»... При этом защитники деспотизма всячески стремились оказать свое влияние на современников. Жуковский всеми силами стремился уговорить Пушкина капитулировать: его письма Пушкину полны упреков и выговоров за вольнодумство и призывами к смирению.

Однако Пушкин — друг и союзник декабристов — отверг эти призывы и, при всех противоречиях своего мировоззрения, остался верным заветам своих друзей. После восстания многое предстало для него по-новому, проявило свой ранее скрытый смысл. Известно, с какой тщательностью он хранил письма декабристов. В одном из писем Рылеева, написанных всего лишь за месяц до восстания, Пушкин читал обращенные к себе слова: «На тебя устремлены глаза России... Будь поэт и гражданин». Теперь, после 14 декабря, эти слова звучали наказом друга, а вскоре, после казни Рылеева, приобрели значение завещания. В своих стихах Пушкин стремился напоминать о декабристах и неизбежности торжества дела свободы. Его стихотворение «В Сибирь» и ответное послание Одоевского распространялись во многих рукописных копиях. Но, кроме нелегальных, Пушкин умел находить скрытые легальные формы для того, чтобы выразить свое отношение к декабризму, формы иносказаний и намеков. Стихотворение «Пророк» (1826) продолжало декабристскую традицию в понимании высокой роли поэта и должно было восприниматься как общественная декларация Пушкина после декабрьского восстания. Значение декларации уже о прямой верности Пушкина освободи-

тельным идеям имело стихотворение 1827 г. «Арион» («Я гимны прежние пою...»). Как бы в ответ на кровавый жандармский террор он стал писать десятую главу «Евгения Онегина», посвященную декабристам. В расшифрованных многими десятилетиями спустя уцелевших строфах этой главы намечена широкая картина деятельности тайного общества и воссоздана с лирическим пафосом атмосфера декабристских сходок.

А в это время созревал гений Лермонтова, в притихшей внешне России велась неустанная работа мысли, которая впоследствии дала русскому народу Герцена, и попрежнему из рук в руки переходили потайные тетради и листки с революционными стихами.

Разгромом восстания 14 декабря 1825 г. было оборвано и литературное движение декабристов. Прекратил существование декабристский литературный центр — Вольное общество любителей российской словесности. Не суждено было выйти в свет законченной печатанием четвертой книжке «Полярной звезды» (озаглавленной «Звездочка»). Рылеев был повешен в числе пяти вождей декабризма, другие участники движения были сосланы на каторгу или на поселение в Сибирь. Но оставшиеся в живых писатели-декабристы не прекратили своей литературной деятельности. В. Ф. Раевский, В. Кюхельбекер, А. Бестужев, А. Одоевский продолжали творить, попрежнему преданные великим идеям свободы. Стихотворцами стали и декабристы, ранее не занимавшиеся литературой. В их произведениях звучали и трагические ноты, доходившие порою до отчаяния.

Пережить нельзя мысли горестной,
Что не мог купить кровью вольности! —

говорилось в песне, сочиненной Михаилом Бестужевым (братом А. Бестужева) и распевавшейся узниками Петровского острога. Так возникла поэзия декабристской каторги и ссылки, виднейшим представителем которой был Александр Одоевский. Но уверенность в конечном торжестве правого дела не покидала поэтов-декабристов.

За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава, —

говорилось в стихах Одоевского на переход от Читы в Петровский завод — из одной тюрьмы в другую. В его стихах возникает страдальческий образ родины-матери, для которой декабристы принесли себя в жертву и которая стала им еще милее:

В цепях и крови ты дороже сынам,
В сердцах их от скорби любовь возрастает...

Мечта о возмездии тиранам не покидала декабристов и в казематах. Об этом Одоевский говорил в стихотворении «Тризна» словами скальда:

Утешьтесь! За павших ваш меч отомстит.
И где б ни потухнул наш пламенник жизни,
Пусть доблестный дух до могилы кипит,
Как чаша заздравная в память отчизны.

Неудача восстания приводила поэтов-декабристов к новым исканиям, к размышлениям о роли народа в историческом развитии. Эти размышления отразились и в обширной трагедии Кюхельбекера «Прокофий Ляпунов», и в поэмах А. Одоевского «Василько», А. Бестужева «Андрей, князь Переяславский», и в стихах, где возникают образы простых русских людей.

Дело декабристов не пропало. Оно было продолжено новыми поколениями русских революционеров. Но борьба за освобождение России от цепей деспотизма и крепостничества вступила в последнюю, решающую фазу лишь в эпоху, когда вещие слова «Из искры возгорится пламя» смогли появиться на страницах «Искры» — газеты, созданной вождем многомиллионных масс — Владимиром Ильичем Лениным. Пламя Великой пролетарской социалистической революции уничтожило до основания мир рабства, против которого на заре русского революционного движения поднялись первые русские революционеры — декабристы.

Б. Мейлах

II

К. Ф. РЫЛЕЕВ

Виднейший политический и литературный деятель движения декабристов Кондратий Федорович Рылеев родился в 1795 г., в семье мелкопоместного дворянина, подполковника.

Окончив в 1814 г. кадетский корпус в чине прапорщика конной артиллерии, он сразу же отправился в действующую армию. Более двух лет (с небольшим перерывом) Рылеев провел в заграничных походах русской армии.

По возвращении из походов он три года продолжал военную службу, а затем вышел в отставку и вскоре переехал на жительство в Петербург.

В 1821 г. Рылеев был избран заседателем палаты уголовного суда, где завоевал авторитет как друг беззащитных и угнетенных. Весной 1824 г. Рылеев был назначен правителем канцелярии «Российско-американской компании».

Писать стихи Рылеев начал рано, но печататься стал в 1820 г. Как вольнолюбивый поэт, он получил широкую известность начиная со своей сатиры «К временщику», в иносказательной форме направленной против всесильного графа Аракчеева. Рылеев становится активнейшим участником литературного движения, одним из руководителей Вольного общества любителей российской словесности. При помощи Рылеева Вольное общество превращается в один из центров политической оппозиции.

В 1823 г. Рылеев вступил в тайное Северное общество, где вскоре занял видное положение. Его политические взгляды быстро левеют. Конституционно-монархическая программа перестает его удовлетворять, и он переходит на республиканские позиции. Вокруг Рылеева сплачивается группа сторонников решительных действий, стремившихся к объединению политической платформы Северного и Южного обществ и принимавших активнейшее участие в подготовке открытого выступления против самодержавия.

С идейным ростом Рылеева растет и его поэтическое дарование. Уже будучи членом тайного общества, он пишет стихотворение

«Гражданин», ставшее одним из популярнейших произведений русской революционной поэзии.

Следует отметить, что В. И. Ленин перефразировал строку из «Гражданина» («позорить гражданина сан») в работе «Что делать?» [1]

Вместе с А. А. Бестужевым Рылеев создает агитационные песни, используя формы народного песенного творчества («Царь наш, немец прусский», «Ты скажи, говори» и др.).

В 1825 г. вышли отдельными книжками сборник Рылеева «Думы» и поэма «Войнаровский».

В 1825 г. Рылеев стал вождем Северного общества и начал деятельно готовить восстание.

В день 14 декабря 1825 г. он давал указания членам тайного общества и находился среди восставших воинских частей на Сенатской площади.

После разгрома восстания Рылеев был заключен в Петропавловскую крепость. Он был приговорен (вместе с П. И. Пестелем, С. И. Муравьевым-Апостолом, М. П. Бестужевым-Рюминым и П. Г. Каховским) к смертной казни четвертованием. Рылееву вменялось в вину, наряду с «умышлением на цареубийство» и организацией восстания, также и то, что он «сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи». Четвертование было заменено повешением.

13 июля 1826 г. Рылеев был повешен на кронверке Петропавловской крепости.

Казнь Рылеева оборвала жизнь не только выдающегося революционера, но и поэта, которому предстояло большое будущее. В его архиве остались незавершенными крупные произведения, в том числе замечательная поэма «Наливайко» — о герое украинского народа, поднявшем знамя восстания против польского гнета.

В «Исповеди Наливайки» Рылеев как бы предугадал свою трагическую судьбу и благословил свой жребий во имя грядущего торжества свободы.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, изд. 4-е, стр. 435.

ЛЮБОВЬ К ОТЧИЗНЕ

ОДА

Где алтарей не соружают
Святой к отечеству любви?
И долгом где не почитают
Питать святой сей жар в крови?
Друзья! меня вы уличите
И тот народ мне укажите,
Который бы ее не знал,
Оставивши страну родную,
И, удалясь во всем в чужую,
Тоски в себе не ощущал?

Нет, нет, везде равно пылает
В сердцах святой любви сей жар.
Ее хотя не понимает,
Но равно чувствует дикарь —
Необразованный индеец,
Как и ученый европеец.
Всегда и всюду ей был храм:
И в отдаленнейшие веки —
От чиста сердца человеки
Несли ей жертву, как богам.

Хвалится Греция сынами,
Пылавшими любовью к ней,
А Рим такими же мужами
Встарь славен к чести был своей;
Нас уверяют: Термопилы,
Осада Рима — что любили

Отчизну всей тогда душой.
Там храбрый Леонид спартанин,
Здесь изгнанный Камилл римлянин —
Отчизне жертвуют собой.

Но римских, греческих героев,
В любви к отечеству прямой,
Средь мира русские, средь боев
Затмили давнею порой.
Владимир, Миних и Пожарский,
Великий Петр и Задунайский
И нынешних герои лет,
Великие умом, делами,
Между великими мужами,
Каких производил сей свет.

Суворов чистою любовью
К своей отчизне век пылал —
И, жертвуя именьем, кровью,
Ее врагов он поражал;
Его поляки трепетали,
Французы с турками дрожали:
Повсюду, завсегда с тобой
Любовь к отчизне, россиянин!
А с нею, с нею всяк гражданин —
Ужасный для врагов герой.

Гордынею вновь полн, решился
Галл росса покорить себе —
Но вдруг Кутузов появился
И галлов замысел — не бе!
Так русские всегда любили
И так отечество хранили
От всяких бед и от врага.
Тот здравого ума лишился,
Кто росса покорить решился;
Он ломит гордому рога! . .

Народ, отчизну обожающ,
К царю, к религии святой
Всем сердцем, всей душой пылающ,
Средь бурь всегда стоит горой,

Ничем, ничем не разразимой,
Покойною и горделивой.
Тому являет днесь пример
Держава славная Россия,
Ее врага попрана выя,
И гибнет, гибнет изувер.

Хвала, отечества спаситель!
Хвала, хвала, отчизны сын!
Злодейских замыслов рушитель,
России верный гражданин,
И бич и ужас всех французов!
Скончался телом ты, Кутузов,
И будешь вечно жив герой
И в будущие веки славен,
И не дерзнет уж враг злонравен
России нарушать покой! . .

<1813>

К ВРЕМЕНЩИКУ

(ПОДРАЖАНИЕ ПЕРСИЕВОЙ САТИРЕ „К РУБЕЛЛИЮ“)

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец, и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец;
Из уст твоих хула достойных хвал венец!
Смеюсь мне сделанным тобой уничиженьем!
Могу ль унизиться твоим пренебреженьем,
Коль сам с презрением я на тебя гляжу,
И горд, что чувств твоих в себе не нахожу?
Что́ сей кимвальный звук твоей мгновенной славы?
Что́ власть ужасная и сан твой величавый?
Ах, лучше скрыть себя в безвестности простой,
Чем с низкими страстьми и подлою душой
Себя, для строгого своих сограждан взора,
На суд их выставлять, как будто для позора!
Когда во мне, когда нет доблестей прямых,
Что пользы в сане мне и в почестях моих?
Не сан, не род — одни достоинства почтенны;
Сеян, и самые цари без них — презренны;
И в Цицероне мной не консул — сам он чтим,
За то, что им спасен от Катилины Рим. . .
О муж, достойный муж! почто не можешь, снова
Родившись, сограждан спасти от рока злова?
Тиран, вострепещи! родиться может он!
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!
О, как на лире я потщусь того прославить,

Отечество мое кто от тебя избавит!
Под лицемерием ты мыслишь, может быть,
От взора общего причины зла укрыть...
Не зная о своем ужасном положеньи,
Ты заблуждаешься в несчастном ослепленьи,
Как ни притворствуешь и как ты ни хитришь,
Но свойства злобные души не утаишь:
Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он, что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Все трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!

‹ 1820 ›

А. П. ЕРМОЛОВУ

Наперсник Марса и Паллады,
Надежда сограждан, России верный сын,
Ермолов! поспеши спасать сынов Эллады,
Ты, гений северных дружин!
Узрев тебя, любимец славы,
По манию твоей руки,
С врагами лютыми, как вихрь, на бой кровавый
Помчатся грозные полки —
И, цепи сбросивши невольничьего страха,
Как феникс молодой,
Воскреснет Греция из праха
И с древней доблестью ударит за тобой! . .
Уже в отечестве потомков Фемистокла
Повсюду подняты свободы знамена,
Геройской кровью уж земля намокла
И трупами врагов удобрена!
Проснулися вздремавшие перуны,
Отвсюду храбрые текут!
Теки ж, теки и ты, о витязь юный,
Тебя герои там, тебя победы ждут. . .

⟨1821⟩

ПОСЛАНИЕ К Н. П. ГНЕДИЧУ

(ПОДРАЖАНИЕ VII ПОСЛАНИЮ ДЕПРЕО)

Питомец важных муз, служитель Аполлона,
Певец, который нам паденье Илиона
И битвы грозные ахеян и троян,
С Пелидом бедственну вражду Агамемнона,
Вторженье Гектора в враждебный греков стан,
И бой и смерть сего пергамского героя
Воспел пленительно на лире золотой,
На древний лад ее с отважностью настроя,
И путь открыл себе бессмертья в храм святой!
Не думай, чтоб и ты, пленя всех лирой звучной,
От всех хвалу обрел во мзду своих трудов:
Борение с толпой совместников, врагов,
И с предрассудками, и с завистью докучной —
Всегдашний был удел отличнейших певцов.
Ах! иногда они в друзьях врагов встречали
И, им с беспечною вверяяся душой,
У сердца нежного змею отогревали
И целый век кляли несчастный жребий свой...
Судьи-завистники, убийцы дарований,
Везде преследуют несчастного певца;
И похвалы друзей, и шум рукоплесканий,
И лавры свежие прекрасного венца —
Всё души низкие завистников тревожит,
Всё дикую вражду к их бедной жертве множит.
Одна, одна лишь смерть гоненья прекратит,
И, успокоясь в мирной сени,
Дань должной похвалы возьмет с потомства гений
И, торжествующий, зоилов постыдит.

Таланта каждого сопутник неизменной,
Негодование толпы непросвещенной
И зависть злобная, его всегдашний враг,
Оспоривали здесь ко славе каждый шаг
Творца Димитрия, Фингала, Поликсены;
Любимца первого российской Мельпомены
Яд низкой зависти спокойствия лишил
И, сердце отравив, дни жизни сократил.
Но весть печальная лишь всюду пролетела,
Почувствовали все, что без него у нас
Трагедия осиротела...
Тогда судей-невежд умолк презренный глас,
Венки посыпались и зависть онемела...
Судьбу подобную ж Фонвизин претерпел,
И Змейкина, себя узнавши в Простаковой,
Сулила автору жизнь скучную в удел
В стране далекой и суровой.

На трудном поприще ты только мог один
В приятной звучности прелестного размера
Нам верно передать всю красоту картин
И всю гармонию Гомера.
Не удивляйся же, что зависть вкруг тебя
Шипит, как черная змея!
И здесь, как и везде, нас небо наставляет;
Мудрец во всем, во всем читает
Уроки для себя:
На лоне праздности дремавший долго гений,
Стрелами зависти быв пробужден от лени,
Ширяясь как орел, на небеса парит
И с высоты на низ с презрением глядит,
Где клеветой его порочит пустомеля...
Так деспот-кардинал с ученою толпой
Уничтожить хотел бессмертного Корнеля,
На Сида воружил зоилов дерзкий рой...
Сид бранью угнетен, но трагик оскорбленный
Явился с Цинною во храме Мельпомены —
И посрамленный кардинал
Смотрел с ничтожными льстецами,
Как гением своим Корнель торжествовал
Над Академией и жалкими судьями!
Так и Жуковский наш, любимый Феба сын,

К. Ф. Рылеев

Рисунок О. А. Кипренского, 1820-е годы

Сокровищ языка счастливый властелин,
Возвышенного полн, Эдема пышны двери,
В ответ ругателям, открыл для юной Пери.
И ты примеру следуй их,
И на суждения завистников твоих,
На площадную брань и приговор суровой
С Гомером отвечай всегда беседой новой.
Орла ль парящего среди эфирных стран
В полете карканьем удержит наглый вран?
Иди бестрепетно проложенной стезею
И лавры свежие рви смелою рукою;
Пускай завистники вокруг тебя шипят!
О Гнедич! Вопли их, и дикие и громки,
Тобой заслуженной хвалы не заглушат:
Защитник твой — Гомер, твои судьи — потомки!
Зачем тревожиться, когда твоих трудов
Не вздумает читать какой-нибудь Вралев,
Иль жалкий Азбукин, иль Клит-стихокропатель,
Иль в колпаке магистр, или Дамон-ругатель?
Нет, нет, читателей достоин ты других;
Желаю, Гнедич, я, чтобы в стихах твоих
Восторги сладкие поэты почерпали,
Чтобы царица-мать красе дивилась их,
Чтоб перевод прекрасный твой читали
С воспламененною душой
Изящного ценители прямые,
Хранящие любовь к стране своей родной
И посвященные муз в таинства святые.
Не много их! Зато внимание певцам
Средь вопля дикого должно быть драгоценно,
Как в Ливии, от солнца раскаленной,
Для странника ручей, журчащий по пескам...

<1821>

К-МУ

В ОТВЕТ НА СТИХИ, В КОТОРЫХ ОН СОВЕТОВАЛ МНЕ НАВСЕГДА ОСТАТЬСЯ НА УКРАИНЕ

Чтоб я младые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!
Нет, нет! тому вовек
Со мною не случиться;
Тот жалкий человек,
Кто славой не пленится!
Кумир младой души —
Она меня, трубою
Будя в немой глуши,
Вслед кличет за собою
На берега Невы!

Итак, простите вы:
Краса благой природы —
Цветущие сады,
И пышные плоды,
И Дона тихи воды,
И мир души моей,
И кров уединенной
И тишина полей
Страны благословенной,
Где, горя, и сует,
И обольщений чуждый,
Прожить бы мог поэт
Без прихотливой нужды;

Где б дни его текли
Под сенью безмятежной,
В объятьях дружбы нежной
И родственной любви!

Все это оставляя,
Пылающий поэт
Направит свой полет,
Советам не внимая,
За чародейкой вслед!
В тревожном шуме света
Средь горя и забот,
В мои младые лета,
Быть может, для поэта
Она венок совьет.
Он мне в уединенье,
Когда я буду сед,
Послужит в утешенье
Средь дружеских бесед.

<1821>

* * *

Давно мне сердце говорило:
Пора, младой певец, пора,
Оставив шумный град Петра,
Лететь к своей подруге милой,
Чтоб оживить и дух унылой,
И смутный сон младой души
На лоне неги, и свободы,
И расцветающей природы
Прогнать с заботами в тиши.
Настал желанный час — и с тройкой
Извозчик ухарский предстал;
Залился колокольчик звонкой —
И юный друг твой поскакал...
Едва заставу Петрограда
Певец унылый миновал,
Как разлилась в душе отрада,
И я дышать свободней стал,
Как будто вырвался из ада...

<1821>

<А. А. БЕСТУЖЕВУ>

Ты разленился уж некстати,
Беглец Парнаса молодой!
Скажи, что сделалось с тобой?
В своем болотистом Кронштадте
Ты позабыл совсем о брате
И о поэте, что порой,
Сидя как труженик в Палате,
Чтоб свой исполнить долг святой,
Забыл и негу и покой...
Но тщетны все его порывы:
Укоренившееся зло
Свое презренное чело,
Как кедр Ливана горделивый,
Превыше правды вознесло.
Так... сделавшись жрецом Фемиды
Я о Парнасе позабыл...
К тому ж боюсь, чтоб Аониды
За то, что я им изменил,
Певцу не сделали обиды.
Хоть я и некрасив собой,
Но музы исстари ревнивы.
А я — любовник боязливый...
И вот что, друг мой молодой,
В столице вкуса прихотливой
Молчанью моему виной.
Твое ж молчанье непонятно!..
Драгун ты хоть куда лихой,
Остришься ловко и приятно
И, приголубив нежных муз,
Их так пленить умел собою,

Что, в детстве соверша союз,
Они вертлявою толпою
Везде порхают за тобою
И не изменят никогда,
Пока ты всем им не изменишь;
Но кажется, что иногда
Ты ласковость их худо ценишь.
Так, например: прошел здесь слух, —
Не знаю я, по чьей огласке, —
Что будто Мейеровой глазки
Твой возмутили твердый дух,
И верность к девам песнопений
Поработил свободный гений,
Поколебал любви недуг...
А между тем как очарован
Ты юной прелестию глаз,
Пафосских шалостью проказ
К Кронштадту скучному прикован,
Забвенью предаешь Парнас, —
Один пигмей литературный,
Из грязи выникнув главой,
Дерзнул взглянуть на свод лазурный
И вызывать тебя на бой.

<1822>

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО

ОДА

Кто этот дивный великан,
Одеян светлою бронею,
Чело покойно, стройный стан
И весь сияет красотою?
Кто сей, украшенный венком,
С мечом, весами и щитом,
Презрев врагов и горделивость,
Стоит гранитною скалой
И давит сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты ль, о мужество граждан,
Неколебимых, благородных,
Не ты ли гений древних стран,
Не ты ли сила душ свободных,
О доблесть, дар благих небес,
Героев мать, вина чудес,
Не ты ль прославила Катонов,
От Катилины Рим спасла
И в наши дни всегда была
Опорой твердою законов.

Одушевленные тобой,
Презрев врагов, презрев обиды,
От бед спасали край родной,
Сияя славой, Аристиды;
В изгнании, в чужих краях
Не погасали в их сердцах

Любовь к общественному благу
Любовь к согражданам своим;
Они благотворили им
И там, на стыд Ареопагу.

Ты, ты, которая везде
Была народных благ порукой;
Которой славны на суде
И Панин наш и Долгорукой:
Один как твердый страж добра
Дерзал оспоривать Петра;
Другой, презревши гнев судьбины
И вопль и клевету врагов,
Совет опровергал льстецов
И был столпом Екатерины.

Велик, кто честь в боях снискал
И, страхом став для чуждых воев,
К своим знаменам приковал
Победу, спутницу героев!
Отчизны щит, гроза врагов,
Он достояние веков;
Певцов возвышенные звуки
Прославят подвиги вождя,
И, юношам об них твердя,
В восторге затрепещут внуки.

Как полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьет внезапно мрак густой
И путникам заблещет в очи, —
Так будет вождь, сквозь мрак времен,
Сиять для будущих племен;
Но подвиг воина гигантской
И стыд сраженных им врагов
В суде ума, в суде веков —
Ничто пред доблестью гражданской.

Где славных не было вождей,
К вреду законов и свободы?

От древних лет до наших дней
Гордились ими все народы;
Под их убийственным мечом
Везде лилася кровь ручьем.
Увы, Аттил, Наполеонов
Зрел каждый век своей чредой:
Они являлися толпой...
Но много ль было Цицеронов? ..

Лишь Рим, вселенной властелин,
Сей край свободы и законов,
Возмог произвести один
И Брутов двух и двух Катонов.
Но нам ли унывать душой,
Когда еще в стране родной
Один из дивных исполинов
Екатерины славных дней,
Средь сонма избранных мужей
В совете бодрствует Мордвинов?

О так, сограждане, не нам
В наш век роптать на провиденье;
Благодаренье небесам
За их святое снисхожденье!
От них, для блага русских стран,
Муж добродетельный нам дан;
Уже полвека он Россию
Гражданским мужеством дивит;
Вотще коварство вкруг шипит —
Он наступил ему на выю.

Вотще неправый глас страстей
И с злобой зависть, козни строя,
В безумной дерзости своей
Чернят деяния героя.
Он тверд, покоен, невредим,
С презрением внимая им,
Души возвышенной свободу
Хранит в советах и суде,
И гордым мужеством везде
Подпорой власти и народу.

Так в грозной красоте стоит
Седой Эльбрус в тумане мглистом:
Вкруг буря, град и гром гремит
И ветр в ущельях воет с свистом,
Внизу несутся облака,
Шумят ручьи, ревет река;
Но тщетны дерзкие порывы:
Эльбрус, Кавказских гор краса,
Невозмутим, под небеса
Возносит верх свой горделивый.

<1823>

НА СМЕРТЬ БЕЙРОНА

О чем средь ужасов войны
Тоска и траур погребальный?
Куда бегут на зов печальный
Священной Греции сыны?
Давно от слез и крови взмокла
Эллада средь святой борьбы;
Какою ж вновь бедой судьбы
Грозят отчизне Фемистокла?

Чему на шатком троне рад
Тиран роскошного Востока,
За что благодарить пророка
Спешат в Стамбуле стар и млад?
Зрю: в Миссолонге гроб средь храма
Пред алтарем святым стоит,
Весь катафалк огнем блестит
В прозрачном дыме фимиама.

Рыдая, вкруг его кипит
Толпа шумящего народа;
Как будто в гробе том свобода
Воскресшей Греции лежит;
Как будто цепи вековые
Готовы вновь тягчить ее,
Как будто йдут на нее
Султан и грозная Россия...

Царица гордая морей!
Гордись не силою гигантской,

Но прочной славою гражданской
И доблестью своих детей.
Парящий ум, светило века,
Твой сын, твой друг и твой поэт,
Увянул Бейрон в цвете лет
В святой борьбе за вольность грека.

Из океана своего
Текут лета с чудесной силой:
Нет ничего уже, что было,
Что есть, не будет ничего.
Грядой возлягут на твердыни
Почить усталые века,
Их беспощадная рука
Преобразит поля в пустыни.

Исчезнут порты в тьме времен,
Падут и запустеют грады,
Погибнут страшные армады,
Возникнет новый Карфаген...
Но сердца подвиг благородный
Пребудет для души младой
К могиле Бейрона святой
Всегда звездою путеводной.

Британец дряхлый поздних лет
Придет, могильный холм укажет
И гордым внукам гордо скажет:
Здесь спит возвышенный поэт!
Он жил для Англии и мира,
Был, к удивленью века, он
Умом Сократ, душой Катон
И победителем Шекспира.

Он все под солнцем разгадал;
К гоненьям рока равнодушен,
Он гению лишь был послушен,
Властей других не признавал.
С коварным смехом обнажила
Судьба пред ним людей сердца,
Но пылкая душа певца
Презрительных не разлюбила.

Когда он кончил юный век
В стране, от родины далекой,
Убитый грустию жестокой,
О нем сказал Европе грек:
Друзья свободы и Эллады
Везде в слезах в укор судьбы;
Одни тираны и рабы
Его внезапной смерти рады.

<1824>

ЭЛЕГИЯ

1

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишние мечты:
Мои жестокие страданья,
Мою любовь узнала ты.

Напрасно я себя тревожил,
За страсть вполне я награжден:
Я вновь для счастья сердцем ожил,
Исчезла грусть, как смутный сон.

Так, окроплен росой отрадной,
В тот час, когда горит восток,
Вновь воскресает ночью хладной
Полузавялый василек.

2

Покинь меня, мой юный друг;
Твой взор, твой голос мне опасен:
Я испытал любви недуг,
И знаю я, как он ужасен...
Но что, безумный, я сказал?
К чему укоры и упреки?
Уж я твой узник, друг жестокий;
Твой взор меня очаровал.
Я увлечен своей судьбою,
Я сам к погибели бегу:
Боюся встретиться с тобою,
А не встречаться не могу.

<1824>

* * *

Ты посетить, мой друг, желала
Уединенный угол мой,
Когда душа изнемогала
В борьбе с болезнью роковой.

Твой милый взор, твой взор волшебный
Хотел страдальца оживить,
Хотела ты покой целебный
В взволнованную душу влить.

Твое отрадное участье,
Твое вниманье, милый друг,
Мне снова возвращают счастье
И исцеляют мой недуг.

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить;
Я отвечать не в силах ей,
Моя душа твоей не стоит.

Полна душа твоя всегда
Одних прекрасных ощущений,
Ты бурных чувств моих чужда,
Чужда моих суровых мнений.

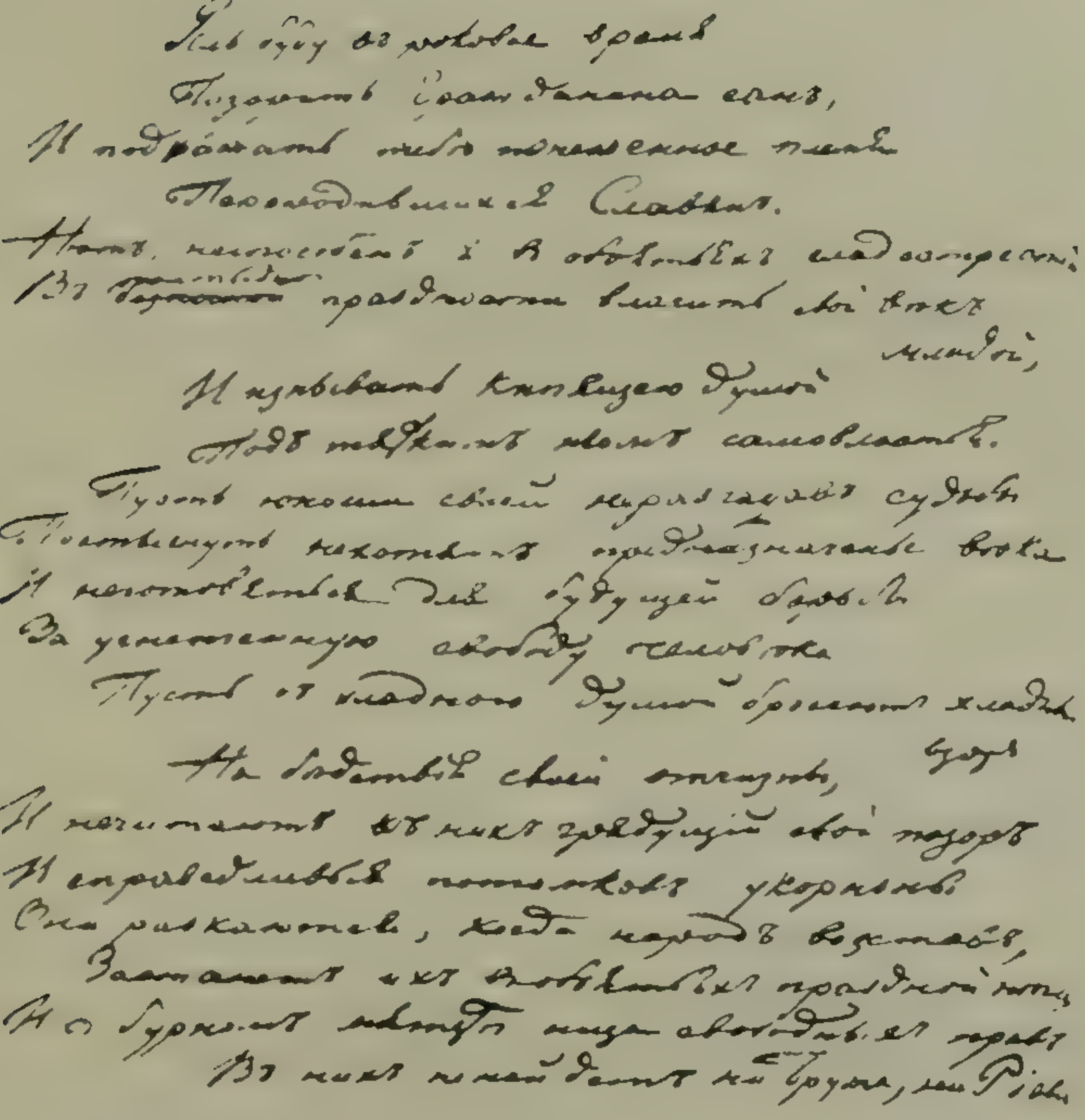
Прощаешь ты врагам своим,
Я незнаком с сим чувством нежным
И оскорбителям моим
Плачу отмщеньем неизбежным.

Лишь временно кажусь я слаб,
Движеньями души владею;
Не христианин и не раб,
Прощать обид я не умею.

Мне не любовь твоя нужна,
Занятья ждут меня иные:
Отрадна мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет,
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

<1824>


Я ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся Славянъ.
Нѣтъ, неспособенъ я въ объятьяхъ сладострастья;
Въ постыдной праздности влачить мой вѣкъ младой;
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши своей неразгадавъ судьбы
Постигнуть не хотятъ предназначенье вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка
Пусть съ хладною душой бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія своей отчизны,
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыхъ потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріеги.

Беловой автограф стихотворения К. Рылеева «Гражданин»

ВЕРЕ НИКОЛАЕВНЕ СТОЛЫПИНОЙ

Не отравляй души тоскою,
Не убивай себя: ты мать;
Священный долг перед тобою
Прекрасных чад образовать.
Пусть их сограждане увидят
Готовых пасть за край родной,
Пускай они возненавидят
Неправду пламенной душой;
Пусть в сонме юных исполинов
На ужас гордых их узрим
И смело скажем: знайте, им
Отец — Столыпин, дед — Мордвинов.

<1825>

СТАНСЫ

(К А. Б<ЕСТУЖЕ>ВУ)

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

С тяжкой грустью, с черной думою
Я с тех пор один брожу
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

<1824—1825>

БЕСТУЖЕВУ

Хоть Пушкин суд мне строгий произнес
И слабый дар как недруг тайный взвесил;
Но от того, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил.

Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг! Недаром в юноше горит
Любовь к общественному благу!

В чью грудь порой теснится целый свет,
Кого с земли восторг души уносит,
На зло врагам тот завсегда поэт,
Тот славы требует — не просит.

Так и ко мне, храня со мной союз,
С улыбкою и с ласковым приветом,
Слетит порой толпа вертлявых муз,
И я вдруг делаюсь поэтом.

<1825>

<ГРАЖДАНИН>

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, неспособен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги.

<1824—1825>

ДУМЫ

Его Высокопревосходительству
Николаю Семеновичу Мордвинову
с глубочайшим уважением посвящает
Сочинитель

«Напоминать юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине: ничто уже тогда сих первых впечатлений, сих ранних понятий не в состоянии изгладить. Они крепнут с летами и творят храбрых для бою ратников, мужей доблестных для совета».

Так говорит Немцевич [1] о священной цели стихов Исторических песен (Spiewy Historiczne); эту самую цель имел и я, сочиняя Думы. Желание славить подвиги добродетельных или славных предков для русских не ново; не новы самый вид и название — Думы.

Дума — старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас. Еще до сих пор украинцы поют Думы о героях своих: Дорошенке, Нечае, Сагайдашном, Палее, и самому Мазепе приписывается сочинение одной из них. Сарницкий [2] свидетельствует, что на Руси пелись элегии в память двух храбрых братьев Струсов, павших в 1506 году в битве с валахами. Элегии сии, говорит он, у русских

---

[1] Spiewy Historiczne Niemcewicza. См. Предисловие.

[2] Annales Regni Pol., t. II, k. 1193. Слово в слово: „Anno 1506 duo fratres Strusii (Felixi Serzy, iak Swadczy Nie Siecki, Herb IV, 218) adolecentes bellicosi a Valachis occuduerund. De quibus etiam nune elegial, quas Dumas Russi vocant, canuntur, voce lugubri et gestu canentium se in utramque partem motantium, id quod canitur exprimentes, quim et tibiis infatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitande exprimit".

Думами называются. Соглашая заунывный голос и телодвижения со словами, народ русский иногда сопровождает пение оных печальными звуками свирели.

В числе предлагаемых Дум читатели найдут две пиесы, которые не должны бы войти в сие собрание: это Рогнеда и Олег Вещий. Первая по составу своему более Повесть, нежели Дума; вторая есть Историческая Песня (Spiew Historiczny). Она слаба и неудачно исполнена; но я решился поместить ее в числе Дум, чтобы показать состав Исторических Песен Немцевича, одного из лучших поэтов Польши.

Примечания, припечатанные при Думах, кроме некоторых, сделаны П. М. Строевым.

1. ОЛЕГ ВЕЩИЙ

Рюрик, основатель Российского государства, умирая (в 879 г.), оставил малолетнего сына Игоря под опекою своего родственника Олега. Опекун мало-помалу сделался самовластным владетелем. Время его правления примечательно походом к Константинополю в 907 году. Летописцы сказывают, что Олег, приплыв к стенам Византийской столицы, велел вытащить ладьи на берег, поставил их на колеса и, развернув паруса, подступил к городу. Изумленные греки заплатили ему дань. Олег умер в 912 году. Его прозвали *Вещим* (мудрым).

I

Наскучив мирной тишиною,
Собрал полки Олег
И с ними полетел грозою
На Цареградский брег.

2

Покрылся быстрый Днепр ладьями,
В брегах крутых взревел
И под отважными рулями,
Напенясь, закипел.

3

Дружина храбрая героев
На славные дела,
Сгорая пылкой жаждой боев,
С веселием текла.

4

В пути ей не были преграды
Кремнистых гор скалы,
Днепра подводные громады,
Ни ярых вод валы.

5

Седой Олег, шумящей птицей,
В Евксин через Лиман —
И пред Леоновой столицей
Раскинул грозный стан!

6

Мгновенно войсками покрылась
Окрестная страна,
И кровь повсюду заструилась;
Везде кипит война!

7

Горят деревни, селы пышут,
Прах вьется средь долин;
В сердцах убийством хладным дышут
Варяг и славянин.

8

Потомки Брута и Камилла
Сокрылися в стенах;
Уже их нега развратила,
Нет мужества в сердцах.

9

Их император самовластный
В чертогах трепетал
И в астрологии, несчастный!
Спасения искал.

10

Меж тем, замыслив приступ смелый,
Ладьи свои Олег,
Развив на каждой парус белый,
Вдруг выдвинул на брег.

11

«Идем, друзья!» — рек князь России
Геройским племенам —
И шел по суше к Византии,
Как в море по волнам.

12

Боязни, трепету покорный,
Спасти желая трон,
Послов и дань — за мир позорный —
К Олегу шлет Леон.

13

Объятый праведным презреньем,
Берет князь русский дань;
Дарит Леона примиреньем —
И прекращает брань.

14

Но в трепет гордой Византии
И в память всем векам
Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.

15

Успехом подвигов довольный
И славой в тех краях,
Олег помчался в град престольный
На быстрых парусах.

16

Народ, узрев с крутого брега
Возврат своих полков,
Прославил подвиги Олега
И восхвалил богов.

17

Весь Киев в пышном пированье
Восторг свой изъявлял
И князю *Вещего* прозванье
Единогласно дал.

2. ОЛЬГА ПРИ МОГИЛЕ ИГОРЯ

Игорь, сын основателя Российского государства, Рюрика, принял правление в 912 году. Первым его подвигом было усмирение возмутившихся древлян. Сие народное славянское племя обитало в лесах нынешней Волынской губернии. Игорь наложил дань, которую древляне платили до 945 года. В сие время ему захотелось умножить сбор, древляне возмутились снова, и корыстолюбивый Игорь погиб: они привязали его к двум деревьям, нагнули их и таким образом разорвали надвое. По нем остался малолетний сын Святослав. Супруга его, Ольга, правила государством около десяти лет; скончалась в 969 году. Церковь причислила ее к лику святых жен.

—

Осенний ветер бушевал,
Крутя дерев листами,
И сосны древние качал
Над мрачными холмами.
С поляны встал седой туман
И все сокрыл от взгляда;
Лишь Игорев синел курган,
Как грозная громада.

Слетала быстро ночь с небес;
Луна меж туч всплывала
И изредка в дремучий лес
Иль в дол лучом сверкала.
Настала полночь... Вдруг вдали
Как шелест по поляне...
То Ольга с Святославом шли
И стали при кургане.

И долго мудрая в тиши
Стояла пред могилой,
С волненьем горестной души
И с думою унылой.
О прошлом, плавая в мечтах,
Она, томясь, вздыхала;
Но огнь блеснул в ее очах,
И мудрая вещала:

«Мой сын! здесь пал родитель твой.
Вот храброго могила!
Но слез не лей: я местью злой
Древлянам заплатила.
Ты видишь: дикою травой
Окрестность вся заглохла
И кровь, пролитая рекой,
Тут, мнится, не обсохла! . .

Так, сын мой! Игорь отомщен;
Моя спокойна совесть;
Но сам виновен в смерти он —
Внемли об оной повесть:
Уже надменный грек, смирен
Кровопролитной бранью,
Покой от северных племен
Купил позорной данью.

И Игорь, бросив меч и щит
К подножию кумира,
Молил Перуна, да хранит
Ненарушимость мира.
Из града в град везде текла
Его деяний слава,
И счастьем мирным процвела
Обширная держава.

Вдруг князя гордая душа
Покой пренебрегает
И, к золоту алчбой дыша,
Тревоги замышляет.

Дружины собрался в стан,
В доспехах ярой брани,
И полетели в край древлян,
Сбирать покорства дани.

Древляне дань сполна внесли;
Но Игорь недовольной
Стал вновь налоги брать с земли
С дружиной своевольной.
— О князь! — народ ему вещал, —
Чего еще желаешь? ..
От нас последнее ты взял —
И нас же угнетаешь!

Но князь не внял моленьям сим —
И угнетенных племя
Решилося сразиться с ним
И сбросить ига бремя.
— Погибель хищнику, друзья!
Пускай падет он мертвой!
Его сразит стрела моя,
Иль все мы будем жертвой! —

Древлянский князь твердил в лесах...
Отважные восстали
И с дикой яростью в сердцах
На Игоря напали.
Дружина хищников легла
Без славы и без чести,
А твой отец, виновник зла,
Пал жертвой лютой мести!

Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим
И жить в веках достоин!»
Так князю-отроку рекла
И, поклонясь кургану,
Мать с сыном тихо потекла
Ко дремлющему стану.

3. СВЯТОСЛАВ

Святослав, сын русского князя Игоря Рюриковича, принял правление около 955 года. В истории славны походы его в Болгарию дунайскую и битвы с греками. Перед одною из сих последних Святослав воспламенил мужество своих воинов следующей речью: «Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамим отечества, но ляжем на месте битвы: мертвым не стыдно! Станем крепко. Иду пред вами и, когда положу голову, делайте, что хотите!» Возвращаясь в отечество, Святослав (в 972 г.) зимовал у Днепровских порогов: на него напали печенеги, и герой погиб. Враги сделали чашу из его черепа.

И одинока и бледна,
В туманных облаках ныряя,
Текла двурогая луна
Над брегом быстрого Дуная:
Ее перловые лучи
Стан усыпленный озаряли;
Сверкали копья и мечи,
И ратников ряды дремали.

С отвагой в сердце и в очах
Младой гусар, вдали от стана,
Закутан буркой, на часах
Стоял на высоте кургана.
Пред ним на острову реки
Шатры турецкие белели;
Как лес, вздымались бунчуки
И с ветром в воздухе шумели.

В давно минувших временах
Крылатой думою летая,
О прошлых он мечтал боях,
Гремевших на брегах Дуная.
«На сих степях, — так воин пел, —
С Цимискием в борьбе кровавой,
Не раз под тучей грозных стрел
Наш Святослав увенчан славой.

По манию его руки
Бесстрашный росс, пылая местью,
На грозные врагов полки
Летал — и возвращался с честью.
Он на равнинах дальних сих,
Для славы на беды готовой,
Дивил и чуждых и своих
Своею жизнию суровой.

Ему свод неба был шатром
И в летний зной и в зимний холод,
Земля под войлоком одром,
А пищею конина в голод.
«Друзья, нас бегство не спасет! —
Гремел герой на бранном поле. —
Позор на мертвых не падет;
Нам биться волей иль неволей...

Сразимся ж, храбрые, смелей;
Не посрамим отчизны милой —
И груды вражеских костей
Набросим над своей могилой!»
И горсть славян на тьмы врагов
Текла, вождя послышав голос,
И у врага хладела кровь
И дыбом становился волос!..

С утра до вечера кипел
На ближнем поле бой кровавой;
Двенадцать раз герой хотел
Венчать победу звучной славой.
Валились грудами тела,
И грек не раз бежал из боя;

Но рать врагов превозмогла
Над чудной доблестью героя!
Закинув на спину щиты,
Славяне шли, как львы с ловитвы,
Грозя с нагорной высоты
Кровопролитьем новой битвы.
Столь дивной изумлен борьбой,
Владыка гордой Византии
Свидание и мир с собой
Здесь предложил главе России.

И к славе северных племен
И цареградского престола
Желанный мир был заключен
Невдалеке от Доростола.
О князь, давно истлел твой прах;
Но жив еще твой дух геройский!
Питая к славе жар в сердцах,
Он окрыляет наши войски!

Он там, где пыл войны кипит,
Орлом ширяясь перед строем,
Чудесной силою творит
Вождя и ратника героем!
Но что? .. Уж вспыхнула заря! ..
Взгремела пушка вестовая —
И войска белого царя
Покрыли берега Дуная.

Трубы призывной слышен звук!
Меня зовут на пир кровавый...
Туда, мой конь, где саблей стук,
Где можно пасть, венчавшись славой! ..»
Гусар умчался... гром взревел!
Свистя, сшибалися картечи,
И смело строй на строй летел,.
Ища с врагами ярой сечи...
Вдруг крови хлынула река! ..
Отважный Вейсман пал, но с честью;
И рой наездников полка
На мусульман ударил местью.

Враги смешались, дали тыл —
И поле трупами покрыли,
И русский знамя водрузил,
Где греков праотцы громили.

4. СВЯТОПОЛК

Святополк, сын Ярополка Святославича, усыновленный Владимиром Великим. Сей властолюбивый князь захватил великокняжеский престол и умертвил своих братьев: Бориса, Глеба и Святослава (в 1015 г.). Ярослав Владимирович, князь Новгородский, после продолжительных междоусобий, разбил его на берегах реки Альты. Святополк бежал из пределов Российских, скитался в пустынях Богемии, расслаб душою и телом и кончил жизнь в припадках ужаса (1019 г.): ему мечтались враги, беспрерывно его преследующие. Проклятие современников увековечило память о Святополке. Летописи называют его *Окаянным*.

В глуши Богемских диких гор,
Куда ни голос человека,
Ни любопытства дерзкий взор
Не проникал еще от века,
Где только в дебрях серый волк
С щетинистым вепрем встречался —
Братоубийца Святополк,
От всех оставленный, скитался...

Ему был страшен взор людей:
Он видел в нем себе укоры;
Страдальцу мнилось: ты злодей! —
В глухих отзывах вторят горы.
Злодей! казалось, вопиют
Ему лесов дремучих сени,
И всюду грозные бегут
За ним убитых братьев тени.

Из дебри в дебрь, из леса в лес
В неистовстве перебегая,
Встречал он всюду гнев небес
И кончил дни свои страдая...
Никто слезы не уронил
На прах отверженника неба,
И всех проклятья заслужил
Убийца — брат святого Глеба.

И обитатель той земли
Завидев, трепетом объятый,
Его могилу издали,
Бежа, крестил себя трикраты.
От современников до нас
Дошло ужасное преданье,
И сочетал народа глас
С ним *Окаянного* прозванье!

И в страшной повести об нем
Его ужасные злодейства
Пересказав в кругу родном,
Твердил детям отец семейства:
«Ужасно быть рабом страстей!
Кто раз их предался стремленью,
Тот с каждым днем летит быстрей
От преступленья к преступленью».

5. РОГНЕДА

А. А. В<оейково>й

Около 970 года варяг Рогволод, оставив отечество, поселился в Полоцке, главном городе тогдашней области Кривской. Он имел прекрасную дочь, по имени Рогнеду, или Гориславу; ее сговорили за великого князя Ярополка Святославича. Брат его, Владимир Великий, взяв Полоцк (в 980 г.), умертвил Рогволода, двух сыновей его и насильно понял Рогнеду. От ней родился сын Изяслав. Впоследствии Владимир разлюбил жену, выслал ее из дворца и заточил на берегу Лыбеди, в окрестностях Киева. Однажды, гуляя в сих местах, князь заснул крепко: мстительная Рогнеда, приблизившись, хотела нанести ему смертельный удар, но Владимир проснулся. В ярости он захотел казнить несчастную; велел ей надеть брачную одежду и, сидя на богатом ложе, ожидать казни. Входит Владимир; юный Изяслав, наученный Рогнедою, бросился к нему и подает меч: «Родитель! — говорит он, — ты не один; сын твой будет свидетелем твоей ярости». Изумленный Владимир простил Рогнеду и вместе с сыном отправил ее в новопостроенный город, названный им Изяславлем. Сие происшествие описано в некоторых летописях.

Потух последний солнца луч;
Луна обычный путь свершала,
То пряталась, то из-за туч,
Как стройный лебедь, выплывала;
И, ярче заблистав порой,
Над берегом Лыбеди скромной
Свет бледный проливала свой
На терем пышный и огромной.

Все было тихо... лишь поток,
Журча, роптал между кустами
И перелетный ветерок
В дубраве шелестел ветвями.
Как месяц утренний бледна,
Рогнеда в горести глубокой
Сидела с сыном у окна,
В светлице ясной и высокой.

От вздохов под фатой у ней
Младые перси трепетали,
И из потупленных очей,
Как жемчуг, слезы упадали.
Глядел невинный Изяслав
На мать умильными очами,
И, к персям матери припав,
Он обвивал ее руками.

«Родимая! — твердил он ей, —
Ты все печальна, ты все вянешь;
Когда же будешь веселей,
Когда грустить ты перестанешь?
О! полно плакать и вздыхать;
Твои мне слезы видеть больно;
Начнешь ты только горевать,
Встоскуюсь вдруг и я невольно.

Ты б лучше рассказала мне
Деянья деда Рогволода,
Как он сражался на войне
И о любви к нему народа». —
«О ком, мой сын, напомнил ты?
Что от меня узнать желаешь?
Какие страшные мечты
Ты сим в Рогнеде пробуждаешь!..

Но так и быть, исполню я,
Мой сын, души твоей желанье:
Пусть Рогволодов дух в тебя
Вдохнет мое повествованье;
Пускай оно в груди младой
Зажжет к делам великим рвенье,

Любовь к стране твоей родной
И к притеснителям презренье. . .

Родитель мой, твой славный дед,
От тех варягов происходит,
Которых дивный ряд побед
Мир в изумление приводит.
Покинув в юности своей
Дремучей Скании дубравы,
Вступил он в землю кривичей
Искать владычества и славы.

Народы мирной сей страны
На гордых пришлецов восстали
И смело грозных чад войны
В руках с оружием встречали. . .
Но тщетно! роковой удел
Обрек в подданство их герою —
И скоро дед твой завладел
Обширной севера страною.

Воздвигся Полоцк. Рогволод
Приветливо и кротко правил
И, привязав к себе народ,
Власть князя полюбить заставил. . .
При Рогволоде кривичи
Томились жаждой дел великих;
Сверкали в дебрях их мечи,
Литовцев поражая диких.

Иноплеменные цари
Союза с Полоцком искали,
И чуждые богатыри
Ему служить за честь вменяли. . .»
Но шум раздался у крыльца.
Рогнеда повесть прерывает
И видит: пыль и пот с лица
Гонец усталый отирает.

«Княгиня! — он вещал, войдя: —
Гоня зверей в дубраве смежной,
Владимир посетить тебя

Прибудет в терем сей прибрежной». —
«Итак, он вспомнил об жене...
Но не желание свиданья,
О нет! — влечет его ко мне
Одна лишь близость расстоянья!»

Вещала — и сверкнул в очах
Негодованья пламень дикий.
Меж тем уж пронеслись в полях
Совы полуночные крики...
Сгустился мрак... луна чуть-чуть
Лучом трепещущим светила;
Холодный ветер начал дуть,
И буря страшная завыла!

Лыбедь вскипела меж брегов;
С деревьев листья полетели;
Дождь проливной из облаков,
И град, и вихорь зашумели,
Скопились тучи... и с небес
Вилася молния змиею;
Гром грохотал — от молний лес
То здесь, то там пылал порою!..

Внезапно с бурей звук рогов
В долине глухо раздается:
То вдруг замолкнет средь громов,
То снова с ветром пронесется...
Вот звуки ближе и громчей...
Замолкли... снова загремели...
Вот топот скачущих коней,
И всадники на двор взлетели.

То был Владимир. На крыльце
Его Рогнеда ожидала;
На сумрачном ее лице
Неведомая страсть пылала.
Смущенью мрачность приписав,
Герой супругу лобызает
И, сына милого обняв,
Его приветливо ласкает.

Отводят отроки коней...
С Рогнедой князь идет в палаты,
И вот в кругу богатырей
Садится он за пир богатый.
Под тучным вепрем стол трещит,
Покрытый скатертию браной;
От яств прозрачный пар летит
И вьется по избе брусяной.

Звездясь, янтарный мед шипит,
И ходит чаша круговая.
Все веселятся... но грустит
Одна Рогнеда молодая...
«Воспой деянья предков нам!» —
Бояну витязи вещали.
Певец ударил по струнам —
И вещие зарокотали.

Он славил Рюрика судьбу,
Пел Святославовы походы,
Его с Цимискием борьбу
И покоренные народы;
Пел удивление врагов,
Его нетрепетность средь боя,
И к славе пылкую любовь,
И смерть, достойную героя...

Бояна пламенным словам
Герои с жадностью внимали
И, праотцев чудясь делам,
В восторге пылком трепетали.
Певец умолкнул... но опять
Он пробудил живые струны
И начал князя прославлять
И грозные его перуны:

«Дружины чуждые громя,
Давно ль наполнил славой бранной
Ты дальной Нейстрии поля
И Альбиона край туманной?
Давно ли от твоих мечей
Упали Полоцка твердыни

И нивы храбрых кривичей
Преобратилися в пустыни?

Сам Рогволод...» Вдруг тяжкий стон
И вопль отчаянья Рогнеды
Перерывают гуслей звон
И радость шумную беседы...
«О, успокойся, друг младой! —
Вещал ей князь, — не слез достоин,
Но славы, кто в стране родной
И жил и кончил дни как воин.

Воскреснет храбрый Рогволод
В делах и в чадах Изяслава,
И пролетит из рода в род
Об нем, как гром гремящий, слава».
Рогнеды вид покойней стал;
В очах остановились слезы,
Но в них какой-то огнь сверкал,
И на щеках пылали розы...

При стуках чаш Боян поет,
Вновь тешит князя и дружину...
Но кончен пир — и князь идет
В великолепную одрину.
Сняв меч, висевший при бедре,
И вороненые кольчуги,
Он засыпает на одре,
В объятьях молодой супруги.

Сквозь окон скважины порой
Проникнув, молния пылает
И брачный одр во тьме ночной
С четой лежащей освещает.
Бушуя, ставнями стучит
И свищет в щели ветр порывный;
По кровле град и дождь шумит,
И гром гремит бесперерывный.

Князь спит покойно... Тихо встав,
Рогнеда светоч зажигает
И в страхе, вся затрепетав,

Меч тяжкий со стены снимает...
Идет... стоит... ступила вновь...
Едва дыханье переводит...
В ней то кипит, то стынет кровь...
Но вот... к одру она подходит...

Уж поднят меч!.. вдруг грянул гром,
Потрясся терем озаренный —
И князь, объятый крепким сном,
Воспрянул, треском пробужденный —
И пред собой Рогнеду зрит...
Ее глаза огнем пылают...
Поднятый меч и грозный вид
Преступницу изобличают...

Меч выхватив, ей князь вскричал:
«На что дерзнула в исступленье?..» —
«На то, что мне повелевал
Ужасный Чернобог, — на мщенье!» —
«Но долг супруги, но любовь?..» —
«Любовь! к кому?.. к тебе, губитель?..
Забыл, во мне чья льется кровь,
Забыл ты, кем убит родитель!..

Ты, ты, тиран, его сразил!
Горя преступною любовью,
Ты жениха меня лишил
И братнею облился кровью!
Испепелив мой край родной,
Рекой ты кровь в нем пролил всюду,
И Полоцк, дивный красотой,
Преобратил развалин в груду.

Но недовольный... местью злой
К бессильной пленнице пылая,
Ты брак свой совершил со мной
При зареве родного края!
Повлек меня в престольный град;
Тебе я сына даровала...
И что ж?.. еще презренья хлад
В очах тирана прочитала!..

Вот страшный ряд ужасных дел,
Владимира покрывших славой!
Не через них ли приобрел
Ты на любовь Рогнеды право? . .
Страдала, мучилась, стеня,
Вся жизнь текла моя в кручине;
Но, боги! не роптала я
На вас в злосчастиях доныне! . .

Впервые днесь ропщу! . . увы! . .
Почто губителя отчизны
Сразить не допустили вы
И совершить достойной тризны!
С какою б жадностию я
На брызжущую кровь глядела,
С каким восторгом бы тебя,
Тиран, угасшего узрела! . .»

Супруг, слова прервав ее,
В одрину стражу призывает.
«Ждет смерть, преступница, тебя! —
Пылая гневом, восклицает. —
С зарей готова к казни будь!
Сей брачный одр пусть будет плаха!
На нем пронжу твою я грудь
Без сожаления и страха!»

Сказал — и вышел. Вдруг о том
Мгновенно слух распространился —
И терем, весь объятый сном,
От вопля женщин пробудился. . .
Бегут к княгине, слезы льют;
Терзаясь близостью разлуки,
Себя в младые перси бьют
И белые ломают руки. . .

В тревоге все — лишь Изяслав
В объятьях сна, с улыбкой нежной,
Лежит, покровы разметав,
Покой вкушая безмятежной.
Об участи Рогнеды он
В мечтах невинности не знает;

Ни бури рев, ни плач, ни стон
От сна его не пробуждает.

Но перестал греметь уж гром;
Замолкли ветры в чаще леса,
И на востоке голубом
Редела мрачная завеса.
Вся в перлах, злате и сребре
Ждала Рогнеда без боязни
На изукрашенном одре
Назначенной супругом казни.

И вот денница занялась;
Сверкнул сквозь окна луч багровый —
И входит с витязями князь
В одрину, гневный и суровый.
«Подайте меч! — воскликнул он,
И раздалось везде рыданье. —
Пусть каждого страшит закон,
Злодейство примет воздаянье!»

И быстро в храмину вбежав:
«Вот меч! коль не отец ты ныне,
Убей! — вещает Изяслав, —
Убей, жестокий, мать при сыне!»
Как громом неба поражен,
Стоит Владимир и трепещет,
То в ужасе на сына он,
То на Рогнеду взоры мещет...

Речь замирает на устах,
Сперлось дыханье, сердце бьется;
Трепещет он; в его костях
И лютый хлад и пламень льется,
В душе кипит борьба страстей:
И милосердие и мщенье...
Но вдруг с слезами из очей —
Из сердца вырвалось: прощенье!

6. БОЯН

Сочинитель известного *Слова о полку Игореве* называет Бояна *Соловьем старого времени*. Неизвестно, когда жил сей славянский бард. Н. М. Карамзин, в *Пантеоне Росс. Авторов*, говорит о нем так: «Может быть, жил Боян во времена героя Олега; может быть, пел он славный поход сего аргонавта к Царю-граду, или несчастную смерть храброго Святослава, который с горстию своих погиб среди бесчисленных печенегов, или блестящую красоту Гостомысловой правнуки Ольги, ее невинность в сельском уединении, ее славу на троне». — Не менее правдоподобно, что Боян был певцом подвигов Великого Владимира и знаменитых его сподвижников: Добрыни, Яна Усмовича, Рогдая. Можно предполагать, что при блистательном Дворе Северного Карломана находились и песнопевцы: их привлекали великолепные пиршества, богатырские потехи и приветливость доброго князя; а славные победы над греками, ляхами, печенегами, ятвягами и болгарами могли воспламенить дух пиитизма в сих диких сынах Севера. И грубые норманы услаждали слух свой песнями скальдов.

На брег Днепра, разбив болгар,
Владимир-солнце возвратился
И в светлой гриднице, в кругу князей, бояр,
На шумном пиршестве с друзьями веселился...

Мед, в стариках воспламенивши кровь,
Протекшую напомнил младость,
Победы славные, волшебницу-любовь
И лет утраченных былую радость.

Беспечнее веселый круг шумел,
Звучнее гусли раздавались.
Один задумчиво Боян сидел;
В нем думы думами сменялись...

«Какое зрелище мой видит взор! —
Мечтал певец унылый. —
Бояр, князей и витязей собор
И государь, народу милый!

Дивятся их бесчислию побед
Иноплеменные державы,
И служит, трепеща, завистливый сосед
Для них невольным отголоском славы.

Их именами все места
Исполнены на Севере угрюмом,
И каждый день из уст в уста
Перелетают с шумом...

И я, дивяся их делам,
Пел витязей — и сонмы умолкали,
И персты вещие, по золотым струнам
Летая, славу рокотали!

Но, может быть, времян губительных полет
Всесокрушающею силой
Деянья славные погубит в бездне лет,
И будет Русь пространною могилой!..

И песни звучные Бояна-соловья
На пиршествах не станут раздаваться,
Забудут витязей, которых славил я,
И память их хвалой не будет оживляться.

Ах, так — предчувствую: Бояна вещий глас
Веков в пучине необъятной,
Как эхо дальное в безмолвной ночи час
Меж гор, умолкнет невозвратно...

По чувствам пламенным не оценит
Певца потомок юный;
В мрак неизвестности все песни рок умчит,
И звучные порвутся струны!

Но отлети скорей,
Моей души угрюмое мечтанье,
Не погашай последней искры в ней
Надежды — жить хоть именем в преданье»

7. МСТИСЛАВ УДАЛЫЙ

(Ф. В. Булгарину)

Мстислав, сын Владимира Великого, был удельный князь Тмутараканский. Столица сего княжества, Тмутаракань (древняя Таматарха), находилась на острове Тамани, который образуют рукава реки Кубани при впадении ее в Азовское море. В соседстве жили косоги, племя горских черкесов. В 1022 году Мстислав объявил им войну. Князь косожский Редедя, крепкотелый великан, по обычаю богатырских времен, предложил ему решить распрю единоборством. Мстислав согласился. Произошел бой: Тмутараканский князь поверг врага и умертвил его. Косоги признали себя данниками Мстислава. Он умер около 1036 года. Летописи называют его *Удалым.*

Как тучи с гор, текли косоги;
Навстречу им Мстислав летел.
Стенал поморья брег пологий,
И в поле гул глухой гремел.
Уж звук трубы на поле брани
Сзывал храбрейших из полков;
Уж храбрый князь Тмутаракани
Кипел ударить на врагов.

Вдруг, кожею покрыт медведя,
От вражьих отделясь дружин,
Явился с палицей Редедя,
Племен косожских властелин.
Он к войску шел, как в океане
Валится в бурю черный вал,

И стал, как сосна, на кургане,
И громогласно провещал:

«Почто кровавых битв упорством
Губить и войско и народ?
Решим войну единоборством:
Пускай за всех один падет!
Иди, Мстислав, сразись со мною,
И кто в сей битве победит,
Тому владеть врага страною
Или отдать ее на щит!»

«Готов!» — князь русский восклицает —
И грозный стал перед бойцом,
С коня — и на курган взлетает
Удалый ясным соколом.
Сошлись, схватились, в бой вступили...
Могущ и князь и великан!
Друг друга стиснули, сдавили;
Трещат... колеблется курган! ..

Стоят — и миг счастливый ловят;
Как вихрь крутятся... прах летит...
Погибель, падая, готовят,
И каждый яростью кипит...
Хранят молчание два строя,
Но души воинов в очах:
Смотря по переменам боя,
В них блещет радость или страх.

То русский хочет славить бога,
Простерши длани к небесам;
То вдруг слышна мольба косога:
«О! помоги, всевышний, нам!»
И вот князья, напрягши силы,
Друг друга ломят, льется пот...
На них, как верви, вздулись жилы:
Колеблется и сей и тот...

Глаза, налившись кровью, блещут,
Колена крепкие дрожат,

И мышцы сильные трепещут,
И искры сыплются от лат..,
Но вот Мстислав изнемогает —
Он падает!.. конец борьбе...
«Святая дева! — восклицает, —
Я храм сооружу тебе!..»

И сила дивная мгновенно
Влилася в князя... он восстал,
Рванулся бурей разъяренной,
И новый Голиаф упал!
Упал — и стал курган горою...
Мстислав широкий меч извлек
И, придавив врага пятою,
Главу огромную отсек.

8. МИХАИЛ ТВЕРСКОЙ

Ф. В. Булгарину

Несчастный Михаил, сын Тверского князя Ярослава Ярославича, по смерти Андрея Александровича (1304 г.) должен был вступить на великокняжеский престол; но племянник его Георгий Данилович, князь Московский, начал оспоривать у него сие право. Россия находилась тогда под владычеством моголов: оба князя отправились в Орду, и хан (Тохта) утвердил Михаила. Более десяти лет протекло мирно; но злоба не угасала в сердце Георгия; он не пропускал случая вредить Михаилу. Между тем Тохта умер (1312 г.); ему наследовал сын его Узбек. Несогласия князей возобновились, и Георгия призвали в Орду (1315 г.). Целые три года он раболепствовал перед Узбеком, дарами и происками снискал себе милостивое расположение и, в довершение всего, женился на сестре его Кончаке (1318 г.). Хан наименовал Георгия старейшим из князей русских и дал ему войско. Михаил выступил к нему навстречу, сразился и одержал победу: татарский полководец Кавгадый и супруга Георгия впали в плен; последняя умерла скоропостижно в Твери. Раздраженный Узбек призвал Михаила в Орду, жестоко истязал его и наконец велел лишить жизни. Церковь причла сего князя-страдальца к лику св. мучеников.

За Узбеком вслед влекомый
Кавгадыем, Михаил
В край чужой и незнакомый
С сыном-юношей вступил.
Мчался Терек быстрым бегом
Меж нависших берегов;

Зрелись гор хребты под снегом
Из-за сизых облаков.
Стан Узбеков за рекою,
На степи, в глуши пестрел;
Всюду воины толпою;
Всюду гул глухой шумел.
Ветхим рубищем покрытый,
С мрачной грустию в груди,
Князь-страдалец знаменитый
Сел в цепях на площади.

Несчастливца обступили
Любопытные толпой:
«Это князь был! — говорили
И качали головой. —
Он обширными странами,
Как Узбек наш, обладал;
Он с отважными полками
Кавгадыя поражал. . .»

В речи вслушавшись чужие,
Загрустил сильнее князь;
Вспомнил славу — и впервые
Слезы брызнули из глаз.
«До какого униженья, —
Он мечтал, потупя взор, —
Довели нас заблужденья
И погибельный раздор!

Те, которых трепетали
Хитрый грек и храбрый лях,
Ныне вдруг рабами стали
И пред ханом пали в прах!
Я любил страну родную
И пылал разрушить в ней
Наших бед вину прямую:
Распри злобные князей.

О Георгий! ты виною,
Ты один тому виной,
Если кровь сограждан мною
Пролита в стране родной!

Ты на дядю поднял длани;
Ты в душе был столь жесток,
Что на Русь всю лютость брани
И татар толпы навлек!

Смерть свою давно предвижу;
Для побега други есть, —
Но побегом не унижу
Незапятнанную честь!
Так, прав чести не нарушу;
Пусть мой враг, гонитель мой,
Насыщает в злобе душу
Лютым мщеньем надо мной!

Пусть вымаливает казни!
Тверд и прав в душе своей,
Смерть я встречу без боязни,
Как в боях слетался с ней.
Не хочу своим спасеньем
На родимый край привлечь
Кавгадыя с лютым мщеньем
И Узбека грозный меч!»

Подкрепленный сею думой,
Приподнялся Михаил
И спокойный, но угрюмой
Тихо в свой шатер вступил.
Кавгадыем обольщенный,
Между тем младый Узбек,
В сердце трепетный, смятенный,
Смерть невинному изрек...

Уж Георгий с палачами
И коварный друг царя
Шли поспешными шагами
К жертве, злобою горя...
Пред иконою святою
Михаил псалом читал,
Вдруг с той вестью роковою
Огрок княжеский вбежал...

Вслед за ним убийцы с криком
Ворвались в густых толпах:
Блещет гнев во взоре диком,
Злоба алчная в чертах...
Ворвалися — и напали...
Как гроза в глухой ночи,
Над упавшим засверкали
Ятаганы и мечи...

Кровь из язв лилась струею...
И пробил его конец:
Сердце хладною рукою
Вырвал дикий Романец.
Князь скончался жертвой мщенья!
С той поры он всюду чтим:
Михаила за мученья
Церковь празднует святым.

9. ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Подвиги великого князя Димитрия Иоанновича Донского известны всякому русскому. Он был сын великого князя Московского Иоанна Иоанновича, родился в 1350 году, великокняжеский престол занял 1362 года. Владычествовавшая над Россиею Золотая, или Сарайская, Орда в его время раздиралась междоусобиями. Один из князей татарских, Мамай, властвовал там под именем Мамант-Салтана, слабого и ничтожного хана. Недовольный великим князем, Мамай отправил (в 1378 г.) мурзу Бегича со множеством татарского войска; ополчение Димитрия встретило их на реке Воже, сразилось мужественно и одержало победу. Раздраженный Мамай, совокупив еще большие силы иноплеменников, двинулся с ними к пределам России. Димитрий вооружился; противники сошлись на Куликовом поле (при речке Непрядве, впадающей в Дон); бой был жестокий и борьба ужасная (8 сентября 1380 г.). На пространстве двадцати верст кровь русских мешалась с татарскою. Наконец Мамай предался бегству, и Димитрий восторжествовал. Сия знаменитая победа доставила ему великую славу и уважение современников. Потомство наименовало его *Донским*. Димитрий умер в 1389 году.

«Доколь нам, други, пред тираном
Склонять покорную главу
И заодно с презренным ханом
Позорить сильную Москву?
Не нам, не нам страшиться битвы
С толпами грозными врагов:
За нас и Сергия молитвы
И прах замученных отцов!

Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И древние права граждан.
Туда! за Дон! .. настало время!
Надежда наша — бог и меч!
Сразим моголов и, как бремя,
Ярмо Мамая сбросим с плеч!»

Так Дмитрий, рать обозревая,
Красуясь на коне, гремел
И, в помощь бога призывая,
Перуном грозным полетел. . .
«К врагам! за Дон! — вскричали войски, —
За вольность, правду и закон!»
И, повторяя клик геройский,
За князем ринулися в Дон.

Несутся, полные отваги,
Волн упреждают быстрый бег;
Летят, как соколы, — и стяги
Противный осенили брег.
Мгновенно солнце озарило
Равнину и брега реки
И взору вдалеке открыло
Татар несметные полки.

Луга, равнины, долы, горы
Толпами пестрыми кипят;
Всех сил объять не могут взоры. . .
Повсюду бердыши блестят.
Идут, как мрачные дубравы —
И вторят степи гул глухой;
Идут. . . там хан, здесь чада славы —
И закипел кровавый бой! . .

«Бог нам прибежище и сила! —
Рек Дмитрий на челе полков, —
Умрем, когда судьба судила!» —
И первый грянул на врагов.

Кровь хлынула — и тучи пыли,
Поднявшись вихрем к небесам,
Светило дня от глаз сокрыли,
И мрак простерся по полям.

Повсюду хлещет кровь ручьями;
Зеленый побагровел дол:
Там русский поражен врагами,
Здесь пал растоптанный могол,
Тут слышен копий треск и звуки,
Там сокрушился меч о меч.
Летят отсеченные руки,
И головы катятся с плеч.

А там, под тению кургана,
Презревший славу, сан и свет,
Лежит, низвергнув великана,
Отважный инок Пересвет.
Там Белозерский князь и чада,
Достойные его любви,
И окрест их татар громада,
В своей потопшая крови.

Уж многие из храбрых пали,
Великодушный сонм редел;
Уже враги одолевали,
Татарин дикий свирепел.
К концу клонился бой кровавый,
И черный стяг был пасть готов:
Как вдруг орлом из-за дубравы
Волынский грянул на врагов.

Враги смешались — от кургана
Промчалось: «Силен русский бог!» —
И побежала рать тирана,
И сокрушен гордыни рог!
Помчался хан в глухие степи,
За ним шумящим враном страх;
Расторгнул русский рабства цепи
И стал на вражеских костях! . .

Но кто там бледен, близ дубравы,
Обрызган кровию лежит?
Что зрю? .. Первоначальник славы,[1]
Димитрий ранен... страшный вид! ..
Ужель изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей?
Но вот к стенящему герою
Притек сонм воев и князей.

Вот, преклонив трофеи брани,
Гласят: «Ты победил! восстань!» —
И князь, воздевши к небу длани:
«Велик нас ополчивший в брань!
Велик! — речет, — к нему молитвы!
Он Сергия услышал глас:
Ему вся слава грозной битвы;
Он, он один прославил нас!»

---

[1] Выражение летописца.

10. ГЛИНСКИЙ

Князь Михаил Львович Глинский — некогда знатный и богатый литовский вельможа. Род его происходил от татарского князя, выехавшего из Орды во времена в. к. Витовта. Воспитанный в Германии, Глинский принял тамошние обычаи, долго служил императору и отличался храбростию и умом. Возвратясь в отечество, он снискал милость короля Александра и был его любимцем и другом. Когда (в 1508 г.) Сигизмунд сделался королем, завистники обнесли пред ним Глинского. Главный враг его был пан Забржезенский. Князь Глинский, обще с двумя братьями, предался вел. князю Московскому Василию Иоанновичу, была принят с уважением и сделан воеводою. Глинский сражался против своих соотечественников и оказал особенные услуги при взятии Смоленска (1514 г.). Вел. князь обещал его сделать владетелем сего княжества; но не сдержал слова. Глинский вошел в переписку с Сигизмундом и намерен был ему передаться: его схватили, привезли в Москву и заключили в темницу. Там он просидел более двенадцати лет. Великий князь женился на его племяннице, княжне Елене, дочери брата его Василия. Через год царица выпросила своему дяде прощение (1517 г.), и кн. Глинский пришел еще в большую силу. По кончине вел. князя Елена сделалась правительницею государства. Князь Михаил был одним из сильнейших членов Думы: нескромная слабость племянницы к любимцу ее, князю Телепнев-Оболенскому, возбудила в нем справедливое негодование: он стал делать ей увещания и подпал гневу; снова его заключили в темницу, где он и умер (в 1534 г.).

Под сводом обширным темницы подземной,
Куда луч приветный отрадных светил
Страшился проникнуть, где в области темной
Лишь бледный свет лампы, мерцая, бродил,

Гремевший в Варшаве, Литве и России
Бесславьем и славой свершенных им дел,
В тяжелой цепи по рукам и по выи
Князь Глинский задумчив сидел.

Волос уцелевших седые остатки
На сморщенно веком и грустью чело
Спадали кудрями, виясь в беспорядке:
Страданье на Глинском бразды провело...
Сидел он, склоненный на длань головою,
Угрюмою думой в минувшем летал;
Звучал средь безмолвья цепями порою
И тяжко, стоная, вздыхал.

При нем неотступно в темнице сидела
Прелестная дева — отрада слепца;
Свободой, и счастьем, и светом презрела,
И блага все в жертву она для отца.
Блеск пышный чертога для ней заменила
Могильная мрачность темницы сырой;
Здесь девичью прелесть дочь нежная скрыла
И жизни зарю молодой.

«О, долго ли будешь, стоная, лить слезы? —
Рекла она нежно. — Печали забудь!
Быть может, расторгнешь сии ты железы:
Надежда лелеет и узников грудь!
Быть может, остаток несчастливой жизни,
Спокоя волненье и бурю души,
Как гражданин верный, на лоне отчизны
Ты счастливо кончишь в тиши».

«На лоне отчизны! — воскликнул изменник, —
Не мне утешаться надеждою сей:
Страшась угрызений, стенающий пленник,
Несчастный, и вспомнить трепещет о ней.
Могу ль быть покоен хотя на мгновенье?
Червь совести тайно терзает меня;
К себе самому я питаю презренье
И мучусь, измену кляня.

Природа дала мне возможные блага,
Чтоб славным быть в мире иль грозным в войне:
Богатство, познанья, порода, отвага —
Все с щедростью было ниспослано мне.
Желал еще славы и лавров победы;
Душа трепетала, дух юный кипел...
Вдруг поднялись тучей на Польшу соседы —
И лавр мне достался в удел.

Монгольские орды влетели бедою:
Литва задымилась в пылу боевом —
И старцы, и жены, и дети толпою
Влеклися в неволю свирепым врагом;
И в пепел деревни и пышные грады;
И буйный татарин в крови утопал;
Ни веку, ни полу не зрели пощады —
Меч жадный над всеми сверкал.

Встревожен невзгодой, я к хищным навстречу
С дружиною храбрых помчался грозой,
Достиг — и отважно в кровавую сечу,
И кровь полилася, напенясь, рекой.
Покрылись телами поля и равнины:
Литвин и татарин упорно стоял;
Но с яростью новой за мною дружины —
И гордый могол побежал.

Боролся с кончиной властитель державной,
Тревогой и плачем наполнен дворец;
И вдруг о победе и громкой и славной
От Глинского с вестью примчался гонец.
Чело Александра веселость покрыла:
«Когда торжествует родная страна, —
Он рек предстоящим, — тогда и могила,
Поверьте, друзья, не страшна!»

Сим подвигом славным чрезмеру надменный,
Не мог укротить я волненья страстей —
И род Забржезенских, давне мне враждебный,
Внезапно средь ночи пал жертвой мечей.

Погиб он — и други мне стали врагами,
И, предан душою лишь мести одной,
Дерзнул я внестися с чужими полками
В отчизну свирепой войной.

О мука! о совесть — тиран неотступной! . .
Ни зрелище стягов родимой земли,
Ни тайный глас сердца из длани преступной
В час битвы исторгнуть меча не могли!
Среди раздраженных, пылающих мщеньем,
И ярых и грозных душой москвитян,
Увы, к преступленью влеком преступленьем,
Разил я своих сограждан! . .

Бой кончен — и Глинский узрел на равнине
Растерзанных трупы и груды костей;
Душа предалася невольно кручине,
И брызнули слезы на грудь из очей.
Не в пору познал я тоску преступленья!
Вся гнусность измены представилась мне;
Молил Сигизмунда проступкам забвенья;
Мечтал о родной стороне!

Но гений враждебный о тайне душевной
Царю в злое время известие дал,
И русский властитель, смущенный и гневный,
Раскаянье сердца изменой назвал:
Лишил меня зренья убийцы руками,
Забывши и славу и старость мою,
И дядю царицы, опутав цепями,
Забросил в темницу сию.

Лет десять живу я в могиле сей хладной;
Ни звезды, ни солнце не светят ко мне;
Тоскую, угрюмый, в душе безотрадной
И думой стремлюся к родимой стране.
Приметно слабею в утраченных силах,
Чуть сердце трепещет, немеет мой глас,
И медленней льется кровь хладная в жилах,
И смерти уж близится час.

О дочь моя! скоро, над гробом рыдая,
Ты бросишь на прах мой горсть чуждой земли.
Скорее, друг юный, беги сего края:
От милой отчизны жить грустно вдали!
Свободный народ наш, деяньями славной,
Издавна известный в далеких краях,
Проступки несчастных отцов своенравно
Не будет отмщать на детях.

Край милый увидишь — и сердца утраты
И юных лет горе в душе облегчишь;
И башни, и храмы, и предков палаты,
И сердцу святые гробницы узришь!
Отца проклиная, дочь милую нежно
И ласково примут отчизны сыны —
И ты дни окончишь в тиши безмятежной
На лоне родимой страны.

Пусть рок мой, исполнен тоской и мученьем,
Пребудет примером отчизны моей!
Да каждый, пылая преступным отмщеньем,
Итти не посмеет стезею страстей!
Да видят во мне моей родины братья,
Что рано иль поздно — измене взгремят
Ужасные сердцу сограждан проклятья
И совесть от сна пробудят!»

Несчастный умолкнул с душевной тоскою.
Вдруг стон по темнице — и Глинский упал
На дочери лоно седой головою,
И холод кончины его оковал! . .
Так Глинский, муж Думы и пламенный воин,
Погиб на чужбине, как гнусный злодей;
Хвалы бы он вечной был в мире достоин,
Когда бы не буря страстей.

11. КУРБСКИЙ

Князь Андрей Михайлович Курбский — знаменитый вождь, писатель и друг Иоанна Грозного. В казанском походе, при отражении крымцев от Тулы (1552 г.) и в войне Ливонской (1560 г.) он оказал чудеса храбрости. В 1564 году Курбский был воеводою в Дерпте. В сие время Грозный преследовал друзей прежнего своего любимца Адашева, в числе которых был и Курбский: ему делали выговоры, оскорбляли и, наконец, угрожали. Опасаясь погибели, Курбский решился изменить отечеству и бежал в Польшу. Сигизмунд II принял его под свое покровительство и дал ему в поместье княжество Ковельское. Отсюда Курбский вел бранную и язвительную переписку с Иоанном, а потом еще далее простер свое мщение: забыл отечество, предводительствовал поляками во время их войны с Россией и возбуждал против нее хана Крымского. Он умер в Польше. Перед смертью сердце его несколько умягчилось: он вспомнил о России и называл ее милым отечеством. Спасаясь из Дерпта, Курбский оставил там супругу и девятилетнего сына; потом, в Польше, вторично женился на княгине Дубровицкой, с которою король повелел ему развестися. Курбский известен также литературными своими трудами: он описал жестокости царя Иоанна и перевел некоторые беседы Златоустого на Деяния св. Апостола. В конце XVII века правнуки его выехали в Россию.

На камне мшистом в час ночной,
Из милой родины изгнанник,
Сидел князь Курбский, вождь младой,
В Литве враждебной грустный странник,
Позор и слава русских стран,

В совете мудрый, страшный в брани,
Надежда скорбных россиян,
Гроза ливонцев, бич Казани...

Сидел — и в перекатах гром
На небе мрачном раздавался,
И темный лес, шумя, кругом
От блеска молний освещался.
«Далеко от страны родной,
Далеко от подруги милой, —
Сказал он, покачав главой, —
Я должен век вести унылой.

Уж боле пылких я дружин
Не поведу к кровавой брани,
И враг не побежит с равнин
От покорителя Казани.
До дряхлой старости влача
Унылу жизнь в тиши бесславной,
Не обнажу за Русь меча,
Гоним судьбою своенравной.

За то, что изнемог от ран,
Что в битвах край родной прославил,
Меня неистовый тиран
Бежать отечества заставил:
Покинуть сына и жену,
Покинуть все, что мне священно,
И в чуждую уйти страну
С душою, грустью отягченной.

В Литве я ныне стал вождем;
Но, ах! ни почести велики
Не веселят в краю чужом,
Ни ласки чуждого владыки.
Я все стенаю и грущу
И на пирах сижу угрюмый,
Чего-то для души ищу
И часто погружаюсь в думы...

И в хижине и во дворце
Меня глас внутренний тревожит,
И мрачность на моем лице
Веселость шумных пиршеств множит...
Увы! всего меня лишил
Тиран отечества драгова.
Сколь жалок рок кому судил
Искать в стране чужой покрова».

12. СМЕРТЬ ЕРМАКА

П. А. Муханову

Под словом Сибирь разумеется ныне неизмеримое пространство от хребта Уральского до берегов Восточного океана. Некогда Сибирским царством называлось небольшое татарское владение, коего столица, Искер, находилась на реке Иртыше, впадающей в Обь. В половине XVI века сие царство зависело от России. В 1569 году царь Кучум был принят под руку Иоанна Грозного и обязался платить дань. Между тем сибирские татары и подвластные им остяки и вогуличи вторгались иногда в Пермские области. Это заставило российское правительство обратить внимание на обеспечение сих украйн укрепленными местами и умножением в них народонаселения. Богатые в то время купцы Строгоновы получили во владение обширные пустыни на пределах Перми: им дано было право заселять их и обработать. Сзывая вольницу, сии деятельные помещики обратились к казакам, кои, не признавая над собою никакой верховной власти, грабили на Волге промышленников и купеческие караваны. Летом 1579 года 540 сих удальцов пришли на берега Камы; предводителей у них было пятеро, главный назывался Ермак Тимофеев. Строгоновы присоединили к ним еще 300 человек разных вселынков, снабдили их порохом, свинцом и другими припасами и отправили за Уральские горы в 1581 г. В течение следующего года казаки разбили татар во многих сражениях, взяли Искер, пленили Кучумова племянника, царевича Саметкула, и около трех лет господствовали в Сибири. Между тем число их мало-помалу уменьшалось: много погибло от оплошности. Свергенный Кучум бежал в Киргизские степи и замышлял способы истребить казаков. В одну темную ночь (5 августа 1584 г.), при сильном дожде, он учинил неожиданное нападение: казаки защищались мужественно, но не могли стоять долго; они должны были уступить силе и внезапности удара. Не имея средств к спасе-

нию, кроме бегства, Ермак бросился в Иртыш, с намерением переплыть на другую сторону, и погиб в волнах.

Летописцы представляют сего казака-героя крепкотелым, осанистым и широкоплечим; он был роста среднего, имел плоское лицо, быстрые глаза, черную бороду, темные кудрявые волосы. Несколько лет после сего Сибирь была оставлена россиянами; потом пришли царские войска и снова завладели ею. В течение XVII века беспрерывные завоевания разных удальцов-предводителей отнесли пределы Российского государства к берегам Восточного океана.

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.
Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали, близ дубравы.
«О, спите, спите, — мнил герой, —
Друзья, под бурею ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит,
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны —

Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых брегах,
Вздымалися седые волны
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег казачьи челны;
С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...
Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны,

Душа отвагою полна,
Но далеко от брега челны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцырь — дар царя —
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

18. БОРИС ГОДУНОВ

Борис Федорович Годунов является в истории с 1570 года; тогда он был царским оруженосцем. Возвышаясь постепенно, Годунов сделался боярином и конюшим: титла важные при прежнем дворе российском. Сын Иоанна Грозного, царь Федор, сочетался браком с его сестрою Ириною Федоровною. Тогда Годунов пришел в неограниченную силу: он имел столь великое влияние на управление государством, что иностранные державы признавали его соправителем сего кроткого, слабодушного монарха. По кончине Федора Иоанновича (1598 г.) духовенство, государственные чины и поверенные народа избрали Годунова царем. Правление его продолжалось около осьми лет. В сие время Годунов старался загладить неприятное впечатление, какое оставили в народе прежние честолюбивые и хитрые его виды; между прочим, ему приписывали отдаление от двора родственников царской фамилии (Нагих, кн. Сицких и Романовых) и умерщвление малолетнего царевича Димитрия, брата царя Федора, в 1591 году погибшего в Угличе. Годунов расточал награды царедворцам, благотворил народу и всеми мерами старался приобрести общественную любовь и доверенность. Между тем явился лжеДимитрий, к нему пристало множество приверженцев, и государству угрожала опасность. В сие время (1605 г.) Годунов умер внезапно; полагают, что он отравился. Историки не согласны в суждениях о Годунове: одни ставят его наряду государей великих, хвалят добрые дела и забывают о честолюбивых его происках; другие — многочисленнейшие — называют его преступником и тираном.

Москва-река дремотною волной
Катилась тихо меж брегами;
В нее гордясь гляделся Кремль стеной
И златоверхими главами.

Умолк по улицам и вдоль брегов
Кипящего народа гул шумящий.
Все в тихом сне: один лишь Годунов
На ложе бодрствует стенящий.

Пред образом спасителя, в углу,
Лампада тусклая трепещет,
И бледный луч, блуждая по челу,
В очах страдальца страшно блещет.
Тут зрелся скиптр, корона там видна,
Здесь золото и серебро сияло!
Увы! лишь добродетели и сна
Великому недоставало!

Он тщетно звал его в ночной тиши:
До сна ль, когда шептала совесть
Из глубины встревоженной души
Ему цареубийства повесть?
Пред ним прошедшее, как смутный сон,
Тревожной оживлялось думой —
И, трепету невольно предан, он
Страдал в душе своей угрюмой.

Ему представился тот страшный час,
Когда, достичь пылая трона,
Он заглушил священный в сердце глас,
Глас совести, и веры, и закона.
«О заблуждение! — он возопил: —
Я мнил, что глас сей сокровенный
Навек сном непробудным усыпил
В душе, злодейством омраченной!

Я мнил: взойду на трон — и реки благ
Пролью с высот его к народу;
Лишь одному злодейству буду враг;
Всем дам законную свободу.
Начнут торговлею везде цвести
И грады пышные и села;
Полезному открою все пути
И возвеличу блеск престола.

Я мнил: народ меня благословит,
Зря благоденствие отчизны,
И общая любовь мне будет щит
От тайной сердца укоризны.
Добро творю — но ропота души
Оно остановить не может:
Глас совести в чертогах и в глуши
Везде равно меня тревожит.

Везде как неотступный страж за мной,
Как злой, неумолимый гений
Влачится вслед — и шепчет мне порой
Невнятно повесть преступлений! . .
Ах! удались! дай сердцу отдохнуть
От нестерпимого страданья!
Не раздирай страдальческую грудь:
Полна уж чаша наказанья!

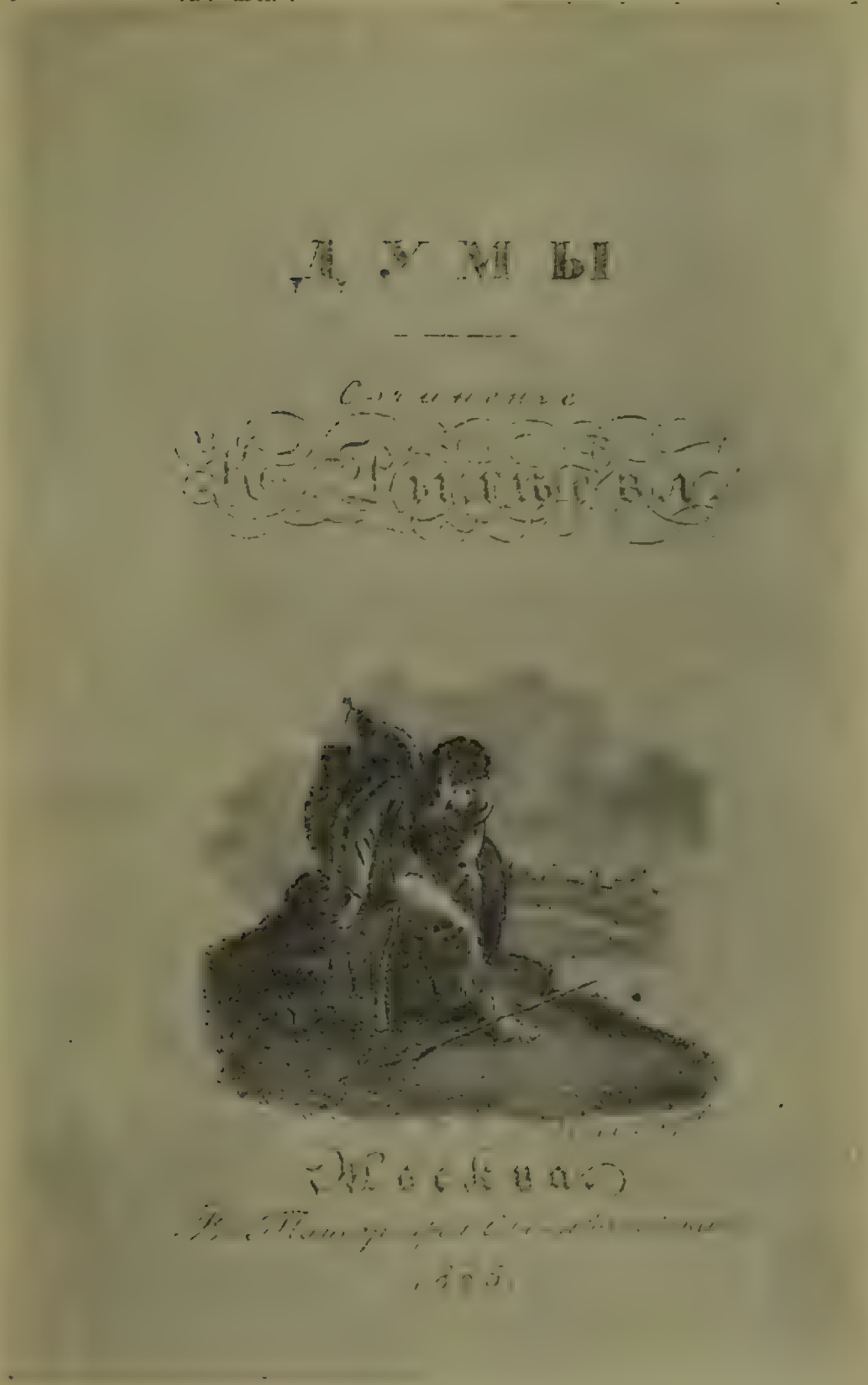
Взываю я — но тщетны все мольбы!
Не оттоню ужасной думы:
Повсюду зрю грозящий перст судьбы
И слышу сердца глас угрюмый.
Терзай же, тайный глас, коль суждено,
Терзай! Но я восторжествую
И смою черное с души пятно
И кровь царевича святую!

Пусть злобный рок преследует меня:
Не утомлюся от страданья,
И буду царствовать до гроба я
Для одного благодеянья.
Святою мудростью и правотой
Свое правление прославлю
И прах несчастного почтить слезой
Потомка позднего заставлю.

О так! хоть станут проклинать во мне
Убийцы отрока святова,
Но не забудут же в родной стране
И дел полезных Годунова».

Страдая внутренно, так думал он;
И вдруг, на глас святой надежды,
К царю слетел давно желанный сон
И осенил страдальца вежды.

И с той поры державный Годунов,
Перенося гоненья рока,
Творил добро, был подданным покров
И враг лишь одного порока.
Скончался он, и тихо приняла
Земля несчастного в объятья —
И загремели за его дела
Благословенья и проклятья! . .



Титульный лист «Дум» К. Рылеева издания 1825 г.

14. ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ

Читавшим отечественную историю известен странный Лжедимитрий — Григорий Отрепьев. Повествуют, что он происходил из сословия детей боярских, несколько лет находился в Чудове монастыре иеродьяконом и был келейником у патриарха Иова. За беспорядочное поведение Отрепьев заслуживал наказание; он желал избежать сего и предался бегству. Долго скитаясь внутри России и переходя из монастыря в монастырь, наконец выехал в Польшу. Там он замыслил выдать себя царевичем Димитрием, сыном Иоанна Грозного, который умерщвлен был (в 1591 г.) в Угличе, как говорили, по происках властолюбивого Годунова. Он начал разглашать выдуманные им обстоятельства мнимого своего спасения, привлек к себе толпу легковерных и с помощью Сендомирского воеводы Юрия Мнишка вторгся в отечество вооруженною рукою. Странное стечение обстоятельств благоприятствовало Отрепьеву: Годунов умер внезапно, и на престоле российском воссел самозванец (1605 г.). Но торжество Отрепьева было недолговременно: явная преданность католицизму и терпимость иезуитов сделали его ненавистным в народе; а развратное поведение и дурное правление ускорили его падение. Князь Василий Шуйский (в 1606 г.) произвел заговор, возникло народное возмущение — и Лжедимитрия не стало. Явление сего самозванца, быстрые его успехи и странное стечение обстоятельств того времени составляют важную загадку в нашей истории.

Чьи так дико блещут очи?
Дыбом черный волос встал?
Он страшится мрака ночи;
Зрю — сверкнул в руке кинжал!..

Вот идет... стоит... трепещет...
Быстро бросился назад;
И, как злой преступник, мещет
Вдоль чертога робкий взгляд!

Не убийца ль сокровенной,
За Москву и за народ,
Над стезею потаенной
Самозванца стережет? ..

Вот к окну оборотился;
Вдруг луны сребристый луч
На чело к нему скатился
Из-за мрачных, грозных туч.

Что я зрю? То хищник власти,
Лжедимитрий там стоит;
На лице пылают страсти;
Трепеща, он говорит:
«Там в чертогах кто-то бродит —
Шорох — заскрипела дверь! ..
И вот призрак чей-то входит...
Это ты — Бориса дщерь! ..

О, молю! избавь от взгляда...
Укоризною горя,
Он вселяет муки ада
В грудь преступного царя! ..
Но исчезла у порога;
Это кто ж мелькнул и стал,
Притаясь в углу чертога...
Это Шуйской! .. Я пропал! ..»

Так страдал злодей коварный
В час спокойствия в Кремле;
Проступал бесперестанно
Пот холодный на челе. —
«Не укроюсь я от мщенья! —
Он невнятно прошептал. —
Для тирана нет спасенья;
Друг ему — один кинжал!

На престоле, иль на ложе,
Иль в толпе на площади,
Рано, поздно ли, но все же
Быть ему в моей груди!
Прекращу свой век постылый;
Мне наскучило страдать
Во дворце, как средь могилы,
И убийцу нажидать».

Сталь нанес, она сверкнула —
И преступный задрожал,
Смерть тирана ужаснула:
Выпал поднятый кинжал.
«Не настало еще время, —
Простонал он, — но придет,
И несносной жизни бремя
Тяжкой ношею спадет».

Но как будто вдруг очнувшись:
«Что свершить решился я? —
Он воскликнул, ужаснувшись. —
Нет! не погублю себя.
Завтра ж, завтра все разрушу,
Завтра хлынет кровь рекой —
И встревоженную душу
Вновь порадует покой!

Вместо праотцев закона
Я введу закон римлян:
Грозной местью гряну с трона
В подозрительных граждан.
И твоя падет на плахе,
Буйный Шуйский, голова!
И, дымясь в крови и прахе,
Затрепещешь ты, Москва!»

Смолк. — Преступные надежды
Удалили страх — и он
Лег на пышный одр, и вежды
Оковал тревожный сон.

Вдруг среди безмолвья грянул
Бой набата близ дворца,
И тиран с одра воспрянул
С смертной бледностью лица...

Побежал и зрит у входа:
Изо всех Кремлевских врат
Волны шумные народа,
Ко дворцу стремясь, кипят.
Вот приближились, напали;
Храбрый Шуйский впереди —
И сарматы побежали
С хладным ужасом в груди.

«Все погибло! нет спасенья,
Смерть — прибежище одно!» —
Рек тиран... еще мгновенье —
И бросается в окно!
Пал на камни, и при стуках
Сабель, копий и мечей
Жизнь окончил в страшных муках
Нераскаянный злодей.

15. ИВАН СУСАНИН

В исходе 1612 года юный Михаил Федорович Романов, последняя отрасль Рюриковой династии, скрывался в Костромской области. В то время Москву занимали поляки: сии пришельцы хотели утвердить на российском престоле царевича Владислава, сына короля Сигизмунда III. Один отряд проникнул в Костромские пределы и искал захватить Михаила. Вблизи от его убежища враги схватили Ивана Сусанина, жителя села Домнина, и требовали, чтобы он тайно провел их к жилищу будущего венценосца России. Как верный сын отечества, Сусанин захотел лучше погибнуть, нежели предательством спасти жизнь. Он повел поляков в противоположную сторону и известил Михаила об опасности: бывшие с ним успели увезти его. Раздраженные поляки убили Сусанина. По восшествии на престол Михаила Федоровича (в 1613 г.) потомству Сусанина дана была жалованная грамота на участок земли при селе Домнине; ее подтверждали и последующие государи.

«Куда ты ведешь нас? .. не видно ни зги! —
Сусанину с сердцем вскричали враги. —
Мы вязнем и тонем в сугробинах снега;
Нам, знать, не добраться с тобой до ночлега.
Ты сбился, брат, верно, нарочно с пути;
Но тем Михаила тебе не спасти!

Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушует:
Но смерти от ляхов ваш царь не минует! ..
Веди ж нас, — так будет тебе за труды;
Иль бойся: недолго у нас до беды!

Заставил всю ночь нас пробиться с метелью...
Но что там чернеет в долине за елью?»

«Деревня! — сарматам в ответ мужичок. —
Вот гумна, заборы, а вот и мосток.
За мною! в ворота! — избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрета.
Войдите, — не бойтесь!» — «Ну, то-то, москаль!..
Какая же, братцы, чертовская даль!

Такой я проклятой не видывал ночи,
Слепились от снегу соколии очи...
Жупан мой — хоть выжми, нет нитки сухой!» —
Вошед, проворчал так сармат молодой.
«Вина нам, хозяин! мы смокли, иззябли!
Скорей!.. не заставь нас приняться за сабли!»

Вот скатерть простая на стол постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи пред гостями,
И хлеб перед каждым большими ломтями.
В окончины ветер, бушуя, стучит;
Уныло и с треском лучина горит.

Давно уж за полночь!.. Сном крепким объяты,
Лежат беззаботно по лавкам сарматы.
Все в дымной избушке вкушают покой;
Один, на стороже, Сусанин седой
Вполголоса молит в углу у иконы
Царю молодому святой обороны!..

Вдруг кто-то к воротам подъехал верхом.
Сусанин поднялся и в двери тайком...
«Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь... а ветер еще не затих;
Наводишь тоску лишь на сердце родных!» —

«Приводит сам бог тебя к этому дому,
Мой сын, поспешай же к царю молодому;
Скажи Михаилу, чтоб скрылся скорей;

Что гордые ляхи, по злобе своей,
Его потаенно убить замышляют
И новой бедою Москве угрожают!

Скажи, что Сусанин спасает царя,
Любовью к отчизне и вере горя.
Скажи, что спасенье в одном лишь побеге
И что уж убийцы со мной на ночлеге». —
«Но что ты затеял? подумай, родной!
Убьют тебя ляхи... Что будет со мной?

И с юной сестрою и с матерью хилой?» —
«Творец защитит вас святой своей силой.
Не даст он погибнуть, родимые, вам:
Покров и помощник он всем сиротам.
Прощай же, о сын мой, нам дорого время;
И помни: я гибну за русское племя!»

Рыдая, на лошадь Сусанин младой
Вскочил и помчался свистящей стрелой.
Луна между тем совершила полкруга,
Свист ветра умолкнул, утихнула вьюга.
На небе восточном зарделась заря:
Проснулись сарматы — злодеи царя.

«Сусанин! — вскричали, — что молишься богу?
Теперь уж не время — пора нам в дорогу!»
Оставив деревню шумящей толпой,
В лес темный вступают окольной тропой.
Сусанин ведет их... Вот утро настало,
И солнце сквозь ветви в лесу засияло:

То скроется быстро, то ярко блеснет,
То тускло засветит, то вновь пропадет.
Стоят, не шелохнясь, и дуб и береза;
Лишь снег под ногами скрипит от мороза,
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит.

Друг за́ другом и́дут в молчаньи сарматы,
Все дале и дале седой их вожатый.

Уж солнце высоко сияет с небес;
Все глуше и диче становится лес!
И вдруг пропадает тропинка пред ними;
И сосны и ели, ветвями густыми

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели,
Вотще настороже тревожное ухо:
Все в том захолустье и мертво и глухо...
«Куда ты завел нас?» — лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно! — Сусанин сказал. —

Убейте! замучьте! — моя здесь могила!
Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит».

«Злодей! — закричали враги закипев, —
Умрешь под мечами!» — «Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

«Умри же!» — сарматы герою вскричали —
И сабли над старцем, свистя, засверкали!
«Погибни, предатель! Конец твой настал!» —
И твердый Сусанин весь в язвах упал!
Снег чистый чистейшая кровь обагрила:
Она для России спасла Михаила!

16. БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Зиновий (Богдан) Хмельницкий, сын чигиринского сотника, воспитывался в Киеве и кончил учение у иезуитов, в польском городе Ярославце. В истории он становится известен с 1620 года. В сражении при Цецоре турки взяли его в плен и держали в неволе два года. По возвращении своем Хмельницкий служил в войске польском; потом несколько лет жил в селении Субботове, в покое. Чигиринский подстароста Чаплицкий, захватив селение, похитил у него подругу и высек плетьми малолетнего его сына. Хмельницкий поехал в Варшаву, жаловался; но не нашел управы. Тогда он поклялся отомстить всем полякам. В 1647 году в Малороссии вспыхнуло возмущение; Хмельницкий принял в нем деятельное участие, поощрял недовольных и умножал толпы их. Дошло до явной войны. Хмельницкий выбран был гетманом. Он вошел в связи с крымцами, призвал их на помощь и с лишком четыре года противостоял полякам. Примечательны сражения: на Желтой Воде, под Корсунем и при Берестечке. В 1651 году прекратились раздоры. Поляки заключили с малороссиянами и запорожским войском мирный договор под Белою Церковию; но несмотря на сие, не упускали случая оскорблять их. Сии притеснения заставили Хмельницкого просить российского государя о принятии его с войском в подданство (1654 г.).

Он умер в Чигирине 15 августа 1657 года. За освобождение отчизны его прозвали *Богданом*, т. е. богом дарованным избавителем.

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда украдкой проникал,
Скользя по сводам, луч денницы
И ужас места озарял, —

В цепях и грозный и угрюмый
Лежал Хмельницкий на земле;
В нем мрачные кипели думы
И выражались на челе.

Темницы мертвое молчанье
Ни стон, ни вздох не нарушал;
Надежду мести и страданье
Герой в груди своей питал.
«Так, так, — он думал, — час настанет!
Освобожденный от оков,
Забытый узник бурей грянет
На притеснителей-врагов!

Отмстит холодное презренье
К священнейшим правам людей;
Отмстит убийства и хищенье,
Бесчестье жен и дочерей!
Позорные разрушит цепи
И, рабства сокруша кумир,
Вновь водворит в родные степи
С святой свободой тихий мир.

Покроет ржа врагов кольчуги
И прах их ветер разнесет,
Застонут нежные супруги
И мать детей не обоймет.
А ты, пришлец иноплеменный,
Тиран родной страны моей,
Мучитель мой ожесточенный,
Чаплицкий, трепещи, злодей!

За кровь пролитую, за слезы
И жен, и старцев, и сирот,
За все — и за сии железы
Тебя мое отмщенье ждет! . .
Но где о вольности мечтаю?
Увы! в темнице дни влача,
Свой век, быть может, окончаю
От рук презренных палача!

И долго, может быть, стеная
Под тяжким бременем оков,
Хмельницкого страна родная
Пребудет жертвою врагов!»
Чела страдальца вид суровый
Мрачнее стал от думы сей,
И на заржавые оковы
Упали слезы из очей.

Вдруг слышит: загремели створы,
Со скрыпом дверь отворена —
И входит, потупляя взоры,
Младая, робкая жена.
«Кто ты? — Хмельницкий изумленный
Представшей незнакомке рек, —
Оковы ль снять? .. о час блаженный!
О, если б этот час притек!

Или с жестокою душою,
С презреньем хладным на очах,
Ты не пришла ли надо мною
Ругаться, зря меня в цепях?»
«О нет! — приветно произносит, —
В душе любви питая жар,
Жена Чаплицкого приносит
Тебе с рукой свободу в дар». —

«Жена Чаплицкого!» — «Мученье
И вместе мужество твое
Вдохнули в душу мне почтенье
И сердце тронули мое:
Я полюбила — и пылала
Из сих оков тебя извлечь;
Я связь с тираном разорвала;
Будь мой!» — «Я твой!» — «Прими
свой меч!» —

«Мой меч! — Хмельницкий восклицает, —
Жив бог! .. и ты погиб, злодей!
Заря свободы засияет
От блеска мстительных мечей!»

Сребрила дол царица нощи;
В брега волною Днепр плескал;
Опенив удила, у рощи

Нетерпеливый конь стоял.
Герой вскочил, веселья полный,
Летит — и зрит поля отцов,
И вкруг его, как моря волны,
Рои толпятся казаков.
«Друзья! — он к храбрым восклицает, —
За мной, чью грудь волнует месть,
Кто рабству смерть предпочитает,
Кому всего дороже честь!

Сам бог поборник угнетенным!
Вожди — решительность и я!
Навстречу ко врагам презренным,
На Воды Желтые, друзья!»
И вот сошлися два народа.
И с яростью вступили в бой
С тиранством бодрая свобода,
Кипя отвагою младой.

Сармат, и храбрый и надменный,
Вотще упорствовать хотел;
Вотще разбитый, побежденный,
Бежал мечей и метких стрел.
Преследуя, как ангел мщенья,
Герой везде врагов сражал
И трупы их без погребенья
Волкам в добычу разметал!..

И воцарилася свобода
С тех пор в Украинских степях,
И стала с счастием народа
Цвесть радость в селах и градах.

И, чтя послом небес желанным,
Взамену всех наград и хвал,
Вождя-героя — богом данным
Народа общий глас назвал.

17. АРТЕМОН МАТВЕЕВ

Артемон Сергеевич Матвеев родился в 1625 году. В правление царя Алексея Михайловича он отличился доблестями на поприще военном и политическом: сражался с поляками, шведами и татарами, заключил договор о сдаче Смоленска (1656 г.), убедил запорожцев к подданству России и уничтожил невыгодный для нее Андрусовский мир (1667 г.). Начальствуя над Посольским приказом, Матвеев умел вселить в других европейских дворах должное уважение к России. В его доме воспитывалась Наталия Кирилловна Нарышкина, вторая супруга царя Алексея Михайловича, от которой родился Петр Великий. Впоследствии государь возвел Матвеева в ближние бояре и оказывал ему особенную доверенность и даже дружбу. С кончиною царя Алексея Михайловича (в 1676 г.) кончилось блистательное поприще Матвеева: враги оклеветали его и удалили от двора. Матвеев получил назначение в Верхотурье воеводою; на дороге настиг его гонец и отвез в отдаленный Пустозерский острог. Целые семь лет Матвеев пробыл в заточении. Наконец ему велено было ехать в город Лух (Костромской губернии). В дороге Матвеев узнал о кончине царя Феодора Алексеевича и получил приглашение ко двору воцарившихся соправителей. В столице ожидало его новое бедствие: на четвертый день приезда (15 мая 1682 г.) взбунтовались стрельцы, и Матвеев пал жертвою преданности к государям. Любя добродетель, он уважал просвещение и науки; сочинил российскую историю; имел вкус к изящным искусствам: живописи, музыке и драматическим представлениям. При нем впервые стали известны у нас театральные зрелища

Муж знаменитый, друг добра,
Боярин Артемон Матвеев
Был сослан в ссылку от двора,
По клеветам своих злодеев.

Семь лет томился он в глуши;
Семь лет позор и стыд изгнанья
Сносил с величием души,
Без слез, без скорби и роптанья.

«Когда защитник нам закон —
И совесть сердца не тревожит:
Тогда ни ссылка, — думал он, —
Ни казнь позорить нас не может.
Быв другом доброго царя,
Народа русского любимец,
Всегда в душе спокоен я
И в злополучии счастливец.

Для блага сограждан моих
Усилия мои не тщетны,
Коль всюду слышу я за них
Глас благодарности приветный.
Все козни злых клеветников
Потомству время обнаружит,
И ненависть моих врагов
К бесславию для них послужит.

Пускай перед царем меня
Чернит и клевета и злоба.
Пред ними не унижусь я:
Мне честь сопутницей до гроба.
Щитом против коварства стрел,
Среди моей позорной ссылки,
Воспоминанье добрых дел
И дух к добру, как прежде, пылкий.

Того не потемнится честь,
Кому, почтив дела благие,
Народ не пощадил принесть
В дар камни предков гробовые.
Опалой царской не лишен
Я гордости той благородной,
Которой только одарен
Муж справедливый и свободной.

Пустоозерска дикий вид,
Угрюмая его природа
Не в силах твердости лишить
Благотворителя народа.
Своей покорствуя судьбе,
Быть твердым всюду я умею;
Жалею я не о себе —
Я боле о царе жалею.

На страшной трона высоте
Необходима прозорливость.
О государь! вняв клевете,
Ты оказал несправедливость.
Меня ты в ссылку осудил
За то ль, что я служил полвека?
Но я давно тебя простил,
О царь! простил, как человека.

Близ трона, притаясь, всегда
Гнездятся лесть и вероломство.
Сколь много для царей труда!
Деяний их судьей — потомство.
Увы! его склонить нельзя
Ни златом блещущим, ни страхом.
Нелицемерный сей судья
Творит свой приговор над прахом».

Так изгнанный мечтал в глуши,
Неся позорной ссылки бремя —
И правоту его души
Пред светом оправдало время:
Друг истины и друг добра,
Горя к отечеству любовью,
Пал мертв за юного Петра,
Запечатлев невинность кровью.

18. ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ОСТРОГОЖСКЕ

Петр Великий, по взятии Азова (в августе 1696 года), прибыл в Острогожск. Тогда приехал в сей город и *Мазепа*, охранявший у Коломака, вместе с *Шереметевым*, пределы России от татар. Он поднес царю богатую турецкую саблю, оправленную золотом и осыпанную драгоценными каменьями, и на золотой цепи щит с такими же украшениями. В то время *Мазепа* был еще невинен. Как бы то ни было, но уклончивый, хитрый гетман умел вкрасться в милость *Петра*. Монарх почтил его посещением, обласкал, изъявил особенное благоволение и с честью отпустил в Украйну.

—

В пышном гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?
С бунчуком и булавою
Вкруг монарха сердюки,
Судьи, сотники толпою
И толпами казаки.

«Виден промысла святова
Над тобою дивный щит! —
Покорителю Азова
Старец бодрый говорит. —
Оглася победой славной
Моря Черного брега,
Ты смирил, монарх державной,
Непокорного врага.

Страшный в брани, мудрый в мире,
Превзошел ты всех владык,
Ты не блещущей порфирой —
Ты душой своей велик.
Чту я славою и честью
Быть врагом твоим врагам
И губительною местью
Пролететь по их полкам.

Уснежился черный волос
И булат дрожит в руке,
Но зажжет еще мой голос
Пыл отваги в казаке.
В пылком сердце жажда славы
Не остыла в зиму дней:
Празднество мне — бой кровавый;
Мне музы́ка — стук мечей!»

Кончил — и к стопам Петровым
Щит и саблю положил;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то в сердце затаил...
В пышном гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?

Сей пришлец в стране пустынной
Был Мазепа, вождь седой;
Может быть, еще невинной,
Может быть, еще герой.
Где ж свидание с Мазепой
Дивный свету царь имел?
Где герою вождь свирепой
Клясться в искренности смел?

Там, где волны Острогощи
В Сосну тихую влились;
Где дубов сенистых рощи
Над потоком разрослись;

Где с отвагой молодецкой
Русский крымцев поражал;
Где напрасно Брюховецкой
Добрых граждан возмущал;

Где плененный славы звуком,
Поседевший в битвах дед
Завещал кипящим внукам
Жажду воли и побед;
Там, где с щедростью обычной
За ничтожный, легкий труд
Плод оратаю сторичной
Нивы тучные дают;

Где в лугах необозримых,
При журчании волны,
Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны;
Где, в стране благословенной,
Потонул в глуши садов
Городок уединенной
Острогожских казаков.

19. ВОЛЫНСКИЙ

Волынский начал поприще службы при Петре Великом. Получив чин генерал-майора, он оставил военную службу и сделался дипломатом: ездил в Персию в качестве министра, был вторым послом на Немировском конгрессе и в 1737 году пожалован в статс-секретари. Манштейн изображает его человеком обширного ума, но крайне искательным, гордым и сварливым. Неосторожность погубила Волынского. Однажды, приметя холодность императрицы Анны к герцогу Бирону, он решился подать ей меморию, в которой обвинял во многом герцога и некоторых сильных при дворе особ: ему хотелось отдалить их. Узнав о сем, жестокий Бирон излил месть на Волынского: его отдали под суд и приговорили к смертной казни (в 1739 г.).

—

«Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!
Пусть будет муж совета он
И мученик позорной казни,
Стоять за правду и закон,
Как Долгорукий, без боязни.

Пусть будет он, дыша войной,
Врагам, в часы кровавой брани,
Неотразимою грозой,
Как покорители Казани.
Пусть удивляет... Но когда
Он все творит то из тщеславья —

Беда несчастному, беда!
Он сын не славы, а бесславья.

Глас общий цену даст делам;
Изобличатся вероломства —
И на проклятие векам
Предастся раб сей от потомства.
Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!

Но тот, кто, с сильными в борьбе
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себе,
Готов всем жертвовать народу.
Против тиранов лютых тверд,
Он будет и в цепях свободен,
В час казни правотою горд
И вечно в чувствах благороден.

Повсюду честный человек,
Повсюду верный сын отчизны,
Он проживет и кончит век,
Как друг добра, без укоризны.
Ковать ли станет на граждан
Пришлец иноплеменный цепи,
Он на него — как хищный вран,
Как вихрь губительный из степи!

И хоть падет — но будет жив
В сердцах и памяти народной
И он и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянья.

Вражда к тиранству закипит
Неукротимая в потомках —

И Русь священная узрит —
Власть чужеземную в обломках». —
Так, сидя в крепости, в цепях,
Волынский думал справедливо;
Душою чист и прав в делах,
Свой жребий нес он горделиво.

Стран северных отважный сын
Презрев и казнью и Бироном,
Дерзнул на пришлеца один
Всю правду высказать пред троном.
Открыл царице корень зла,
Любимца гордого пороки,
Его ужасные дела,
Коварный ум и нрав жестокий.

Свершил, исполнил долг святой,
Открыл вину народных бедствий
И ждал с бестрепетной душой
Деянью правому последствий.
Недолго, вольности лишен,
Герой влачил свои оковы;
Однажды вдруг запоров звон —
И входит страж к нему суровый.

Проник — и, осенясь крестом,
Сказал он: «За тебя, свобода!»
И к месту казни с торжеством
Шел бодро верный друг народа.
Притек... увидел палача —
И голову склонил без страха;
Сверкнуло лезвие меча —
И кровью осветилась плаха!

Сыны отечества! в слезах
Ко храму древнему Самсона!
Там за оградой, при вратах
Почиет прах врага Бирона!
Отец семейства! приведи
К могиле мученика — сына;

Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина!

Любовью к родине дыша,
Да все для ней он переносит
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отбросит.
Пусть будет чести образцом,
За страждущих — железной грудью
И вечно заклятым врагом
Постыдному неправосудью.

20. НАТАЛИЯ ДОЛГОРУКОВА

Княгиня Наталия Борисовна — дочь фельдмаршала *Шереметева*, знаменитого сподвижника Петра Великого. Нежная ее любовь к несчастному своему супруту и непоколебимая твердость в страданиях увековечили ее имя.

Настала осени пора:
В долинах ветры бушевали,
И волны мутного Днепра
Песчаный берег подрывали.
На брег сей дикий и крутой,
Невольно слезы проливая,
Беседовать с своей тоской
Пришла страдалица младая.

«Свершится завтра жребий мой;
Раздастся колокол церковной —
И я навек с своей тоской
Сокроюсь в келии безмолвной!
О, лейтесь, лейтесь же из глаз
Вы, слезы, в месте сем унылом!
Сегодня я в последний раз
Могу мечтать о друге милом!

В последний раз в немой глуши
Брожу с воспоминаньем смутным
И тяжкую печаль души
Вверяю рощам бесприютным.

Была гонима всюду я
Жезлом судьбины самовластной;
Увы! вся молодость моя
Промчалась осенью ненастной!

В борьбе с враждующей судьбой
Я отцветала в заточенье;
Мне друг прекрасный и младой
Был дан, как призрак, на мгновенье.
Забыла я родной свой град,
Богатство, почести и знатность,
Чтоб с ним делить в Сибири хлад
И испытать судьбы превратность.

Все с твердостью перенесла
И, бедствуя в стране пустынной,
Для Долгорукого спасла
Любовь души своей невинной.
Он жертвой мести лютой пал;
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя меж снежных скал,
Ему в душе не изменила.

Судьба отраду мне дала
В моем изгнании унылом:
Я утешалась, я жила
Мечтой всегдашнею о милом!
В стране угрюмой и глухой
Она являлась мне как радость
И в душу, сжатую тоской,
Невольно проливала сладость.

Но завтра, завтра я должна
Навек забыть о страсти нежной;
Живая в гроб заключена,
От жизни отрекусь мятежной.
Забуду все: людей и свет,
И, холодна к любви и злобе,
Суровый выполню обет
Мечтать до гроба лишь о гробе.

О, лейтесь, лейтесь же из глаз
Вы, слезы, в месте сем унылом:
Сегодня я в последний раз
Могу мечтать о друге милом.
В последний раз в немой глуши
Брожу с воспоминаньем смутным
И тяжкую печаль души
Вверяю рощам бесприютным».

Тут, сняв кольцо с своей руки,
Она кольцо поцеловала
И, бросив в глубину реки,
Лицо закрыла и взрыдала:
«Сокройся в шумной глубине,
Ты, перстень, перстень обручальной,
И в монастырской жизни мне
Не оживляй любви печальной!»

Река клубилась в берегах,
Поблеклый лист валился с шумом;
Порывный ветр шумел в полях
И бушевал в лесу угрюмом.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль реки
Дочь Шереметева младая.

Обряд свершился роковой...
Прости, последнее веселье!
Одна с угрюмою тоской
Страдалица сокрылась в келье.
Там, дни свои в посте влача,
Снедалась грустью безотрадной
И угасала, как свеча,
Как пред иконой огнь лампадной.

21. ДЕРЖАВИН

(Н. И. Гнедичу)

Державин родился 1743 года в Казани. Он был воспитан сперва в доме своих родителей, а после в Казанской гимназии, в 1760 году записан был в Инженерную школу, а в следующем году за успехи в математике и за описание Болгарских развалин переведен в гвардию в чине поручика, отличился в корпусе, посланном для усмирения Пугачева. В 1777 году поступил в статскую службу, а в 1802 году пожалован был в министры юстиции. Скончался июля 6 дня 1816 года в поместье своем на берегу Волхова.

«К бессмертным памятникам Екатеринина века принадлежат песнопения Державина. Громкие победы на море и сухом пути, покорение двух царств, унижение гордости Оттоманской Порты, столь страшной для европейских государей, преобразования империи, законы, гражданская свобода, великолепные торжества просвещения, тонкий вкус — все это было сокровищем для гения Державина. Он был Гораций своей государыни... Державин — великий живописец... Державин хвалит, укоряет и учит... Он возвышает дух нации и каждую минуту дает чувствовать благородство своего духа...» — говорит г. Мерзляков.

С дерев валится желтый лист,
Не слышно птиц в лесу угрюмом,
В полях осенних ветров свист,
И плещут волны в берег с шумом.
Над Хутынским монастырем
Приметно солнце догорало
И на главах златым лучом,
Из туч прокравшись, трепетало.

Какой-то думой омрачен,
Младый певец бродил в ограде;
Но вдруг остановился он,
И заблистал огонь во взгляде:
«Что вижу я? .. на сих брегах, —
Он рек, — для севера священной
Державина ль почнет прах
В обители уединенной?»

И засияли, как росой,
Слезами юноши ресницы,
И он с удвоенной тоской
Сел у подножия гробницы;
И долго молча он сидел,
И, мрачною тревожим думой,
Певец задумчивый глядел
На грустный памятник угрюмо.

Но вдруг, встревоженный, вещал:
«Что я напрасно здесь тоскую?
Наш дивный бард не умирал:
Он пел и славил Русь святую!
Он выше всех на свете благ
Общественное благо ставил
И в огненных своих стихах
Святую добродетель славил.

Он долг певца постиг вполне,
Он свить горел венок нетленной
И был в родной своей стране
Органом истины священной.
Везде певец народных благ,
Везде гонимых оборона
И зла непримиримый враг,
Он так твердил любимцам трона:

«Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно!
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно;
Что он орудье власти есть,

Всех царственных подпора зданий;
Должны быть польза, слава, честь
Вся мысль его, цель слов, деяний». [1]

О так! нет выше ничего
Предназначения поэта:
Святая правда — долг его;
Предмет — полезным быть для света.
Служитель избранный творца,
Не должен быть ничем он связан;
Святой, высокий сан певца
Он делом оправдать обязан.

Ему неведом низкий страх;
На смерть с презрением взирает
И доблесть в молодых сердцах
Стихом правдивым зажигает.
Над ним кто будет властелин? —
Он добродетель свято ценит,
И ей нигде, как верный сын,
И в думах тайных не изменит.

Таков наш бард Державин был;
Всю жизнь он вел борьбу с пороком;
Судьям ли правду говорил,
Он так гремел с святым пророком:
«Ваш долг на сильных не взирать;
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять
И свято сохранять законы.

Ваш долг несчастным дать покров,
Всегда спасать от бед невинных,
Исторгнуть бедных из оков,
От сильных защищать бессильных». [2]
Певцу ли ожидать стыда
В суде грядущих поколений?
Не осквернит он никогда
Порочной мыслию творений.

---

[1] См. «Вельможа», соч. Державина.
[2] См. «К властителям и судиям», его же.

Повсюду правды верный жрец,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станет портить он сердец
И развращать народа нравы.
Поклонник пламенный добра,
Ничем себя не опорочит
И освященного пера
В нечестьи буйном не омочит.

Творцу ли гимн святой звучит
Его восторженная лира —
Словами он, как гром, гремит,
И вторят гимн народы мира.
О, как удел певца высок!
Кто в мире с ним судьбою равен?
Откажет ли и самый рок
Тебе в бессмертии, Державин?

Ты прав, певец: ты будешь жить;
Ты памятник воздвигнул вечный:
Его не могут сокрушить
Ни гром, ни вихорь быстротечный».[1]
Певец умолк и тихо встал;
В нем сердце билось — и в волненье
Вздохнув, он, отходя, вещал
В каком-то дивном исступленье:

«О, пусть не буду в гимнах я,
Как наш Державин, дивен, громок;
Лишь только б молвил про меня
Мой образованный потомок:
«Парил он мыслию в веках,
Седую вызывая древность,
И воспалял в младых сердцах
К общественному благу ревность!»

---

[1] См. «Памятник», подражание Державина Горациевой оде: „Exegi monumentum aere perennius".

ДУМЫ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В ИЗДАНИЕ 1825 ГОДА

ВАДИМ

Над кипящею пучиною
Подпершись сидит Вадим
И на Новгород с кручиною
Смотрит нем и недвижим.

Гром гремит! Змеей огнистою
Сумрак молния сечет,
Волхов пеной серебристою
В брег песчаный с ревом бьет.

Вот уж небо в звезды рядится,
Как в узорчатый венец,
И луна сквозь тучи крадется,
Будто в саване мертвец.

Как утес средь моря каменный,
Как полночи вечный лед,
Хладен, крепок витязь пламенный
В грозных битвах за народ.

«До какого нас бесславия
Довели вражды граждан!
Насылает Скандинавия
Властелинов для славян!..

Грозен князь самовластительный!
Но наступит мрак ночной;
И настанет час решительный,
Час для граждан роковой...
. . . . . .

МАРФА ПОСАДНИЦА

Была уж полночь. Бранный шум
Затих на стогнах Новограда,
И Марфы беспокойный ум —
Свободы тщетная ограда —
Вкушал покой от мрачных дум.

В полях сверкали огоньки;
Расположась обширным станом
Близ озера и вдоль реки,
Вдали чернели за туманом
Царя отважного полки.

Все было в непробудном сне;
Лишь ратники сторожевые
Перекликались на стене,
И Волхов в берега крутые
Плескал волною в тишине.

Покой и мрак среди домов...
Вдруг с Ярославова Дворища
Звон вечевых колоколов —
И грянул, бросив пепелища,
Народ со всех пяти Концов.
. . . . . .

ЯКОВ ДОЛГОРУКИЙ

ДУМА

Корабль летел, как на крылах,
Шумя уныло парусами,
И, зарываясь в волнах,
Клубил их и вздымал буграми.
Седая пена за кормой
Рекой клубящейся бежала
И шум однообразный свой
С ревущей бурею сливала.

На шканцах шумною толпой
Стояли с пленниками шведы;
Они летели в край родной
С отрадной вестию победы.
Главу склонив, с тоской в очах
И накрест опустивши руки,
На верхней палубе, в мечтах,
Сидел отважный Долгорукий.

Он говорил: «Родной земли
Уже не зреть страдальцу боле;
Умру, как изгнанник, вдали,
Умру, с бесславием, в неволе.
В печальном плене дни влача,
Вотще пылаешь славой дедов;
Увы, не притупить меча
Тебе о кости грозных шведов!

Уж для меня, как битвы знак,
Не загремят в полках литавры,

И не украсят мой шишак
Неувядаемые лавры.
Не буду я, служа добру,
Творить вельможам укоризны
И правду говорить Петру
Для благоденствия отчизны...

Ах, лучше смерть в седых валах,
Чем жизнь без славы и свободы;
Не русскому стенать в цепях
И изживать без цели годы!»
Так пел герой. Меж тем вдали
Уже сияли храмов шпицы,
Чернелись берега земли
И стаями неслися птицы.

Вот видны башни на скалах;
То Готенбург на бреге диком —
И шведы, с пламенем в очах,
Приветствуют отчизну криком!
Подняв благоговейный взор
И к небу простирая длани,
В слезах благодарит пастор
И бога вод и бога брани.

Вокруг него толпы врагов,
Молясь, упали на колена...
Бушует ветр меж парусов,
Корабль летит, клубится пена.
Катятся слезы из очей
И груди шведов орошают;
Они отцов, сестер, детей
Уже в мечтаньях обнимают...

Вдруг Долгорукий загремел:
«За мной! Расторгнем плен постыдный.
Пусть слава будет наш удел
Иль смертию умрем завидной!..»
(Сверкнул в руке его) булат —
Пал неприятель изумленный,
И завоеванный фрегат
Помчался в Ревель покоренный.

ГОЛОВА ВОЛЫНСКОГО

Свершилась казнь — и образец
Любви к отечеству священной
Приял страдальческий венец,
Венец прекрасный и нетленной!
Волынский тверд был до конца!
Не устрашенный мукой казни,
Он важность гордого лица
Не изменил чертой боязни.

Презренного злодея меч
Сверкнул над выей патриота;
Сверкнул — глава упала с плеч
И покатилась с эшафота.
И страх и тайную тоску
Льстецы в душе презренной кроя,
Чтоб угодить временщику,
Торжествовали казнь героя.

Одна царица лишь была
Омрачена печальной думой;
Как будто камень, залегла
Тоска в душе ее угрюмой!
С тех пор от ней веселье прочь,
И стала сна она чуждаться:
Ее очам и день и ночь
Какой-то призрак стал являться...

Однажды пир шумел в дворце,
Гремела музыка на хорах;

У всех веселье на лице
И упоение во взорах.
В душе своей утомлена,
Бледна, печальна и угрюма,
Царица в тронную одна
Ушла украдкою от шума.

Увы! и радость не могла
Ее порадовать улыбкой
И мрачность бледного чела
Развеселить, хотя ошибкой!
«О, где найду душе покой?» —
Она в раздумьи возопила
И, опершись на трон рукой,
Уныло голову склонила.

«И в шуме пиршеств и в тиши
Меня раскаянье терзает;
Оно из глубины души
Волынского напоминает! . .»
«Он здесь!» — внезапно зазвучал
По сводам тронной страшный голос. . .
В царице трепет пробежал,
И дыбом приподнялся волос! . .

Она взглянула — перед ней
Глава Волынского лежала
И на нее из-под бровей
С укором очи устремляла.
Лик смертной бледностью покрыт,
Уста раскрытые трепещут,
Как огнь болотный в ночь горит,
Так очи в ней неясно блещут.

Кругом главы во тьме ночной
Какой-то чудный свет сияет.
И каплющая кровь порой
Помост чертога обагряет.
Рисует каждая черта
Страдальца славного отчизны;
Вдруг посинелые уста
Залепетали укоризны:

«Что медлишь ты? .. Давно я жду
Тебя к творцу на суд священный;
Там каждый восприемлет мзду;
Равны там царь и раб презренный!»
Окончив грозные слова,
Попрежнему из мрака ночи
Вперила мертвая глава
В царицу трепетную очи...

Гром музыки звучал еще,
Весельем оживлялись лица;
Все ждали Анну — но вотще!
Не возвращалася царица...
Исчезла радость, шум затих;
На царедворцах мрак угрюмой,
И каждый, глядя на других,
Спешит домой с тяжелой думой.

ВОЙНАРОВСКИЙ

ПОЭМА

... Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria...

Dante[1]

А. А. БЕСТУЖЕВУ

Как странник грустный, одинокой,
В степях Аравии пустой,
Из края в край с тоской глубокой
Бродил я в мире сиротой.
Уж к людям холод ненавистной
Приметно в душу проникал,
И я в безумии дерзал
Не верить дружбе бескорыстной.
Незапно ты явился мне:
Повязка с глаз моих упала;
Я разуверился вполне,
И вновь в небесной вышине
Звезда надежды засияла.

Прими ж плоды трудов моих,
Плоды беспечного досуга;
Я знаю, друг, ты примешь их
Со всей заботливостью друга.
Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства,
Зато найдешь живые чувства:
Я не поэт, а гражданин.

[1] <Нет большего горя, как вспоминать о счастливом времени в несчастьи. *Данте.*>

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ МАЗЕПЫ

Мазепа принадлежит к числу замечательнейших лиц в российской истории XVIII столетия. Место рождения и первые годы его жизни покрыты мраком неизвестности. Достоверно только, что он провел молодость свою при варшавском дворе, находился пажем у короля Иоанна Казимира и там образовался среди отборного польского юношества. Несчастные обстоятельства, до сих пор еще не объясненные, заставили его бежать из Польши. История представляет нам его в первый раз к 1674 году главным советником Дорошенки, который, под покровительством Польши, правил землями, лежавшими по правой стороне Днепра. Московский двор решился присоединить в то время сии страны к своей державе. Мазепа, попавшись в плен при самом начале войны с Дорошенком, советами против бывшего своего начальника много способствовал успеху сего предприятия и остался в службе у Самойловича, гетмана Малороссийской Украины. Самойлович, заметив в нем хитрый ум и пронырство, увлеченный его красноречием, употреблял его в переговорах с царем Феодором Алексеевичем, с крымским ханом и с поляками. В Москве Мазепа вошел в связи с первыми боярами царского двора и после неудачного похода любимца Софии князя Василья Васильевича Голицына в Крым в 1687 году, чтобы отклонить ответственность от сего вельможи, он приписал неуспех сей войны благодетелю своему Самойловичу, отправил о сем донос к царям Иоанну и Петру и в награду за сей поступок был, по происках Голицына, возведен в звание гетмана обеих Украин.

Между тем война с крымцами не уставала: поход 1688 года был еще неудачнее прошлогоднего; здесь в то время произошла перемена в правлении. Владычество Софии и ее любимца кончилось, и власть перешла в руки Петра. Мазепа, опасаясь разделить несчастную участь с вельможею, которому он обязан был своим

возвышением, решился объявить себя на стороне юного государя, обвинил Голицына в лихоимстве и остался гетманом.

Утвержденный в сем достоинстве, Мазепа всячески старался снискать благоволение российского монарха. Он участвовал в азовском походе; во время путешествия Петра по чужим краям счастливо воевал с крымцами, и один из первых советовал разорвать мир с шведами. В словах и поступках он казался самым ревностным поборником выгод России, изъявлял совершенное покорство воле Петра, предупреждал его желания, и в 1701 году, когда буджацкие и белгородские татары просили его о принятии их в покровительство, согласно с древними обычаями казаков: прежние казацкие обыкновения миновались, отвечал он депутатам, гетманы ничего не делают без повеления государя. В письмах к царю Мазепа говорил про себя, что он один и что все окружающие его недоброжелательствуют России; просил, чтоб доставили ему случай показать свою верность, позволив участвовать в войне против шведов, и в 1704 году, после похода в Галицию, жаловался, что король Август держал его в бездействии, не дал ему способов к оказанию важных услуг русскому царю. — Петр, плененный его умом, познаниями и довольный его службою, благоволил к гетману особенным образом. Он имел к нему неограниченную доверенность, осыпал его милостями, сообщал ему самые важные тайны, слушал его советов. Случалось ли, что недовольные, жалуясь на гетмана, обвиняли его в измене, государь велел отсылать их в Малороссию и судить как ябедников, осмеливших поносить достойного повелителя казаков. Еще в конце 1705 года Мазепа писал к Головкину: никогда не отторгнусь от службы премилостивейшего моего государя. В начале 1706 года был он уже изменником.

Несколько раз уже Станислав Лещинский подсылал к Мазепе поверенных своих с пышными обещаниями и убеждениями преклониться на его сторону, но последний отсылал всегда сии предложения Петру. Замыслив измену, повелитель Малороссии почувствовал необходимость притворства. Ненавидя россиян в душе, он вдруг начал обходиться с ними самым приветливым образом; в письмах своих к государю уверял он более, чем когда-нибудь, в своей преданности, а между тем потаенными средствами раздувал между казаками неудовольствие против России. Под предлогом, что казаки ропщут на тягости, понесенные ими в прошлогодних походах и крепостных работах, он распустил войско, вывел из крепостей гарнизоны и стал укреплять Батурин; сам Мазепа притворился больным, слег в постель, окружил себя докторами, не

вставал с одра по нескольку дней сряду, не мог ни ходить, ни стоять, и в то время, как все полагали его близким к гробу, он приводил в действие свои намерения: переписывался с Карлом XII и Лещинским, вел по ночам переговоры с присланным от Станислава иезуитом Зеленским о том, на каких основаниях сдать Малороссию полякам, и отправлял тайных агентов к запорожцам с разглашениями, что Петр намерен истребить Сечу и чтоб они готовились к сопротивлению. Гетман еще более начал притворяться по вступлении Карла в Россию. В 1708 году болезнь его усилилась. Тайные пересылки с шведским королем и письма к Петру сделались чаще. Карла умолял он о скорейшем прибытии в Малороссию и избавлении его от ига русских и в то же время писал к графу Гавриле Ивановичу Головину, что никакие прелести не могут отторгнуть его от высокодержавной руки царя русского и поколебать недвижимой его верности. Между тем шведы были разбиты при Добром и Лесном, и Карл обратился в Украину. Петр повелел гетману следовать к Киеву и с той стороны напасть на неприятельский обоз; но Мазепа не двигался из Борзны; притворные страдания его час от часу усиливались: 22 октября 1708 г. писал он еще к графу Головину, что он не может ворочаться без пособия своих слуг, более 10 дней не употребляет пищи, лишен сна и, готовясь умереть, уже соборовался маслом, а 29, явившись в Горках с 5000 казаков, положил к стопам Карла XII булаву и бунчук в знак подданства и верности.

Что побудило Мазепу к измене? Ненависть ли его к русским, полученная им еще в детстве, во время его пребывания при польском дворе? Любовная ли связь с одною из родственниц Станислава Лещинского, которая принудила его перейти на сторону сего короля? Или, как некоторые полагают, любовь к отечеству, внушившая ему неуместное опасение, что Малороссия, оставшись под владычеством русского царя, лишится прав своих? Но в современных актах ее не вижу в поступке гетмана Малороссии сего возвышенного чувства, предполагающего отвержение от личных выгод и пожертвование собою пользе сограждан. Мазепа в универсалах и письмах своих к казакам клялся самыми священными именами, что действует для их блага; но в тайном договоре с Станиславом отдавал Польше Малороссию и Смоленск с тем, чтоб его признали владетельным князем полоцким и витебским. Низкое, мелочное честолюбие привело его к измене. Благо казаков служило ему средством к умножению числа своих соумышленников и предлогом для скрытия своего вероломства, и мог ли он, воспитанный

в чужбине, уже два раза опятнавший себя предательством, двигаться благородным чувством любви к родине?

Генеральный судья Василий Кочубей был давно уже в несогласии с Мазепою. Ненависть его к гетману усилилась с 1704 года, после того как сей последний, во зло употребляя власть свою, обольстил дочь Кочубея и, смеясь над жалобами родителей, продолжал с нею виновную связь. Кочубей поклялся отомстить Мазепе; узнав о преступных его замыслах, может быть движимый усердием к царю, решился открыть их Петру. Согласившись с полтавским полковником Искрою, они отправили донос свой в Москву, а вскоре потом и сами туда явились; но двадцатилетняя верность Мазепы и шестьдесят четыре года жизни отдаляли от него всякое подозрение. Петр, приписывая поступок Кочубея и Искры личной ненависти на гетмана, велел отослать их в Малороссию, где сии несчастные, показав под пыткою, что их показания ложны, были казнены 14 июля 1708 года в Борщаговке, в 8 милях от Белой Церкви.

А. К<орнилович>

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВОЙНАРОВСКОГО

Андрей Войнаровский был сын родной сестры Мазепы, но об его отце и детстве нет никаких верных сведений. Знаем только, что бездетный гетман, провидя в племяннике своем дарования, объявил его своим наследником и послал учиться в Германию наукам и языкам иностранным. Объехав Европу, он возвратился домой, обогатив разум познанием людей и вещей. В 1705 году Войнаровский послан был на службу царскую. Мазепа поручил его тогда особому покровительству графа Головина; а в 1707 году мы уже встречаем его атаманом пятитысячного отряда, посланного Мазепою под Люблин в усиление Меньшикова, откуда и возвратился он осенью того же года. Участник тайных замыслов своего дяди, Войнаровский в решительную минуту впадения Карла XII в Украину отправился к Меньшикову, чтобы извинить медленность гетмана и заслонить его поведение. Но Меньшиков уже был разочарован; сомнения об измене Мазепы превращались в вероятия, и вероятия склонились к достоверности, — рассказы Войнаровского остались втуне. Видя, что каждый час умножается опасность его положения, не принося никакой пользы его стороне, он тайно отъехал к войску. Мазепа еще притворствовал: показал вид, будто разгневался на племянника, и чтобы удалить от себя тягостного нажидателя, полковника Протасова, упросил его исходатайствовать лично у Меньшикова прощение Войнаровскому за то, что тот уехал не простясь. Протасов дался в обман и оставил гетмана, казалось, умирающего. Явная измена Мазепы и прилучение части казацкого войска к Карлу XII последовали за сим немедленно, и от сих пор судьба Войнаровского была нераздельна с судьбою сего славного изменника и венценосного рыцаря, который не раз посылал его из Бендер к хану крымскому и турецкому двору, чтобы восстановить их противу России. Станислав Лещинский нарек Войнаровского коронным воеводою царства польского, а Карл дал ему чин

полковника шведских войск и по смерти Мазепы назначил гетманом обеих сторон Днепра. Однакож Войнаровский потерял блестящую и верную надежду быть гетманом всей Малороссии, ибо намерение дяди и желание его друзей призывали его в преемники сего достоинства, отклонил от себя безземельное гетманство, на которое осудили его одни беглецы, и даже откупился от оного, придав Орлику 3000 червонных к имени гетмана и заплатив кошевому 200 червонцев за склонение казаков на сей выбор. Наследовав после дяди знатное количество денег и драгоценных каменьев, Войнаровский приехал из Турции и стал очень роскошно жить в Вене, в Бреславле и в Гамбурге. Его образованность и богатство ввели его в самый блестящий круг дворов германских, и его ловкость, любезность доставили ему знакомство (кажется, весьма двусмысленное) с славною графинею Кенигсмарк, любовницею противника его, короля Августа, матерью графа Морица де Сакс. — Между тем как счастие ласкало так Войнаровского забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны. Намереваясь отправиться в Швецию для получения с Карла занятых им у Мазепы 240 000 талеров, он приехал в 1716 году в Гамбург, где и был схвачен на улице магистратом, по требованию российского резидента Беттахера. Однакож, вследствие протестации венского двора, по правам нейтралитета, отправление его из Гамбурга длилось долго, и лишь собственная решимость Войнаровского отдаться милости Петра I предала его во власть русских. Он представился государю в день именин императрицы, и ее заступление спасло его от казни. Войнаровский был сослан со всем семейством в Якутск, где и кончил жизнь свою, но когда и как — неизвестно. Миллер, в бытность свою в Сибири в 1736 и 1737 годах, видел его в Якутске, но уже одичавшего и почти забывшего иностранные языки и светское обхождение.

Такова была жизнь Войнаровского, и нрав его виден в делах. Он был отважен, ибо Мазепа не вверил бы ему многочисленного отряда людей независимых, у коих одни личные достоинства могли скреплять власть; красноречив, что доказывают поручения от Карла XII и Мазепы; решителен и неуклончив, как это видно из размолвки его с Меньшиковым; наконец, ловок и обходителен, ибо тщеславие не нарекло бы его в Вене графом,[1] если бы любезный дикарь сей не имел тонкости светской; одним словом, Войнаровский принадлежит к числу тех немногих людей, которых Великий Петр

---

[1] В Вене называли его графом.

почтил именем опасных врагов. Без сомнения, Войнаровский, одаренный сильным характером, которому случай дал развернуться в такую славную эпоху, принадлежит к числу любопытнейших лиц прошлого века — лиц, равно присвоенных истории и поэзии, ибо превратность судьбы его предупредила все вымыслы романтика.

А. Б<естужев>

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В стране метелей и снегов,
На берегу широкой Лены,
Чернеет длинный ряд домов
И юрт бревенчатые стены.
Кругом сосновый частокол
Поднялся из снегов глубоких,
И с гордостью на дикий дол
Глядят верхи церквей высоких;
Вдали шумит дремучий бор,
Белеют снежные равнины,
И тянутся кремнистых гор
Разнообразные вершины...

Всегда сурова и дика
Сих стран угрюмая природа;
Ревет сердитая река,
Бушует часто непогода,
И часто мрачны облака...

Никто страны сей безотрадной,
Обширной узников тюрьмы,
Не посетит, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведет
Якутска житель одичалой;
Лишь раз иль дважды в круглый год,
С толпой преступников усталой,
Дружина воинов придет;
Иль за якутскими мехами,

Из ближних и далеких стран,
Приходит с русскими купцами
В забытый город караван.

На миг в то время оживится
Якутск унылый и глухой;
Все зашумит, засуетится,
Народы разные толпой:
Якут и юкагир пустынной,
Неся богатый свой ясак,
Лесной тунгуз и с пикой длинной
Сибирский строевой казак.

Тогда зима на миг единый
От мест угрюмых отлетит;
Безмолвный лес заговорит,
И чрез зеленые долины
По камням Лена зашумит.
Так посещает в подземелье
Почти убитого тоской
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье.
Так в душу мрачную влетит
Подчас спокойствие ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодея прояснит...

Но кто украдкою из дому
В тумане раннею порой
Идет по берегу крутому
С винтовкой длинной за спиной,
В полукафтаньи, в шапке черной
И перетянут кушаком,
Как стран Днепра казак проворный
В своем наряде боевом?
Взор беспокойный и угрюмый,
В чертах суровость и тоска,
И на челе его слегка
Тревожные рисует думы
Судьбы враждующей рука.
Вот к западу простер он руки;

В глазах вдруг пламень засверкал.
И с видом нестерпимой муки,
В волненьи сильном он сказал:

«О край родной! Поля родные!
Мне вас уж боле не видать;
Вас, гробы праотцев святые,
Изгнаннику не обнимать.

Горит напрасно пламень пылкий,
Я не могу полезным быть:
Средь дальной и позорной ссылки
Мне суждено в тоске изныть.

О край родной! Поля родные!
Мне вас уж боле не видать;
Вас, гробы праотцев святые,
Изгнаннику не обнимать».

Сказал; пошел по косогору;
Едва приметною тропой
Поворотил к сырому бору
И вот исчез в глуши лесной.
Кто ссыльный сей, никто не знает:
Давно в страну изгнанья он,
Молва народная вещает,
В кибитке крытой привезен.
Улыбки не видать приветной
На незнакомце никогда,
И поседели уж приметно
Его и ус и борода.
Он не варнак; смотри: не видно
Для человечества постыдной
Печати роковой на нем,
В чело вклейменной палачом.
Но вид его суровей вдвое,
Чем дикий вид чела с клеймом;
Покоен он: но так в покое
Байкал пред бурей мрачным днем,
Как в час глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей месяц спит,
Могильный огонек горит —

Так незнакомца блещут очи.
Всегда дичится и молчит,
Один, как отчужденный, бродит,
Ни с кем знакомства не заводит.
На всех сурово он глядит...

В стране той хладной и дубравной
В то время жил наш Миллер славной;
В укромном домике, в тиши,
Работал для веков в глуши,
С судьбой боролся своенравной
И жажду утолял души.
Из родины своей далекой
В сей край пустынный завлечен
К познаньям страстию высокой,
Здесь наблюдал природу он.
В часы суровой непогоды
Любил рассказы стариков
Про Ермака и казаков,
Про их отважные походы
По царству хлада и снегов;
Как часто, вышедши из дому,
Бродил по целым он часам
По океану снеговому
Или по дебрям и горам,
Следил, как солнце, яркий пламень
Разлив по тверди голубой,
На миг за Кангалацкий камень
Уходит летнею порой.
Все для пришельца было ново:
Природы дикой красота,
Климат жестокий и суровый
И диких нравов простота.

Однажды он в мороз трескучий,
Оленя гнав с сибирским псом,
Вбежал на лыжах в лес дремучий —
И мрак и тишина кругом!
Повсюду сосны вековые
Иль кедры в инее седом;
Сплелися ветви их густые
Непроницаемым шатром.

Не видно из лесу дороги...
Чрез хворост, кочки и снега
Олень несется быстроногий,
Закинув на спину рога,
Вдали меж соснами мелькает,
Летит... Вдруг выстрел!.. Быстрый бег
Олень внезапно прерывает...
Вот зашатался — и на снег
Окровавленный упадает.
Смущенный Миллер робкий взор
Туда, где пал олень, бросает
Сквозь чащу, ветви, дичь и бор
И зрит: к оленю подбегает
С винтовкой длинною в руке,
Окутанный дохою черной
И в длинношерстном чебаке,
Охотник ловкий и проворной...

То ссыльный был. Угрюмый взгляд,
Вооруженье и наряд
И незнакомца вид унылой —
Все душу странника страшило.
Но трепеща в глуши лесной
Блуждать один, путей не зная,
Преодолел он ужас свой
И быстрой полетел стрелой,
Бег к незнакомцу направляя.
«Кто б ни был ты, — он так сказал, —
Будь мне вожатым, ради бога;
Гнав зверя, я с тропы сбежал
И в глушь нечаянно попал;
Скажи, где на Якутск дорога?» —
«Она осталась за тобой,
За час отсюда, в ближнем доле;
Кругом все дичь и лес густой,
И вряд ли до ночи глухой
Успеешь выбраться ты в поле;
Уже вечерняя пора...
Но мы вблизи заимки скудной:
Пойдем — там в юрте до утра
Ты отдохнешь с охоты трудной».

Они пошли. Все глуше лес,
Все реже виден свод небес...
Погасло дневное светило;
Настала ночь... Вот месяц всплыл,
И одинокий и унылый
Дремучий лес осеребрил
И юрту путникам открыл.
Пришли — и ссыльный, торопливо
Вошед в угрюмый свой приют,
Вдруг застучал кремнем в огниво,
И искры сыпались на трут,
Мрак освещая молчаливый,
И каждый в сталь удар кремня
В углу обители пустынной
То дуло озарял ружья,
То ратовище пальмы длинной,
То саблю, то конец копья.
Глаз с незнакомца не спуская,
Близ двери Миллер перед ним,
В душе невольный страх скрывая,
Стоит и нем и недвижим...
Вот, вздув огонь, пришлец суровый
Проворно жирник засветил,
Скамью придвинул, стол сосновый
Простою скатертью накрыл
И с лаской гостя посадил.
И вот за трапезою сытной,
В хозяина вперяя взор,
Заводит странник любопытной
С ним о Сибири разговор.
В какое ж Миллер удивленье
Был незнакомцем приведен;
И кто бы не был поражен:
Стран европейских просвещенье
В лесах сибирских встретил он!
Покинув родину, с тоскою
Два года Миллер, как чужой,
Бродил бездомным сиротою
В стране забытой и глухой,
Но тут, в пустыне отдаленной,
Он неожиданно, в глуши,
Впервые мог тоску души

Отвесть беседой просвещенной.
При строгой важности лица,
Слова, высоких мыслей полны,
Из уст седого пришлеца
В избытке чувств текли, как волны.
В беседе долгой и живой
Глаза у обоих сверкали;
Они друг друга понимали
И, как друзья, в глуши лесной
Взаимно души открывали.
Усталый странник позабыл
И поздний час и сон отрадный
И, слушать незнакомца жадный,
Казалось, весь вниманье был.

«Ты знать желаешь, добрый странник,
Кто я и как сюда попал? —
Так незнакомец продолжал: —
Того до сей поры изгнанник
Здесь никому не поверял.
Иных здесь чувств и мнений люди.
Они не поняли б меня,
И повесть мрачная моя
Не взволновала бы их груди.
Тебе же тайну вверю я
И чувства сердца обнаружу;
Ты в родине, как должно мужу,
Наукой просветил себя.
Ты все поймешь, ты все оценишь
И несчастливцу не изменишь...

Дивись же, странник молодой,
Как гонит смертных рок свирепый:
В одежде дикой и простой,
Узнай, сидит перед тобой
И друг и родственник Мазепы!
Я Войнаровский. Обо мне
И о судьбе моей жестокой
Ты, может быть, в родной стране
Слыхал не раз с тоской глубокой...
Ты видишь: дик я и угрюм,
Брожу, как остов, очи впали

И на челе бразды печали,
Как отпечаток тяжких дум,
Страдальцу вид суровый дали.
Между лесов и грозных скал,
Как вечный узник безотраден,
Я одряхлел, я одичал,
И, как климат сибирский, стал
В своей душе жесток и хладен.
Ничто меня не веселит,
Любовь и дружество мне чужды,
Печаль свинцом в душе лежит,
Ни до чего нет сердцу нужды.
Бегу, как недруг, от людей;
Я не могу снести их вида:
Их жалость о судьбе моей
Мне нестерпимая обида.
Кто брошен в дальние снега
За дело чести и отчизны,
Тому сноснее укоризны,
Чем сожаление врага.

К чему напрасное моленье!
И ты печально не гляди,
Не изъявляй мне сожаленье
И так жестоко не буди
В моей измученной груди
Тоски, уснувшей на мгновенье.
Признаться ль, странник: я б желал,
Чтоб люди узника чуждались,
Чтоб взгляд мой душу их смущал
Чтобы меня средь этих скал,
Как привидения, пугались.
Ах! может быть, тогда покой
Сдружился бы с моей душой...
Но знал и я когда-то радость
И от души людей любил,
И полной чашею испил
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лоне счастья и свободы,
Мои младенческие годы
Ручьем игривым протекли;

Как легкий сон, как привиденье,
За ними радость на мгновенье,
А вместе с нею суеты,
Война, любовь, печаль, волненье
И пылкой юности мечты.

Враг хищных крымцев, враг поляков,
Я часто за Палеем вслед,
С ватагой храбрых гайдамаков,
Искал иль смерти, иль побед.
Бывало, кони быстроноги
В степях и диких и глухих,
Где нет жилья, где нет дороги,
Мчат вихрем всадников лихих.
Дыша любовью к дикой воле,
Бодры и веселы без сна,
Мы воздухом питались в поле
И малой горстью толокна.
В неотразимые наезды
Нам путь указывали звезды,
Иль шумный ветер, иль курган;
И мы, как туча громовая,
Внезапно и от разных стран,
Пустыню воплем оглашая,
На вражий наезжали стан,
Дружины грозные громили,
Селения и грады в прах,
И в земли чуждые вносили
Опустошение и страх.
Враги везде от нас бежали
И, трепеща постыдных уз,
Постыдной данью покупали
У нас сомнительный союз.

Однажды, увлечен отвагой,
Я, с малочисленной ватагой
Неустрашимых удальцов,
Ударил на толпы врагов.
Бой длился до ночи. Поляки
Уже смешалися в рядах
И, строясь дале, на холмах,
Нам уступали поле драки.

Вдруг слышим крымцев дикий глас...
Поля и стонут и трясутся...
Глядим — со всех сторон на нас
Толпы враждебные несутся...
В одно мгновенье тучи стрел
В дружину нашу засвистали;
Вотще я устоять хотел;
Враги все боле нас стесняли,
И наконец, покинув бой,
Мы степью дикой и пустой
Рассыпались и побежали...
Погоню слыша за собой,
И раненый и изнуренный,
Я на коне летел стрелой,
Страшася в плен попасть презренный.

Уж Крыма хищные сыны
За мною гнаться перестали;
За рубежом родной страны
Уж хутора вдали мелькали.
Уж в куренях я зрел огонь,
Уже я думал — вот примчался!
Как вдруг мой изнуренный конь
Остановился, зашатался
И близ границ страны родной
На землю грянулся со мной...

Один, вблизи степной могилы,
С конем издохнувшим своим,
Под сводом неба голубым
Лежал я мрачный и унылый.
Катился градом пот с чела,
Из раны кровь ручьем текла...
Напрасно помощь призывая,
Я слабый голос подавал;
В степи пустынной исчезая,
Едва родясь, он умирал.

Все было тихо... Лишь могила
Уныло с ветром говорила.
И одинока и бледна,

Плыла двурогая луна
И озаряла сумрак ночи.
Я без движения лежал;
Уж я, казалось, замирал;
Уже, заглядывая в очи,
Над мною хищный вран летал...
Вдруг слышу шорох за курганом
И зрю: покрытая серпяном,
Казачка юная стоит,
Склоняясь робко надо мною,
И на меня с немой тоскою
И нежной жалостью глядит.

О незабвенное мгновенье!
Воспоминанье о тебе,
На зло враждующей судьбе,
И здесь страдальцу упоенье!
Я не забыл его с тех пор;
Я помню сладость первой встречи,
Я помню ласковые речи
И полный состраданья взор.
Я помню радость девы нежной,
Когда страдалец безнадежный
Был под хранительную сень
Снесен к отцу ее в курень.
С какой заботою ходила
Она за страждущим больным;
С каким участием живым
Мои желания ловила.
Я все утехи находил
В моей казачке черноокой;
В ее словах я негу пил
И облегчал недуг жестокой.
В часы бессонницы моей
Она, приникнув к изголовью,
Сидела с тихою любовью
И, не сводя с меня очей,
В час моего успокоенья
Она ходила собирать
Степные травы и коренья,
Чтоб ими друга врачевать.
Так часто нежно и приветно

На мне прекрасный взор бродил.
И я казачку неприметно
Душою пылкой полюбил.
В своей невинности сначала
Она меня не понимала;
Я тосковал, кипела кровь!
Но скоро пылкая любовь
И в милой деве запылала...
Настала счастия пора!
Подругой юной исцеленной,
С душой, любовью упоенной,
Я обновленный встал с одра.
Недолго мы любовь таили,
Мы скоро жар сердец своих
Ее родителям открыли
И на союз сердец просили
Благословения у них.

Три года молнией промчались
Под кровом хижины простой;
С моей подругой молодой
Ни разу мы не разлучались.
Среди пустынь, среди степей,
В кругу резвящихся детей,
На мирном лоне сладострастья,
С казачкой милою моей
Вполне узнал я цену счастья.
Угрюмый гетман нас любил;
Как дед, дарил малюток милых
И наконец из мест унылых
В Батурин нас переманил.

Всё шло обычной чередой.
Я счастлив был; но вдруг покой
И счастие мое сокрылось:
Нагрянул Карл на Русь войной.
Все на Украйне ополчилось,
С весельем все летят на бой;
Лишь только мраком и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Из-под бровей нависших стал
Сверкать какой-то пламень дикий;

Угрюмый с нами, он молчал
И равнодушнее внимал
Полков приветственные клики.

Вину таинственной тоски
Вотще я разгадать старался;
Мазепа ото всех скрывался,
Молчал — и собирал полки.
Однажды позднею порою
Он в свой дворец меня призвал;
Вхожу — и слышу: — Я желал
Давно беседовать с тобою;
Давно хотел открыться я
И важную поверить тайну;
Но наперед заверь меня,
Что ты, при случае, себя
Не пожалеешь за Украйну.

«Готов все жертвы я принесть, —
Воскликнул я, — стране родимой;
Отдам детей с женой любимой;
Себе одну оставлю честь».
Глаза Мазепы засверкали;
Как пред рассветом ночи мгла,
С его угрюмого чела
Сбежало облако печали.
Сжав руку мне, он продолжал:
— Я зрю в тебе Украйны сына;
Давно прямого гражданина
Я в Войнаровском угадал.
Я не люблю сердец холодных:
Они враги родной стране,
Враги священной старине:
Ничто им бремя бед народных.
Им чувств высоких не дано,
В них нет огня душевной силы,
От колыбели до могилы
Им пресмыкаться суждено.
Ты не таков; я это вижу;
Но чувств твоих я не унижу,
Сказав, что родину мою
Я более, чем ты, люблю.

Как должно юному герою,
Любя страну своих отцов,
Женой, детями и собою
Ты ей пожертвовать готов...
Но я, но я, пылая местью,
Ее спасая от оков,
Я жертвовать готов ей честью.
Но к тайне приступить пора:
Я чту Великого Петра;
Но — покоряяся судьбине,
Узнай: я враг ему отныне!..
Шаг этот дерзок, знаю я;
От случая всему решенье,
Успех не верен, — и меня
Иль слава ждет, иль поношенье!
Но я решился: пусть судьба
Грозит стране родной злосчастьем,
Уж близок час, близка борьба,
Борьба свободы с самовластьем!

Началом бед моих была
Сия беседа роковая!
С тех пор пора утех прошла,
С тех пор, о родина святая,
Лишь ты всю душу заняла!
Мазепе предался я слепо,
И, друг отчизны, друг добра,
Я поклялся враждой свирепой
Против Великого Петра.
Ах, может, был я в заблужденьи,
Кипящей ревностью горя;
Но я в слепом ожесточеньи
Тираном почитал царя...
Быть может, увлеченный страстью,
Не мог я цену дать ему,
И относил то к самовластью,
Что́ свет отнес к его уму.
Судьбе враждующей послушен,
Переношу я жребий свой,
Но, ах! вдали страны родной
Могу ль всегда быть равнодушен?
Рожденный с пылкою душой,

Полезным быть родному краю,
С надеждой славиться войной,
Я бесполезно изнываю
В стране пустынной и чужой.
Как тень везде тоска за мною,
Уж гаснет огнь моих очей,
И таю я, как лед весною
От распаляющих лучей.
Душе честолюбивой бремя
Вести с бездействием борьбу;
Но как ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу!
Судьбу — всю жизнь влача в кручине,
Тая тоску в душе своей,
Зреть гроб в безбрежной сей пустыне,
Далеко от родных степей. . .
Почто, почто в битве кровавой,
Летая гордо на коне,
Не встретил смерти под Полтавой?
Почто с бесславием иль славой
Я не погиб в родной стране?
Увы! умру в сем царстве ночи!
Мне так сулил жестокий рок;
Умру я — и чужой песок
Изгнанника засыплет очи!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Уж было ясно и светло,
Мороз стрелял в глуши дубравы,
По небу серому текло
Светило дня, как шар кровавый.
Но в юрту день не проникал;
Скользя сквозь ветви древ густые,
Едва на окна ледяные
Луч одинокий ударял.
Знакомцы новые сидели
Уже давно пред очагом;
Дрова сосновые дотлели,
Лишь угли красные блестели
Порою синим огоньком.

Недвижно добрый странник внемлет
Страдальца горестный рассказ,
И часто гнев его объемлет,
Иль слезы падают из глаз...
«Видал ли ты, когда весной,
Освобожденная из плена,
В брегах крутых несется Лена?
Когда, гоня волну волной
И разрушая все преграды,
Ломает льдистые громады
Иль, поднимая дикий вой,
Клубится и бугры вздымает,
Утесы с ревом отторгает
И их уносит за собой,
Шумя, в неведомые степи?
Так мы, свои разрушив цепи,
На глас отчизны и вождей,
Ниспровергая все препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческих степей.

Летая за гремящей славой,
Я жизни юной не щадил,
Я степи кровью обагрил
И свой булат в войне кровавой
О кости русских притупил.

Мазепа с северным героем
Давал в Украйне бой за боем.
Дымились кровию поля,
Тела разбросанные гнили,
Их псы и волки теребили;
Казалась трупом вся земля!
Но все усилья тщетны были:
Их ум Петров преодолел;
Час битвы роковой приспел —
И мы отчизну погубили!
Полтавский гром загрохотал...
Но в грозной битве Карл свирепой
Против Петра не устоял!
Разбит, впервые он бежал;
Вослед ему — и мы с Мазепой.

Почти без отдыха пять дней
Бежали мы среди степей,
Бояся вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались нам.
Дрожа от стужи по ночам,
Изнемогая в день от зноя,
Едва сидели мы верхом...
Однажды в полночь под леском
Мы для минутного покоя
Остановились за Днепром.
Вокруг синела степь глухая,
Луну затмили облака,
И, тишину перерывая,
Шумела в берегах река.
На войлоке простом и грубом,
Главою на седло склонен,
Усталый Карл дремал под дубом,
Толпами ратных окружен.
Мазепа пред костром сосновым,
Вдали, на почерневшем пне,
Сидел в глубокой тишине
И с видом мрачным и суровым,
Как другу, открывался мне:

— О, как неверны наши блага!
О, как подвластны мы судьбе!
Вотще в душах кипит отвага:
Уже настал конец борьбе.
Одно мгновенье все решило,
Одно мгновенье погубило
Навек страны моей родной
Надежду, счастье и покой...
Но мне ли духом унижаться?
Не буду рока я рабом;
И мне ли с роком не сражаться,
Когда сражался я с Петром?
Так, Войнаровский, испытаю,
Покуда длится жизнь моя,
Все способы, все средства я,
Чтобы помочь родному краю.
Спокоен я в душе своей:

И Петр и я — мы оба правы;
Как он, и я живу для славы,
Для пользы родины моей. —
Замолкнул он; глаза сверкали;
Дивился я его уму;
Дрова треща уж догорали.
Мазепа лег; но вдруг к нему
Двух пленных казаки примчали.
Облокотяся, вождь седой,
Волнуем тайно мрачной думой,
Спросил, взглянув на них угрюмо:
— Что нового в стране родной?

«Я из Батурина недавно, —
Один из пленных отвечал, —
Народ Петра благословлял
И, радуясь победе славной,
На стогнах шумно пировал.
Тебя ж, Мазепа, как Иуду,
Клянут украинцы повсюду;
Дворец твой, взятый на копье,
Был предан нам на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь — и брань и поношенье!»

В ответ, склонив на грудь главу,
Мазепа горько улыбнулся;
Прилег, безмолвный, на траву
И в плащ широкий завернулся.
Мы все с участием живым,
За гетмана пылая местью,
Стояли молча перед ним,
Поражены ужасной вестью.
Он приковал к себе сердца:
Мы в нем главу народа чтили,
Мы обожали в нем отца,
Мы в нем отечество любили.
Не знаю я, хотел ли он
Спасти от бед народ Украйны
Иль в ней себе воздвигнуть трон, —
Мне гетман не открыл сей тайны.
Ко нраву хитрого вождя

Успел я в десять лет привыкнуть;
Но никогда не в силах я
Был замыслов его проникнуть.
Он скрытен был от юных дней,
И, странник, повторю: не знаю,
Что в глубине души своей
Готовил он родному краю.
Но знаю то, что, затая
Любовь, родство и глас природы,
Его сразил бы первый я,
Когда б он был врагом свободы.

С рассветом дня мы снова в путь
Помчались по степи унылой.
Как тяжко волновалась грудь,
Как сердце юное заныло,
Когда рубеж страны родной
Узрели мы перед собой!

В волненьи чувств, тоской томимой,
Я, как ребенок, зарыдал
И, взявши горсть земли родимой,
К кресту с молитвой привязал.
«Быть может, — думал я, рыдая, —
Украйны мне уж не видать!
Хоть ты, земля родного края,
Меня в чужбине утешая,
От грусти будешь врачевать,
Отчизну мне напоминая...»

Увы! предчувствие сбылось:
Судьбы волненьем самовластной
С тех пор на родине прекрасной
Мне побывать не довелось...

В стране глухой, в стране безводной,
Где только изредка ковыль
По степи стелется бесплодной,
Мы мчались, поднимая пыль.
Коней мы вовсе изнурили,
Страдал увенчанный беглец. [1]

[1] Карл XII.

И с горстью шведов наконец
В Бендеры к туркам мы вступили.
Тут в страшный недуг гетман впал;
Он непрестанно трепетал
И, взгляд кругом бросая быстрый,
Меня и Орлика он звал
И, задыхаясь, уверял,
Что Кочубея видит с Искрой.

— Вот, вот они! . . При них палач! —
Он говорил, дрожа от страху. —
Вот их взвели уже на плаху,
Кругом стенания и плач. . .
Готов уж исполнитель муки;
Вот засучил он рукава,
Вот взял уже секиру в руки. . .
Вот покатилась голова. . .
И вот другая! . . Все трепещут!
Смотри, как страшно очи блещут! . . —

То в ужасе порой с одра
Бросался он в мои объятья:
— Я вижу грозного Петра!
Я слышу страшные проклятья!
Смотри: блестит свечами храм,
С кадильниц вьется фимиам. . .
Митрополит, грозящий взором,
Так возглашает с громким хором:
«Мазепа проклят в род и род:
Он погубить хотел народ!» —
То, трепеща и цепенея,
Он часто зрел в глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь.
В страданьях сих изнемогая,
Молитву громко он читал,
То горько плакал и рыдал,
То, дикий взгляд на всех бросая,
Он, как безумный, хохотал.
То, в память приходя порою,
Он очи, полные тоскою,
На нас уныло устремлял.

В девятый день приметно стало
Мазепе под вечер трудней;
Изнеможенный и усталый,
Дышал он реже и слабей;
Томим болезнию своей,
Хотел он скрыть, казалось, муку...
К нему я бросился, взял руку:
Увы! она уже была
И холодна и тяжела!
Глаза остановясь смотрели,
Пот проступал, он отходил...
Но вдруг, собрав остаток сил,
Он приподнялся на постели
И, бросив пылкий взгляд на нас:
«О Петр! О родина!» — воскликнул.
Но с сим в страдальце замер глас,
Он вновь упал, главой поникнул,
В меня недвижный взор вперил
И вздох последний испустил...
Без слез, без чувств, как мрамор хладной,
Перед умершим я стоял,
Я ум и память потерял,
Убитый грустью безотрадной...

День грустных похорон настал:
Сам Карл, и мрачный и унылый,
Вождя Украйны до могилы
С дружиной шведов провожал.
Казак и швед равно рыдали;
Я шел как тень в кругу друзей.
О странник! Все предузнавали,
Что мы с Мазепой погребали
Надежду родины своей.
Увы! Последний долг герою
Чрез силу я отдать успел.
В тот самый день внезапно мною
Недуг жестокий овладел.
Я был уж на краю могилы,
Но жизнь во мне зажглась опять,
Мои возобновились силы,
И снова начал я страдать.

Бендеры мне противны стали,
Я их покинул и летел
От земляков в чужой предел,
Рассеять мрак своей печали.
Но, ах, напрасно! Рок за мной
С неотразимою бедой,
Как дух враждующий, стремился:
Я схвачен был толпой врагов —
И в вечной ссылке очутился
Среди пустынных сих лесов...

Уж много лет прошло в изгнанье.
В глухой и дикой стороне
Спасение и упованье
Была святая вера мне.

Я привыкал к несчастной доле;
Лишь об Украйне и родных,
Украдкой от врагов моих,
Грустил я часто поневоле.
Что сталось с родиной моей?
Кого в Петре — врага иль друга
Она нашла в беде своей?
Где слезы льет моя подруга?
Увижу ль я своих друзей?
Так я души покой минутной
В своем изгнаньи возмущал
И от тоски и думы смутной,
Покинув город бесприютной,
В леса и дебри убегал.
В моей тоске, в моем несчастье,
Мне был отраден шум лесов,
Отрадно было мне ненастье,
И бури вой, и плеск валов.
Во время бури заглушала
Борьба стихий борьбу души;
Она мне силы возвращала,
И на мгновение, в глуши,
Душа страдать переставала.

Раз у якутской юрты я
Стоял под сосной одинокой;

Буран шумел вокруг меня,
И свирепел мороз жестокой.
Передо мной скалы и лес
Грядой тянулися безбрежной;
Вдали, как море, с степью снежной
Сливался темный свод небес.
От юрты вдаль тальник кудрявый
Под снегом стлался, между гор
В боку был виден черный бор
И берег Лены величавый.
Вдруг вижу: женщина идет,
Дохой убогою прикрыта,
И связку дров едва несет,
Работой и тоской убита.
Я к ней, и что же? .. Узнаю
В несчастной сей, в мороз и вьюгу,
Казачку юную мою,
Мою прекрасную подругу! ..

Узнав об участи моей,
Она из родины своей
Пошла искать меня в изгнанье.
О странник! Тяжко было ей
Не разделять со мной страданье.
Встречала много на пути
Она страдальцев знаменитых,
Но не могла меня найти:
Увы! я здесь в числе забытых.
Закон велит молчать, кто я,
Начальник сам того не знает.
Об том и спрашивать меня
Никто в Якутске не дерзает.

И добрая моя жена,
Судьбой гонимая жестокой,
Была блуждать осуждена,
Тая тоску в душе высокой.
Ах, говорить ли, странник мой,
Тебе об радости печальной
При встрече с доброю женой
В стране глухой, в стране сей дальной?

Я ожил с нею; но детей
Я не нашел уже при ней.
Отца и матери страданья
Им не судил узнать творец;
Они, не зрев страны изгнанья,
Вкусили радостный конец.

С моей подругой возвратилось
Душе спокойствие опять;
Мне будто легче становилось;
Я начал реже тосковать.
Но, ах! недолго счастье длилось,
Оно, как сон, исчезло вдруг.
Давно закравшийся недуг
В младую грудь подруги милой
С весной приметно стал сближать
Ее с безвременной могилой.
Тут мне судил творец узнать
Всю доброту души прекрасной
Моей страдалицы несчастной.
Болезнию изнурена,
С какой заботою она
Свои страданья скрыть старалась:
Она шутила, улыбалась,
О прежних говорила днях,
О падшем дяде, о детях.
К ней жизнь, казалось, возвращалась
С порывом пылких чувств ея;
Но часто, тайно от меня,
Она слезами обливалась.
Ей жизнь и силы возвратить
Я небеса молил напрасно;
Судьбы ничем не отвратить.
Настал для сердца час ужасный!
— Мой друг! — сказала мне она. —
Я умираю, будь покоен:
Нам здесь печаль была дана;
Но, друг, есть лучшая страна:
Ты по душе ее достоин.
О! так, мы свидимся опять!
Там ждет награда за страданья,
Там нет ни казней, ни изгнанья,

Там нас не будут разлучать. —
Она умолкла. Вдруг приметно
Стал угасать огонь очей.
И наконец, вздохнув сильней,
Она, с улыбкою приветной,
Увяла в цвете юных лет,
Безвременно, в Сибири хладной,
Как на иссохшем стебле цвет
В теплице душной, безотрадной.

Могильный, грустный холм ее
Близ юрты сей насыпал я.
С закатом солнца я порою
На нем в безмолвии сижу
И чудотворною мечтою
Лета протекшие бужу.
Все воскресает предо мною:
Друзья, Мазепа и война
И с чистою своей душою
Невозвратимая жена.

О странник! Память о подруге
Страдальцу бодрость в душу льет;
Он равнодушней смерти ждет
И плачет сладостно о друге.

Как часто вспоминаю я
Над хладною ее могилой
И свойства добрые ея,
И пылкий ум, и образ милой!
С какою страстию она,
Высоких помыслов полна,
Свое отечество любила!
С какою живостью об нем,
В своем изгнаньи роковом,
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль
Ее, тягча, снедала тайно;
Ее тоски не зрел москаль;
Она ни разу и случайно
Врага страны своей родной

Порадовать не захотела
Ни тихим вздохом, ни слезой.
Она могла, она умела
Гражданкой и супругой быть
И жар к добру души прекрасной,
В укор судьбине самовластной,
В самом страданьи сохранить.
. . . . . .

С утратой сей, от бед усталой,
С душой для счастия увялой,
Я веру в счастье потерял;
Я много горя испытал,
Но, тяжкой жизнью недовольной,
Как трус презренный, не искал
Спасенья в смерти самовольной.
Не раз встречал я смерть в боях;
Она кругом меня ходила
И груды трупов громоздила
В родных украинских степях.
Но никогда, ей в очи глядя,
Не содрогнулся я душой;
Не забывал, стремяся в бой,
Что мне Мазепа друг и дядя.
Чтить Брута с детства я привык:
Защитник Рима благородный,
Душою истинно свободный,
Делами истинно велик.
Но он достоин укоризны;
Сограждан сам он погубил:
Он торжество врагов отчизны
Самоубийством утвердил.
Ты видишь сам, как я страдаю,
Как жизнь в изгнаньи тяжела;
Мне б смерть отрадою была:
Но жизнь и смерть я презираю...
Мне надо жить; еще во мне
Горит любовь к родной стране. —
Еще, быть может, друг народа
Спасет несчастных земляков,
И, достояние отцов,
Воскреснет прежняя свобода! ..»

Тут Войнаровский замолчал;
В лице исчезнул мрак печали,
Глаза слезами засверкали,
И он молиться тихо стал.
Гость просвещенный угадал,
Об чем страдалец сей молился;
Он сам невольно прослезился
И несчастливцу руку дал,
В душе с тоской и грустью сильной,
В знак дружбы верной, домогильной...

Дни уходили с быстротой,
Зима обратно налетела
И хладною рукой одела
Природу в саван снеговой.
В пустыне странник просвещенной
Страдальца часто навещал,
Тоску и грусть с ним разделял,
И об Украйне незабвенной,
Как сын Украйны, он мечтал.

Однажды он в уединенье
С отрадной вестью о прощенье
К страдальцу-другу поспешал.
Мороз трещал. Глухой тропою
Олень пернатою стрелою
Его на быстрой нарте мчал.
Уже он ловит жадным взором
Сквозь ветви древ, в глуши лесной,
Кров одинокий и простой
С полуразрушенным забором.
«С каким восторгом сладким я
Скажу: окончены страданья!
Мой друг, покинь страну изгнанья!
Лети в родимые края!
Там ждут тебя, в стране прекрасной,
Благословенье земляков,
И круг друзей с душою ясной,
И мирный дом твоих отцов!»
Так добрый Миллер предавался
Дорогой сладостным мечтам.

Но вот он к низким воротам
Пустынной хижины примчался.
Никто встречать его нейдет.
Он входит в двери. Луч приветной
Сквозь занесенный снегом лед
Украдкой свет угрюмый льет:
Все пусто в юрте безответной;
Лишь мрак и холод в ней живет.
«Всё в запустеньи! — мыслит странник. —
Куда ж сокрылся ты, изгнанник?»
И думой мрачной отягчен,
Тревожим тайною тоскою,
Идет на холм могильный он. —
И что же видит пред собою?
Под наклонившимся крестом,
С опущенным на грудь челом,
Как грустный памятник могилы,
Изгнанник мрачный и унылый
Сидит на холме гробовом
В оцепененьи роковом:
В глазах недвижных хлад кончины,
Как мрамор лоснится чело,
И от соседственной долины
Уж мертвеца до половины
Пушистым снегом занесло.

<1823—1825>

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ВОЙНАРОВСКОГО»

1. *Юрта* <стр. 185> — жилище диких сибирских обывателей. Они бывают летние и зимние, подвижные и постоянные; бывают бревенчатые, берестяные, иногда войлочные и кожаные.

2. *Ясак* <стр. 186> — подать мехами, собираемая с сибирских народов.

3. *Варнак* <стр. 187> — преступник, публично наказанный и заклейменный.

4. *Байкал* <стр. 187> — Святое море или озеро, справедливее — Ангарский провал, лежит в Иркутской губернии между 51° и 58° северной широты и между 121° и 127° восточной долготы, считая от острова Ферро. Непостоянные ветры, беспрерывные жестокие бури и непроницаемые туманы, особенно в ноябре и декабре месяце бывающие на сем озере, были причиною многих бедствий. Часто во время весьма хорошей погоды ветр неожиданно и мгновенно переменяется, начинаются бури, и до того спокойные и светлые воды Байкала подымаются горами, чернеют, пенятся, ревут, и все представляет ужасное и вместе величественное зрелище.

5. *В стране той хладной и дубравной*
В то время жил наш Миллер славной —

Миллер <стр. 188> — российский историограф Гергард Фридрих Миллер родился 7 октября 1705 года в Вестфалии. Первое воспитание получил он под надзором отца своего, который был ректором Герфордской гимназии. Тогда еще открывалась в юноше склонность к истории. Он любил по вечерам в семейственном кругу рассказывать братьям и сестрам слышанное того утра о греках и римлянах, с жадностию читал жизни великих мужей древности, и когда Петр I проезжал в 1717 году через Герфорд, двенадцатилетний Миллер ушел тайным образом босой из отцовского дома, чтоб иметь случай посмотреть на Великого. На 17 году возраста Миллер отправился в Лейпцигский университет, где довершил свое

воспитание под руководством Готшеда, в свое время ученейшего мужа в Германии.

Между тем Петр, окончив войну с Швециею, занялся исключительно водворением просвещения в своем отечестве. Зная, что прежде заведения училищ нужно было образовать учителей, он учредил Академию; и чтоб достигнуть своей цели, дал ей направление, соответственное своим видам. Все европейские заведения сего рода состоят из ученых людей, которые сочинениями своими обязаны способствовать успеху наук и искусств. С.-Петербургская академия, сверх сей обязанности, имела другую: образование молодых россиян, которые в свою очередь должны были сообщать приобретенные познания своим соотечественникам. Она была светилом, которого благотворные лучи должны были распространяться во все концы России. Президенту ее Блюментросту поручено было вызвать для сего из Германии ученых, и по его-то приглашению Миллер прибыл в Россию.

Петра I не стало, но намерения его исполнялись: Академия открыла свои заседания 16 декабря 1725 года, и Миллер начал свое поприще в России преподаванием латинского языка, географии и истории в верхнем классе академической гимназии. Познания его, рачительность в исполнении возложенной на него обязанности и точное исполнение порученной ему секретарской должности, во время которой он издал три части Комментариев, заслужили ему общее уважение. В половине 1730 года Миллер произведен был в профессоры истории и назначен действительным членом Академии.

Скорое его возвышение поселило зависть в людях, которые хотя уступали ему в познаниях, но полагали, что имеют равные с ним права на почести. Чтоб удалиться от неприятностей, Миллер под предлогом домашних обстоятельств поехал в чужие края и во время сего путешествия имел случай оказать услугу Академии, приобретши для нее нового члена, ученого ориенталиста Кера, который положил основание нынешнему Азиятскому минц-кабинету при Петербургской академии наук.

Новое важнейшее поручение ожидало Миллера по возвращении его в Россию. В это время Петербургская академия наук предприняла достойный ее труд. Снаряжена была экспедиция для приведения в известность земель, составляющих северную часть Азии. Профессор Делиль-де-ла-Крокер отправлен был для астрономических наблюдений; Гмелин должен был заняться описанием всего, что касалось до естественных наук, а Миллеру поручено было обратить внимание на географию, древности и историю народов, населяющих Сибирь. Путешествие сие, начатое в феврале

1733 года, продолжалось 10 лет. Не будем следовать за ученым исследователем во время его пути, наблюдать с ним вместе обычаи черемисов и вотяков и простые нравы телеутов, тунгузов и якутов. Довольно, если скажем, что он вел подробный журнал всему пути, сам заготовлял карты оному, с точным означением местности каждой страны, составлял исторические и географические описания городов, чрез которые проезжал, разбирал архивы оных и тщательно выписывал все, что находил в них для русской истории, срисовывал везде древности, какие ему попадались, и, кроме того, привез кучу замечаний о нравах, языке и вере народов, которых посещал. Сие множество трудов и суровый климат Сибири расстроили его здоровье. Он не мог ехать далее Якутска и больной возвратился в Петербург в 1743 году. Здесь к физическим болезням присоединились нравственные. В отсутствие Миллера сделан был президентом Академии Шумахер, человек познаний ограниченных, не прощавший Миллеру его достоинств. Посредственность ненавидит истинное дарование. Шумахер, с завистию смотревший на возвышение Миллера, еще более вознегодовал на него, когда сей возвратился из Сибири, предшествуемый славою, что кончил столь важное для наук поручение. Миллер за десятилетние труды свои получил вместо награды одни неприятности. Он не оспоривал у других права ползать перед сильными, не искал посторонними путями и непозволенными средствами того, чего имел право требовать, не унижал дарований своих, изменяя истине, а потому имел многих неприятелей. Тауберт, Теплов и даже великий наш Ломоносов, ни в чем не терпевший соперников, были врагами Миллера. На полезные труды его не обращали внимания и даже, поверит ли этому потомство, диссертацию о начале русского народа, которую он напечатал на латинском и русском языках и готовился читать в публичном собрании Академии 5 сентября 1743 г., в день именин императрицы, запретили потому только, что историограф утверждал в ней, будто Рюрик вышел из Скандинавии. Несмотря на сии неприятности, Миллер, любивший науки не из личных видов и движимый любовию к общей пользе, был неусыпен в трудах своих. Казалось, что деятельность его возрастала с препятствиями, какие он встречал на каждом шагу. За работою ученый муж находил утешение от несправедливости людей, которых отзывы не доходили до его кабинета. По званию российского историографа в 1747 г. занимался он составлением сибирской и разными исследованиями по части российской истории и географии, составлял родословные таблицы российских великих князей, исправлял должность конференц-секретаря при Академии и был

самым деятельным сотрудником в издании Ежемесячных Сочинений с 1757 по 1764 год.

Со вступлением императрицы Екатерины занялась в России новая заря на горизонте наук. Заслуги Миллера были наконец уважены. По просьбе Ив. Ив. Бецкого назначен он был в 1763 году директором московского воспитательного дома, а в 1766, по представлению графа Никиты Ивановича Панина и князя Александра Михайловича Голицына, определен в начальники московского архива иностранных дел. Никто лучше Миллера не мог исполнить обязанностей, сопряженных с сим местом. Он радовался как дитя, когда получил оное, и по целым суткам проводил в сем хранилище отечественных хартий, занимаясь приготовлением материалов для российской истории и объяснением встречающихся в оной темных мест. Государыня, быв еще великою княжною, знала Миллера и во время пребывания его в Москве часто призывала его к себе для советов. Миллер был избран Академиею в 1767 г. депутатом в Комиссию законов, находившуюся в Москве, и здесь предлагал различные планы для водворения наук и распространения просвещения в России. Когда Комиссия переведена была в С.-Петербург, он получил от императрицы позволение остаться в Москве и, кроме архива иностранных дел, занялся, по приказу государыни, разбором архива Разрядного и Сибирского приказа. Он работал с утра до ночи и жалел только, что ему минуло 63 года и он не будет иметь ни времени, ни силы для исполнения ожиданий монархини и соотечественников. В 1775 году Академия поручила ему написать ее историю от самого ее основания. В том году праздновали 50-летнее ее существование. Миллер, единственный из членов, который находился при ее основании, был свидетелем и участником в том, что в ней происходило во все время ее заседаний, и потому лучше всякого другого мог исполнить сие назначение. Окончив сию работу, он занялся попрежнему извлечениями из архивских бумаг и приготовлениями материалов для российской истории. Необъятный труд сей занимал последние годы его жизни. Иногда для поправления своего здоровья отвлекал он себя поездками в города, лежащие поблизости Москвы; но и тут, чтоб употребить время с пользою, составлял историческое и географическое описание оных. Миллер скончался в 1783 году, имея 79 лет отроду.

Заслуги Миллера по нашей истории более или менее известны всякому образованному россиянину. Излишне было бы исчислять его сочинения. Здесь прибавим только, что нравственные его качества не уступали его познаниям. Миллер знал, что человек, гото-

вящийся к исправлению других, должен сам собою подавать пример, что в писателе добродетельная жизнь есть лучшее предисловие к его сочинениям. Избрав Россию своим отечеством, он любил ее как родной ее сын, всегда предпочитал ее пользу частным выгодам, никогда не жаловался на оказанные ему несправедливости и везде, где мог, старался быть ей полезным. Никогда не унижал он достоинства своего лестью, искательством; никогда не старался выставлять себя: скромность, отличительная черта истинного таланта, и даже некоторая застенчивость составляли главные черты его характера. Многие особы, занимавшие после важнейшие места при дворе Екатерины, обязаны ему своим воспитанием. Он охотно помогал советами молодым людям из россиян или иностранным писателям, желавшим иметь сведения по части российской истории. В домашнем быту он служил образцом семейственного счастия, был лучшим супругом, лучшим отцом семейства. Он имел многих врагов, которые, завидуя его славе, старались очернить его в глазах современников, но справедливость восторжествовала; обвинения их, внушенные корыстолюбием, были опровергнуты, и Миллер в конце жизни своей имел утешение видеть, что истинное достоинство найдет всегда защитников и почитателей.

6. *Доха* <стр. 189> — шуба вверх шерстью, из шкуры дикой козы.

7. *Чебак* <стр. 189> — большая теплая шапка с ушами.

8. *Заимка* <стр. 189> — вне города место, занятое под частный дом или крестьянский двор с огородом и с другими принадлежностями; словом, русская дача или малороссийский хутор.

9. *Пальма* <стр. 190>. Так называются в Сибири длинные, широкие и толстые ножи, укрепленные наиболее в березовых, для крепости прокопченных, ратовищах, обшиты снаружи кожею. С ними якуты, юкагиры и другие северные народы ходят на лососей, медведей, волков и проч.

10. *Жирник* <стр. 190> — ночник с каким-нибудь маслом или жиром, засвечиваемый на ночь.

11. *Хвостовский* (Хвостов — местечко в Киевской губернии, Васильковского уезда) полковник Симеон *Палей* <стр. 193>, отважный предводитель заднепровских наездников, родился в Борзне и стал славен подвигами около 1690 года. Под рукою гетмана своего Самуся, он, как владетельный князь, брал дань с земель по Днестр и Случ, запирал Россию и Польшу от татар, нередко вторгался в орды Буджацкую и Белгородскую и захватил однажды в плен самого салтана. Получал от первых награды, брал от других добычи и выкупы. Очаков не раз видал его истребительный пламень вокруг

стен своих. Восстав на поляков за их неправды, он попал в плен, но вырвался из крепкой тюрьмы Магдебургской и сторицею заплатил им за свою неволю, разбив поляков под Хвостовым, под Бердичевым и покорившись России. В 1694 году, с Мокиевским набежав на турок под Очаковым, не вкладывая сабли в ножны, с черниговским полковником Лизогубом вторгся в орду Буджацкую. Добыча и победа увенчали оба предприятия. Удалые промыслы его над поляками перемежались только тогда, когда он громил татар. Он брал и палил польские города и, опустошив край Волыни, овладел Трояновкою. Между тем коварный Мазепа, завистливый к славе, жадный к богатству, недоверчивый к силе Самуся и Палея, своих соперников, старался очернить их в глазах Петра Великого. С наветами представил и доказательства: жалобы Августа, письма Потоцкого и Яблоновского, которые писали: что «Палей вьет себе разбойничьи гнезда в крепостях Ржечи-Посполитой и кормится хлебом, которого не сеял». Мазепа тайно действовал против Самуся и Палея, а они явно воевали Польшу. Первый занял Богуслав, Корсунь, Бердичев; второй взял Немиров и Белую Церковь; перерезали там шляхтичей и жидов, и всех окружных крестьян подняли на поляков, обещая им права и вечную свободу. Мазепа жаловался на ослушанье, Август просил удовлетворения. Петр повелевал оставить в покое своего союзника; но ожесточенные полководцы делали свое, ничему не внимая. Наконец решился Мазепа известь Палея как бы то ни было. Окруженный всем своим войском, выступившим тогда на помощь Августу против шведов, сильный собственною властию и милостию царскою, он не смел однакож захватить Палея силою; позвал к себе в гости в Бердичев и за дружескою чашею заковал доверчивого героя в цепи, как это видно из следующих стихов одной песни:

Ой пье Палий, ой пье Семен, да головоньку клонит,
А Мазепа чура[1] Палию Семену кайданы готовит.

Вслед за сим он отослал его в Батурин, извещая Головина, что Палей оказался явным изменником государю и передался Карлу XII, в надежде через посредство Любомирских получить гетманство в Малороссии. В следующем году он был отправлен в Москву, а оттоле, по указу государеву, сослан в Енисейск, где целые пять лет томился вдалеке от родины и родных, снедаем тоскою бездействия и неволи. Измена Мазепы открыла глаза

[1] Чура — слуга.

Петру, и он посреди забот военных вспомнил об оклеветанном Палее и возвратил ему имущество, чин и свободу. Но как земная власть могла возвратить ему здоровье? Однакож последние дни Палеевой жизни были отрадны для сердца старого воина. Он приехал к войску в день Полтавской битвы, сел на коня и, поддерживаемый двумя казаками, явился перед своими. Радостные клики огласили воздух — вид Палея воспламенил всех мужеством. Старик ввел казаков в дело, и хотя сабля его не могла уже разить врагов, но еще однажды указала путь к победе. Весело было умирать после Полтавского сражения; недолго пережил его и Палей от язв, трудов, лет несчастий и славы.

В характере сего бесстрашного вождя украинцев видны все черты дикого рыцарства. Открыт в дружбе и жесток в мести. Деятелен и сметлив в войне, которая стала его стихиею, — он не менее был искусен и в распорядке дел гетманских, которые велись его головою; ибо Самусь, лишась его, сложил булаву правления. Когда имя Палеево сторожило границу Заднеприи, татары не нарушали ее покоя и поляки не смели там умничать. Попеременно вождь и подчиненный, он умел повиноваться своеизбранной власти и строго хранить ему врученную; был любим как брат своими товарищами и как отец своими казаками. Когда Мазепа захватил его, то насилу мог взять Белую Церковь и то изменою мещан. «Умрем тут вси, — говорили казаки Палеевы, — а не поддадимся, коли нет здесь нашего батьки». Враг татар за их грабежи, враг поляков за их утеснения, — он в обоих случаях был полезен России, хотя не вполне исполнял ее требования, как воспитанник необузданной свободы. Сын сего неустрашимого воина по неотступной просьбе старшин Белоцерковского полка заступил его место.

12. *Ватага* <стр. 193>. Малороссийское слово, имеет следующие значения: толпа, шайка, стадо, стая; ватага разбитых, шайка разбойников (Котляревский).

13. *Гайдамак* <стр. 193>. Иногда удалец, иногда разбойник; слово сие, как видно из его корня, взято с татарского языка и в собственном смысле значит бродяга или беглец; посему гайдамаки в Малороссии значат то же, что ускоки у славян иллирийских.

14. *Толокно* <стр. 193>. Мука из пересушенного овса. Известно, что в дальних своих походах, как ныне в чумаковани, то есть поездках за рыбою и солью, малороссияне запасались всегда небольшим количеством толокна или гречневых круп для кашицы, которую называют они кулиш. Умеренность есть одна из похвальных добродетелей сих простодушных сынов природы. Идучи обозом, они останавливаются в поле, разводят огонь и всем *кошем*, т. е. артелью,

садятся за кашицу, которую варит для них так называемый *кашевар*. Кто едет в осеннюю ночь по степным полям Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний, тому часто случается видеть несколько таких огней, мелькающих как звездочки в разных расстояниях на гладкой, необозримой равнине.

15. *Хутор* <стр. 194> — небольшая деревушка, часто один дом, стоящий среди поля или в лесу, в стороне от жилых мест. Обыкновенно почти таковые хутора строятся при яругах, лесистых оврагах или под прикрытием чапыжника (дробнолеска).

16. *Курень* <стр. 194> — хижина или землянка, в каковых и поныне еще живут многие черноморские казаки. Несколько таковых куреней состоят под ведением куренного, или старшины, назначаемого от начальства.

17. *Курганы* <стр. 195> — высокие земляные насыпи, видимые и ныне во многих местах Малороссии и Украины. Курганы сии служили иногда общими могилами на местах столь частых сшибок, бывавших у малороссиян с всегдашними их врагами, татарами, и, во время отторжения их от Польши — с поляками. В таковых курганах и поныне при разрытии оных находят кости и волосы человеческие, недотлевшие лоскутки одежды, отломки оружий, старинные монеты, стклянницы и т. п. Иногда же целый ряд таковых курганов, идущих на далекое пространство по одному направлению, подобно цепи гор, служил как бы ведетами, или подзорными возвышениями, для наблюдения за неприятелем. Таковых курганов много можно видеть по древним границам Малороссии и Украины с ордою Крымскою, особливо в губерниях Слободско-Украинской и Полтавской. »

НАЛИВАЙКО

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ

<1>

КИЕВ

Едва возникнувший из праха,
С полуразвенчанным челом,
Добычей дерзостного ляха
Дряхлеет Киев над Днепром.

Как все изменчиво, непрочно!
Когда-то с роскошью восточной
В стране богатой он сиял;
Смотрелся в Днепр с брегов высоких
И красотой из стран далеких
Пришельцев чуждых привлекал.
На шумных торжищах звенели
Царьградским золотом купцы,
В садах по улицам блестели
Великолепные дворцы.
Среди хазар и печенегов
Дружиной витязей храним,
Он посмевался, невредим,
Грозе их буйственных набегов.
Народам диво и краса:
Воздвигнуты рукою дерзкой,
Легко взносились в небеса
Главы обители Печерской,
Как души иноков святых
В своих молитвах неземных.

Но уж давно, давно не видно
Богатств и славы прежних дней —
Все Русь утратила постыдно
Междоусобием князей:
Дворцы, сребро, врата златые,
Толпы граждан, толпы детей —
Все стало жертвою Батыя;
Но Гедимин нанес удар:
Прошло владычество татар!
На миг раздался глас свободы,
На миг воскреснули народы...
Но Киев на степи глухой,
Дивить уж боле неспособный,
Под властью ляха роковой,
Стоит как памятник надгробный
Над угнетенною страной!

<2>

ВЕСНА

Блестит весна; ее дыханьем,
Как бы волшебным врачеваньем,
Край утесненный оживлен;
Все отрясает зимний сон:
Пестреет степь, цветет долина,
Оделся лес, стада бегут,
Тяжелый плуг поселянина
Волы послушные влекут;
Кружится жаворонок звонкий,
Лазурней тихий небосклон,
И воздух чистый, воздух тонкий
Благоуханьем напоен.

Все веселятся, все ликуют,
Весне цветущей каждый рад:
Поляк, еврей и униат
Беспечно, буйственно пируют.
Все радостью оживлены,
Одни украинцы тоскуют,
И им не в праздник пир весны.
Что за веселье без свободы,
Что за весна — весна рабов?

Им чужды все красы природы,
В душах их вечный мрак гробов.
Печали облако не сходит
С их истомленного лица;
На души их, на их сердца
Все новую тоску наводит.
Лазурь небес, цветы полей
Для угнетенных не отрадны,
Рабы и сумрачны и хладны.
Питая грусть в душе своей,
Глядят уныло на детей,
Все радости для них противны,
И песни дев их заунывны,
Как заунывен звук цепей.

<3>

Но Наливайко всех сильней
Томится думою и страждет;
Его душа чего-то жаждет,
Он что-то на сердце таит;
Родных, друзей, семьи бежит,
Один в степи пустынной бродит
Нередко он по целым дням:
Ему отрадно, сладко там,
Он грусть душевную отводит
В беседе там с самим собой
И из глуши в Чигирин свой
Назад спокойнее приходит.

<4>

Забыв вражду великодушно,
Движенью тайному послушный,
Быть может, я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вековые оскорбленья
Тиранам родины прощать
И стыд обиды оставлять
Без справедливого отмщенья —
Не в силах я; один лишь раб
Так может быть и подл и слаб.

Могу ли равнодушно видеть
Порабощенных земляков? ..
Нет, нет! Мой жребий: ненавидеть
Равно тиранов и рабов.

‹5›

СМЕРТЬ ЧИГИРИНСКОГО СТАРОСТЫ

С пищалью меткой и копьем,
С булатом острым и нагайкой,
На аргамаке вороном
По степи мчится Наливайко.
Как вихорь, буйный конь летит,
По ветру хвост и грива вьется,
Густая пыль из-под копыт,
Как облако, вослед несется...
Летит... привстал на стременах,
В туман далекий взоры топит,
Узрел — и с яростью в очах
Коня и нудит и торопит...

Как точка, перед ним вдали
Чернеет что-то в дымном поле;
Вот отделилась от земли,
Вот с каждым мигом боле, боле,
И наконец на вышине,
Средь мглы седой, в степи пустынной,
Вдруг показался на коне
Красивый всадник с пикой длинной...

Казак коня быстрей погнал;
В его очах веселье злое...
И вот — почти уж доскакал...
Копье направил роковое,
Настиг, ударил — всадник пал,
За стремя зацепясь ногою,
И конь испуганный помчал
Младого ляха под собою.

Летит, как ястреб, витязь вслед;
Коня измученного колет
Или в ребро, или в хребет

И в дальний бег его неволит.
Напрасно ногу бедный лях
Освободить из стремя рвется —
Летит, глотая черный прах,
И след кровавый остается...

<6>

«Ты друг давно мне, Лобода,
Давно твои я чувства знаю,
Твою любовь к родному краю
Я уважал, я чтил всегда;
Ты ненавидишь, как злодеев,
И дерзких ляхов и евреев;
Но ты отец, но ты супруг
А уж давно пора, мой друг,
Быть не мужьями, а мужами.
Всех оковал какой-то страх,
Все пресмыкаются рабами,
И дерзостно-надменный лях
Ругается над казаками». —

«Ты прав, мой друг, люблю родных;
Мне тяжко видеть их в неволе,
Всем жертвовать готов для них,
Но родину люблю я боле.
Нет, не одна к жене любовь
Мой ум быть осторожней учит, —
Нередко дума сердце мучит:
Не тщетно ли прольется кровь?
Что, если снова неудача?
Вот я чего, мой друг, боюсь:
Тогда, тогда святая Русь
Навек страною будет плача».

<7>

Протяжный звон колоколов
В Печерской лавре раздавался;
С рассветом из своих домов
Народ к заутрене стекался,
Один, поодаль от других,

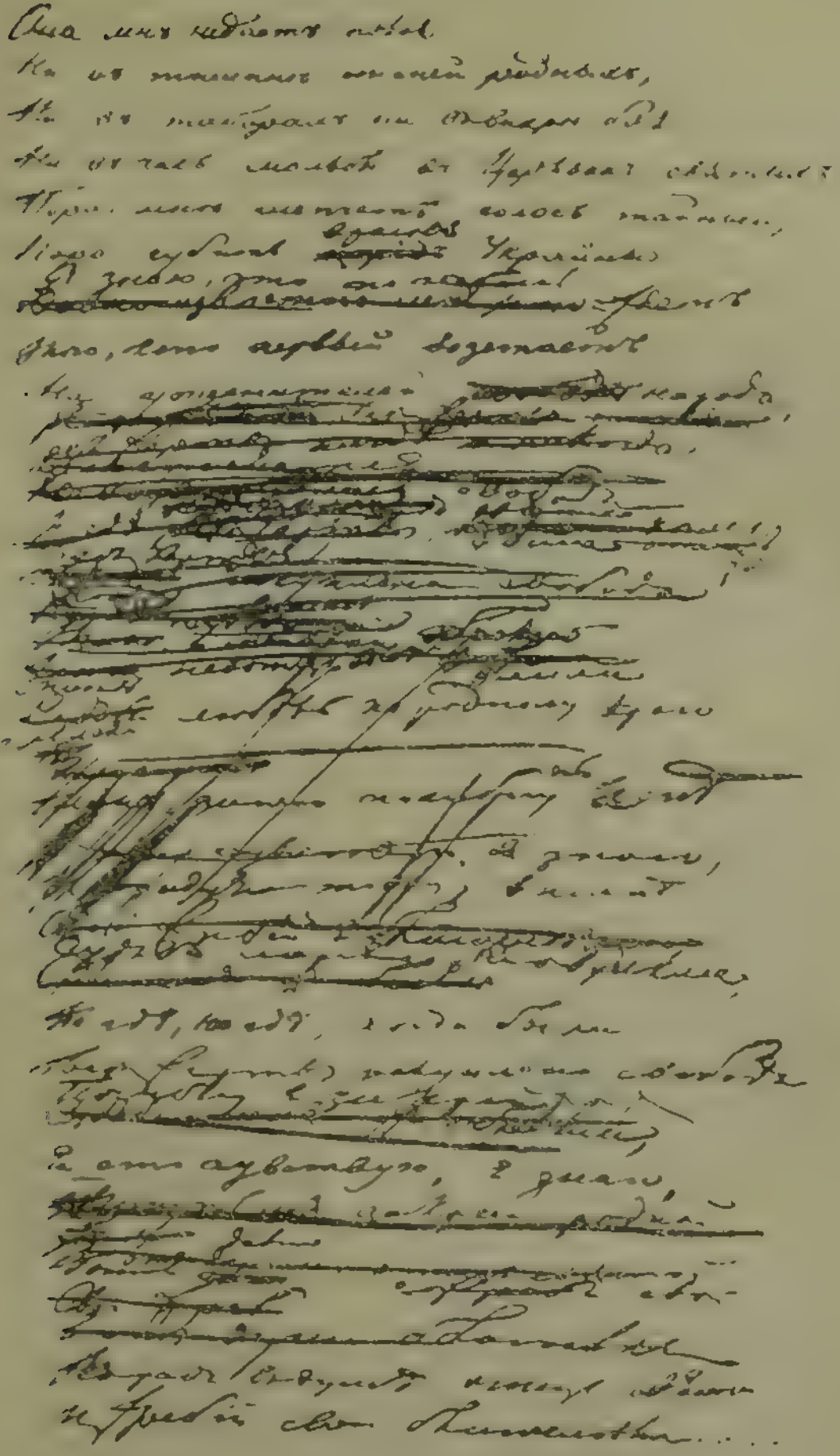
Шел Наливайко. Благовенье
К жилищу мертвецов святых
И непритворное смиренье
В очах яснели голубых;
Как чтитель ревностный закона,
К вратам ограды подойдя,
Крестом он осенил себя
И сделал три земных поклона.
Вот в церкви он. Идет служенье,
С кадильниц вьется фимиам,
Сребром и златом блещет храм.
И кротко-сладостное пенье
Возносит души к небесам.
В углу, от всех уединенно,
Колени преклоня смиренно,
Он стал. В богатых жемчугах
Пред ним Марии лик сияет;
Об угнетенных земляках
Он к ней молитвы воссылает;
Лицо горит, и, как алмаз,
Как драгоценный перл, из глаз
Слеза порою упадает.
Так для него прошло семь дней;
Часов молитв не пропуская,
Постился он. И вот Страстная.

‹8›

ИСПОВЕДЬ НАЛИВАЙКИ

«Не говори, отец святой,
Что это грех! Слова напрасны:
Пусть грех жестокий, грех ужасный...

Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу —
Грехи татар, грехи жидов,
Отступничество униатов,
Все преступления сарматов
Я на душу принять готов.
Итак, уж не старайся боле
Меня страшить. Не убеждай!



К. Рылеев. «Исповедь Наливайки»

Черновой автограф

Мне ад — Украйну зреть в неволе,
Ее свободной видеть — рай! . .

Еще от самой колыбели
К свободе страсть зажглась во мне;
Мне мать и сестры песни пели
О незабвенной старине.
Тогда, объятый низким страхом,
Никто не рабствовал пред ляхом;
Никто дней жалких не влачил
Под игом тяжким и бесславным:
Казак в союзе с ляхом был,
Как вольный с вольным, равный с равным.
Но все исчезло, как призрак.
Уже давно узнал казак
В своих союзниках тиранов:
Жид, униат, литвин, поляк,
Как стаи кровожадных вранов,
Терзают беспощадно нас.
Давно закон в Варшаве дремлет,
Вотще народный слышен глас:
Ему никто, никто не внемлет.
К полякам ненависть с тех пор
Во мне кипит и кровь бунтует.
Угрюм, суров и дик мой взор,
Душа без вольности тоскует.
Одна мечта и ночь и день
Меня преследует, как тень;
Она мне не дает покоя
Ни в тишине степей родных,
Ни в таборе, ни в вихре боя,
Ни в час мольбы в церквах святых.
«Пора! — мне шепчет голос тайный, —
Пора губить врагов Украйны!»

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —

Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!»

‹9›

Веет, веет, повевает
Тихий ветр с днепровских вод,
Войско храбрых выступает
С шумной радостью в поход.
Полк за полком безбрежной степью
Иль тянутся лесистой цепью,
Или несутся на рысях.
По сторонам на скакунах
Гарцуют удальцы лихие;
То быстро, как орлы степные,
Из глаз умчатся, то порой,
Дразня друг друга, едут тихо,
То вскачь опять, опять стрелой —
И вдоль полков несутся лихо.
Вослед за войском идут вьюки,
Свирелей, труб, суремок звуки
И гарк летящих удальцов,
И шум, и пенье казаков —
Все Наливайку веселило,
Все добрым предвещаньем было.

«Смотри, — он Лободе сказал, —
Как изменилось все. Давно ли
Казак в печали увядал,
Стонал и под ярмом неволи
В себе все чувства подавлял?
Возьмут свое права природы;
Бессмертна к родине любовь,
Раздастся глас святой свободы,
И раб проснется к жизни вновь».

‹10›

МОЛИТВА НАЛИВАЙКИ

Ты зришь, о боже всемогущий!
Злодействам ляхов нет числа;
Как дуб, на теме гор растущий,

Тиранов дерзость возросла.
Я невиновен, боже правый,
Когда здесь хлынет кровь рекой;
Войну воздвиг я не для славы —
Я поднял меч за край родной;
Ты лицемеров ненавидишь,
Ты грозно обличаешь их;
Ты с высоты небес святых
На дне морском песчинку видишь:
Ты проницаешь, мой творец,
В изгибы тайные сердец.

‹11›

Глухая ночь. Молчит река,
Луна сокрылась в облака.
И Чигирин, и оба стана
Обвиты саваном тумана.

Вокруг костров шумят и пьют
Толпами буйные поляки;
Их души яростные ждут,
Как праздника, кровавой драки;
Одни врагов своих клянут,
Другие спорят, те поют,
Тот, богохульствуя, хохочет,
Тот хвалится лихим конем,
Тот саблю дедовскую точит
И дерзостно над казаком
Победу землякам пророчит.
В кунтуше пышном на ковре
Жолкевский спит в своем шатре.

‹12›

СОН ЖОЛКЕВСКОГО

Над ним летает чудный сон:
В Варшаве площадь видит он;
На ней костер стоит, чернея;
В средине столб; палач, бледнея,
Кого-то в саване влечет;

Вослед ему народ толпами
Из улиц медленно идет
И головы свои несет,
Окровавленными руками
Подняв их страшно над плечами.

Вот неизвестный с палачом
К костру подходит без боязни;
Взошли... безмолвие кругом...
Вот хладный исполнитель казни
Его к столбу уж привязал,
Зажег костер, костер вспылал,
И над высокими домами
Понесся черный дым клубами.
Вдруг в небесах раздался глас:
Свершилось все... на вас, на вас
Страдальца кровь и вопль проклятий!
Погиб, но он потиб за братий.
Народ ужасно застонал,
Кругом костра толпиться стал,
И, головы бросая в пламень,
Назад в стенании бежал
И упадал на хладный камень.
Все тихо... Только кровь шумит...
Во сне Жолкевский страшно стонет,
Трепещет, молится... вдруг зрит,
Что он в волнах кровавых тонет.
Душа невольно обмерла;
Сон отлетел; в шатре лишь мгла,
Но он, но он еще не знает,
Что в крупных каплях упадает —
Иль кровь, иль пот с его чела...

<13>

Меж тем, потопленный в туманах,
Казацкий табор на курганах
Спокойно дремлет вдоль реки;
Как звезды в небесах пустынных,
Кой-где чуть светят огоньки;
Вкруг них у коновязей длинных
Лежат рядами казаки.

Напрасно Тясмин быстры воды,
Шумя, в очеретах струит,
Напрасно вестник непогоды,
Ветр буйный по степи шумит:
Спят сладко ратники свободы,
Их сна ничто не возмутит...

<1824—1825>

ПАЛЕЙ

(ОТРЫВОК ИЗ НОВОЙ ПОЭМЫ)

Не тучи солнце обступали,
Не ветры в поле бушевали:
Палея с горстью казаков
Толпы несметные врагов
В пустынном поле окружали...
Куда укрыться молодцу?
Как избежать неравной драки?
И там и здесь — везде поляки...
По смуглому его лицу
Давно уж градом пот катится;
От меткого свинца валится
С коня казак за казаком...
Уже обхвачен он кругом...
Уж плен ему грозит позорный...
Но вдруг один, с копьем в руке,
Сквозь густоту толпы упорной
Несется он, как ветр нагорный.
Вот вправо, влево — и к реке.
Коню проворною рукою
Набросил на глаза башлык,
Сам головой к луке приник,
Ударил плетью — и стрелою
Слетел с брегов, отваги полн;
И вот средь брызгов и средь волн
Исчез в клубящейся пучине...
Бушует ветр, река ревет...
Уж он спокойно на средине
Днепра шумящего плывет.
Враги напрасно мещут стрелы,

Свинец напрасно тратят свой:
Разит лишь воздух он пустой —
И невредимо витязь смелый
Выходит на берег крутой.
Конь опененный встрепенулся,
Прочхнулся, радостно заржал;
Палей с насмешкой оглянулся,
Врагам проклятие послал
И в степь глухую ускакал. .

<1825>

ГАЙДАМАК

(ОТРЫВОК)

Осенней ночью, близ кургана,
В степи глухой у огонька,
Сидят одни во мгле тумана
Два запорожских казака.
Напрасно зоркие их очи
Сквозь черный мрак угрюмой ночи
Чего-то ищут в дальной мгле;
Вотще они к сырой земле
Свое прикладывают ухо;
Кругом все сумрачно и глухо:
Молчит река, безмолвен лес,
Ни звездочки среди небес.
Объята черной пеленою,
Как будто вся природа спит;
Лишь, налетая, ветр порою
Сухой ковылью шевелит,
Да кони борзые, на воле
Гуляя, травку щиплют в поле...

«Где запоздал он? .. Уж пора
Ему примчаться. От Днепра
Тут недалеко... Конь надежной:
С ним и в такую ночь никак
С дороги сбиться невозможно;
Удал отважный гайдамак!
Пусть ночь, удвоя черный мрак,
На степь унылую наляжет;
Казак всегда казак: ему
На Запорожие сквозь тьму

Пустынный ветер путь укажет...
Не подстерег ли удальца
В глуши татарин кровожадной?
Ну, что ж? Пусть так: у молодца
Булат с пищалью семипядной.
И в ясный день и в час ночной
Он сам нередко с самопалом
Стрежет врагов в траве густой
Иль рыщет по степи шакалом...

Я хорошо тот помню день,
Когда пришел он в наш курень
И клятву дал быть гайдамаком,
За Сечь свободную стоять
И вечно ненависть питать
И к хищным крымцам и к полякам.
Непринужденный разговор,
Движенья, поступь, гордый взор,
Черты, жупан — все род высокой
Изобличало в пришлеце;
Прекрасен гость был чернооκой,
Все нас пленяло в молодце;
Но зрелся след тоски глубокой
На молодом его лице...

Всé, полюбя его, ласкали,
Шутили с ним средь шумных игр:
Но разогнать его печали
Не мог никто... Как юный тигр,
На всех глядел, нахмуря брови,
Был дружбы чужд, был чужд любви,
И, увядая в тишине,
Он рвался в бой, он жаждал крови...
Сбылось желанье: саранчой
Мы понеслися под Очаков;
И удальством пришлец младой
В грязь затоптал всех гайдамаков.

Суров, и дик, и одинок,
Чуждаясь всех, всегда угрюмой,
И ныне бродит, как порок,
В местах глухих он с тайной думой.

Печаль, как черной ночи мгла,
Ему на сердце налегла.
Она, жестокая, тревожит
Его повсюду и всегда;
Ничем, нигде и никогда
Ее рассеять он не может.

Ему несносна тишина;
Без крови вражеской, без боя,
Он будто чахнет средь покоя;
Его душе нужна война:
Опасность, кровь и шум военный
Одни его животворят
И в буре битв покой мгновенный
Душе встревоженной дарят.
Толпой и крымцы и поляки
Не раз гонимы были им;
Как божий гнев, ужасны с ним
В набегах бурных гайдамаки. . .

В нем не волнуют уже кровь
Младых украинок любовь
И верной дружбы глас приветной;
Давно он ко всему приметно
Остыл бесчувственной душой;
В нем веет холод гробовой:
Она, как хладная могила,
Его все блага поглотила. . .

Всегда опущены к земле
Его сверкающие очи;
Темнеет на его челе
Какой-то грех, как сумрак ночи.
Еще никто не зрел того,
Чтобы, хотя на миг единый,
Улыбкой сгладились морщины
На бронзовом лице его.
Однажды только, уверяли,
В нем очи радостью сверкали:
То было в замке богача,
Убитого им на Волыни,
Где превратил он все в пустыни,

Как, гнев небесный, саранча;
Где кровь ручьями лил он хладно,
Где все погибло беспощадно
Иль от огня, иль от меча.
Вотще молила дочь младая,
Вотще у ног лежал магнат:
В грудь старца, воплям не внимая,
Вонзал он с хохотом булат...» —

Так говорили меж собою
Про гайдамака-молодца
Два заднепровских удальца...
Меж тем уж начал за рекою
Мерцать на дальнем небе свет,
А запорожца нет как нет.
Несется ночь... и вот зарею
Занялся сумрачный восток,
Сильней зашевелил травою
Передрассветный ветерок;
Уж погасает огонек,
И вьется тонкою струею
Во мгле редеющий дымок...

Вдруг конский топот раздается,
Как шум глухой издалека;
Вот громче, ближе... вот несется
Конь вороной без седока.
Вот за могилою степною
Своих товарищей узнал,
Помчался к ним, летит стрелою
И, подбежавши, вдруг заржал,
Запрял ушами — и упал
Почти недвижный, бездыханный...
По шее кровь бежит из раны.
Расколот рыцарский сайдак,
И безобразными клоками,
Обрызган кровью, меж ногами
Висит разорванный чепрак...
Но где же грозный гайдамак,
Краса и слава вольной Сечи?
Погиб... но где, когда и как
И при какой враждебной встрече?

Быть может, дерзкою толпой
В глуши захваченный в неволю,
В темнице душной и сырой
Клянет в цепях свою он долю;
Иль крымским хищником убит,
В степи пустынной он лежит,
И уже волк во мраке ночи
Терзает труп среди травы,
И из казацкой головы
Орел выклевывает очи...

<1825>

АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ К. Ф. РЫЛЕЕВА, НАПИСАННЫЕ СОВМЕСТНО С А. А. БЕСТУЖЕВЫМ

* * *

Близ Фонтанки-реки
Собирались полки.
Слава!
Что ни свет, ни заря
Для потехи царя.
Слава!
Разве нет у вас штыков
На князьков-дураков?
Слава!
Разве нет у вас свинца
На тирана-подлеца?
Слава!

* * *

Царь наш, немец прусский,
Носит мундир узкий.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!
Царствует он где же?
Целый день в манеже.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!
Прижимает локти,
Забирает в когти.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!
Судьи все жандармы,
Школы все казармы.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!
Князь Волконский-баба
Начальником штаба.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

<1823>

* * *

Ах, где те острова,
Где растет трын-трава,
Братцы!
Где читают Pucelle
И летят под постель
Святцы.
Где Бестужев-драгун
Не дает карачун
Смыслу.
Где наш князь-чудодей
Не бросает людей
В Вислу.
Где с зари до зари
Не играют цари
В фанты.
Где Булгарин Фаддей
Не боится коттей
Танты.
Где Магницкий молчит,
А Мордвинов кричит
Вольно.
Где не думает Греч,
Что его будут сечь
Больно.
Где Сперанский попов
Обдает, как клопов,
Варом.
Где Измайлов-чудак
Ходит в каждый кабак
Даром.

<1824>

* * *

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.
Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.
Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.
А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.
Как курносый злодей
Воцарился по ней
Горе!
Но господь, русский бог,
Бедным людям помог
Вскоре.

<1824>

* * *

Ах, тошно мне
И в родной стороне;
Всё в неволе,
В тяжкой доле,
Видно, век вековать?
Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?
Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил,
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?
По две шкуры с нас дерут:
Мы посеем, они жнут;
И свобода
У народа
Силой бар задушена.
А что силой отнято,
Силой выручим мы то,
И в приволье,
На раздолье
Стариною заживем.
А теперь господа
Грабят нас без стыда,
И обманом
Их карманом
Стала наша мошна.

Баре с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат
И волочат
По дорогам да судам.
А уж правды нигде
Не ищи мужик в суде,
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.
Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу,
Ты за все, про все давай!
Там же каждая душа
Покривится из гроша.
Заседатель,
Председатель
Заодно с секретарем.
Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
То дороги,
То налоги
Разорили нас вконец.
А под царским орлом,
Ядом потчуют с вином,
И народу
Лишь за воду
Велят вчетверо платить.
Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.
Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет.
Ему шутка,
А нам жутко.
Тошно так, что ой, ой, ой!

А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

<1824>

* * *

Уж как шел кузнец
Да из кузницы.
Слава!
Нес кузнец
Три ножа.
Слава!
Первый нож
На бояр, на вельмож.
Слава!
Второй нож
На попов, на святош.
Слава!
А молитву сотворя,
Третий нож на царя.
Слава!

<1824>

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ РЫЛЕЕВУ

<ПОСЛАНИЕ К А. А. БЕСТУЖЕВУ>

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.
Когда ж ударит грозный час
И встанут спящие народы —
Святое воинство свободы
В своих рядах увидит нас.
Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И, верно, отзыв в нем найдется
На неподкупный голос мой.

<НАДПИСЬ НА КРЕПОСТНОЙ ТАРЕЛКЕ>

Тюрьма мне в честь — не в укоризну,
За дело правое я в ней.
И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за отчизну?

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Вильгельм Карлович Кюхельбекер, выдающийся деятель декабристского литературного движения, близкий друг Пушкина, родился в 1797 г. в Петербурге. Вместе с Пушкиным и Дельвигом он окончил Царскосельский лицей. Начало его литературной работы относится еще ко времени пребывания в лицее. Еще там Кюхельбекер был убежденным сторонником и пропагандистом изучения древней русской поэзии и защитником гражданского направления в литературе. В лицейские же годы он завязывает знакомство с будущими деятелями декабристских организаций.

После окончания лицея Кюхельбекер поступает на службу в министерство иностранных дел и вместе с тем развертывает кипучую литературную и педагогическую деятельность. В 1819 г. он вступил в Вольное общество любителей российской словесности, где примкнул к числу наиболее левых его участников. На высылку Пушкина из Петербурга Кюхельбекер откликнулся стихотворением «Поэты». Это стихотворение носило характер политической демонстрации и повлекло за собою донос на автора министру внутренних дел.

Уволившись со службы, Кюхельбекер в 1820 г. выехал за границу в качестве секретаря камергера А. Л. Нарышкина. В Париже он читал лекции о русской литературе. Политическое направление этих лекций было таково, что Нарышкин уволил Кюхельбекера, а русский посол выслал его из Парижа. Поэт оказался в тяжелом положении и лишь благодаря содействию друзей получил должность при главнокомандующем на Кавказе генерале А. П. Ермолове.

Приехав в 1821 г. в Тифлис, Кюхельбекер уже в мае 1822 г. был вынужден оставить службу из-за столкновения с одним из чиновников, находившихся при Ермолове, и вернулся в Россию.

Большое значение в творческом развитии Кюхельбекера имела его встреча на Кавказе с Грибоедовым, укрепившим его на позициях борьбы за национально-освободительную литературу.

В 1822—1824 гг. Кюхельбекер работал над тираноборческой трагедией «Аргивяне», но из-за цензурных препятствий смог напечатать ее только в отрывках. По этим же причинам оставались ненапечатанными многие стихи Кюхельбекера, посвященные прославлению свободы и обличению деспотизма.

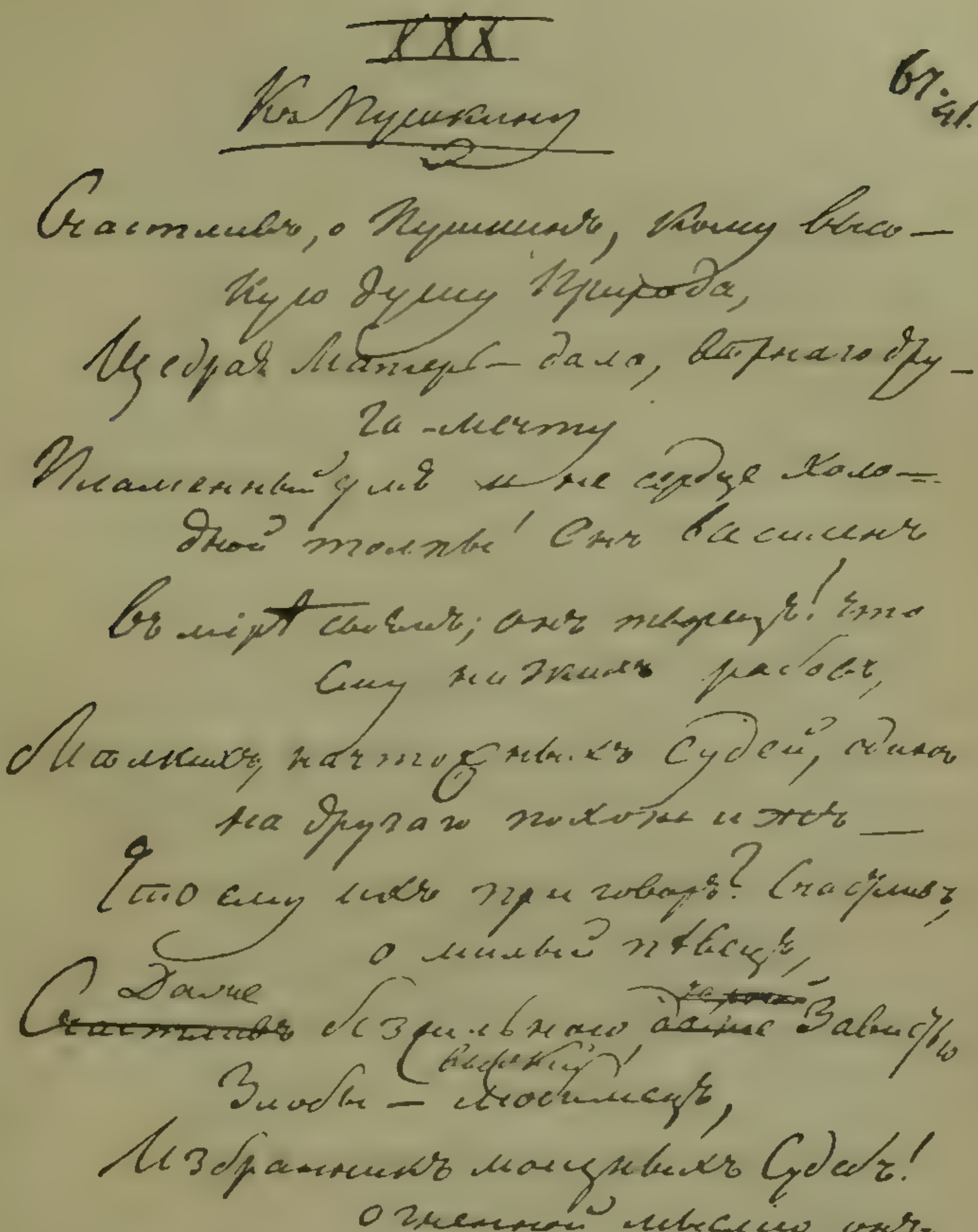
В 1824—1825 гг. Кюхельбекер издавал (совместно с В. Ф. Одоевским) альманах «Мнемозина». Там была напечатана его статья «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». Статья явилась своеобразным манифестом гражданского направления в литературе, осуждавшим подражание иноземным писателям и «унылый» элегический романтизм. По поводу статьи завязалась дискуссия.

В ноябре 1825 г. Кюхельбекер был принят в тайное Северное общество; это было завершением его многолетних связей с деятелями тайных обществ. 14 декабря он принял участие в восстании, посещал восставшие полки; затем явился с оружием в руках на Сенатскую площадь, где пытался застрелить великого князя Михаила Павловича и генерала Воинова, а солдат, рассеянных выстрелами царских войск, старался собрать в строй.

После разгрома восстания Кюхельбекер бежал из Петербурга с тем, чтобы уйти за границу, но был (почти через месяц) задержан в Варшаве. Он был приговорен к смертной казни, замененной каторжными работами на двадцать лет. Срок этот был сокращен, и Кюхельбекер, вместо каторги, провел более десяти лет в одиночном заключении в крепостях. В конце 1835 г. он был отправлен в ссылку в Сибирь, в которой пробыл до самой смерти.

В крепости и ссылке Кюхельбекер продолжал усиленно заниматься литературным трудом, писал стихи, поэмы («Давид», «Юрий и Ксения», «Зоровавель», «Сирота» и др.) и драматические произведения («Прокофий Ляпунов», «Ижорский», «Иван — купецкий сын», «Архилох»). В своем творчестве Кюхельбекер продолжал, в основном, ту же линию «высокой» гражданской поэзии, которой он придерживался в своем творчестве додекабрьского периода.

Двадцать лет одиночного заключения и ссылки сделали Кюхельбекера больным стариком и привели его к полной потере зрения. Он умер в 1846 г.



XXX

Къ Пушкину

67. 41.

Счастливъ, о Пушкинъ, кому высо-
кую душу Природа,
Щедрая Матерь — дала, вѣрнаго дру-
га — мечту
Пламенный умъ и не сердце холо-
дной толпы! Онъ всесиленъ
Въ мірѣ своемъ; онъ творецъ! что
ему низкихъ рабовъ,
Мелкихъ, ничтожныхъ Судей, одинъ
на другаго похожихъ —
Что ему ихъ приговоръ? Счастливъ,
о милый пѣвецъ,
~~Счастливъ~~ Даже безсильною ~~даже~~ Завистью
Злобы — (выше) [illegible],
Избранникъ мощныхъ Судебъ!
Огненной мыслью онъ.

Автограф стихотворения В. Кюхельбекера «К Пушкину».

В. К. Кюхельбекер

Гравюра на дереве И. И. Матюшина, 1880-е годы

К ПУШКИНУ

Счастлив, о Пушкин, кому высокую душу природа,
Щедрая матерь, дала, верного друга — мечту,
Пламенный ум и не сердце холодной толпы! Он всесилен
В мире своем; он творец! что ему низких рабов,
Мелких, ничтожных судей, один на другого похожих, —
Что ему их приговор? Счастлив, о милый певец.
Даже бессильною завистью злобы высокий любимец,
Избранник мощных судеб! огненной мыслию он
В светлое небо летит, всевидящим взором читает
И на челе и в очах тихую тайну души!
Сам Кронид для него разгадал загадку созданья, —
Жизнь вселенной ему Феб-Аполлон рассказал.
Пушкин! питомцу богов хариты рекли:
«наслаждайся!»
Светлою, чистой струей дни его в мире текут.
Так, — от дыханья толпы все небесное вянет, но гений
Девствен могущей душой, в чистом мечтанья дитя!
Сердцем выше земли, быть в радостях ей непричастным
Он себе самому клятву священную дал!

<1818>

К САМОМУ СЕБЕ

С отрадой милой заблужденья,
С последним призраком простись!
И ждать живого вдохновенья
От мертвой грусти берегись!

Веселый гром рукоплесканий,
Хвала возвышенным певцам!
Несется голос восклицаний,
Порыв невольной, чистой дани
Их пламенеющим стихам!
Они любовь сердец свободных,
И имя их в устах народных
Достигнет к поздним племенам!

А ты... забвенью обреченный...
В небесных, сладостных очах,
В очах Элизы несравненной
Ты не встречал слезы священной,
Твоим восторгом похищенной!
Брось лиру слабую во прах!
Не думай в выспренных мечтах:
«И я, счастливец дерзновенный,
И я, потомству драгоценный,
В далеких буду жить веках!»
Ужасно жертвой посмеянья
Стоять пред хладною толпой,
Пред сим безжалостным судьей!
В печалях вянут дарованья;
В безмолвной глубине души
Сокрой угрюмые страданья;

Огонь бесплодного желанья
В увядшем сердце потуши!
И, скован мрачною тоскою,
Лететь за счастьем перестань!
Отяготела над тобою
Судьбы убийственная длань!

Ее вовек холодны взоры!
Ее неизменим закон!
Не прогневят ее укоры,
Но также и не тронет стон!
Возвышен грозно над страною,
Где бьется сердце, где с душою
Душа родная говорит,
За неподъятой пеленою
В туманах трон ее стоит!
И кто же жребию глухому
Моленья станет воссылать?
Терпенье — мужества печать!
Не забывай: к всему святому
И ты когда-то пламенел!
Ах, некогда и ты горел
Ко славе чистою любовью!
И миром, и трудом, и кровью —
И всем ей жертвовать хотел:
Но был иной тебе удел!
Вотще, спускаясь к изголовью,
Приникши к ложу твоему,
Она тебя в виденьях смелых
В мечтах и грозных и веселых
Вела ко храму своему!

<1818>

К ПУШКИНУ И ДЕЛЬВИГУ

(ИЗ ЦАРСКОГО СЕЛА)

Нагнулись надо мной родимых вязов своды,
Прохлада тихая развесистых берез!
Здесь нам знакомый луг; вот роща, вот утес,
На верх которого сыны младой свободы,
Питомцы, баловни и Феба и Природы,
Бывало, мы рвались сквозь пустоту древес
И слабым ровный путь с презреньем оставляли!
О время сладкое, где я не знал печали!
Ужель навеки мир души моей исчез
И бросили меня воздушные мечтанья?
Я радость нахожу в одном воспоминанье,
Глаза полны невольных слез!
Увы, они прошли, мои весенни годы!
Но — не хочу тужить: я снова, снова здесь!
Стою над озером, и зеркальные воды
Мне кажут холм, лесок, и мост, и берег весь,
И чистую лазурь безоблачных небес!
Здесь часто я сидел в полуночном мерцаньи,
И надо мной луна катилася в молчаньи!
Здесь мирные места, где возвышенных муз,
Небесный пламень их и радости святые,
Порыв к великому, любовь к добру — впервые
Узнали мы, и где наш тройственный союз,
Союз младых певцов и чистый и священный,
Волшебным навыком, судьбою заключенный,
Был дружбой утвержден!
И будет он для нас до гроба незабвенен!
Ни радость, ни страданье,
Ни нега, ни корысть, ни почестей исканье —

Ничто души моей от вас не удалит!
И в песнях сладостных и в славе состязанье
Друзей-соперников тесней соединит!
Зачем же нет вас здесь, избранники харит?
Тебя, о Дельвиг мой, поэт, мудрец ленивый,
Беспечный и в своей беспечности счастливый?
Тебя, мой огненный, чувствительный певец
Любви и доброго Руслана,
Тебя, на чьем челе предвижу я венец
Арьоста и Парни, Петрарки и Бояна?
О други! почему не с вами я брожу?
Зачем не говорю, не спорю здесь я с вами,
Не с вами с башни сей на пышный сад гляжу?
Или, сплетясь руками,
Зачем не вместе мы внимаем шуму вод,
Бьющих искрами и пеною о камень?
Не вместе смотрим здесь на солнечный восход,
На потухающий на крае неба пламень?
Мне здесь и с вами все явилось бы мечтой,
Несвязным, смутным сновиденьем,
Все, все, что встретил я, простясь с уединеньем,
Все, что мне ясность и покой
И тишину души младенческой отъяло
И сердце мне так больно растерзало!
При вас, товарищи, моя утихнет кровь,
И я — в родной стране, забуду на мгновенье
Заботы и тоску, и скуку, и волненье,
Забуду, может быть, и самую любовь!

<1818>

К БРАТУ

Прелестная весна слетела
С высоких голубых небес;
И громом песней полнит лес,
И дол, и воздух Филомела.
Повеял сладостный зефир
И пробудил дремавший гений,
И ото сна для наслаждений
Живым дыханьем вызвал мир!
Уж ласточка сменяла врана
Под кровом хижин и дворцов,
И лед на лоно океана
Ушел из Ингорских ручьев.
Свободно меж огромных зданий
Течет широкая Нева;
Приют для песней, для мечтаний —
Благоухают дерева!
Идут, слияны с синевою,
Идут, белеясь, паруса,
И раздаются над рекою
Гребцов и кормчих голоса!
А ты на долгую разлуку,
Стесненный тайною тоской,
О друг, о верный, милый мой,
Мне пожимаешь молча руку!
Уж кони у крыльца стоят,
Уже колеблют поводами,
Уж машут гордыми главами
И, роя землю, вдаль глядят;
Бегут и суетятся слуги:
Могущей, жилистой рукой

Здесь вяжет чемодан иной,
А там, в усердном недосуге,
Широкий плащ несет другой:
То — их последние услуги,
То — дань признательных сердец!
И вот — ты скачешь наконец!
Товарищ дней моих минувших,
В весеннем счастии мелькнувших,
С кем узы дружбы и родства
С моей зари меня связали!
Я здесь остался на печали,
На грусть и скуку сиротства!
Ты на меня уже не взглянешь,
Над важностью моей шутя,
И, беззаботный как дитя,
Уже разглаживать не станешь,
Смеясь и скорбям и любви,
Морщины ранние мои!
Ты вырвался из их объятий,
За пуншем нареченных братий,
Беспечных сверстников своих,
И уж на шумное веселье
Толпы счастливцев молодых
Не соберешь в угрюмой келье!
От драгоценных ласк родных,
От горестных лобзаний их
Тебя отозвало прощанье!
Но за тебя их упованье,
Их нежность, слезы и мольбы
Пред троном благостной судьбы —
Ты возвратишься к ним — а друга
(О нем воспомнишь и вздохнешь)
Среди священного их круга,
Быть может, боле не найдешь! . .
Туда — в отчизну непогоды,
Где позабыли литься воды,
Где дышит вечно строгий хлад,
Где вечно радости молчат —
Туда летят мои мечтанья,
Туда, сопутники твои,
Стремятся лучшие желанья,
Стремятся мысли все мои!

Подернутая влажной мглою,
Степь развернется пред тобою
Обширной белой пеленой!
Там волк пушистый обитает,
Там в сумрак слышен дикий вой!
А дале — гробовой покой
На льдах безмолвных возлегает,
На темном море — сон глухой,
И с самого времен начала
Природа дикая дремала
По сим далеким берегам...
А разве по сухим снегам,
Хрустящим в стужу под ногою,
Скитаясь мертвой стороною,
Сюда заблудшийся олень
Зайдет, робея, в долгий день!
А разве глыба оторвется
И в дол покатится по льду;
Иль эхо от гусей проснется,
Мрачащих неба чистоту,
Парящих шумною станицей
В холодной, ясной вышине,
Перед полуночной зарницей,
К полудню жаркому — к весне!
Здесь все мертвит зима седая,
Здесь по сугробам тень лесная
Не протягается вовек;
Но дивный, дерзкий человек
(Он обымает круги звездны,
Он мерит небо, сходит в бездны,
Ему доступны все места)
Принес заботы и сюда!
Прелестна грозная природа!
За исполином исполин,
Со дна морского горы льдин
До облаков немого свода,
В туман лазоревой дали
Свои вершины вознесли!
Под кровом пасмурного неба
Тебе здесь явит род зеркал
(Вовек их луч не согревал)
Незаходящий образ Феба:

На мразном солнце заблестит
Перед тобою, зыблясь, иней:
Но друг мой мыслей полетит
Туда, в страну за далью синей,
Туда, к возлюбленным своим,
Где он их памятью храним;
И будто бы дыханье мая,
О родине мечта святая,
В нем сердце, душу согревая,
Провеет сладостно над ним!
И кто же, в горестной чужбине,
Под властью незнакомых звезд,
Не вспоминал родимых мест?
Горит и в полудиком сыне
Сих убивающих снегов
Живая к родине любовь!
И он, как будто бы в темнице,
Горюет в суетной столице —
Бежит веселья и пиров
И вдруг, завидя челн забвенный,
Стремится в страны отдаленны
Отважных, милых земляков.
Как часто здесь он от ловитвы
В тепле, на кожах отдыхал!
Как жадно каждый здесь внимал
С степным медведем храбрых битвы!
Здесь сон в рассказах заставал
Веселую толпу героев!
Здесь их будил для новых боев
Ревущий у порога вал!
Среди нахмуренных колоссов,
Средь молчаливых белых скал,
Еще младенец — Ломоносов —
В неопытном жару мечтал!
И неподвижных вод равнина
В нем воспитала пламень дум:
Здесь окрыляла юный ум
Ужасных прелестей картина!
И в крае дальном и чужом
Пред ним их призраки стояли,
И в час восторженной печали
И в скучном шуме городском!

Сюда, распростирая руки,
Он пламенел и трепетал
И, мощный, северные звуки
Из струн волшебных исторгал!
О дар поэзии небесной,
Источник радости чудесной,
Источник непонятных мук!
Будя дремавшие страданья,
Какою силой волхованья
Ты нежишь и терзаешь вдруг!
Я вижу, вижу — в град Петровый
Плывет корабль из дальных стран;
Глядит на пенный океан,
Недвижный, пасмурный, суровый,
Весь преисполненный тобой,
Любимец муз, — вещун младой!
Не смеют, трепетом объяты,
Пловцы приближиться к нему:
Несется дух его крылатый,
Покорный богу своему
(Вздыхает грудь, сверкают очи),
В края туманные полночи!
Среди ленивых, мразных волн
Свой быстрый бег остановило
Его родимое светило.
По морю реет легкий челн;
Кругом ныряют с диким лаем
Стада морских, знакомых чуд —
И страшно бури вдруг ревут;
И челн до неба воздымаем,
И в бездну челн валы несут,
И разверзаются, и воют,
И все кипящей мглою кроют!
Но снова на водах покой —
И задрожал гадатель смелый:
В пустыне дикой и немой
Он видит труп оледенелый!
В сей страшный, таинственный час,
В сем грозном, в сем святом виденьи
Судьба пред ним разоблеклась:
И в душу ворвались мученья,
И слезы хлынули из глаз!

Он угадал отца кончину,
Но родина дороже сыну
И незабвеннее была
С ужасного того мгновенья;
И средь восторга вдохновенья,
Там, там душа его жила!
Роскошно-свежие равнины,
Необозримые леса,
Где сосны низменной долины
Восходят гордо в небеса,
О край, где дышит все прохладой
По мшистым холмам, на водах,
Пролитых девственной Наядой,
Текущих в звонких камышах!
Здесь даже летом, в полдень жаркий,
На листьях сумрачных берез
Горит и блещет пламень яркий
Авророй уроненных слез.
Здесь часто я лежал усталой,
Срывал венки брусники алой
И усыплялся в свежей тьме.
Знакомый сад, поля родные,
Наш светлый домик на холме —
Места прелестные, святые!
Здесь мы свободно возросли;
Здесь недра матери-земли
От нас (так рано, без замены!)
Сокрыли друга и отца,
Мы здесь надежд своих конца,
Мы смутной жизни перемены
И не предвидели вдали —
Здесь тихо наши дни текли!
И мы вовек их не забудем!
И мы средь жизненных сует
Всегда и всюду видеть будем
Тебя, родного неба свет!
Тебя, пленивший наши взоры,
Манивший далеко наш дух,
Ручей прекрасной Авиноры!
Увы, и ныне помнит слух
Друзей, взлелеянных тобою,
Как в быстром беге ты журчишь,

И ныне сладостной струею
Ты те же берега поишь,
Где мы резвились и мечтали,
Где, вместе начиная жить,
Брат брату молча обещали,
Деля и радость и печали,
По самый гроб друзьями быть.

<1819>

ПЕСНЯ ДОРОЖНАЯ

Без лишних денег, без забот,
Окрылены мечтою,
Мы, юноши, идем вперед,
Мы радостны душою,

Нас в тихий сумрак манит лес,
В объятия прохлады!
Для нас прелестен свод небес,
Нас призывают грады.

Для нас, журча, бегут ручьи
Под темными древами,
Нас, нас зовут в свои струи
И блещут меж цветами.

Для нас поет пернатых глас,
Шумят и шепчут рощи,
Светило дня блестит для нас,
Для нас светила нощи!

И грусть не смеет омрачать
Невинных наслаждений:
Ее от сердца отогнать
Нам послан дружбы гений!

Его священная рука
Мои отерла слезы:
И спит в моей груди тоска,
И вновь цветут мне розы!

<1818—1820>

ПОЭТЫ

И им не разорвать венка,
Который взяло дарованье.

Жуковский

О Дельвиг, Дельвиг! что награда
И дел высоких и стихов?
Таланту что и где отрада
Среди злодеев и глупцов?
Стадами смертных зависть правит;
Посредственность при ней стоит
И тяжкою пятою давит
Младых избранников харит.
Зачем читал я их скрижали?
Я отдыха своей печали
Нигде, нигде не находил!
Сычи орлов повсюду гнали;
Любимцев та́инственных сил
Безумные всегда искали
Лишить парения и крил.
Вы, жертвы их остервененья,
Сыны огня и вдохновенья,
Мильтон, и Озеров, и Тасс!
Земная жизнь была для вас
Полна и скорбей и отравы;
Вы в дальний храм безвестной славы
Тернистою дорогой шли;
Вы с жадностию в гроб легли.
Но ныне смолкло вероломство:
Пред вами падает во прах
Благоговейное потомство;
В священных, огненных стихах

Народы слышат прорицанья
Сокрытых для толпы судеб,
Открытых взору дарованья!
Что пользы? Свой насущный хлеб
Слезами грусти вы кропили;
Вы мучились, пока не жили.

На небесах и для небес,
До бытия миров и века
Всемощный, чистый бог Зевес
Создал счастливца-человека.
Он землю сотворил потом
В странах, куда низринул гром
Свирепых, буйных великанов,
Детей Хаоса, злых титанов.
Он бросил горы им на грудь,
Да не возмогут вновь тряхнуть
Олимпа твердыми столпами,
И их алмазными цепями
К ядру земному приковал.
Но, благостный, он им послал
В замену счастья, в утешенье
Мгновенный призрак, *наслажденье:*
И человек его узрел
И в призрак суетный влюбился;
Бессмертный вдруг отяжелел,
Забыл свой сладостный удел
И смертным на землю спустился:
И ныне рвется он, бежит
И наслажденья вечно жаждет,
И в наслажденьи вечно страждет,
И в пресыщении грустит!

Но скорбию его смягченный,
Сам Кронион, отец вселенны,
Низводит на него свой взор,
Зовет духов — высокий хор,
Зовет сынов своих небесных,
Поющих звук нектарных чаш
В пеанах мощных и прелестных,
Поющих мир, и жребий наш,
И рок, и гнев эринний строгий,

И вечный ваш покой — о боги!
Все обступают светлый трон
Веселой, пламенной толпою —
И небо полно тишиною,
И им вещает Кронион:
«Да внемлет в страхе все творенье:
Реку — судеб определенье,
Непременяемый закон!
В страстях и радостях минутных
Для неба умер человек,
И будет дух его вовек
Раб персти, раб желаний мутных.
И только есть ему одно
От жадной гибели спасенье,
И вам во власть оно дано:
Так захотело провиденье!
Когда избранники из вас,
С бессмертным счастьем разлучась,
Оставят жребий свой высокий,
Слетят на смертных шар далекий
И, в тело смертных облачась,
Напомнят братьям об *отчизне*,
Им путь укажут к полной жизни;
Тогда, с прекрасным примирен,
Род смертных будет искуплен!»

И всколебался сонм священной,
И начали они слетать
И об отчизне сокровенной
Народам и векам вещать.
Парят поэты над землею
И сыплют на нее цветы
И водят граций за собою:
Кругом их носятся мечты
Эфирной, легкою толпою,
Они веселий не бегут;
Но, верны чистым вдохновеньям,
Ничтожным, быстрым наслажденьям
Они возвышенность дают.
Цари святого песнопенья!
В объятьях даже заблужденья
Не забывали строгих дев;

Они страшились отверженья;
Им был ужасен граций гнев!
Под сенью сладостной прохлады
За чашей пел Анакреон;
Он пел тебя, о Купидон,
Твои победы и награды!
И древним племенам Эллады
Без прелести, без красоты
Уже не смел явиться ты.
Он пел вино — и что же? Греки
Не могут уж, как скифы, пить;
Не могут в бешенстве пролить
Вина с реками крови реки!
Да внемлют же поэтам веки!

Ты вечно будешь их учить,
Творец грядущих дарований,
Вселенная картин и знаний,
Всевидец душ, пророк сердец —
Гомер, божественный певец!
В не связанной ничем свободе
Ты всемогущий чародей,
Ты пишешь страсти и людей
И возвращаешь нас природе
Из светских, тягостных цепей.
Вас вижу, чада Мельпомены,
Ты вождь их, сумрачный Эсхил,
О жрец ужасных оных сил,
Которые казнят измены,
Карают гнусную любовь
И мстят за пролитую кровь.
В руке суровой Ювенала
Злодеям грозный бич свистит
И краску гонит с их ланит,

И власть тиранов задрожала.
Я слышу завыванье бурь:
И се в одежде из тумана
Несется призрак Оссиана!
Покрыта мрачная лазурь
Над ним немыми облаками.
Он страшен дикими мечтами;

Он песней в душу льет печаль;
Он душу погружает в даль
Пространств унылых, замогильных!
Но раздается резкий звук:
Он славит копий бранный стук
И шлет отраду в сердце сильных.
А вы — благословляю вас,
Святые барды Туискона!
И пусть без рабского закона
По воле ваша песнь лилась;
Вы говорили о высоком;
Вы обнимали быстрым оком
И жизнь земли и жизнь небес;
Вы отирали токи слез
С ланит гонимого пороком!
Тебе, души моей поэт,
Тебе коленопреклоненье,
О Шиллер, скорбных утешенье,
Во мгле ненастья тихий свет!
В своей обители небесной
Услышь мой благодарный глас!
Ты был мне все, — о бард чудесной,
В мучительный, тяжелый час,
Когда я говорил, унылый:
«Летите дни! вы мне не милы!»

Их зрела и святая Русь —
Певцов и смелых и священных,
Пророков истин возвышенных!
О край отчизны, — я горжусь!
Отец великих, Ломоносов,
Огонь средь холода и льдин,
Полночных стран роскошный сын!
Но ты — единственный философ,
Державин, дивный исполин, —
Ты пройдешь мглу веков несметных,
В народах будешь жить несчетных,
И твой питомец, славянин,
Петром, Суворовым, тобою
Великий в храме бытия,
С своей бессмертною судьбою,
С делами громкими ея —

Тебя похитит у забвенья!
О Дельвиг! Дельвиг! что гоненья?
Бессмертие равно удел
И смелых, вдохновенных дел
И сладостного песнопенья!
Так! не умрет и наш союз,
Свободный, радостный и гордый,
И в счастьи и в несчастьи твердый;
Союз любимцев вечных муз!
О вы, мой Дельвиг, мой Евгений!
С рассвета ваших тихих дней
Вас полюбил небесный гений!
И ты — наш юный корифей,
Певец любви, певец Руслана!
Что для тебя шипенье змей,
Что крик и филина и врана?
Лети и вырвись из тумана,
Из тьмы завистливых времен.
О други! песнь простого чувства
Дойдет до будущих племен —
Весь век наш будет посвящен
Труду и радостям искусства;
И что ж? пусть презрит нас толпа:
Она безумна и слепа!

<1820>

НИЦЦА

Был и я в стране чудесной,
Там, куда мечты летят,
Где средь синевы небесной
Ненасытный бродит взгляд,
Где лишь мул на верх утеса
Путь находит меж стремнин,
Где весь в листьях в мраке леса
Рдеет сочный апельсин.

Край, любовь самой природы,
Родина роскошных муз,
Область браней и свободы,
Рабских и сердечных уз!
Был я на холмах священных
Средь божественных гробов,
В темных рощах, растворенных
Сладким запахом цветов!

Дивною твоей луною
Был я по морю ведом;
Тьма сверкала подо мною,
Зыбь горела за веслом!
Над истоком Полиона
Я задумчивый стоял;
Мне казалось, там Миньона
Тужит между диких скал!

К песне тихой и печальной
Преклонял я жадный слух:
Из страны, казалось, дальной

Прилетел бесплотный дух!
Он оставил ночь могилы —
Раз еще взглянуть на свет;
Только край родной и милый
Даст ему забвенье бед!

На горах среди туманов
Я встречал толпу теней,
Полк бессмертных великанов,
Ратных, бардов и судей.
Вечный Рим, кладбище славы,
Я к тебе летел душой!
Но встает раздор кровавый,
Брань несется в рай земной!

Гром завоет; зарев блески
Ослепят унылый взор;
Ненавистные тудески
Ниспадут с ужасных гор:
Смерть из тысяч ружей грянет,
В тысячах штыков сверкнет;
Не родясь, весна увянет,
Вольность, не родясь, умрет!

Васильковою лазурью
Здесь пленяют небеса;
Под рушительною бурью
Здесь не могут пасть леса;
Здесь душа в лугах шелко́вых,
Жизнь и в камнях и в водах!
Что ж закон судеб суровых
Шлет сюда и месть и страх?

Все жестоким укоризна,
Что здесь сердцу говорит!
Иль не здесь любви отчизна?
Иль не это сад харит?
Здесь я видел обещанье
Светлых, беззаботных дней:
Но и здесь не спит страданье,
Муз пугает звук цепей!

<1821>

К ДРУЗЬЯМ, НА РЕЙНЕ

Мир над спящею пучиной,
Мир над долом и горой,
Рейн гладкою равниной
Разостлался предо мной!

Легкий челн меня лелеет;
Твердь небесная ясна;
С светлых вод прохлада веет;
В душу льется тишина!

Здесь, над вечными струями,
В сей давно желанный час,
Други! я в мечтаньях с вами,
Братия! я вижу вас!

Вам сей кубок, отягченный
Влагой чистой и златой,
Пью за наш союз священный,
Пью за русский край родной!

Но волна бежит и плещет
В безответную ладью;
Что же грудь моя трепещет,
Что же душу тьмит мою?

Встали в небе великаны,
Отражает их река:
Солнце то прорвет туманы,
То уйдет за облака!

Слышу птицу предвещаний,
Дик ее унылый стон —
Светлую толпу мечтаний
И надежду гонит он!

О, скажи, жилец дубравы,
Томный, жалобный пророк —
Иль меня на поле славы
Ждет неотразимый рок?

Или радостных объятий
К милым мне не простирать
И к груди дрожащих братий
При свиданьи не прижать?

Да паду же за свободу,
За любовь души моей,
Жертва славному народу,
Гордость плачущих друзей!

<1821>

ГРЕЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

Века шагают к славной цели —
Я вижу их, — они идут!
Уставы власти устарели:
Проснулись, смотрят и встают
Доселе спавшие народы.
О радость! грянул час, веселый час свободы!

Друзья! нас ждут сыны Эллады!
Кто даст нам крылья? полетим!
Сокройтесь горы, реки, грады —
Они нас ждут — скорее к ним!
Услышь, судьба, мои молитвы —
Пошли мне, пошли минуту первой битвы!

И пусть я первою стрелою
Сражен, всю кровь свою пролью, —
Счастлив, кто с жизнью молодою
Простился в пламенном бою,
Кто убежал от уз и скуки
И славу мог купить за миг короткой муки.

Ничто, ничто не утопает
В реке катящихся веков —
Душа героев вылетает
Из позабытых их гробов,
И наполняет бардов струны,
И на тиранов шлет народные перуны.

<1821>

К АХА́ТЕСУ

Аха́тес, Аха́тес! ты слышишь ли глас,
Зовущий на битву, на подвиги нас?
Мой пламенный юноша, вспрянь!
О друг, полетим на священную брань!

Кипит в наших жилах веселая кровь,
К бессмертью, к свободе пылает любовь,
Мы смелы, мы молоды: нам
Лететь к Марафонским святым знаменам!

Нет! нет! — не останусь в убийственном сне,
В бесчестной, глухой, гробовой тишине;
Так! ждет меня сладостный бой,
И если паду я — паду как герой.

И в вольность и в славу, как я, ты влюблен,
Навеки со мною душой сопряжен!
Мы вместе помчимся туда,
Туда, где восходит свободы звезда!

Огонь запылал в возвышенных сердцах;
Эллада бросает оковы во прах!
Аха́тес! нас предки зовут —
О, скоро ль начнем мы божественный труд!

Мы презрим и негу, и роскошь, и лень.
Настанет для нас тот торжественный день,
Когда за отчизну наш меч
Впервые возблещет средь радостных сеч!

Тогда, как раздастся громов перекат,
Свинец зашипит, загорится булат,
В тот сумрачный, пламенный пир:
«Что любим свободу» — поверит нам мир!

<1821>

А. П. ЕРМОЛОВУ

О, сколь презрителен певец,
Ласкатель гнусный самовластья!
Ермолов, нет другого счастья
Для гордых, пламенных сердец,
Как жить в столетьях отдаленных
И славой ослепить потомков изумленных.

Но кто же славу раздает,
Как не любимцы Аполлона?
В поэтов верует народ.
Мгновенный обладатель трона,
Царь не поставлен выше их.
В потомстве Не́рона клеймит бесстрашный стих.

Но будет свят союз прекрасный
Прямых героев и певцов —
Поет Гомер, к Ахиллу страстный,
Из глубины седых веков
Вселенну песнь его пленила —
И не умрет душа великого Ахилла.

Так пел, в Суворова влюблен,
Бард дивный, исполин Державин —
Не только бранью Сципион,
Он дружбой песнопевца славен!
Единый лавр на их главах —
Героя и певца равно бессмертен прах!

Да смолкнет же передо мною
Толпа завистливых глупцов,

Когда я своему герою —
Врагу трепещущих льстецов —
Свою настрою смело лиру
И расскажу о нем внимающему миру!

Он гордо презрел клевету,
Он возвратил меня отчизне:
Ему я все мгновенья жизни
В восторге сладком посвящу,
Погибнет с шумом вероломство,
И чист предстану я пред грозное потомство.

<1821>

ГРИБОЕДОВУ

Увы, мой друг, как трудно совершенство!
И мне его достигнуть ли когда?
Я рано назвал призраком блаженство:
Ужель и дар мой и восторг — мечта?

А если нет, избегну ли забвенья?
Не схватит ли меня до достиженья,
Когда уже мне видится венок,
В средине самой моего теченья —
Неумолимый рок?

Жилец возвышенного мира,
Я вечно буду чужд земных цепей:
Но, ах! меня спасет ли лира?
Избегну ли расставленных сетей?
Как мне внизу приметить гнусных змей?
Быть может, их нога моя попрала —
И уж острят убийственные жала!

Но ты, ты возлетишь над песнями толпы!
Певец, тебе даны рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье тихое и светлая любовь,
Святые таинства высокого искусства
И резво скачущая кровь!

О! если я сойду к брегам туманной Леты
Как неизвестная, немая тень, —
Пусть образ мой, душой твоей согретый,
Еще раз у́зрит день!

Я излечу на зов твой из могилы,
Развью раскованные крилы,
К златому солнцу воспарю —
И жадно погружусь в бессмертную зарю! . .

<1821>

ПРОРОЧЕСТВО

Глагол господень был ко мне
За цепью гор на Курском бреге:
«Ты дни влачишь в ленивом сне,
В мертвящей душу вялой неге!
На то ль тебе я пламень дал
И силу воздвигать народы?
Восстань, певец, пророк свободы!
Вспрянь, возвести, что я вещал!

Никто — но я воззвал Элладу;
Железный разломил ярем;
Душа ее не дастся аду:
Она очистится мечом!
Как искушенная в горниле,
Она воскреснет предо мной;
Ее подымет смертный бой,
Она возблещет в новой силе!»

Беснуясь, варвары текут;
Огня и крови льются реки;
На страшный и священный труд
Помчались радостные греки!
Младенец обнажает меч,
С мужами жены ополчились,
И мужи в львов преобразились
Среди пожаров, казней, сеч!

Костьми усеялося море,
Судов могущий сонм исчез!
Главу вздымая до небес,

Грядет на Византию горе!
Приспели грозные часы;
Подернет грады запустенье;
Не примет трупов погребенье,
И брань за них подымут псы!

Напрасны будут все крамолы;
Святая сила победит!
Бог зыблет и громит престолы,
Он правых, он свободных щит!
Меня не он ли наполняет
И проясняет тусклый взор?
Се предо мной мгновенно тает
Утесов ряд, твердынь и гор!

Блестит кровавая денница,
В полях волнуется туман:
Лежит в осаде Триполицца,
И, бодр, не дремлет верный стан!
Священный пастырь к богу брани
Воздел трепещущие длани;
В живых молитвах и слезах,
Кругом вся рать простерлась в прах!

С высот неверный им смеется,
Подъемлет варвар их на смех:
Но кара в облаках несется!
Отяжелел османа грех!
Воспрянул старец вдохновенный,
Булат в деснице, в шуйце крест;
Он возлетел на вражьи стены:
Огонь и дым и гром окрест!

Кровь отомстилась убиенных
Детей и дев, сирот и вдов:
Нет в страшном граде пощаженных;
Всех, всех глотает смертный ров!
И се вам знаменье спасенья,
Народы! близок, близок час!
Сам Саваоф стоит за вас!
Восходит солнце обновленья!

Но ты, коварный Альбион,
Бессмертным избранный когда-то,
Своим ты богом назвал злато:
Всемощный сокрушит твой трон!
За злобных тайный ты воитель!
Но будет послан ангел-мститель:
Судьбы ты страшной не минешь;
Ты день рожденья проклянешь!

Тебя замучают владыки,
И чад твоих подавит страх;
Во все рассыплешься языки,
Как вихрем восхищенный прах!
Народов чуждых песнью будешь
И притчею своих врагов
И имя славное забудешь
Среди бичей, среди оков!

А я и в ссылке и в темнице
Глагол господень возвещу!
О боже! я в твоей деснице,
Я слов твоих не умолчу!
Как буря по полю несется,
Так в мире мой раздастся глас
И в слухе сильных отзовется!
Тобой сочтен мой каждый влас!

<1822>

К ПУШКИНУ

Мой образ, друг минувших лет,
Да оживет перед тобою!
Тебя приветствую, поэт!
Одной постигнуты судьбою,
Мы оба бросили тот свет,
Где мы равно терзались оба,
Где клевета, любовь и злоба
Разлу́чили обоих нас!
И недалек, быть может, час,
Когда при черном входе гроба
Иссякнет нашей жизни ключ;
Когда погаснет свет денницы,
Крылатый, бледный блеск зарницы,
В осеннем небе хладный луч!
Но се — в душе моей унылой
Твой чудный Пленник повторил
Всю жизнь мою волшебной силой
И скорбь немую пробудил!
Увы! Как он, я был изгнанник,
Изринут из страны родной,
И рано безотрадный странник
Вкушать был должен хлеб чужой!
Куда, преследован врагами,
Куда, обманут от дру́зей,
Я не носил главы своей,
И где веселыми очами
Я зрел светило ясных дней?
Вотще в пучинах тихоструйных
Я в ночь, безмолвен и уныл,
С убийцей-гондольером плыл;

Вотще на поединках бурных
Я вызывал слепой свинец —
Он мимо горестных сердец
Разит слова одних счастливых!
Кавказский конь топтал меня —
И жив в скалах тех молчаливых
Я встал из-под копыт коня!
Воскрес на новые страданья,
Стал снова верить в упованья,
И снова дикая любовь
Огнем свирепым сладострастья
Зажгла в увядших жилах кровь
И чашу мне дала несчастья!
На Рейнских пышных берегах,
В Лютеции, в столице мира,
В Гесперских радостных садах,
На смежных небесам горах,
О коих сладостная лира
Поет в златых твоих стихах,
Близ древних рубежей Персиды,
Средь томных северных степей —
Я был добычей Немезиды,
Я был игралищем страстей!
Но не ропщу на провиденье:
Пусть кроюсь ранней сединой —
Я молод пламенной душой;
Во мне не гаснет вдохновенье,
И по нему, товарищ мой,
Когда средь бурь мятежной жизни
В святой мы встретимся отчизне,
Пусть буду узнан я тобой.

<1822>

УЧАСТЬ ПОЭТОВ

О сонм глупцов бездушных и счастливых!
Вам нестерпим кровавый блеск венца,
Который на чело певца
Кладет рука камен, столь поздно справедливых!
Так радуйся ж, презренная толпа,
Читай былых и наших дней скрижали:
Пророков гонит черная судьба;
Их стерегут свирепые печали:
Они влачат по мукам дни свои,
И в их сердца впиваются змии.
Ах, сколько вижу я неконченных созданий,
Манивших душу прелестью надежд,
Залогов горестных за пламень дарований,
Миров, разрушенных злодействами невежд!
Того в пути безумие схватило
(Счастливец! от тебя оно сокрыло
Картину их постыдных дел;
Так! Я готов сказать: завиден твой удел!),
Томит другого дикое изгнанье;
Мрут с голоду Камоенс и Костров;
Ш(ихматова) бесчестит осмеянье,
Клеймит безумный лепет остряков:
Но будет жить в веках певец Петров!
Потомство вспомнит их бессмертную обиду
И призовет на прах их Немезиду!

<1823>

К ВЯЗЕМСКОМУ

Когда, воспрянув ото сна,
Воздвиглась, обновясь, Эллада
И вспыхла чудная война,
Рабов последняя отрада;
Когда их цепи пали в прах
И обуял крылатый страх
Толпы свирепых отоманов,
Толпу союзных им тиранов,
Гнетущих вековым жезлом
Немые Запада народы,
Казнящих ссылкой и свинцом
Сынов возвышенной свободы:
С Секванских слышал я брегов
Ваш клик, воскресшие герои,
Ваш радостный я слышал зов,
О вы, торжественные бои!
Хватая в нетерпеньи меч,
Я думал: там средь дивных сеч
Найду бессмертную кончину!
Но мне унылую судьбину
Послал неумолимый рок.
Мой темный жизненный поток
Безвестный потечет в истленье.
Увы! меня пожрет забвенье!
А разве сохранит певца
Отважный голос упованья,
Мой стих, гремевший из изгнанья,
Разивший гордые сердца?
Развейся же, святое знамя,
Играй в воздушных высотах;

Не тщетное дано мне пламя:
Я волен даже и в цепях!
Чистейший жар в груди лелея,
Я ударяю по струнам;
Меня надзвездный манит храм —
Воссяду ли, счастливец, там
Близ Пушкина и близ Тиртея?

〈1823〉

ПРОКЛЯТИЕ

1

Проклят, кто оскорбит поэта
Богам любезную главу;
На грозный суд его зову:
Он будет посмеяньем света!

2

На крыльях гневного стиха
Помчится стыд его в потомство:
Там казнь на грех и вероломство,
Там не искупит он греха.

3

Напрасно в муках покаянья
Он с воплем упадет во прах;
Пусть призовет и скорбь и страх,
Пусть на певца пошлет страданья;

4

Равно бесстрашен и жесток,
Свой слух затворит заклинанью,
Предаст злодея поруганью
Святый, неистовый пророк.

5

Пройдет близ сумрачного гроба
Пришелец, и махнет рукой,
И молвит, покивав главой:
«Здесь смрадно истлевает злоба!»

6

А в жизни, — раб или тиран,
Поэта гнусный оскорбитель, —
Нет, изверг, не тебе был дан
Восторг — бессмертья похититель.

7

Все дни твои — тяжелый сон,
Ты глух, и муз ты ненавидишь,
Ты знаешь роковой закон,
Ты свой грядущий срам предвидишь.

8

Но бодро радостный певец
Чело священное подъемлет,
Берет страдальческий венец —
И место меж богов приемлет!

<1824>

ЖРЕБИЙ ПОЭТА

1

Как путник, ветрами носимой
По диким, тягостным волнам,
По бездне вод необозримой, —
Стремит к невидимым звездам
Сквозь мрак ревущей полуночи
Спасенья жаждущие очи;
Как в страхе к дальным берегам
В слезах распростирает руки...
(Там все его исчезнут муки,
Усталого ждет пристань там.)

2

Так я средь сердца гроз мятежных,
Размучен бурною душой,
Добыча бедствий неизбежных —
Звал тщетно сладостный покой!
Нигде мне не было пощады:
Из края в край, из весей в грады
Я был преследован судьбой;
Нет, не могли святые струны
Гром оковать, связать перуны;
Ревели бури надо мной.

3

О! страшно быть сосудом бренным,
Пророком радостных богов!
Снедаемый огнем священным,

Внушителем златых стихов,
Тот предан в жертву грозной власти,
В ком песней жар питают страсти:
Его и самая любовь
Порабощает мрачным силам;
В нем шумно, яростно по жилам
Течет неистовая кровь.

4

Взамену пред лицом Кронида
Всесилен вещих песней глас:
Им в темном аде Немезида,
Им в светлом небе Локсиас,
Им на земле века внимают, —
И на главе певца считают
И сохраняют каждый влас.
Он входит в горние пределы,
Берет из длани Зевса стрелы —
И нечестивых страх потряс.

5

Гремят его хвалы и клятвы
До запада позднейших дней:
Он сеет их для верной жатвы.
Злодей, содро́гнись и бледней,
Беги за волны Ахерона!
Вот лук, даянье Аполлона:
Он губит извергов и змей...
Уж роги тетива стянула:
Исчезни же! утроба тула
Полна мучительных смертей!

<1824>

‹НА СМЕРТЬ ЧЕРНОВА›

Клянемся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царя трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым.
Нет! не отечества сыны —
Питомцы пришлецов презренных.
Мы чужды их семей надменных:
Они от нас отчуждены.
Так, говорят нерусским словом,
Святую ненавидят Русь.
Я ненавижу их, клянусь,
Клянуся честью и Черновым.
На наших дев, на наших жен
Дерзнет ли вновь любимец счастья
Взор бросить, полный сладострастья, —
Падет, перуном поражен.

И прах твой будет в посмеянье,
И гроб твой будет в стыд и срам.
Клянемся дщерям и сестрам:
Смерть, гибель, кровь за поруганье.

А ты, брат наших ты сердец,
Герой, столь рано охладелый,
Взносись в небесные пределы:
Завиден, славен твой конец.
Ликуй, ты избран русским богом
Нам всем в священный образец,
Тебе дан праведный венец,
Ты чести будешь нам залогом.

‹1825›

СМЕРТЬ БАЙРОНА

За небосклон скатило шар
Златое, дневное светило
И твердь и море воспалило;
По рощам разлился пожар;
Зажженное зыбей зерцало,
Алмаз огромный, трепетало.

Вспылал далекий минарет;
Имам, над прахом возвышенной,
Трикрат провозгласил вселенной:
«Бог только бог — иного нет...»
Услышали; в мгновенье ока
Все пали ниц сыны пророка.

Но душен воздух; стадо туч
Парит над знойною землею;
Погас прощальный солнца луч;
Заснувший холм оделся мглою;
Простерлась всюду тишина;
Взошла багровая луна,

Взошла и посребрила скалы,
Звезда открылась за звездой;
Сеть собрал рыболов усталый,
Оратай поспешил домой;
С высот эфирных в дол и рощи
Толпой слетают духи нощи!

СМЕРТЬ
БАЙРОНА,

СТИХОТВОРЕНІЕ

В. Кюхельбекера.

МОСКВА.

Въ Типографіи Императорскаго Московскаго Театра, 1824 года.

У Содержателя А. Похорскаго.

Титульный лист стихотворения В. Кюхельбекера «Смерть Байрона», издания 1824 г.

И кто же в сей священный час
Один не мыслит о покое?
Один в безмолвие ночное,
В прозрачный сумрак погружась,
Над морем и под звездным хором
Блуждает вдохновенным взором?

Певец, любимец россиян,
В стране Назонова изгнанья,
Немым восторгом обуян,
С очами, полными мечтанья,
Сидит на крутизне один;
У ног его шумит Евксин —

Шумит и белыми рядами
За валом приближает вал;
Встал хладный ветер между скал.
Пронесся стон их над водами;
Скользя поверх свинцовых волн,
Качаясь, реет утлый челн.

Змеятся быстрые зарницы;
Бегут и вдруг завесу тьмы
Срывают с мраморной чалмы,
С объятой розами гробницы;
И соловей, любовник роз,
Вспорхнул, слетел с надгробных лоз.

На крае неба город дальный
Чернеет в тусклой белизне:
Не звон ли звукнул погребальный,
Нежданный в общей тишине?
Земля содроглась; в блесках молний,
Дрожа, шатнулись колокольни!

Гром грянул; пышут небеса;
В селеньи стая псов завыла;
Расширив блещущие крыла,
Взревела дикая гроза:
Волк гладный бросил логовище,
Сошлись чакалы на кладбище!

Тогда (но страх объял меня!
Бледнею, трепещу, рыдаю;
Подавлен скорбию, стеня,
Испуган, лиру покидаю!) —
Я вижу — сладостный певец
Во прах повергнул свой венец.

Он зрит: от дальних стран полдневных,
Где возвышался Фебов храм,
Весь в пламени, средь вихрей гневных,
По мрачным, тяжким облакам
Шагает призрак исполина;
Под ним сверкает вод равнина!

Он слышит: с горней высоты
Глагол раздался чародея!
Волшебный зов, над миром вея,
Созданья пламенной мечты
В лицо и тело облекает;
От Стикса мертвых вызывает!

Земля их кости выдает;
На зов того, кто их прославил,
Их сонм могильный прах оставил,
Взвился, слетелся в хоровод;
Со тьмой слились их одеянья;
О страх! их слышу завыванья!

Всех, всех воскресших вижу вас,
Героев их воспетых — тени!
Зловещий Дант, страдалец Тасс
Исходят из подземной сени;
Гяур воздвигся, встал Манфред:
Их озаряет грозный свет.

Стрясая с веждей смертный сон,
Встал из бездонного вертепа
Неистовый ездок Мазепа;
Смущенный, вопрошает он:
«Или нас гонит рать Петрова?
Коня! за мной! — помчимся снова!»

Главу свою находит дож
Бессмертную и в гробном прахе;
Он жив, погибнувший на плахе,
Отец народа, страх вельмож;
И вновь за честь злосчастный мститель
Идет в бесчестную обитель,

Туда, где темные рабы,
Пылая жаждой кровопийства,
Готовят гибель и убийства
И цепи рвут с слепой толпы —
И вновь с бесстрашьем неизменным
Он предстоит судьям надменным.

О искра вечного отца!
Огонь святого песнопенья!
Глас вдохновенного певца!
Не мрут в веках твои творенья!
Ничтожен, тленен человек;
Но мысль живет из века в век!

Я зрю блестящее виденье:
Горé парящий великан
Раздвигнул пред собой туман!
Сколь дерзостно его теченье!
Он строг, величествен и дик!
Как полный месяц бледный лик.

Шумя широкими крылами,
Летит — и скрылся дивный дух.
Так водопад между скалами
Ревет, пугает взор и слух;
Ярясь, стремится в край надзвездный —
Вдруг исчезает в мраке бездны.

Или единая от звезд,
Отторгшись, мчится, льет сиянье
Чрез поле неизмерных мест,
Чрез сумрачных небес молчанье —
И око, зря ее полет,
За ней боязненно течет!

Упала дивная комета!
Потухнул среди туч перун!
Еще трепещет голос струн,
Но нет могущего поэта!
Он пал — и средь кровавых сеч
Свободный грек роняет меч!

Руками закрывает очи
Эллада, матерь светлых чад!
Вражда и зависть, дети ночи,
Ругаться славному спешат...
Прочь, чернь презренная! прочь, злоба!
Беги! не смей касаться гроба

Того, чьи песни и дела
Почтит дальнейшее потомство!
Беги! умолкни, вероломство!
Его бессмертью обрекла —
Душой блестящей пораженна, —
Не ты, Британия, — вселенна!

Бард, живописец смелых душ,
Гремящий, радостный, нетленный,
Вовек пари, великий муж,
Там, над Элладой обновленной!
Тиртей, союзник и покров
Свободой дышащих полков!

Ты взвесил ужас и страданья,
Ты погружался в глубь сердец
И средь волнений и терзанья
Рукой отважной взял венец.
Завидный, светлый, но кровавый,
Венец страдальчества и славы!

И се!.. из лона облаков
Твои божественные братья,
Певцы, наставники веков
Тебя зовут в свои объятья!
Утешься, горестная тень!
Тебе сияет вечный день!

Да мимо идет укоризна!
О! заглуши упреки, стон!
Изгнавшая его отчизна,
Рыдай, несчастный Альбион!
Он пал — непримирен, в чужбине!
Плачь, сетуй по великом сыне!

Увы! ударит час судьбы!
Веков потоком поглощенный,
Исчезнет твой народ надменный
Или пришельцовы стопы
Лобзать, окован рабством, будет,
Но Байрона не позабудет

Тебя гнетущий властелин;
Он на тебя перстом укажет;
Друзьям, главой поникнув, скажет:
«Ужель родиться исполин
Мог в сей земле, судьбой забвенной?»
И смолкнет, в думу погруженный!

1824

*

ТЕНЬ РЫЛЕЕВА

В ужасных тех стенах, где Иоанн,
В младенчестве лишенный багряницы,
Во мраке заточенья был заклан
Булатом ослепленного убийцы —
Во тьме, на узничном одре, лежал
Певец, поклонник пламенный свободы.
Отторжен, отлучен от всей природы,
Он в вольных думах счастия искал,
Но не придут обратно дни былые:
Прошла пора надежд и снов,
И вы, мечты, вы, призраки златые, —
Не позлатить железных вам оков!
Тогда (то не был сон) во мрак темницы
Небесное видение сошло —
Раздался звук торжественной цевницы —
Испуганный певец подъял чело:
На облаках несомый,
Явился образ узнику знакомый.

«Несу товарищу привет
Из той страны, где нет тиранов,
Где вечен мир, где вечный свет,
Где нет ни бури, ни туманов.
Блажен и славен мой удел:
Свободу русскому народу
Могучим гласом я воспел,
Воспел — и умер за свободу!
Счастливец, я запечатлел
Любовь к земле родимой кровью —
И ты, я знаю, пламенел

К отчизне чистою любовью.
Грядущее твоим очам
Разоблачу я в утешенье —
Поверь, не жертвовал ты снам:
Надеждам будет исполненье!»

Он рек — и бестелесною рукой
Раздвинул стены, растворил затворы,
Воздвиг певец восторженные взоры —
И видит: на Руси святой
Свобода, счастье и покой.

‹1827›

19 ОКТЯБРЯ 1828 ГОДА

Какой волшебною одеждой
Блистал пред нами мир земной!
С каким огнем, с какой надеждой,
С какою детской слепотой
Мы с жизнию вступали в бой.
Но вскоре изменила сила,
И вскоре наш огонь погас:
Покинула надежда нас,
И жизнь отважных победила!
Моих друзей далекий круг!
Под воплями осенних вьюг,
Но благостным хранимый небом,
При песнях, вдохновенных Фебом,
От бурь и горя вдалеке,
В уютном, мирном уголке
Ты празднуешь ли день священный,
День, сердцу братьев незабвенный?
Моих друзей далекий круг!
Воспомнит ли в сей день священный,
В день, сердцу братьев незабвенный,
Меня хотя единый друг?
Или судьба меня лишила
Не только счастья — и любви?
И не взяла меня могила,
И кончился дни мои?

ЛЮБОВЬ УЗНИКА

Податель счастья и мученья!
Тебя ли я встречаю вновь?
И даже в узах заточенья
Ты обрела меня, любовь!

Увы! почто твои приветы?
К чему улыбка мне твоя?
Светилом ли твоим согретый
Воскресну вновь для жизни я?

Нет! минула пора мечтаний,
Пора надежды и любви:
От мраза лютого страданий
Хладеет ток моей крови.

Для узника ли взоров страстных
Восторг, и блеск, и темнота?
Погаснет луч в парах ненастных:
Забудь страдальца, красота!

<1829>

ГЕРОЙ И ПЕВЕЦ

1-й СОНЕТ

Герой, кому венец дарован бранный,
Муж, совершивший смелые дела,
Живет в столетьях, славой осиянный;
Пусть поразит могущего стрела, —

За гроб восхитит лавр, однажды данный!
Расступится завистливая мгла;
Он разорвет времен покров туманный
Сиянием бессмертного чела.

Но без хвалы и битвы и победа
Как шумная река бы протекли
И в мире не оставили б и следа.

Да чтят витию племена земли!
Спасает подвиги его беседа:
Бойцы бы без него, как сон, прошли.

2-й СОНЕТ

Подобится златому оку мира
Спаситель братьев, радостный боец;
Но пастырю полночных стад эфира,
Луне подобен — сладостный певец.

А тот, кому даны и меч и лира,
Кто на главу взложил двойной венец,

В войне перун, в объятиях же мира
Души обворожитель, врач сердец, —

Тому подобья нет: его судьбина,
Священных, дивных полная чудес,
Гора сокровищ и богатств пучина,

На землю прямо пала от небес.
Он выше всех; так скал крутых вершина
Златая превышает темный лес.

<1829>

ПАМЯТИ ГРИБОЕДОВА

Когда еще ты на земле
Дышал, о друг мой незабвенный!
А я, с тобою разлученный,
Уже страдал в тюремной мгле, —
Зачем, виденьем принесенный,
В отрадном, благодатном сне
Тогда ты не явился мне?
Ужели мало, брат мой милый,
Я, взятый заживо могилой,
Тоскуя, думал о тебе?
Когда в боязненной мольбе
Слова в устах моих коснели,
Любезный брат твой неужели
Без слез, без скорби звал к себе?
Вотще я простирал объятья,
Я звал тебя, но звал вотще:
Бессильны были все заклятья —
Ты был незрим моей мечте.
Увы! всего лишь раз единый
Передо мной в полночный мрак
Восстал возлюбленный призра́к —
Не злой ли час твоей кончины?
Но не было глубоких ран,
Свидетелей борьбы кровавой,
На теле избранного славой
Певца, воспевшего Иран, —
И — ах! — сраженного Ираном.
Одеян не был ты туманом,
Не искажен и не уныл,
Но бледен... нет, ты ясен был;

Ты был в кругу моих родимых,
Тобой незнанных, но любимых,
Тебя любивших, не видав.
В виденьи оной вещей ночи
Твои светлее были очи,
Чем среди смеха и забав
В чертогах суеты и шума,
Где свой покров нередко дума
Бросала на чело твое,
Где ты прикрыть желал ее
Улыбкой, шуткой, разговором...
Но дружбе взор орлиный дан:
Великодушный твой обман
Орлиным открывался взором...
Так мне однажды только сон
Тебя представил благотворный.
С тех пор, суровый и упорный,
Отказывал мне долго он
Привлечь в обитель испытанья
Твой дух из области сиянья.
А между тем мои страданья
Копились и росли... но вдруг,
Ты что-то часто, брат и друг,
Златую предваря денницу,
Спускаться стал в мою темницу.
Или зовешь меня туда,
Где ты, паря под небесами,
Ликуешь с чистыми духами,
Где вечны свет и красота,
В страну покоя над звездами.
Или же (много я любил!)
Те, коих взор и в самом мраке,
Как луч живительных светил,
Как дар былого, я хранил, —
Все, все в твоем слиялись зраке,

<1829>

КЛЕН

Скажи, кудрявый сын лесов священных,
Исполненный могучей красоты,
Средь камней, соков жизненных лишенных,
Какой судьбою вырос ты?

Ты развился перед моей тюрьмою —
Сколь многое напоминаешь мне!
Здесь не с кем мне — поговорю с тобою
О милой сердцу стороне;

О времени, когда подобно птице,
Жилице вольной средь твоих ветвей,
Я песнь свободную певал деннице
И блеску западных лучей;

Тогда с брегов смиренной Авиноры,
В лесах моей Эстонии родной,
Впервые жадно вдаль простер я взоры,
Мятежной мучимый тоской.

Твои всходящие до неба братья
Видали, как завешанную тьмой
Страну я звал, манил в свои объятья, —
И покачали головой!

А ныне ты свидетель совершенья
Того, что прорицалось ими мне;
Не ты ль последний в мраке заточенья
Мой друг в угрюмой сей стране?

(1832)

ЭЛЕГИЯ

Склонился на руку тяжелой головою
В темнице сумрачной задумчивый поэт —
Что так очей его погас могущий свет?
Что стало пред его померкшею душою?
О чем мечтает? Или дух его
Лишился мужества всего
И пал пред неприязненной судьбою?
«Не нужно состраданья твоего!
К чему твои вопросы, хладный зритель
Тоски, которой не понять тебе?
Твоих ли утешений, утешитель,
Он требует? Оставь их при себе!
Нет, не ему тужить о суетной утрате
Того, что счастием зовете вы, —
Равно доволен он и во дворце и в хате:
Не поседели бы власы его главы,
Хотя бы сам, в поту лица, руками
Приобретал свой хлеб за тяжкою сохой,
Он был бы тверд под бурей и грозами
И равнодушно снес бы мраз и зной.
Он не терзается и по златой свободе:
Пока огонь небес в поэте не потух,
Поэта и в цепях еще свободен дух.
Когда ж и с грустью мыслит о природе,
О божьих чудесах на небе, на земле,
О долах, о горах, о необъятном своде,
О рощах, тонущих в вечерней, белой мгле,
О солнечном блистательном восходе,
О дивном сонме звезд златых,
Бесчисленных лампад всемирного чертога,

Несметных исповедников немых
Премудрости, величья, славы бога —
Не без отрады все же он:
В его груди вселенная иная;
В ней тот же благости таинственный закон,
В ней та же заповедь святая,
По коей выше тьмы и зол и облаков
Без устали течет великий полк миров.
Но ведать хочешь ты, что сумрак знаменует,
Которым, будто тучей, облегло
Певца унылое чело —
Увы! он о судьбе тоскует,
Какой ни Меонид, ни Камоэнс, ни Тасс,
И в песнях и в бедах его предтечи,
Не испытали; пламень в нем погас,
Тот, с коим не были ему ужасны встречи
Ни с скорбным недугом, ни с хладной нищетой,
Ни с ветреной изменой
Любви, давно забытой и презренной,
Ни даже с душною тюрьмой».

(1832)

МОРЕ СНА

Мне ведомо море, седой океан:
Над ним беспредельный простерся туман,
Над ним лучезарный не катится щит,
Но звездочка бледная тихо горит.

Пускай океана неведом конец,
Его не боится отважный пловец;
В него меня манит незанятый блеск,
Таинственный шопот и сладостный плеск.

В него погружаюсь один, молчалив,
Когда настает полуночный прилив,
И чуть до груди прикоснется волна,
В больную вливается грудь тишина.

И вдруг я на береге — будто знаком!
Гляжу — и вхожу в очарованный дом:
Из окон мне милые лица глядят,
И речи приветные слух веселят.

Не милых ли сердцу я вижу друзей,
Когда-то товарищей жизни моей?
Все, все они здесь! удержать не могли
Ни рок их, ни люди, ни недра земли!

Попрежнему льется живой разговор;
Попрежнему светится дружеский взор...
При вещем сиянии райской звезды
Забыта разлука, забыты беды.

Но ах! пред зарей наступает отлив —
И слышится мне неотрадный призыв...
Развеялось все — и мерцание дня
В пустыне глухой осветило меня.

(1832)

НОЧЬ

1

Ночь, приди, меня покрой
Тишиною и забвеньем,
Обольсти меня виденьем,
Отдых дай мне, дай покой!

2

Пусть ко мне слетит во сне
Утешитель мой ничтожный,
Призрак быстрый, призрак ложный,
Легкий призрак милых мне!

3

Незабвенных, дорогих
Наслажуся разговором:
Повстречаюся с их взором,
Уловлю улыбку их!

4

Предо мной моя семья:
Позабыты все печали,
Узы будто не бывали,
Будто не в темнице я!

〈Середина 30-х годов〉

ВЕТЕР

1

Слышу стон твой, ветер бурный!
Твой унылый, дикий вой;
Тьмой ненастной свод лазурный
Черным саваном покрой!

2

Пусть леса, холмы и долы
Огласит твой шумный зык!
Внятны мне твои глаголы,
Мне понятен твой язык.

3

Из темницы безотрадной
Преклоняю жадный слух:
За тобою, ветер хладный,
Рвется мой стесненный дух!

4

Ветер! ветер! за тобою
В необъятной вышине
Над печальной мглой земною
Вдаль бы понестися мне!

5

Был бы воздух одеянье,
Собеседник — божий гром,
Песни — бурей завыванье,
Небо — мой пространный дом.

6

Облетел бы круг вселенной,
Только там бы отдохнул,
Где семьи мне незабвенной
Речи вторит тихий гул;

7

Среди летней светлой ночи,
У часовни той простой,
Им бы там мелькнул я в очи,
Где почиет их родной!

8

К милым я простер бы руки,
Улыбнулся бы, исчез,
Но знакомой лиры звуки
Потрясли бы близкий лес.

<Середина 30-х годов>

19 ОКТЯБРЯ 1836 ГОДА

Шумит поток времен. Их темный вал
Вновь выплеснул на берег жизни нашей
Священный день, который полной чашей
В кругу друзей и я торжествовал...
Давно... Европы страх — седой Урал,
И Енисей, и степи, и Байкал
Теперь меж нами. На крылах печали
Любовью к вам несусь из темной дали,

Поминки нашей юности, и я
Их праздновать хочу. Воспоминанья!
В лучах дрожащих тихого мерцанья
Воскресните! Предстаньте мне, друзья!
Пусть созерцает вас душа моя,
Всех вас, лицея нашего семья!
Я с вами был когда-то счастлив, молод, —
Вы с сердца свеете туман и холод.

Чьи резче всех рисуются черты
Пред взорами моими? Как перуны
Сибирских гроз, его златые струны
Рокочут... Пушкин, Пушкин! это ты!
Твой образ — свет мне в море темноты;
Твои живые, вещие мечты
Меня не забывали в ту годину,
Как пил и ты, уединен, кручину.

Тогда и ты, как некогда Назон,
К родному граду простирал объятья;
И над Невой затрепетали братья,

Услышав гармонический твой стон.
С седого Пейпуса, волшебный, он
Раздался, прилетел и прервал сон,
Дремоту наших мелких попечений —
И погрузил нас в волны вдохновений.

О брат мой! много с той поры прошло,
Твой день прояснел, мой покрылся тьмой;
Я стал знаком с торкватовой судьбой.
И что ж? опять передо мной светило:
Как сон тяжелый, горе протекло;
Мое светило из-за туч чело
Вновь подняло — гляжу в лицо природы:
Мне отданы долины, горы, воды.

О друг! хотя мой волос поседел,
Но сердце бьется молодо и смело.
Во мне душа переживает тело,
Еще мне божий мир не надоел.
Что ждет меня? Обманы — наш удел,
Но в эту грудь вонзилось много стрел;
Терпел я много, обливался кровью:
Что, если в осень дней столкнусь с любовью?

ТЕНИ ПУШКИНА

Итак, товарищ вдохновенный,
И ты! — а я на прах священный
Слезы не пролил ни одной:
С привычки к горю и страданьям
Все высохли в груди больной,
Но образ твой моим мечтаньям
В ночах бессонных предстоит,
Но я тяжелой скорбью сыт,
Но, мрачный, близ жены мне милой
И думать о любви забыл...
Там мысли, над твоей могилой!
Смолк шорох благозвучных крыл
Твоих волшебных песнопений,
На небо отлетел твой гений;
А визги желтой клеветы
Глупцов, которые марали,
Как был ты жив, твои черты,
И ныне, в час святой печали,
Бездушные не замолчали!
Гордись! Ей-богу, стыд и срам
Их подлая любовь! Пусть жалят!
Тот пуст и гнил, кого все хвалят;
За зависть дорого я дам,
Гордись! Никто тебе не равен,
Никто из сверстников-певцов:
Не смеркнешь ты во мгле веков;
В веках тебе клеврет — Державин.

<1837>

19 ОКТЯБРЯ <1838 года>

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В средине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушенных сил!
Блажен! Лицо его, всегда младое,
Сиянием бессмертия горя,
Блестит, как солнце вечно золотое,
Как первая эдемская заря.

А я один средь чуждых мне людей
Стою в ночи, беспомощный и хилый,
Над страшной всех надежд моих могилой,
Над мрачным гробом всех моих друзей.
В тот гроб бездонный, молнией сраженный,
Последний пал родимый мне поэт...
И вот опять лицея день священный;
Но уж и Пушкина меж вами нет.

Не принесет он новых песней вам,
И с них не затрепещут перси ваши,
Не выпьет с вами он заздравной чаши:
Он воспарил к заоблачным друзьям,
Он ныне с нашим Дельвигом пирует,
Он ныне с Грибоедовым моим;
По них, по них душа моя тоскует;
Я жадно руки простираю к ним.

Пора и мне! Давно судьба грозит
Мне казней нестерпимого удара:
Она того меня лишает дара,

С которым дух мой неразрывно слит.
Так! перенес я годы заточенья,
Изгнание, и срам, и сиротство;
Но под щитом святого вдохновенья,
Но здесь во мне пылало божество!

Теперь пора! Не пламень, не перун
Меня убил; нет, вязну средь болота,
Горою давят нужды и забота,
И я отвык от позабытых струн.
Мне ангел песней рай в темнице душной
Когда-то созидал из снов златых;
Но без него не труп ли я бездушный
Средь трупов, столь же хладных и немых?

* * *

Они моих страданий не поймут,
Для них смешон унылый голос боли,
Которая, как червь, таится тут,
В груди моей. Есть силы, нет мне воли;
Хоть миг покоя дайте — нет и нет!
Вот вспыхнуло, я вспрянул, я поэт.
Божественный объемлет душу пламень,
Толпятся образы, — чудесный свет
В глазах моих, — и все напрасно: нет!
Пропало все! Добро бы с неба камень
Мне череп раздвоил или перун
Меня сожег: последний трепет струн
Разорванных вздохнул бы в дивных звуках
И умер бы, как грома дальний гул;
Но я увяз в ничтожных, мелких муках,
Но я в заботах грязных утонул.
Нет, не страшусь убийственных объятий
Огромного несчастья. Рок! души!
Ты выжмешь жизнь, не выдавишь души —
Но погибать от кумушек, от сватей —
От лепета соседей и друзей!
Не говорите мне: «Ты Промефей!»
Тот был к скале заоблачной прикован,
Его терзал не глупый воробей,
А мощный коршун. Был я очарован
Когда-то обольстительной мечтой;
Я думал: кончится борьба с судьбой
И с нею все земные испытанья;
Не будет сломан, устоит борец,
Умрет, но не лишится воздаянья

И вырвет напоследок свой венец
Из рук ужасной. Бедный ты слепец!
Она берет тебя из стен твоей темницы,
Толкает в мир (ведь ты о нем жалел) —
А твой-то мир исчез, как блеск зарницы,
И быть нулем отныне твой удел!

<1839>

ТРИ ТЕНИ

На диком берегу Онона я сидел:
Я, чьей еще младенческой печали
Ижора и Нева, задумчивы, внимали;
Я (странный же удел!),
Кому рукоплескал когда-то град надменный,
Соблазн и образец, гостиница вселенной,
И кто в Массилии судьбу народов пел,
А вслед затем, волнуем вещим духом,
Родоначальником неизреченных дум,
Средь грозных, мертвых скал склонялся жадным
слухом
На рев и грохот вод, на ветров свист и шум,
На голос чад твоих, Кавказ-небогромитель, —
И напоследок был темницы душной житель;
Свинцовых десять лет, как в гробе, протекло:
Однообразный бой часов без измененья
До срока инеем посылал мне чело
В глухих твердынях заточенья!
Все обмануло, кроме вдохновенья:
Так! и судьбы неумолимый гнев
Не отнял у меня любви бессмертных дев;
Слетали к узнику священные виденья!
Что ж? — в мире положен всему предел:
За старым новое отведал я страданье;
Уж ныне не тюрьма мой жребий, а изгнанье —
На диком берегу Онона я сидел
И вот раздумывал причудливую долю
Свою и тех, с которыми ходил
Во дни моей весны по жизненному полю
Питомцев близких меж собой светил.

Их дух от скорби опочил,
Но тени их, моих клевретов,
Жертв сердца своего, страдальцев и поэтов,
Я вызывал из дальних их могил.
Угрюмый сын степей, хранительниц Китая,
Роптал утесами стесняемый Онон,
Волнами тусклыми у ног моих сверкая,
И мнилось, повторял их передсмертный стон.
И, словно факел их унылых похорон,
Горела на небе луна немая.
Был беспредельный сон на долах, на горах;
Тут не спал только я с своей живой тоскою...
Вдруг будто арфы вздох пронесся над рекою:
Таинственный меня обвеял страх.
И что ж? то был ли бред больного воображенья,
Или трепещутся и там еще сердца,
И в самом деле друг, расторгнув узы тленья,
Явиться может нам, податель утешенья? ..
Почудилися мне родные три лица —
Их стоп не видел я: скользили привиденья
(Над каждым призраком дрожало по звезде,
Воды не возмущая, по воде,
И следом каждого была струя мерцанья), —
Я вспрянул, облитый потоком содроганья
И в ужасе студеном, как со сна,
Вскричал и произнес любезных имена:
«Ты, брат мой, Александр? ты, Дельвиг,
Пушкин, — вы ли?»
Взглянул: их нет; они уж вдаль уплыли.
Вотще я руки простирал к друзьям!
Как прежде, все окрест померкло и заснуло,
И только что-то мне шепнуло:
«Мужайся, взоры к небесам!
Горька твоя земная чаша,
Но верь, товарищ: есть свиданье там,
А здесь поэзия и дружба наша
Вильгельма память передаст векам!»

(1840)

АРГУНЬ

Еще одну я к тем рекам причислил,
Которых берег я, скиталец, посетил,
И там, с утратою своих сердечных сил,
Терзался и молчал, но чувствовал и мыслил,
Разлуку вечную предвидел, но любил.
Да! вот и эти дни, как призрак, пролетели!
Да гроба ли ты будешь молодым,
Мучитель-сердце? — Ты скажи: ужели
Всегда блуждать, стремясь к недостижимой цели,
Твоим желаниям несытым и слепым?
Любить и мыслить... Почему ж не может
Не мыслить, не любить душа моя?
Какой ее злой дух без устали тревожит,
И хочет, и велит, чтоб вечно тратил я?
Увы! с последним другом расставанье!
По крайней мере без пятна!
Хоть это сбережет воспоминанье
И чувств и дум моих скупая глубина.
Шуми же, о Аргунь, мое благословенье!
Ты лучше для меня, чем пасмурный Онон:
И там мне было разлученье;
Но перед тем меня прельщал безумный сон
И чуть не умертвило пробужденье!

‹1842›

ЧЕТЫРЕХСТИШИЕ

Чем вязнуть в тинистой, зловонной луже,
Так лучше в море! Нет, убийцы хуже
Подлец, который, с трусостью губя,
Сосет и точит сердце у тебя.

<1843>

МАРИИ НИКОЛАЕВНЕ ВОЛКОНСКОЙ

Людская речь пустой и лицемерный звук.
И душу высказать не может ложь искусства:
Безмолвный взор, пожатье рук —
Вот переводчики избытка дум и чувства.
Но я минутный гость в дому моих друзей,
А в глубине души моей
Одно живет прекрасное желанье:
Оставить я хочу друзьям воспоминанье,
Залог, что тот же я,
Что вас достоин я, друзья...
Клянуся ангелом, который
Святая, путеводная звезда
Всей вашей жизни: на восток, сюда,
К ней стану обращать трепещущие взоры
Среди житейских и сердечных бурь, —
И прояснится вдруг моя лазурь,
И дивное сойдет мне в перси утешенье,
И силу мне подаст и гордое терпенье.

<1845>

* * *

Еще прибавился мне год
К годам унылого страданья;
Гляжу на их тяжелый ход
Не ропща, но без упованья —

Что будет, знаю наперед:
Нет в жизни для меня обмана.
Блестящ и весел был восход,
А запад весь во мгле тумана.

<1845>

Привал декабристов на пути из Читы в Петровский завод

Акварель А. И. Одоевского, 1830 год

* * *

До смерти мне грозила смерти тьма
И думал я: подобно Оссиану,
Блуждать во мгле у края гроба стану;
Ему подобно, с дикого холма
Я устремлю свои слепые очи
В глухую бездну нерассветной ночи
И не увижу ни густых лесов,
Ни волн полей, ни бархата лугов,
Ни чистого, лазоревого свода,
Ни солнцева чудесного восхода;
Зато очами духа узрю я
Вас, вещие, таинственные тени,
Вас, рано улетевшие друзья,
И слух склоню я к гулу дивных пений,
И голос каждого я различу,
И каждого узнаю по лицу.
Вот первый: он насмешливый, угрюмый,
С язвительной улыбкой на устах,
С челом высоким под завесой думы,
Со скорбию во взоре и чертах!
В его груди, восторгами томимой,
Не тот же ли огонь неодолимый
Пылал, который некогда горел
В сердцах метателей господних стрел,
Объятых духом вышнего пророков?
И что ж? неумолимый враг пороков
Растерзан чернью в варварском краю...
А этот край он воспевал когда-то,
Восток роскошный, нам, сынам заката,
И с ним отчизну примирил свою!

И вот другой: волшебно-сладкогласный
Сердец властитель, мощный чародей,
Он вдунул, будто новый Промефей,
Живую душу в наш язык прекрасный...
Увы! погиб довременно певец:
Его злодейский не щадил свинец!
За этою четою исполинской
Спускаются из лона темноты
Еще две тени: бедный Дельвиг, ты,
И ты, его товарищ, Баратынский!
Отечеству драгие имена,
Поэзии и дружеству святые!
Их музы были две сестры родные,
В них трепеталася душа — одна!

<1845>

УЧАСТЬ РУССКИХ ПОЭТОВ

Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию:
Для славы и Рылеев был рожден;
Но юноша в свободу был влюблен...
Стянула петля дерзостную выю.

Не он один; другие вслед ему,
Прекрасной обольщенные мечтою,
Пожалися годиной роковою...
Бог дал огонь их сердцу, свет уму,
Да! чувства в них восторженны и пылки:
Что ж? их бросают в черную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылки...

Или болезнь наводит ночь и мглу
На очи прозорливцев вдохновенных;
Или рука любезников презренных
Шлет пулю их священному челу;
Или же бунт поднимет чернь глухую,
И чернь того на части разорвет,
Чей блещущий перунами полет
Сияньем облил бы страну родную.

<1845>

НА СМЕРТЬ ЯКУБОВИЧА

Все, все валятся сверстники мои,
Как с дерева валится лист осенний,
Уносятся, как по реке струи,
Текут в бездонный водоем творений,
Отколе не бегут уже ручьи
Обратно в мир житейских треволнений! . .
За полог все скользят мои друзья,
Пред ним один останусь скоро я.

Лицейские, ермоловцы, поэты,
Товарищи! Вас подлинно ли нет?
А были же когда-то вы согреты
Такой живою жизнью! Вам ли пет
Привет последний, и мои приветы
Уж вас не тронут? Бледный тусклый свет
На новый гроб упал: в своей пустыне
Над Якубовичем рыдаю ныне.

Я не любил его. . . Враждебный взор
Вчастую друг на друга мы бросали,
Но не умрет он средь Кавказских гор;
Там все утесы — дел его скрижали;
Им степь полна, им полон черный бор;
Черкесы и теперь не перестали
Средь родины заоблачной своей
Пугать Якубом плачущих детей.

Он был из первых в стае той орлиной,
Которой ведь и я принадлежал. . .
Тут нас, исторгнутых одной судьбиной,

Умчал в тюрьму и ссылку тот же вал...
Вот он остался, сверстник мне единый,
Вот он мне в гроб дорогу указал:
Так мудрено ль, что я в своей пустыне
Над Якубовичем рыдаю ныне?

Ты отстрадался, труженик, герой,
Ты вышел наконец на тихий берег,
Где нет упреков, где тебе покой!
И про тебя не смолкнет бурный Терек,
И станет говорить Бешту седой...
Ты отстрадался, вышел ты на берег,
А реет все еще средь черных волн
Мой бедный, утлый, разнащенный челн!

<1846>

СЛЕПОТА

Льет с лазури солнце красное
Реки светлые огня.
День веселый, утро́ яснос
Для людей — не для меня!

Все одето в ночь унылую,
Все часы мои темны:
Дал господь жену мне милую,
Но ‹не вижу и жены.

Слышу крики ликования,
Шум и смех моих детей...
Ах, ответ мой — стон страдания:
Нет их для моих очей!

Так бы и нырнул я в чтение,
Им бы душу освежил:
Но мой жребий ведь затмение;
Нет мне никаких светил!

Жизнь моя едва колышется,
В тяжком изнываю сне...
Счастлив, если хоть послышится
Шаг царицы песней мне!

‹1846›

* * *

Благодарю! Наш разговор
Почти всегда борьба и спор,
И вы всегда мой победитель...
Но этот разговор чудесный оживитель:
Дремало сердце, спал мой ум —
Вы сколько чувств, вы сколько дум
В них разбудили, зародили!
Не буду эти три дня без плода:
Я вновь способен стал для радостных усилий,
Для благотворного труда;
Я здесь помолодел, я вышел из могилы.
Не так ли в тот счастливый век,
Когда с духами жил младенец-человек
И посещали нас неведомые силы,
Бредет, бывало, слабый, хилый,
Ведомый феею старик,
Пришел, к источнику волшебному приник
И жадно, жадно пьет, и что же?
Куда девался он, пришлец полуживой,
Который и теперь еще на том же ложе
Лежал бы, если бы не феиной рукой
Был поднят? Юноша красавец и герой
С блестящими огнем и гордостью глазами
Стоит могучий перед нами!

<1846>

КЛЕВЕТНИКУ

. . . . . .

Полковник некогда преторпян России,
Ты ныне атаман опасных, черных жаб,
Мужчин по имени, на деле старых баб.
Они твои послы, разносчики, витии,
Ты Какодемон их, незримый ты паук;
Но ткань <вся> от тебя, <и> от тебя все сети;
Их выдумки — твои и крестники и дети,
Им шепчешь каждый склад, внушаешь каждый звук.
Вот русский Фа́льстаф: он военным был и славным;
. . . . . своенравным
. . . . . .
Посадишь, и потом <ты вышлешь> простяка
Нелепость возглашать преклонно, свысока;
Жестокость! все равно: вело бы только к цели! . .
Нет у тебя друзей: лжецы и пустомели
Твои орудия; ты выгоняешь их,
Как бешеных собак, на всех врагов твоих!
Но есть, поверь мне, есть на свете Немезида,
И ею всякая приемлется обида
И в книгу вносится, и молча книгу ту
Читает день и ночь таинственная дева;
И выбирает жертв, и их казнит без гнева,
Но и без жалости. За ложь и клевету
Заплатят некогда такою ж клеветою.
И в сердце и твое убийственной стрелою
Вонзится злая ложь. . . Берет меня печаль,
Клянуся господом — в душе тебя мне жаль:
Наказан будешь ты сообщников рукою.
И рано ль, поздно ли они когда-нибудь
Вольют смертельный яд тебе в больную грудь.

<1846>

А. П. ОДОЕВСКИЙ

Александр Иванович Одоевский родился в 1802 г. Сын богатых родителей, происходивших из древнего княжеского рода, блестящий гвардейский офицер, А. И. Одоевский пренебрег обычной для дворянской молодежи карьерой и встал на путь революционной борьбы. В начале 1825 г. он был принят в Севернос общество и, по воспоминаниям современников, явился одним из самых воодушевленных его членов. При всем этом политические взгляды Одоевского не отличались четкостью и последовательностью.

Одоевского за участие в заговоре осудили в каторжные работы на 12 лет, затем этот срок сократили на 8 лет. После пятилетнего заключения в Читинском остроге и на Петровском заводе он был отправлен в сибирскую ссылку, а в 1837 г. переведен рядовым на Кавказ. К этому времени относится его встреча с Лермонтовым, закрепленная в дальнейшем дружбой.

Почти все дошедшее до нас поэтическое наследие Одоевского относится к годам каторги и ссылки (хотя есть сведения, что он писал и до этого времени). По свидетельству декабристов, Одоевский был «главным поэтом» узников. В стихотворениях Одоевского периода каторги и ссылки преобладали темы оправдания трагически окончившегося подвига декабристов, прославления вольности, воспевания грядущего торжества свободы. Наибольшей популярностью в истории русской революционной поэзии пользовался ответ Одоевского на послание Пушкина «В Сибирь» («Струн вещих пламенные звуки...») Строка из этого стихотворения — «Из искры возгорится пламя» — служила эпиграфом для ленинской газеты «Искра».

Характерными для поэзии Одоевского являются декабристские темы «смутных» периодов русской истории и воспевание вольных Новгорода и Пскова. Значительный интерес представляют стихотворения Одоевского, посвященные освободительной борьбе славянских народов — «При известии о польской революции», «Славян-

ским девам». Последнее из них было положено на музыку Ф. Ф. Вадковским и стало любимой песней декабристов, заключенных на Петровском заводе.

Умер Одоевский в 1839 г. в дер. Псезуапе на Черноморском побережье от злокачественной малярии. Памяти Одоевского посвящено стихотворение Лермонтова.

* * *

Таится звук в безмолвной лире,
Как искра в темных облаках,
И песнь, не знаемую в мире,
Я вылью в огненных словах.
В темнице есть певец народной;
Но не поет для суеты:
Срывает он душой свободной
Небес бессмертные цветы;
Но похвалой необольщенный,
Не ищет раннего венца...
Почтите сон его священный,
Как пред борьбою сон борца.

<1826>

БАЛ

(ПОСВЯЩЕНО КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ)

Открылся бал; кружась, летели
Четы младые за чётой,
Одежды роскошью блестели,
А лица — свежей красотой.
Усталый, из толпы я скрылся
И, жаркую склоня главу,
К окну в раздумьи прислонился
И загляделся на Неву:
Она покоилась, дремала
В своих гранитных берегах,
И в тихих, сребренных водах
Луна, купаясь, трепетала.
Стоял я долго... Зал гремел;
Вдруг без размера полетел
За звуком звук! Я оглянулся,
Вперил глаза, весь содрогнулся,
Мороз по телу пробежал.
Свет меркнул... Весь огромный зал
Был полон остовов... Четами
Сплетясь, толпясь, друг друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружася, по полу стуча,
Они зал быстро облетали.
Лиц прелесть, станов красота —
С костей их все покровы спали,
Одно осталось: их уста,
Как прежде, все еще смеялись;
Но одинаков был у всех
Широких уст безгласный смех.

Глаза мои в толпе терялись,
Я никого не видел в ней:
Все были сходны, все смешались...
Плясало сборище костей.

<1826>

УТРО

Рассвело, щебечут птицы
Под окном моей темницы;
Как на воле любо им!
Пред тюрьмой поют, порхают,
Ясный воздух рассекают
Резвым крылышком своим.
Птицы! как вам петь не стыдно?
Вы смеетесь надо мной.
Ах! теперь мне все завидно,
Даже то завидно мне,
Что и снег на сей стене,
Застилая камень мшистый,
Не совсем его покрыл.
Кто ж меня всего зарыл?
Выду ли на воздух чистый, —
Я, как дышат им, забыл.

〈1826〉

А. И. Одоевский

Миниатюра И. П. Фридрица

‹ОТВЕТ НА ПОСЛАНИЕ ПУШКИНА›

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли.
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя —
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
Она нагрянет на царей —
И радостно вздохнут народы.

‹1827›

УМИРАЮЩИЙ ХУДОЖНИК

(НА СМЕРТЬ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА)

Все впечатленья в звук и цвет
И слово стройное теснились;
И музы юношей гордились
И говорили: «Он поэт! . .»
Но нет; едва лучи денницы
Моей коснулися зеницы,
И свет во взорах потемнел:
Плод жизни свеян недоспелой!
Нет! Снов небесных кистью смелой
Одушевить я не успел;
Глас песни, мною не допетой,
Не дозвучит в земных струнах,
И я, в нетление одетой,
Ее дослышу в небесах.
Но на земле, где в чистый пламень
Огня души я не излил,
Я умер весь. . . И грубый камень,
Обычный кров немых могил,
На череп мой остывший ляжет
И соплеменнику не скажет,
Что рано выпала из рук
Едва настроенная лира
И не успел я в стройный звук
Излить красу и стройность мира.

<1827>

ТРИЗНА

Ф. Ф. В<адковскому>

Утихнул бой Гафурский. По волнам
Летят изгнанники отчизны.
Они, пристав к Исландии брегам,
Убитых в честь готовят тризны.
Златится мед, играет меч с мечом...
Обряд исполнили священной
И мрачные воссели пред холмом
И внемлют арфе вдохновенной:

Скальд

Утешьтесь о павших! Они в облаках
Пьют юных Валкирий живые лобзанья.
Их чела цветут на небесных пирах,
Над прахом костей расцветают преданья.
Утешьтесь! За павших ваш меч отомстит.
И где б ни потухнул наш пламенник жизни,
Пусть доблестный дух до могилы кипит,
Как чаша заздравная в память отчизны.

<1828>

ЗОСИМА

<I>

У Борецкой у посадницы
Гости сходятся на пир.
Вот бояре новгородские
Сели за дубовый стол,
Стол, накрытый браной скатертью.
Носят брашна; зашипя,
Поседело пиво черное;
Следом золотистый мед
Вон из кубков шумно просится.
Разгулялся пир как пир:
Очи светлые заискрились.
По краям ли звонких чаш
Ходит пена искрометная?
На устах душа кипит
И теснится в слово красное.
Кто моложе — слова ждет,
А заводят речь — старейшие
Про святой Софии дом:
«Кто на бога, кто на Новгород? —
Речь бежала вдоль стола. —
Пусть идет на вольный Новгород
Вся могучая Москва:
Наших сил она отведает!
Вече воями шумит
И горит заморским золотом.
Крепки наши рамена,
А глава у нас — посадница,
Новгородская жена.

Много лет вдове Борецкого!
Слава Марфе! Много лет
С нами жить тебе да здравствовать!»
Марфа, кланяясь гостям,
Целый пир обходит взором,
Все встают и отдают
Ей поклон с радушной важностью.
За столом сидел чернец.
Он, привстав, рукою медленной,
Цепенеющим перстом
На пирующих указывал,
Избирал их и бледнел.
Перстьми грозный остановится —
Побледнеет светлый гость.
Все уста горят вопросами,
Очи в инока впились:
Но в ответ чернец задумался
И склонил свое чело.

‹II›

По народной Новгородской площади
Шел белец с монахом,
А на башне, заливаясь, колокол
Созывал на вече.

«Отчего, — спросил белец у инока, —
На пиру Борецкой
На бояр рукою ты указывал
И бледнел от страха?

Что, Зосима, видел ты за трапезой
У отца святого?»
Запылали очи, прорицанием
Излетело слово.

‹III›

«Скоро их замолкнут ликованья,
Сменит пир иные пированья,
Пированья в их гробах.

Трупы видел я безглавые,
Топора следы кровавые
Мне виднелись на чедах...

Колокол, на вече призывающий!
Я услышу гул твой умирающий.
Не воскреснет он в веках.
Поднялась Москва престольная,
И тебя, столица вольная,
Заметет развалин прах»

НЕВЕДОМАЯ СТРАННИЦА

Уже толпа последняя изгнанников
Выходит из родного Новагорода,
Выходит на Московский путь.
В толпе идет неведомая женщина,
Горюет, очи ясные заплаканы,
А слово каждое — любовь.

С небесных уст святое утешение,
Как сок целебный, сходит в душу путников,
В них оживает свет очей.
Вокруг жены толпа теснится, слушает;
Услышит слово — сердце расширяется
И усыпляется печаль.

Уже темнеет небо, путь туманится.
Идут... Но в воздух чудная целебница
С пути подъемлется, как пар.
Чело звездами светлыми увенчано,
Чем выше, все летучий стан воздушнее
И светозарнее чело.

В тумане с нею над главами странников
Не ангелы, но, как они, небесные,
Мерцая, медленно плывут.
Плывет она, и с неба слово тихос
Спадает, замирает в слухе путников,
Не прикасаясь до земли.

«Забыта Русью божия посланница.
Мой дом был предан дыму и мечу,
И я, как вы, — земли родной изгнанница
Уже в свой город не слечу.

Вас цепи ждут, бичи, темницы тесные;
В страданиях пройдет за годом год.
Но пусть мои три дочери небесные
Утешат бедный мой народ.

Нет, — веруйте в земное воскресение:
В потомках ваше племя оживет,
И чад моих святое поколение
Покроет Русь и процветет».

‹ОТРЫВОК ИЗ „ПОСЛОВ ПСКОВА“›

Посол, погибели предтеча,
Замолк. Но звук последних слов
Еще гремел, как шум оков,
В сердцах внимательного веча.
На бледных лицах скорбь и гнев
Сменили миг оцепененья.
Но дьяк, на ступени воссев,
Средь вопля, криков и смятенья
Покоен был, ответа ждал
И с оскорбительным терпеньем
Бессилье бури озирал.
Так, не достигнутый волненьем,
Я видел, как за валом вал,
Венчанный пеной, с моря мчался,
Но берегов едва касался
И с грозным воплем замирал...
. . . . . .

ОСАДА СМОЛЕНСКА

Соборный храм божией матери. — Перед иконами затеплены свечи. Иереи стоят пред царск<ими> дверями и молятся шопотом. Посадник, несколько купцов, старцы, жены толпятся посреди храма.

Старец

Я стражем был на Западной бойнице:
Бойцов разводит ночь; пищалей гром
Затих; но вновь заутра, на деннице
Втеснится враг в предательский пролом:
Мы до зари не довершим завала...
Наш сын, наш брат Смоленску изменил!
Я видел: на расселину забрала
Предатель сам пищали наводил.

Хор иереев и народа

Страшися, изменник! Небесный каратель
Недремлющим взором коварных блюдет!
Пусть гибнет без гроба отчизны предатель!
Да гибнет! и память его не прейдет!..

Жена именитого гражданина

Взойдет заря: опять в кровавой битве
Падут и братья и мужья...
Господь и спас! внемли моей молитве:
Да нас прикроет длань твоя!
Призри на нас: мы все осиротели!
В дыму, блуждая вкруг домов,
Детей своих находим колыбели
Под гробом братьев и отцов.

Клирос

Будь нашим покровом, пречистая дева!
Заступницей нашей пред сыном твоим!
Да стрелы потухнут господнего гнева,
И даст он спасение людям своим!

Посадник

Господь единый — нам спасенье:
У нас земной опоры нет!
Предав царя на заточенье,
Бояре сеют злой развет.
Развенчан царь, чернец невольный;
Без Думы — Русская земля,
И лях, разрушив град престольный,
Смеется нам со стен Кремля!

Хор народа

Василий развенчан, но царь нам — Россия!

* * *

Тебя ль не помнить? Пока я дышу,
Тебя и погибшей вовек не забуду.
Дороже ты в скорби и в сумраке бурь,
Чем мир остальной при сиянии солнца.
Будь вольной, великой и славой греми,
Будь цветом земли и жемчужиной моря,
И я просветлею, чело вознесу.
Но сердце тебя не сильнее полюбит:
В цепях и крови ты дороже сынам,
В сердцах их от скорби любовь возрастет,
И с каждою каплею крови твоей
Пьют чада любовь из живительных персей.

СТАРИЦА-ПРОРОЧИЦА

(ПОСВЯЩЕНО А. А. ДЕЛЬВИГУ)

На мосту стояла старица,
На мосту чрез синий Волхов;
Подошел в доспехах молодец,
Молвил слово ей с поклоном:
«Загадай ты мне на счастие,
Ворочусь ли через Волхов?
За Шелонью враны каркают,
Плачет в тереме невеста». —
«Гой еси ты, красный молодец!
Есть одна теперь невеста,
Есть одна — святая София:
Обручись ты с ней душою,
Уберися честно ранами
И омойся алой кровью.
Обручися ты с невестою:
За Шелонью ляжь костями.
Если ж ты мечом не выроешь
Сердцу вольному могилы,
Не на вече, не на родину,
А придешь ты на неволю!»

Трубы звучат за Шелонью-рекой,
Грозно взевают московские стяги!
С радостным кликом Софии святой
Стала дружина — и полный отваги
Ринулся с берега всадников строй;
С шумом расхлынулись волны, вскипели;
Двинулась пена седая грядой!
Строи смешались, мечи загремели;

Искрятся молнии с звонких щитов,
С треском в куски разлетаются брони;
Кровь потекла... Разъяренные кони
Грудью сшибают и топчут врагов.
Стелются трупы на берег Шелони.
. . . . . .
. . . . . .
Кровью дымилося поле; стихал
В стонах прерывных, и... замер глас битвы.
Теплой твоей, о София, молитвы
Спас не услышит... и Новгород пал.

На мосту стояла старица,
На мосту чрез синий Волхов:
Не пройдет ли красный молодец
Чрез широкий синий Волхов?
Проезжало много всадников,
Много пеших проходило,
Было много изувеченных
И покрытых черной кровью...
Что ж? прошел ли добрый молодец?..
Не прошел он через Волхов.

<1829>

ЭЛЕГИЯ

НА СМЕРТЬ А. С. ГРИБОЕДОВА

Где он? Где друг? Кого спросить?
Где дух? .. Где прах? .. В краю далеком!
О, дайте горьких слез потоком
Его могилу оросить,
Согреть ее моим дыханьем!
Я с ненасытимым страданьем
Вопьюсь очами в прах его;
Исполнюсь весь моей утратой
И горсть земли, с могилы взятой,
Прижму, как друга моего!
Как друга... Он смешался с нею,
И вся она родная мне.
Я там один с тоской моею,
В ненарушимой тишине,
Предамся всей порывной силе
Моей любви — любви святой,
И прирасту к его могиле,
Могилы памятник живой.

Но под иными небесами
Он и погиб и погребен;
А я — в темнице! Из-за стен
Напрасно рвуся я мечтами:
Они меня не унесут,
И капли слез с горячей вежды
К нему на дерн не упадут.
Я в узах был; но тень надежды
Взглянуть на взор его очей,
Взглянуть, сжать руку, звук речей

Услышать на одно мгновенье —
Живила грудь, как вдохновенье,
Восторгом полнила меня!
Не изменилось заточенье;
Но от надежд, как от огня,
Остались только дым и тленье;
Они — мне огнь: уже давно
Все жгут, к чему ни прикоснутся.

Что год, что день, то связи рвутся,
И мне, мне даже не дано
В темнице призраки лелеять,
Забыться миг веселым сном
И грусть сердечную развеять
Мечтанья радужным крылом.

<1829>

ДЕВА. 1610 ГОДА

Явилась мне божественная дева;
Зеленый лавр вился в ее власах;
Слова любви, и жалости, и гнева
У ней дрожали на устах.

«Я вам чужда; меня вы позабыли,
Отвыкли вы от красоты моей,
Но вы в груди навек ли потушили
Святое пламя древних дней?

О Русские! Я вам была родная:
Дышала я в отечестве Славян,
И за меня стояла Русь святая,
И юный пел меня Боян.

Прошли века; Россия задремала;
Но тягостный был прерываем сон:
И часто я с восторгом низлетала
На вещий колокола звон.

Моголов бич нагрянул: искаженный
Стенал во прах поверженный народ
И цепь свою, к неволе приученный,
Передавал из рода в род.

Моголец пел; но рабские уставы
Народ почел святою стариной,
У ног князей, своей не помня славы,
Забыл он даже образ мой.

Где ж Русские? где предков дух и сила?
Развеяна и самая молва,
Пожрала их нещадная могила,
И стерлись надписи слова.

Без чувств любви, без красоты, без жизни
Сыны Славян, полмира мертвецов,
Моей понять не могут укоризны
От оглушающих оков.

Безумный взор возводят и молитву
Постыдную возносят к небесам.
Пора, пора начать святую битву,
К мечам! за родину! к мечам!

Да смолкнет бич, лиющий кровь родную!
Да вспыхнет бой! К мечам с восходом дня!
Но где ж мечи за родину святую,
За Русь, за славу, за меня?

Сверкает меч, и гибнут, как герои,
Но не за Русь, а за поляков честь.
Когда ж, когда мои нагрянут строи,
Исполнят вековую месть?

Что медлишь ты? Из Западного мира,
Где я дышу, где царствую одна
И где давно кровавая порфира
С богов неправды сорвана,

Где рабства нет, но братья, но граждане
Боготворят божественность мою
И тысячи, как волны в океане,
Слились в единую семью, —

Из стран моих и вольных и счастливых
К тебе на твой я прилетела зов
Узреть чело тиранов горделивых
И внять стенаниям рабов.

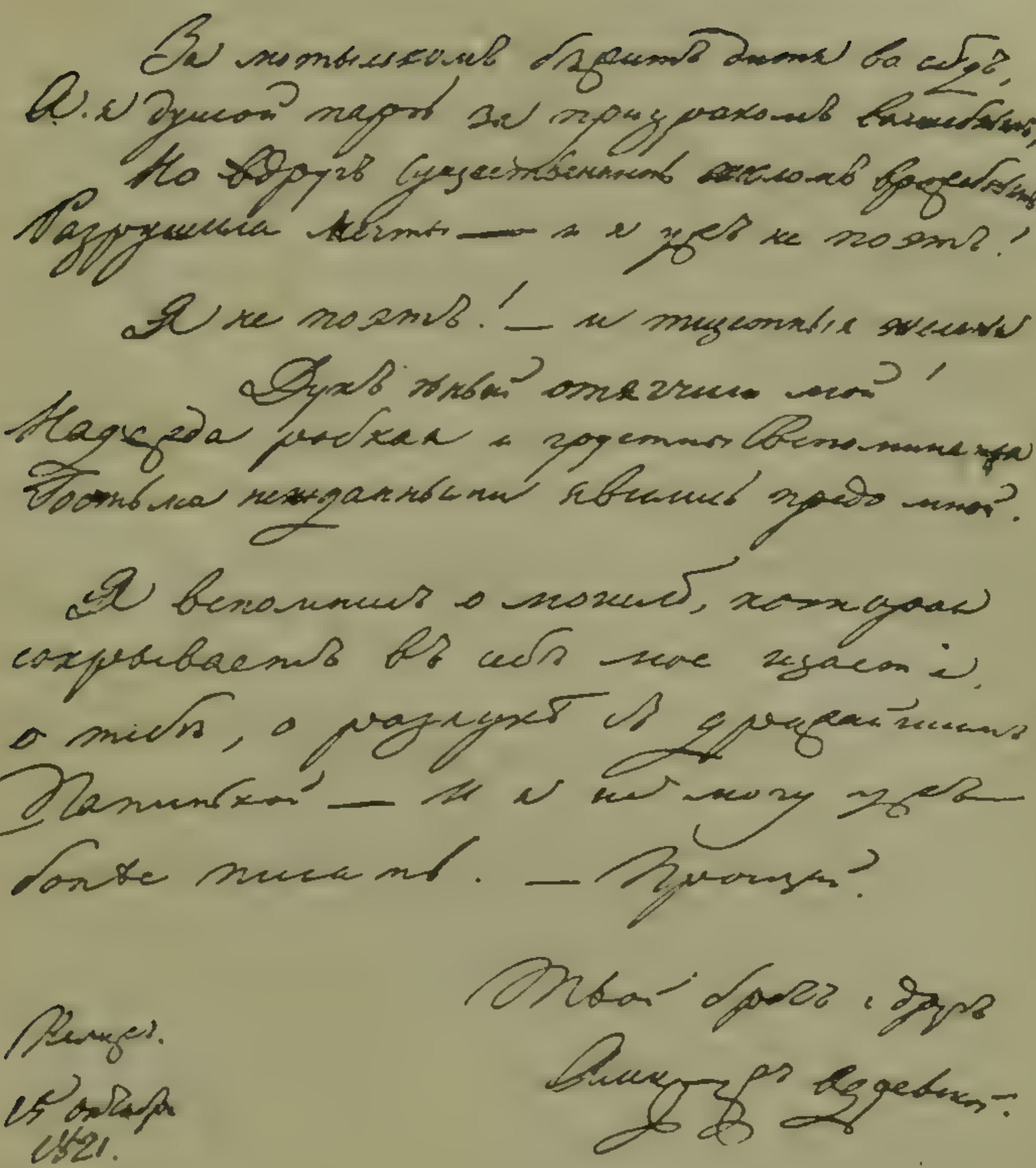
Но я твое исполнила призванье,
Но сердцем и одним я дорожу
И на души высокое желанье
Благословенье низвожу».

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

Е. А. Баратынскому

Промелькнул за годом год,
И за цепью дней минувших
Улетел надежд блеснувших
Лучезарный хоровод.
Лишь одна из дев воздушных
Запоздала. Сладкий взор,
Легкий шопот уст радушных,
Твой небесный разговор
Внятны мне. Тебе охотно
Я вверяюсь всей душой...
Тихо плавай надо мной,
Плавай, друг мой неотлетной!
Все исчезли. Ты одна
Наяву, во время сна,
Навеваешь утешенье.
Ты в залог осталась мне,
Заверяя, что оне
Не случайное виденье,
Что приснятся и другим
И зажгут лучом своим
Дум высоких вдохновенье!

<1829>



За мотылькомъ бѣжитъ дитя во слѣдъ,
А я душой парилъ за призракомъ волшебнымъ,
Но вдругъ существенность жезломъ враждебнымъ
Разрушила мечты — и я ужъ не поэтъ!

Я не поэтъ! — и тщетныя желанья
Духъ живой отягчили мой!
Надежда робкая и грустныя воспоминанья
Восстали нежданными явились предо мной.

Я вспомнилъ о могилѣ, которая сокрываетъ въ себѣ мое щастiе, о тебѣ, о разлукѣ съ драгоцѣннымъ Папинькой — и я не могу уже болѣе писать. — Прощай!

Твой братъ и другъ
Александръ Одоевскiй.

Петерб.
15 октября
1821.

Автограф письма А. И. Одоевского В. Ф. Одоевскому 15 октября 1821 г.

ЭЛЕГИЯ

В. И. Ланской

Что вы печальны, дети снов,
Бесцветной жизни привиденья?
Как хороводы облаков,
С небес, по воле дуновенья,
Летят и тают в вышине,
Следов нигде не оставляя, —
Равно в подоблачной стране
Неслися вы! .. Едва мелькая,
Едва касаяся земли,
Вы, мира мрачные печали,
Все бури сердца, миновали
И безымянно протекли;
Вы и пылинки за собою
В теченье дней не увлекли
И, безотчетного стопою
Пути взметая легкий прах,
Следов не врезали в граните
И не оставили в сердцах.
Зачем же вы назад глядите
На путь пройденный? Нет для вас
Ни горьких дум, ни утешений.
Минула жизнь без потрясений,
Огонь без пламени погас.

Кто был рожден для вдохновений
И мир в себе очаровал,
Но с юных лет пил желчь мучений
И в гробе заживо лежал;
Кто ядом облит был холодным

И с разрушительной тоской
Еще пылал огнем бесплодным
И порывался в мир душой,
Но порывался из могилы, —
Тот жил! Он духом был борец:
Он, искусив все жизни силы,
Стяжал страдальческий венец;
Он может бросить взор обратной
И на минувший темный путь
С улыбкой горькою взглянуть.

Кто жаждал жизни всеобъятной,
Но чей стеснительный обзор
Был ограничен цепью гор,
Темницей вкруг его темницы;
Кто жаждал снов, как ждут друзей,
И проклинал восход денницы,
Когда от розовых лучей
Виденья легкие ночей
Толпой воздушной улетали,
И он темницу озирал
И к ним объятья простирал,
К сим утешителям печали;
Кто с миром связь еще хранил,
Но не на радость, а мученье,
Чтобы из света в заточенье
Любимый голос доходил,
Как по умершим стон прощальной,
Чтобы утратам слух внимал
И отзыв песни погребальной
В тюрьму свободно проникал;
Кто прелесть всю воспоминаний,
Святыню чувства, мир мечтаний,
Порывы всех душевных сил,
Всю жизнь в любимом взоре слил
И, небесам во всем покорной,
Просил в молитвах одного:
От друга вести животворной,
И кто узнал, что нет его, —
Тот мог спросить у провиденья:
Зачем земли он путник был
И ангел смерти и забвенья,

Крылом сметая поколенья,
Его коснуться позабыл?

Зачем мучительною тайной
Непостижимый жизни путь
Волнует трепетную грудь?
Как званый гость или случайной,
Пришел он в этот чудный мир,
Где скудно сердца наслажденье
И скорби с радостью смешенье
Томит, как похоронный пир;
Где нас объемлет разрушенье,
Где колыбель — могилы дань,
Развалин цепь — поля и горы;
Где вдохновительные взоры
И уст пленительная ткань
Из гроба в гроб переходили,
Из тлена в жизнь, из жизни в тлен
И в постепенности времен
Образовалися из пыли
Погибших тысячи племен.
Как тени, исчезают лица
В тебе, обширная гробница!

Но вечен род! Едва слетят
Потомков новых поколенья,
Иные звенья заменят
Из цепи выпавшие звенья;
Младенцы снова расцветут,
Вновь закипит младое племя,
И до могилы жизни бремя
Как дар, без цели, донесут
И сбросят путники земные...
Без цели!.. Кто мне даст ответ?
Но в нас порывы есть святые,
И чувства жар, и мыслей свет,
Высоких мыслей достоянье!..
В лазурь небес восходит зданье:
Оно незримо, каждый день,
Трудами возрастает века,
Но со ступени на ступень
Века возводят человека.

1829

УЗНИЦА ВОСТОКА

П. А. Му<хано>ву

Как много сильных впечатлений
Еще душе недостает!
В тюрьме минула жизнь мгновений,
И медлен и тяжел полет
Души моей, не обновленной
Явлений новых красотой
И дней темничных чередой
Без снов любимых усыпленной.
Прошли мгновенья бытия,
И на земле настала вечность.
Однообразна жизнь моя,
Как океана бесконечность.
Но он кипит: свои главы
Подъемлет он на вызов бури,
То отражает свод лазури
Бездонным сводом синевы;
Пылает в заревах, кровавый
Он брани пожирает след,
Шумя в ответ на громы славы
И клики радостных побед.
Но мысль моя едва живая
Течет, в себе не отражая
Великих мира перемен:
Все прежний мир она объемлет,
И за оградой душных стен
Востока узница не внемлет
Восторгам западных племен.

<1829>

‹М. Н. ВОЛКОНСКОЙ›

Был край, слезам и скорби посвященный,
Восточный край, где розовых зарей
Луч радостный, на небе том рожденный,
Не услаждал страдальческих очей;
Где душен был и воздух вечно ясный,
И узникам кров светлый докучал,
И весь обзор, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывал.

Вдруг ангелы с лазури низлетели
С отрадою к страдальцам той страны,
Но прежде свой небесный дух одели
В прозрачные земные пелены.
И вестники благие провиденья
Явилися как дочери земли,
И узникам, с улыбкой утешенья,
Любовь и мир душевный принесли

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесные уста
По капле им точили мед отрады...
С тех пор лились в темнице дни, лета;
В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшились одного:
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

‹*25 декабря 1829*›

‹НА СМЕРТЬ› П. П. КО‹НОВНИЦЫНА›

На грозном приступе, в пылу кровавой битвы,
Он нежной матери нигде не забывал, —
Он имя сладкое сливал
Со словом искренней молитвы. . .
Опять увидеть взор очей,
Услышать радостные звуки,
Прижать к устам уста и руки
Любимой матери своей —
Вот были все его желанья.
Уже минули дни страданья —
Ее опять увидел он;
Но дни минутные свиданья,
Но их взаимно сладкий сон
Едва приснился им. . . и снова
Из-под семейственного крова
Он в край восточный полетел. . .
Восторгом взор его горел;
Еще от сладкого волненья
Вздымалась радостная грудь —
И, не докончив сновиденья,
Уже он кончил жизни путь. . .

Когда в последний час из уст теснился дух,
Он вспомнил, с горестью глубокой,
О нежной матери, об узнице далекой
И с третьим именем потух. . .

‹1830›

ВАСИЛЬКО

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1

Кипел народ на стогнах Теребовля.
Глашатая послыша громкий зов,
Спешили стар и млад; они, как волны,
Со всех сторон стеклись на княжий двор.
Сошлись в толпы и шепчут: «Что задумал
Наш Василько? зачем он позвал нас?»
В волненьи ждут, жужжа как рой пчелиной.
И вышел князь со светлою дружиной.

2

Явился он, как месяц в сонме звезд.
Замолкли все и низко поклонились.
Склоня чело, он с красного крыльца
Заводит так отеческое слово:
«Вы знаете, сыны мои, для вас,
Для тишины всей Руси православной,
Был съезд князей, где, потушив раздор,
Мы клятвою скрепили договор.

3

Князь Святополк и Мономах разумный
И все князья, сев на один ковер,
Мы в Любиче, как братья, примирились.

Нет! полно нам губить святую Русь;
Мы, русские, забыли мать родную,
У матери — сыны терзали грудь.
Но мир настал — и крестное лобзанье
Ее навек окончило страданье.

4

Уже на Русь не придут, как на пир,
Толпы врагов за вражьими толпами;
И господом благословенных нив
Их бурные набеги не потопчут:
В былой красе восстанут города,
И где теперь церквей сереет пепел,
Там снова спас сберет под отчий кров
Своих людей, спасенных от оков.

5

Во времена раздора бог все кары,
И глад, и мор на нас ниспосылал,
Но он призрит на клятву примиренных.
Мы на кресте произнесли обет:
Да будет Русь нам общею отчизной,
И если кто из нас нарушит мир,
Восстанем все! пойдут на брата братья,
И крест и огнь, палящий огнь проклятья!

6

Теперь, когда вся русская земля
Ограждена и крестным целованьем
И дружными щитами всех князей,
Что медлить нам? Подымем стяг на ляхов,
В пределы их внесем огонь и смерть
И сломим дух врагов непримиримых.
Но кто из вас последует за мной
В веселый пыл тревоги боевой?

7

Пойдем, друзья, за славой и добычей
В страну врагов... Пусть старцы, пусть отцы
Блюдут дома и мужи охраняют,
Но трубный звук вас, юноши, зовет!
Во бранях вы еще не искусились.
Идите в бой: и ляшским серебром
Соборный храм заблещет; наши жены
Украсят им домашние иконы.

8

Что, други?» — «Все готовы за тобой! —
Воскликнули и юноши и мужи. —
Мы рады все за нашим Васильком!»
И двинулись к нему в порыве сердца,
И пламень, как зарница, заиграл
Во всех очах толпы тысячеглавой.
Все рвутся в бой, все восклицают вновь:
«Твои — наш конь, наш меч, вся наша кровь!»

9

Тогда один из городских старейшин
Ступил вперед: «Кто от души не рад
И честь и смерть делить с твоей дружиной?
Но ты у нас гостишь, а не живешь;
А без тебя мы красных дней не видим.
Останься: суд нужнее нам войны;
Когда ты здесь — и тяжбы нет в народе:
Живем в любви на отческой свободе.

10

К тебе идем на суд, на княжий двор
Все с радостью: и смерд и горожанин.
Пойдешь в поход — тиун твой судит нас,
А не мирит, как ты, наш миротворец».

«Нельзя нам ждать, — князь старцу
отвечал, —
Дни осени настали, а весною
Не захочу оратая коней
Отторгнуть от невспаханных полей.

11

Вас лях своим считает достояньем:
Он помнит дань Червенских городов.
Нет, верьте мне: в душе его коварной
Не дремлет месть, он не забудет ввек,
Как, нашу Русь от половцев спасая,
Навел я их на Польшу, как поля.
Опустошал я хищными полками
И села жег, губя врагов врагами.

12

Но снова лях послышит грозный клик:
На помощь звал я торков, берендеев
И половцев союзных племена;
Навстречу им я с младшею дружиной
Иду на Днепр и буйные толпы
Сам проведу чрез русские пределы;
Настигну вас, и с бугских берегов
Мы дружно все нахлынем на врагов».

13

Князь Василько окинул всех очами,
И, поклонясь народу, в гридню он
С дружиною, при кликах, возвратился.
Все разошлись обратно по домам;
Младые, сняв со стен мечи и копья,
Острили их, и холили коней,
Да слушали, когда отцы и деды
Вели рассказ про прежние победы.

14

Оседлан конь княжой; он у крыльца
Храпит и ржет, по всаднике тоскуя;
Грызет он сталь и мечет гордый взор
На конный строй, оружием блестящий;
Как жар, глаза его сверкают. Под уздцы
Два отрока его, лаская, держат,
И, под седлом играя, бурый конь
Горит в златых отливах, как огонь.

15

Весь сонм бояр нисходит по ступеням;
Но князя нет. В божницу он вошел
Обнять свою Мстиславну на прощанье;
Он к ней вступил, и всплакалась она.
«Ты едешь? ты не тронулся ручьями
Горючих слез? меня тебе не жаль,
Не жаль меня, предчувствием томимой.
Теперь не я, а меч — твой друг любимой».

16

Огонь течет — не слезы из очей!
«Сердечный друг! нет, ты меня не любишь!
Не веришь мне? — не верь, а ждет гроза!
Вчера мои две девушки сенные
К ворожее ходили: «черный путь!»
Заснула я, но смутное виденье,
Зловещий сон мою встревожил грудь,
И слышалось в просоньи: «черный путь!»

17

Не знаю я, сороки или ведьмы,
Но злую весть на утренней заре
Над теремом вещуньи щекотали:
Не быть добру». — «Ни снов, ни темных сил

Не бойся! Я проездом через Киев
Свершу обет; молебен отслужу
В обители святого Михаила:
Нас осенит покров его и сила.

18

Я помолюсь, и даст победу нам
Заступник мой, небесный воевода». —
«Так едешь ты? но вспомни, — нас господь
Благословил: в себе ношу я бремя!
Твой первенец родится в божий мир
Не при тебе; и кто же первый взглянет
На твоего младенца?» Слов своих
Не кончила, невольно голос стих.

19

Она, вздохнув, к его груди припала
И, как дитя, слезами залилась.
«Не плачь! поход на ляхов не продлится...»
Но слово сам едва договорил...
Главою к ней склонился, обнял друга,
Поцеловал в чело, перекрестил
И, скрыв в душе кручины тяжкой бремя,
Сошел, ступил в серебряное стремя.

20

Двор застучал от топота копыт.
Дыханье занялось в груди Мстиславны;
Из терема взглянула... нет его.
Последний строй, ряд отроков и гридней,
В тесовые теснился ворота,
Напутствия по стогнам раздавались,
Двор опустел — но в опустелый двор
Еще она вперяла тусклый взор.

21

Затих и шум вдали, но жадным слухом
Еще она ловила каждый звук,
И крупные жемчужины катились
С горячих вежд из глубины очей.
Она в тоске упала на колена,
К иконе взор сквозь слезы возвела;
И скорбь души, всю тяготу печали
Ее уста в молитве изливали.

22

Граждане между тем, за строем строй,
На красный двор несли свои доспехи,
За ними вслед раздался стук колес.
Куда везут их брони? На Владимир,
А через день идет и войско в путь.
Три мечника несут княжие латы,
Звенящую кольчугу, шлем стальной,
Украшенный насечкой золотой.

23

Мстиславна сбор услышала походный
И девушку сенную позвала.
«Ты видела: без шлема, без кольчуги
Поехал князь? Он половцам себя
Доверит, как друзьям. Я все забыла!
Его ли удержать я не могла?
Но на меня дохнула злая сила,
И все не то я в страхе говорила.

24

Ворожея гадала при тебе?
Скажи мне... нет! пусть снова загадает...
Что ж выпало?» — «Она шептала нам:
Беда, как гром: не ждешь, откуда грянет». —

«Так, половцы! .. мне снилось, в грудь его
Вонзился нож; меня обрызгал кровью;
Ощупала рукою — но по мне
Лишь капли слез струились в чудном сне.

25

Меня, мое дитя — он все оставил.
Зачем народ не умолил его?
А я? зачем в беспамятстве разлуки
Я именем господним, всех святых,
К ногам припав, его не заклинала?
Но поздно! Он, на киевском пути
Взметая пыль с летучею дружиной,
Уже моей не тронется кручиной!»

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

1

Красуется престольный Киев-град,
Одушевлен народным ликованьем:
Веселый, громкий гул колоколов
Расходится, как влаги круг струистый;
И звуки сурн и бубнов, слитый шум
Всех голосов, всех кликов благодарных,
Благих небес достойный фимиам,
Соединясь, восходит к небесам.

2

Во всех церквах хвалу господню пели
За крестный мир, за светлый съезд князей.
Толпы граждан по граду волновались
Из края в край; во храмы рои жен
Шли в ферезях камчатных да краснели,
Как маков цвет; а гридни на конях,
Как соколы, по улицам летали
И нищих на княжой обед сзывали.

3

Все собрались на Ярославов двор:
Убогие, и странники, и старцы;
Перекрестясь, уселись вкруг столов;
Дубовые под брашнами трещали:
Добыча смелой ловли — там буй тур,
Тут кабаны стояли, как живые,
И с влагою искристо-золотой
Одна стопа шипела за другой.

4

Сам ласковый хозяин с турьим рогом
Ходил вокруг и старцам подносил
Кипящий мед из рук своих державных.
За ним и князь Владимирский Давид,
И все бояре шли да угощали.
Народ, теснясь, толпился вкруг двора
И повторял гостей веселых клики:
«Да здравствует надолго князь великий!»

5

За трапезой был странник; на челе
Бездомие, быть может и невзгоды,
А не лета, прорезали бразды.
Взор пламенел из-под склоненной вежды;
В окладистой и черной бороде
Довременно седины пробивались:
Так серебрит луны незримый луч
Окраины широких, темных туч.

6

Он встал, когда приблизился державный,
С поклоном тихо встал он со скамьи,
Взглянул, — печаль в очах его сказалась.
«Ты беден? Я на радость преложу

Твою печаль: и паволок и злата,
В сей день проси всего!» — «Великий князь!
Я беден, но что у души отъято,
Не возвратит твое княжое злато.

7

Я не тужу о бедности своей:
Богатым я не жил и не родился.
Нет! на сердце иное налегло:
Я вспомнил... но зачем тебя печалить
И облако на солнце наводить?» —
«Нет, странник, скорбь поведай мне!» —
«Твой образ
Мне брата, князь, напомнил твоего,
Высокий стан и орлий взор его.

8

Уже давно нет князя Ярополка!
Он в землю лег; но памятную песнь
Еще сыны Бояна напевают.
Я пел дела, я пел и смерть его;
При мне он пал; я гнался за Нерядцом,
Мой жадный меч убийцы не настиг.
Но вот рубец! на память он остался,
Что честно я за князя подвизался».

9

«Дай злата, князь! — прервал певца
Давид, —
Он от тебя награды ждет за рану». —
«Нет, государь, жду милости иной:
Дозволь твое воспеть гостеприимство,
Пусть нищие, за хлеб и соль твою
Отплатим мы хоть благодарным словом,
И мой напев, пройдя из уст в уста,
Умчит его в грядущие лета».

10

Запел Боян. В серебряные гусли
Не ударял он легкою рукой,
И с голосом не созвучали струны:
Нет, с хитростью певец, как соловей,
Не сочетал божественного дара.
Лилася песнь, как вольная струя,
По первому порыву, без искусства,
От полноты восторженного чувства.

«Видел я мира сильных князей,
Видел царей пированья,
Но на пиру, но в сонме гостей
Братий христовых не видел.
Слезы убогих искрами бьют
В чашах шипучего меда.
Гости смеются, весело пьют
Слезы родного народа.

Слава тебе! ты любишь народ,
Чествуешь бедных и старцев.
Слава из рода в будущий род,
Солнышку нашему слава!
Ты с Мономахом Русь умирил
Кроткой, могучей десницей;
Тучи развея, ты озарил
Русское небо денницей.

Слава князьям! но в стае орлов,
Слышите, грает и ворон.
Он напитался туком гробов,
Лоснятся перья от крови.
Очи — красу молодого чела —
Очи, подобны деннице,
Он расклевал — и кровью орла
Рдеется в орлей станице».

11

Еще стоял осанисто певец,
И черный взор, как молния из мрака,
Сверкал. Глядел он долго на князей.

Народ не знал, хвалить ли, нет Бояна,
И княжих слов в недоуменьи ждал.
Но Святополк безмолвно озирался,
Сгущалась тьма на сумрачном лице,
И в горести забыл он о певце.

12

Он в гридницу медлительной стопою
Идет, склоня угрюмое чело.
И, проводив печального очами,
С упреком все взглянули на певца.
Зачем он пир расстроил? .. За державным
Один Давид последовать дерзнул,
Пытал лица, очей его движенье
И наконец промолвил в утешенье:

13

«Я ближний твой по крови; кто иной
От всей души твое разделит горе?
Мне был он по тебе дороже всех,
И долго сам я сетовал о падшем.
Открой же мне всю душу: я твой друг!
Излей печаль о брате Ярополке,
И будет нам отраднее вдвоем
И горевать и поминать о нем.

14

Господь, господь единый, а не люди
Тебя и нас утешит. Но к чему
В день пиршества певец, презренный нищий,
На язву яд излил? Что до князей
За дело им?» — «Я за любовь ко брату
Прощаю все ему. Но что он пел?
Не верю я... Нет! я ли верить стану
Порыву чувств и пылких дум обману!

15

Что песнь? Что песнь? Давид, я сознаюсь,
Мне в душу песнь вдохнула подозренье.
О ком он пел?» — «Ты знаешь, Святополк,
Известно всем, куда бежал Нерядец». —
«Куда бежал! .. но быть не может, князь,
Не может быть. Как, дети Ростислава —
Убийцы? нет, они в крови родной
Не обагрят руки своей честной.» —

16

«Я думал, что ты знаешь, мне казалось,
Скрываешь ты в груди своей вражду
Для тишины отчизны». — «Я? до гроба
Я буду мстить и до последней капли
Я выпью кровь убийцы... Бедный брат!
Ты юный пал, душой и станом красный,
И не в бою померкнул взор твой ясный.

17

Но мне твоим не верится словам.
Скорее все, чем дети Ростислава...
Не верю!» — «Я напомню, Святополк:
Ты требовал от них главы Нерядца». —
«Я требовал, и был бы выдан он,
Но он бежал». — «Живет он в Теребовле». —
«Как? Василько... убийцы в свой удел...
Не принял, нет! не он его призрел...

18

Холодный пот с раздумья проступает;
Скажи мне, князь, ужели Василько?
Пусть Володарь, умерший брат их Рюрик...
Но тот ли, кто и славим и любим...» —

«Он черни льстит на вече, а дружина
За то его возносит до небес,
Что, с юных лет ее послушный кличу,
Водил ее успешно на добычу.

19

Да что народ! пусть славит он его;
Из гроба нам не вызвать Ярополка».
И взорами впился в его чело.
Он жадно зрел, как дума тяжелела.
В помост глаза уставя, Святополк
Безмолвен был. Он шевелил устами;
От смутных дум горела голова,
Но на устах не строились слова.

20

По гриднице поспешными шагами
Прошел. «Меня сомненье тяготит:
Где нищий?» —« Князь, ты нищему доверишь?
Ему ли знать, он темный человек». —
«А ты, Давид, как знаешь?» — «Я?
От многих,
От Туряка... но вспомни, Святополк,
Мы поклялись пред всеми, на налое,
Блюсти любовь и Русь хранить в покое.

21

И первый ты! Забудь же месть свою». —
«Мне брат, мне кровь его дороже мира.
Не буду я покоен... не могу
Покойным быть, пока я не открою
Всей тайны. Не томи: скажи мне все...
Нет! ты не любишь брата... Из могилы
Он молит! к нам возносит скорбный глас:
На брань, Давид, на месть зовет он нас.

22

Он предо мной стоял окровавленный. . .
Ты побледнел, Давид? ты сам в лице
От жалости и гнева изменился.
Клянись же, дай обет, что будешь мстить
Как друг, как брат». — «Я помню Ярополка!
А на душу греха я не приму;
Не навлеку на имя укоризны,
Что первый я нарушил мир отчизны». —

23

«Так вот, Давид, твоя любовь ко мне?» —
«Поверь мне, что я предан всей душою
Тебе, мой брат старейший, но как друг
Не растравлю твоей сердечной язвы.
И так сказал я лишнее». — «Постой!
Иди! ты стал душою слаб». И долго
Ходил один по гриднице пустой
То быстрою, то медленной стопой.

24

Луна взошла на вышину лазури
И сыплет свет с безоблачных небес
И на венцы Софии величавой
И на святой Печерский монастырь;
Главы церквей, как звезды, отделились,
Светлея от серебряных лучей,
И спасу в честь их сонм блистает звездный,
Как и небес сверкающие бездны.

25

Престольный град по шумном торжестве
Покоится, как море после бури.
Задумчив Днепр: едва струится он;
В его волнах не плещутся русалки

И песней заунывных не поют;
Их древние приюты опустели,
И крест святой из ясносиних вод
Изгнал навек подводный хоровод.

26

Уже луна сребристая мерцает,
И сумраки спустилися на Днепр,
Прозрачное накинув покрывало
На горы и на сонный Киев-град.
Недвижим он! и только где Владимир
Крещенья свет излил на свой народ,
Во мраке челн, мелькая, под горою
Колышется, лелеемый волною.

27

Но кто стоит, опершись на весло?
С челна глядит он на высокий берег;
Как тень, другой спустился. В зыбкий челн
Едва ступил: «Узнал ли ты, где нищий?» —
«Я с пиршества княжова шел за ним,
Над ним дышал, но, во вратах внезапно
Отброшенный стремлением толпы,
Уже с трудом следил его стопы.

28

Он скрылся. Я искал еще глазами,
Куда он путь направил, но в толпе
Пестреющей и странников и нищих
Не распознал я рубища его.
Рассыпались полунагие гости,
Остался я один. Но будь храним
Он ведьмами, в бертепах под землею, —
Я все его пристанище открою».

29

Сказал — и челн он оттолкнул веслом;
Ударил им по влаге: отскочило
Оно от волн и с плеском пало вновь.
Челн вышел из-под тени гор прибрежных,
Блеснув, струя змеею развилась,
Дошла до пол-Днепра, и по теченью
Чуть зыблемых, объятых негой волн
Она, светясь, следила легкий челн.

30

Без весел он спускался. Днепр покойно
Качал его, как старец колыбель.
«Ты слышишь ли, Туряк? звучнее пенье.
Ударь веслом». Протяжно голоса
Исходят из обители Печерской;
В ней луч блеснул, незримая рука
По храму цепь златую протянула,
А полон Днепр молитвенного гула.

31

«Мне тяжело, Туряк!» — «Вернемся, князь». —
«Нет, все равно: я спасу неугоден,
В обители еще я утром был;
Давал обет ему придел воздвигнуть;
Что ж отвечал мне схимник Иоанн?
— Лежит ли грех на сердце — покаянье,
А не сребром обложенный придел
Омоет дух твой от греховных дел».

32

«Все мало для монахов! Им хотелось
В твое княжое сердце заглянуть». —
«От схимника я к вещуну поехал,
Но отложил до ночи. Чернецы

Все видят, знают: разгласят в народе,
Что жертвы жгу богам моих отцов...
Как будто и грешно пред небесами
Сегодня знать, что завтра будет с нами.

33

Но будет ли он завтра? ..» — «Едет он». —
«Но едет ли на Киев?» — «От Кульмея,
Что мне кудесник передал вчера,
Тебе пересказал я, князь, и время
Прибыть ему». — «Презрительный певец
Едва из рук добычи не исторгнул!
Как он метал бесстыдно на меня
Свой мрачный взгляд, исполненный огня.

34

Мне чудилось, что весь народ, все очи
В меня впились!» — «Тут был я, государь,
Я замечал за всеми: на Бояна
Глядел весь мир и взоров не сводил.
Я знаю сам, мне только показалось,
Но если б я негласно мог певца...
Чтоб проводить его на новоселье...
Что думать тут? лишь слово, князь, да зелье...» —

35

«Молчи, Туряк, ты изверг». — «Государь!
По мне хоть пой потешный соловей
Без умолку». — «Но что бы он ни пел,
Он повод дал к тому, чего я жаждал,
Туряк. Теперь направлен Святополк,
Он позовет тебя, будь скуп на слово,
Я собственной предал его борьбе,
И пламя он раздует сам в себе». —

36

«Попал ли зверь, пусть он в тенетах бьется,
Лишь только бы тенет не разорвал». —
«В нужде, шепни два слова о Кульмее...
Но если нищий раз еще придет?» —
«Два ловчие вблизи двора княжова
Твои бояре, Лазарь и Василь,
Ждут недруга и до исхода ночи
Блюдут вокруг недремлющие очи». —

37

«Но если кто увидит слуг моих?
Молва — огонь, — чуть вспыхнет, все обхватит...
Как медлит он! Дождусь ли? Червь забот
Меня томит, как огненная жажда:
Но как свершим, то отдохнем душой:
Наказанный — пред чернию виновен!..
И в пропасти померкнет без следа
С высот небес упавшая звезда.

38

Что, друг, успех?» — «Все в мире, князь, гаданья,
Хоть иноки считают их за грех,
Но жрец теперь нам тайну разгадает». —
«Мы Выдубич минули». Вправо челн
Направил он. — «Но что за визг и вопли?» —
Спросил Давид. — «Недаром, государь,
Ведется слух давно про эту гору,
Что не тиха в полуночную пору».

39

Еще взмахнул он веслами. «Туряк!
Закинь багор!» — и челн причалив, оба
Взбираются по крутизне горы
И, слева обогнув ее вершину,

В ущелье, по уступу, где земля
Обрушилась и поросла кустами,
Сокрылись. Там за камнем тесный ход
В пещеры вел под лоно самых вод.

40

Подземный путь во все концы ветвится,
Сто отзывов в ответ на каждый звук
Грохочет в нем: то своды захохочут,
То всплещут, то завоют. Ведьма путь
Перебежала, громко засвистала,
За свистом свист раздался ей вослед.
«Где путь? земля колеблется под нами,
И я во тьме теряюся очами.

41

Куда ступить?» — «Все ниже, князь».
Блеснул
Им в очи яркий светоч — и не дева
Явилась, не земная красота,
Но с небом ад слился в обольщенье,
В грозу очей и прелесть гневных уст.
В руке был меч, в другой — пылавший светоч,
И взор блуждал, как слово на устах:
Безумный взор в пленительных очах.

42

Бледна, и грудь под русыми волнами,
Как легкий пламень в трепетной руке,
То падала, то воздымалась снова,
Дыханье прерывалось, и уста,
Когда искали звуков, то привычной
Улыбкою, казалось, расцветут.
«Пришельцы!» — и промчалось слово гнева,
Как первый звук волшебного напева.

43

«Ответ! ответ! потушен ли огонь?» —
«Неугасим», — ответствовал боярин,
И повторил Давид: «неугасим!» —
«Над сим мечом заветным наших предков
Клянитесь век блюсти святыню тайн». —
«Клянемся!» — «Если тайну разрешите,
Испепелит вас пламя по частям
И вихри вас развеют по полям».

44

«Клянемся!» — Своды клятвы повторили,
Им усмехнулась чудная жена
И, будто не ступая, побежала.
За нею пламя, как светила хвост,
Летело вниз, потухло в легком беге,
И путников объемлет прежний мрак.
Над их челом пронесся звонкий хохот,
И вновь кругом звучит стогульный грохот.

45

И вдоль пути глухие голоса
Из стен пещерных им шептали в уши:
«Храните тайну; если враг про нас
Узнает, мы и сестры обернемся
В станицу птиц ночных и на куски
Когтями растерзаем ваше тело,
И воскресим, и растерзаем вновь,
И высосем предательскую кровь.

46

Клянитесь же и в третий раз». — «Клянемся!»
Внезапно дверь отверзлась, понеслись
Стремительно навстречу тучи дыма;
Сквозь облако вертеп, как смутный сон,

Открылся: семь кумиров, огнь пред ними,
Кругом богов кружилась цепь старух,
И вкруг нее с веселостью безумной
Цепь юных дев мелькала в пляске шумной.

47

Незримый хор при заклинаньях пел:
«Перун ли в тучах на крылах Стрибога
Промчится, вслед по радуге сойдут
Велес, бог стад, Купала-плодоносец,
Калядо с миром, Ладо — бог любви,
А где любовь, там благ податель — Даж-бог».
Но смолкнул хор. При входе двух гостей
Распались звенья пляшущих цепей.

Жрец

Добрые гости!

Хор

Добрые гости!
Ведьмы, русалки! снова двойною
Цепью скачите. Вечно меняясь —
Юность и старость, лето-зима
Пляшут, летят двойной вереницей
Вкруг неизменных вечных богов.
Снова летите птица за птицей,
Шумно кружась двойной вереницей.

Жрец перунов

Кружитесь вкруг вечно живого костра
И пойте вечное проклятье!
Низринут небесный в пучину Днепра!
Проклятье, вечное проклятье!

Все

Проклятье! вечное проклятье!

Незримый хор

Горят, гремят небесные проклятья.
Божественный в седую бездну пал,

Но верный Днепр принял его в объятья
И влажными устами лобызал
Главу, стопы его святые;
И перед тем, кто вержет гром,
Покорно волны вековые
Поникли трепетным челом.

Перунов жрец

Костер, разметанный врагами,
Пылает снова перед ним!
Пусть тушат хладными устами —
Священный огнь неугасим!

Все

Священный огнь неугасим.

Хор жрецов

Грудных младенцев, непричастных
Греху отцов,
Несите ведьмы и русалки
Пред лик богов!
Мы на костре сожжем начатки
От их волос,
Чтоб сын славян богам славянским
Во славу рос.

Три ведьмы

Мы змеею зашипели
И как вихорь понеслись;
С визгом в теремы влетели,
И детей из колыбели
Мы схватили и взвились.

Все ведьмы

Цепки у ведьмы медвежие лапы,
Легок наш конь-помело,
Свищем и скачем, пока на востоке
Не рассвело.

Русалки

Неслышной стопою
Касаясь земли,

Мы руку с рукою
Как ветви сплели.
Мы песнь напевали
И в лунных лучах
Как тени мелькали
На Лысых горах.
Мы дев заманили
На песенный глас,
Вкруг липы водили;
И с каждой из нас,
Смеясь, целовались
Они сквозь венок,
И с нами сплетались
В русальный кружок.
Вот сходим. Как птицы,
Поем и летим;
Со смехом в светлицы
Порхнем к молодым;
То шопотом сладко
Над люлькой поем —
Поем и украдкой
Дитя унесем.

Верховный жрец

Святых постриг совершены обряды
И семь славян богам посвящены!
Да будут их младенческие сны
Исполнены божественной отрады.
Пусть Ладо к ним в видении сойдет,
Пусть им внушит к богам благоговенье,
И сладкое младенчества виденье
Глубоко в душу западет.

Хор жрецов

И пусть с колыбели сердце их дышит
Любовью к богам славянских племен,
Пусть каждый младенец имя услышит,
Святейшее всех небесных имен.

Верховный жрец

Есть небеса над небесами
Превыше молний и громов;

Есть звездный терем над звездами!
И ни единый из богов
Не преступал его порога.
Судьба! — при имени святом
Во прах поникните челом!
Сама Судьба есть мысль Белбога!

Все жрецы

Обряд свершен.

Верховный жрец

Теперь распадитесь
Все звенья цепей:
Два гостя ступите
Пред жертвенный огнь.
Вопрос ваш я знаю,
И дам я ответ...
Русалки и ведьмы!
По дебрям, горам
Вы скачете ночью
Вкруг киевских стен.
Кто прибыл? Кто прибыл?

Русалки

На Рудице стан!

Ведьмы

На Рудице стан!
И чуждому богу
В шелковом шатре
Там молится витязь.

Верховный жрец

Тот бог не спасет!
Запекшейся крови
Возьмите от жертв;
Скачите вкруг стана,
Промчитесь грозой;
От крови, согретой
Дыханием уст,

Вы бросьте три капли
На витязя стан.
Там враг, там гонитель
Славянских богов.
Русалки и ведьмы,
По долам, по горам
Рассейтесь, несите
Погибель врагам.

48

Рассеялись. Один верховный жрец
Остался. «Знать грядущее ли жаждешь —
Иди за мной», — Давиду он сказал.
И путников сквозь ряд богов проводит.
В священный сумрак тихо сходит он.
Чуть светит луч от тлеющего жара,
В крови стоит пред ними Чернобог,
И черепы повержены у ног.

49

Верховный жрец на угли кинул жупел
И в синий пламень череп положил.
Он шопотом невнятным заклинанья
Над ним читал. Вот череп почернел
И наконец опепелились кости;
Вот жрец на них перстом следит черты:
«Внимай, Давид, благоговейным слухом:
Успех тому, кто бодр и силен духом,

50

Кто чашу яда смело поднесет
И даст врагу испить ее до капли!
Тебе есть путь, но нет полупути.
От робкого и боги отлетают». —
«На все готов, — ответствовал Давид
В смятеньи. — Я ручаюсь за начало;
Но что конец... как низкие рабы,
Мы при конце зависим от судьбы», —

51

«В свидетели приемлю Чернобога,
Давид! черты по черепу легли,
Во знаменье желанного успеха;
Но вспомни: не пришлец из чуждых стран,
Но бог родной успех тебе дарует,
Но бог славян, его ж отвергла Русь,
Затем, чтоб нам, питомцам бранной славы,
Бессильный грек, наш данник, дал уставы.

52

Признай, люби отеческих богов:
Клянись!» Давид невольно поднял руку,
Но, как свинец, отяжелела длань
И на плечо боярина упала;
Туряк взглянул с усмешкой на него.
«Ужель тебя христьянский рай чарует? —
Воскликнул жрец. — Но там, средь чернецов,
Ты будешь сир и чужд своих отцов.

53

Закон христьян не доблесть, а смиренье;
Уже народ женоподобен стал —
И прежде всех сам древний князь Владимир.
Вот первый бич; еще иной грозит!
С зари восходят тучи! Обратитесь!
Уже кует оковы гневный бог
И превратит всю Русь с ее князьями
В развалины, сцепленные бичами».

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

Уже давно палаты Святополка
Могильная объяла тишина
И царствует со сумраками ночи,
Лениво сон на стольный Киев-град

Склонил свои распущенные крылья.
Но Святополк не дремлет; он горит,
Он от себя с усильем гонит думу
И в тишине еще внимает шуму.

2

«Как он любим, как он любим, Давид!
Еще мне вече в слухе раздается. . .»
(Так молвил он. Давид стоял пред ним
И наблюдал души его порывы.)
«Я сам ушел: все вече разошлось
По Киеву, но доходили клики
Еще ко мне среди моих палат,
Гремя как в тучах грома перекат.

3

Несносный гул! все слышу те же клики! . .
Зачем давно ты не пришел ко мне, —
В тот самый миг, как распустил я вече? . .
Я ждал тебя, твоих советов ждал». —
«Но, Святополк, с дружиною до ночи
Ты в гриднице гремел против граждан
И в шуме слов, в пылу негодованья
Не мог вести со мною совещанья.

4

Я лишний был. Теперь уже пора
Не слов, а дела». — «Мне одно осталось,
Давид! . . пустить на волю! . . Весь народ
Заступится за князя. Из темницы
Он мне на зло исторгнет Василька. . .
Как думаешь? . . велю я снять оковы!» —
«Но прежде, чем освободишь его,
Сойдешь ли, князь, с престола своего?

5

Советую сойти тебе с престола:
Уже он ков замыслил на тебя,
Но не имел к тому еще предлога.
Теперь на все решится: есть предлог —
И на престол он ступит из поруба!
Тогда иной услышишь гул. Народ
Изменой не почтет своей измены
И кликами поколебает стены.

6

Вся чернь воскликнет: мы спасли его,
Мы совлекли оковы: он невинен,
Он праведник, наш светлый Василько!
И станет гнать тебя, как вероломца:
Себя почтет преступный твой народ
Твоим судьей, поставленным от бога,
И будешь из земли конца в конец
Скитаться, как несчастный твой отец». —

7

«Не допущу себя до посрамленья,
Давид! Но я, хотя и убежден
В душе, как ты, что Василько преступен...
Но... если он невинен? ..» — «Поздно, князь!
Зачем, зачем ты прежде не размыслил,
Пока его еще не оскорблял?
В порубе он, оковами тягчимой,
Уже горит враждой непримиримой.

8

Теперь все поздно, князь! Невинен он?
То будет месть грознее. Он невинен? ..
Пусть выйдет из темницы: глас его
Во все концы по Руси пронесется:

Что истины сильнее? — созовет
Поборников своей правдивой мести,
Придет вся Русь по долгу, из любви
И утолит себя в твоей крови.

9

Кого мы раз в сей жизни оскорбили,
Того должны стереть с лица земли.
Тебе нельзя признать его невинным;
Но, впрочем, я, как ты, уверен, князь,
Что он вполне преступен». — «Я не знаю,
Давид, на что решиться? Не могу
Убить его; держать его — не смею,
И в мыслях я, теряясь, цепенею.

10

Давид! уже мятежный веча клик
Напомнил мне, что было за Всеслава...» —
«Желаешь, князь? Я увезу его:
На все готов для брата и для друга». —
«Вези его... он как игла в очах...
Вези скорее, делай с ним что знаешь...
Вон, вон отсюда! Он несносен мне,
Я убежден во всей его вине...»

11

Грядами туч заволокло все небо;
В безмерном мраке светят два огня,
Два светоча горят перед порубом.
Темничные затворы в тишине
Внезапно загремели. Князь очнулся.
По сладостной молитве он дремал.
Мстиславне-другу в тихом сновиденье
Его уста шептали утешенье.

12

Вошел Туряк, и четверо за ним,
И осветил темницу яркий светоч;
«Иди за нами, князь; никто, как бог!
Надейся, князь, на кротость государя». —
«Мой спас — моя надежда. Но меня
Куда теперь ведете? . .» — «Ты узнаешь;
Судьба твоя к решению близка».
И, окружив, выводят Василька.

13

На нем гремят, сшибаясь, оковы,
С трудом стопы передвигает он.
Вот вышел князь; медлительным дыханьем
В себя вдыхает воздух; к небесам
Свой вольный взор с улыбкою возводит,
И с именем заступницы святой
Гремящею перекрестясь рукою,
На грудь свою склонился он главою.

14

Уже по стогнам киевским стучат
Тяжелые колеса. Дом за домом
Минуется; но ни единый взор
Во тьме ночной и в тишине безлюдной
Из окон не стремится к Васильку,
Не взглянет на него из состраданья;
Как шумные колеса ни стучат,
Но мирный сон объемлет стольный град.

15

Зачем их стук в сердцах не отозвался,
Защитников собой не пробудил? . .
Проехав через ворота Золотые,
Князь Василько прощальный бросил взор

На Киев-град, где братьев он оставил,
Не сняв греха с преступной их души.
Уже с горы быстрее скачут кони:
Помчались, как разбойник от погони.

16

Вкруг узника, по сторонам, Василь
И Лазарь, слуги верные Давида,
И Дмитр, его конюший, и Сновид,
А впереди два торчина сидели.
«Куда меня везете?» — «В Теребовль», —
Сказал Василь, и все захохотали,
Сошелся взгляд со взглядом; изо всех
Исходит вновь невольный дикий смех.

17

Князь Василько, взглянув на них с участьем,
От глубины души своей вздохнул.
Но вот за ним раздался конский топот,
Летит как вихорь всадник молодой:
«Мой князь, отец мой крестный! Дайте! Дайте
Мне сесть к нему!» — воскликнул Михаил.
Конь мчится весь на воздухе; но даром
На скачущих он дышит теплым паром.

18

«Стой, стой!» — еще воскликнул Михаил.
К нему Василь мгновенно обернулся
И, палицей ударя, сшиб с коня.
Он пал, из горла кровь заклокотала.
«О боже, боже! — узник закричал, —
Как Иова меня ты искушаешь».
И к сыну взор летел сквозь ночи тьму;
Но взор, но крик не доходил к нему.

19

Простыл и след за узником державным
С небес, затканных темной пеленой,
Луна из туч уныло проглянула
И озарила бледное лицо
Младого Михаила. — Он недвижим
Лежал; в руках поводья; верный конь
Его чела касался длинной гривой
И землю рыл ногой нетерпеливой.

20

Шел нищий по дороге. Он едва
В ручьях кровавых отрока завидел,
Бежит к нему стремглав. С испуга конь
Шарахнулся, и Михаил очнулся.
«Где Василько? .. Куда везут его? ..
Скажи мне, добрый человек! .. Не знаешь? ..
Они меня не взяли. Нет! Злодей
Меня ударил палицей своей».

21

«Ты отрок Василька?» — с участьем нищий
Спросил его и побежал к ручью,
Чело страдальца, грудь его больную
Он освежил студеною волной.
«Что? лучше ли? Тебе рукою дряхлой
Я помогу держаться на коне».
Вот отрок сел; и нищий осторожно
Повел коня к дуброве придорожной.

22

В бору огонь из хижины мерцал.
На стук выходит с дочерью старушка,
И с нищим обе юношу с коня
Снимают; на соломенное ложе,

Внеся его, спускают тихо с рук;
И девушка, как ангел над могилой,
С печалию склонилася над ним
И греет грудь дыханием своим.

23

«Людей нашли мы добрых, — молвил нищий, —
Теперь прости! я шел, как ты, вослед
За Васильком. Спешу! про все узнаю
И в Теребовль на крыльях полечу». —
«Возьми коня, — сказал с усильем отрок
И впал в забвенье: — Конь, мой конь, лети...
Как шибко скачут... Стой!.. Я, князь, с тобою!
Я буду цепь поддерживать рукою...»

24

Уже под нищим скачет борзый конь
По той дороге, где давно со стражей
Проехал светлый узник. Василька
Уже в то время в Белгород примчали.
Во тьме ночной, в глубокой тишине,
Его ввели в истопку, разложили
Пред ним костер; и торчин Берендей
Выносит нож из-за полы своей.

25

Он точит нож, бросая взгляд на князя.
Тогда заря зарделась в небесах
И на цепях его засеребрилась.
Он, разгадав, сквозь сумрак тяжких дум,
Свой горький жребий, встал, взглянул
с любовью
На ясную предшественницу дня.
Во всей красе, в одежде разноцветной,
Лила она по небу свет приветной.

26

Идет во всем величии жених
За светлой, за краснеющей невестой.
Пылает солнце, неба исполин,
Живит весь мир, и пламенное око
Встречает взор прощальный Василька.
Как радостен восход по долгой ночи!
И узник в память, с жадностью очей,
Врезает мир, блестящий от лучей.

27

«Как, спас, ты льешь и свет и жизнь на землю!» —
Воскликнув громко, душу всю излил
Он в утренней и пламенной молитве.
Едва окончил, торчин, Дмитр, Сновид —
Все бросились на князя; но цепями
Он их разит — и падают во прах;
Встают и вновь повержены: оковы —
Врагов, как меч, всегда разить готовы.

28

На крик вбежали двое. На ковер
Они его повергнув и опутав,
На грудь взложили доски: по концам
Сновид и Дмитр, Василь и Лазарь сели.
Он застонал, и затрещала грудь;
Последний светлый взор уж закатился,
Лучи души потухнули в очах,
И замер стон на трепетных устах.

29

Взял торчин нож, готовясь к ослепленью;
Ударил — но не в очи: он лицо
Страдальца перерезал. — «Ты неловок», —
Сказал Василь. Краснея, торчин нож

Отер полою; вот его в зеницу
Ввернул: кровь брызнула из-под ножа;
Ввернул его в другую, и ланиты
Уже волной багровою покрыты.

30

Все вышли вон. Остался Василько
Один. Он на ковре, как труп кровавый,
Недвижим, без дыхания лежал,
И запеклись — не очи, но отверстья;
Чернеют два кровавые пятна.
Ты их, Давид, не смоешь с книги жизни:
Нетленные, они горят на ней,
Как мука вечная душе твоей!

31

Уже опять мучители страдальца
Сбираются в дорогу. Дмитр, Сновид
Вошли; из глаз слеза у них пробилась.
Вот, завернув его в ковер, несут,
Как мертвого; взложили; скачут кони;
Вот Здвиженск мост под ними продрожал;
И в дом, к приему путников готовой,
Уже летят по площади торговой.

32

Священник был хозяин дома. Он
Гостей таких не ждал, нет! дыбом волос
Встал на седой, маститой голове.
Внесли ковер; обедать села стража;
Василь совлек сорочку с Василька,
«Смой кровь!» — сказав, хозяйке бросил
в руки,
И старица и внемлет и глядит,
Но замер дух, и вся как лист дрожит.

33

И вдруг спеша ее на двор выносит
И держит недвижимо пред собой;
Взрыдала. «Нашим воплем не поможем,
Не плачь, старушка! — нищий ей сказал. —
К чему твой стон? Нет, лучше дай рубашку;
На ней нужна мне кровь. . .» И, взяв, исчез;
Но старица рыдала; воплей сила
Страдальца из забвенья пробудила.

34

Привстав, — «где я?» — промолвил тихо он.
«Ты в Здвиженске», — сказал Василь. — «Ах, дайте
Воды испить». За каплей каплю пьет,
Вздохнул, себя ощупал. «Где рубашка? —
Воскликнул он. — Свлекли ее с меня?
Ее зачем вы сняли? Нет, в сорочке,
Нет, я хотел одетый в кровь мою
Предстать перед Всевышнего судью».

35

И ослабел он снова от усилья.
Пред ним стоял священник: «Помертвел.
Отходит он. Запасными дарами
Я причащу страдальца». — «Но зачем? —
Сказал Василь, — он осужден князьями,
Зачем спасти ты хочешь дух его?» —
«Господь суда от мира не приемлет! —
Рек старец, но словам никто не внемлет. —

36

Пред спасом не виновен Василько,
И пред людьми страдалец не виновен:
Пройдут князья, пройдет и суд князей,
Но истина на небе и в потомстве,

Как солнце, просияет». — «Он ума
От старости лишился», — молвил Лазарь,
И вслед за ним захохотал вокруг
Весь дикий сонм князьям покорных слуг.

37

Страдальца путь окончен. Во Владимир
Заранее приехал князь Давид
И тесный дом к приему приготовил:
Он Василька за стражею провел
И в душную и мрачную темницу.
Зачем, Давид? По сумраке ночей
Уже ему не светится денница,
И целый мир — как мрачная темница!

[1828—1830]

СТИХИ
НА ПЕРЕХОД НАШ ИЗ Ч‹ИТЫ› В П‹ЕТРОВСКИЙ ЗАВОД›

Что за кочевья чернеются
Средь пылающих огней, —
Идут под затворы молодцы
За святую Русь.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава.
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Дикие кони стреножены,
Дремлет дикий их пастух;
В юртах засыпая, узники
Видят во сне Русь.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава.
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Шепчут деревья над юртами,
Стража окликает страж, —
Вещий голос сонным слышится
С родины святой.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава.
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Зыблется светом объятая
Сосен цепь над рядом юрт.
Звезды светлы, как видения,
Под навесом юрт.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава.
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Спите, рабыни угрюмые.
Вы забыли, как поют.
Пробудитесь! Песни вольные
Оглашают вас.
Славим нашу Русь, в неволе поем
Вольность святую.
Весело ляжем живые
В могилу за святую Русь.

<Август 1830>

СЕН-БЕРНАР

Во льдяных шлемах великаны
Стоят, теряясь в облаках,
И молний полные колчаны
Гремят на крепких раменах;
Туманы зыбкими грядами,
Как пояс, стан их облегли,
И расступилась грудь земли
Под их гранитными стопами.
Храните благодатный юг,
Соединясь в заветный полукруг,
Вы, чада пламени, о Альпы-исполины!
Храните вы из века в век
Источники вечно-шумящих рек
И нежно-злачные Ломбардии долины.
Кто мчится к Альпам? кто летит
На огненном питомце Нила?
В очах покойный взор горит,
Души неодолимой сила!
В нем зреет новая борьба —
Грядущий ряд побед летучих;
И неизбежны, как судьба,
Решенья дум его могучих.
С коня сошел он. Чуя бой,
Воскликнул Сен-Бернар: «Кто мой покой
Нарушить смел?» Он рек — и шумная лавина
Ниспала и закрыла дол,
Протяжно вслед за гулом гул пошел,
И Альпы слили в гром глаголы исполина.
«Я узнаю тебя! Ты с нильских пирамид
Слетел ко мне, орел неутомимый!

Тебя, бессмертный вождь, мучительно томит
Победы глад неутолимый;
И имя, как самум на пламенных песках,
Шумящее губительной грозою,
Ты хочешь впечатлеть железною стопою
В моих нетающих снегах.
Нет, нет! Италии не уступлю без боя!»
«Вперед!» — ответ могучий прозвучал.
Уже над безднами висит стезя героя,
И вверх по ребрам голых скал,
Где нет когтей следов, где гнезд не вьют орлицы,
Идут полки с доверьем за вождем;
Всходя, цепляются бесстрашных вереницы
И в медных жерлах взносят гром.
Мрачнеет Сен-Бернар; одеян бурной мглою,
Вдруг с треском рушится, то вновь стоит скалою;
Сто уст — сто бездн, раскрыв со всех сторон,
Всем мразом смерти дышит он.
«Вперед!» — воскликнул вождь, «вперед»!» —
промчались клики.
Редеет мгла, и небо рассвело...
И гордую стопу уже занес Великий
На исполинское чело!
«Я узнаю тебя, мой чудный победитель!
В лучах блестит Маренго! цепь побед
По миру прогремит... Но встанет крепкий мститель —
И ты на свой наступишь след.
Свершая замыслы всемирного похода,
Ты помни: твой предтеча Аннибал,
Вождей разбив, не победил народа
И грозный поворот фортуны испытал.
Страшись! уже на клик отечества и славы
Встает народ: он грань твоих путей!
Всходящая звезда мужающей державы
Уже грозит звезде твоей!..
В полночной мгле, в снегах, есть конь и всадник медной...
Ударит конь копытами в гранит,
И, кинув огнь в сердца, он искрою победной
Твой грозный лавр испепелит».

<1831>

СЛАВЯНСКИЕ ДЕВЫ

Нежны и быстры ваши напевы.
Что ж не поете, ляшские девы,
В лад ударяя легкой стопой?
Сербские девы! песни простые
Любите петь, но чувства живые
В диком напеве блещут красой.

Кто же напевы чехинь услышит?
Звучные песни сладостных дев
Дышат любовью, славою дышат...
Помня всю жизнь и песнь и напев,
Девы! согласно что не поете
Песни святой минувших времен?
В голос единый что не сольете
Всех голосов славянских племен?

Боже, когда же сольются потоки
В реку одну? Как источник один
Да потечет сей поток-исполин,
Ясный как небо, как море широкий,
И, увлажая полмира собой,
Землю украсит могучей красой!

Старшая дочь в семействе славяна
Всех превзошла величием стана, —
Славой гремит, но грустно живет:
В тереме дни проводит, как ночи,
Бледно чело, заплаканы очи
И заунывно песни поет.

Что же не выйдешь в чистое поле,
Не разгуляешь грусти своей?
Светло душе на солнышке-воле,
Сердцу тепло от ясных лучей...
В поле спеши, с меньшими сестрами,
И хоровод весь веди за собой;
Дружно сплетая руки с руками,
Радостно песнь свободы запой...

Боже, когда же сольются потоки
В реку одну? Как источник один
Да потечет сей поток-исполин,
Ясный как небо, как море широкий,
И, увлажая полмира собой,
Землю украсит могучей красой.

‹ПРИ ИЗВЕСТИИ О ПОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ›

Недвижимы, как мертвые в гробах,
Невольно мы в болезненных сердцах
Хороним чувств привычные порывы;
Но их объял еще не вечный сон,
Еще струна издаст бывалый звон,
Она дрожит... еще мы живы!

Едва дошел с далеких берегов
Небесный звук спадающих оков,
И вздрогнули в сердцах живые струны, —
Все чувства вдруг в созвучие слились...
Нет, струны в них еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцем юны!

И в ком оно от чувств не задрожит?
Вы слышите! на Висле брань кипит!
Там с Русью лях воюет за свободу
И в шуме битв поет за упокой
Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому народу.

Мы братья их... Святые имена
Еще горят в душе: она полна
Их образов, и мыслей, и страданий.
В их имени таится чудный звук:
В нас будит он всю грусть минувших мук,
Всю цепь возвышенных мечтаний.

Нет! В нас еще не гаснут их мечты.
У нас в сердца их врезаны черты,
Как имена в надгробный камень.
Лишь вспыхнет огнь во глубине сердец,
Пять жертв встают пред нами; как венец,
Вкруг выи вьется синий пламень.

Сей огнь пожжет чело их палачей,
Когда пред суд властителя царей
И палачи и жертвы станут рядом...
Да судит бог... А нас, мои друзья,
Пускай утешит мирная кутья
Своим таинственным обрядом.

<1831>

* * *

По дороге столбовой
Колокольчик заливается,
Что не парень удалой
Белым снегом опушается?
Нет, то ласточкой летит
По дороге красна девица.
Мчатся кони... От копыт
Вьется легкая метелица.

Кроясь в пухе соболей,
Вся душою вдаль уносится;
Из задумчивых очей
Капля слез за каплей просится:
Грустно ей... Родная мать
Тужит тугою сердечною;
Больно душу оторвать
От души разлукой вечною.

Сердцу горе суждено!
Сердце надвое не делится, —
Разрывается оно...
Дальний путь пред нею стелется.
Но зачем в степную даль
Свет-душа стремится взорами?
Ждет и там ее печаль
За железными затворами.

«С другом любо и в тюрьме! —
В душе молвит красна девица. —
Свет он мне в могильной тьме...

Встань, неси меня, метелица,
Занеси в его тюрьму.
Пусть, как птичка домовитая,
Прилечу я и к нему
Притаюсь, людьми забытая».

<1831>

‹ДВА ОБРАЗА›

Мне в ранней юности два образа предстали
И, вечно ясные, над сумрачным путем,
Слились в созвездие, светились сквозь печали
И согревали дух живительным лучом.

Я возносился к ним с молитвой благодарной;
Следил их мирный свет и жаждал их огня,
И каждая черта красы их светозарной
Запала в душу мне и врезалась в меня.

Я мира не узнал в отливе их сиянья:
Казалось, предо мной открылся мир чудес;
Он их лучами цвел, и блеск всего созданья
Был отсвет образов, светивших мне с небес.

И жаждал я на все пролить их вдохновенье,
Блестящий ими путь сквозь бури провести...
Я в море бросился — и бурное волненье
Пловца умчало вдаль по шумному пути.

Светились две звезды, я видел их сквозь тучи;
Я ими взор поил; но встал девятый вал,
На влажную главу подъял меня могучий,
Меня, недвижного, понес он и примчал

И с пеной выбросил в могильную пустыню...
Что шаг — то гроб, на жизнь — ответной жизни нет;
Но я еще хранил души своей святыню,
Заветных образов небесный огнь и свет.

Что искрилось в душе, что из души теснилось,
Все было их огнем; их луч меня живил.
Но небо надо мной померкло и спустилось —
И пали две звезды на камни двух могил...

Они рассыпались, они смешались с прахом.
Где образы? Их нет! Я каждую черту
Ловлю, храню в душе, и с нежностью и страхом,
Но не могу их слить в живую полноту.

Кто силу воскресит потухших впечатлений
И в образы сведет несвязные черты?
Ловлю все призраки летучих сновидений,
Но в них божественной не блещет красоты.

И только в памяти, как на плитах могилы,
Два имени горят: когда я их прочту,
Как струны задрожат все жизненные силы,
И вспомню я сквозь сон всю мира красоту.

<1832>

‹КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ›

К. А. РОЗЕНУ

Спи, мой младенец,
Милый мой Атий,
Сладко усни!
Пусть к изголовью
Ангел-хранитель
Тихо слетит.
Вот он незримый
Люльку качает;
Крылышком мирный
Сон навевает.
Атий, мой Атий
Веянье крыльев
Слышит сквозь сон;
Сладко он дышит,
Сладкой улыбкой
Вскрылись уста.
Ангел-хранитель
Люльку качает,
Крылышком тихо
Сон навевает.

Когда же ты, младенец, возъюнеешь,
Окрепнешь телом и душой
И вступишь в мир и мыслию созреешь,
Блеснешь взмужавшей красотой, —
Тогда к тебе сойдет другой хранитель,
Твой соименный в небесах!
Сей сын земли был вечный небожитель!

Он сводит небо в чудных снах!
С любовью на тебя свой ясный взор он склонит,
И на тебя дохнет, и в душу огнь заронит!
И очи с трепетом увидят, как в венец
Вкруг выи синий пламень вьется,
И вспомнишь ты земной его конец,
И грудь твоя невольно содрогнется!
Но он, даруя цель земному бытию,
По верному пути стопы твои направит, —
Благословит на жизнь, а не на смерть свою,
И только жизнь в завет тебе оставит.

<1832>

* * *

Ты знаешь их, кого я так любил,
С кем черную годину я делил?
Ты знаешь их? — Как я, ты жал им руку
И передал мне дружний разговор,
Душе моей знакомый с давних пор.
И я опять внимал родному звуку,
Казалось, был на родине моей,
Опять в кругу соузников-друзей.

Так путники идут на богомолье
Сквозь огнечно-песчаный океан,
И пальмы тень, студеных вод приволье
Манят их вдаль... Лишь сладостный обман
Чарует их; но их бодреют силы,
И далее проходит караван,
Забыв про зной пылающей могилы.

<3 октября 1836>

БРАК ГРУЗИИ С РУССКИМ ЦАРСТВОМ

Дева черноглазая! Дева чернобровая!
Грузия — дочь и зари и огня!
Страсть и нега томная, прелесть вечно новая
Дышит в тебе, сожигая меня!

Не томит тебя кручина
Прежних пасмурных годов!
Много было женихов —
Ты избрала исполина.

Вот он идет... По могучим плечам
Пышно бегут светлорусые волны;
Взор подобен небесным звездам —
Весь он и жизни и крепости полный!
Гордо идет, без щита и меча...
Только с левого плеча,
Зыблясь, падает порфира;
Светл он, как снег, грудь, что степь, широка,
А железная рука
Твердо правит осью мира!

Вышла невеста навстречу; любовь
Зноем полудня зажгла ее кровь,
И, откинув покрывало
От стыдливого чела,
Вдаль все глядела, всем звукам внимала,
Там под Казбеком, в ущелье Дарьяла,
Жениха она ждала!

В сладостном Босфоре с ним повстречалась
И перстнями поменялась;
В пене Терека к нему
Бросилась бурно в объятья, припала
Нежно на грудь жениху своему,
Приняла душу и вся просияла,
Прошлых веков не тревожась печалью,
Вечно к России любовью горя,
Слитая с нею, как с бранною сталью,
Пурпур-заря!

12 апреля 1838. Тифлис

* * *

Я разлучился с колыбели
С отцом и матерью моей,
И люди грустно песнь запели
О бесприютности моей.

Но жалость их — огонь бесплодный,
Жжет укоризненной слезой.
Лишь дева, ангел земнородный,
Простерла крылья надо мной.

Мне, сирому, ты заменила
Отца и мать вдали от них
И вполовину облегчила
Печаль родителей моих.

С отцом и матерью родною
Теперь увиделся я вновь,
Чтоб ввек меж ними и тобою
Делить сыновнюю любовь.

‹1838›

К* * *

Как носятся тучи за ветром осенним,
Я мыслью ношусь за тобою;
А встречусь — забьется в груди ретивое,
Как лист запоздалый на ветке.

Хотел бы, как небо в глубь синего моря,
Смотреть и смотреть тебе в очи,
Приветливой речи, как песни родимой,
В изгнаньи хотел бы послушать!

Но света в пространстве падучей звездою
Мелькнешь, ненаглядная, мимо —
И снова не видно, и снова тоскую,
Усталой душой сиротея...

* * *

Как я давно поэзию оставил!
Я так ее любил! я черпал в ней
Все радости, усладу скорбных дней,
Когда в снегах пустынных мир я славил,
Его красу и стройность вечных дел,
Господних дел, грядущих к высшей цели —
На небо, где мне звезды не яснели,
И на земле, где в узах я коснел, —
Я тихо пел пути живого бога
И всей душой его благодарил,
Как ни темна была моя дорога,
Как ни терял я свежесть юных сил...
В поэзии, в глаголах провиденья,
Всепреданный искал я утешенья —
Живой воды источник я нашел,
Поэзия — не божий ли глагол,
И пеньем птиц, и бурями воспетый,
То в радугу, то в молнию одетый,
И в цвет полей, и в звездный хоровод,
В порывы туч, и в глубь бездонных вод,
Единый ввек и вечно разнозвучный!
О друг, со мной в печалях неразлучный,
Поэзия! слети и мне повей
Опять твоим божественным дыханьем!
Мой верный друг! когда одним страданьем
Я мерил дни, считал часы ночей,
Бывало, кто приникнет к изголовью
И шепчет мне, целит меня любовью
И сладостью возвышенных речей!

Слетала ты, мой ангел-утешитель!
Пусть друг сует, столиц животный житель,
Глотая пыль и прозу мостовой,
Небесная, смеется над тобой!
Пусть наш Протей С<енковский>, твой гонитель,
Пути ума усыпав остротой,
Катается по прозе вечно гладкой
И сеет слух, что век проходит твой!
Не знает он поэзии святой,
Поэзии страдательной и сладкой!
В дни черные не нежил твой напев
Его души; его понятен гнев:
Твой райский цвет с его дыханьем вянет,
И на тебя ль одну? — на все, на всех
Он с горя мечет судорожный смех —
Кроит живых, у мертвых жилы тянет.
Он не росу небес, но яд земли —
Злословье льет, как демон, от бессилья;
Не в небесах следит он орли крылья,
Но только тень их ловит он в пыли,
И только прах несет нам в дар коварный,
Святой Руси приемыш благодарный!

Но нет! в пылу заносчивых страстей
Не убедит причудливый Протей,
Что час пробил свершать по музам тризны,
Что песнь души — игрушка для детей
И царствует одна лишь проза жизни.
Как в жизни есть минуты, где от мук
Сожмется грудь и сердцу не до прозы;
Томится вздох в могучий, чудный звук,
И дрожь бежит, и градом льются слезы...
Мучительный, небесный миг! Поэт
В свой тесный стих вдыхает жизнь и вечность,
Как сам господь вдохнул в свой божий свет —
В конечный мир — всю духа бесконечность.
Когда, шутя, наш Менцель лепит воск
И под ногой свой идеал находит,
Бальзака враг, его же лживый лоск
На чуждый нам наборный слог наводит, —

Поэт горит: из глубины горнил
Текут стихи — их плавит вдохновенье;
В них дышит мысль, порыв бессмертных сил —
Души творца невольное творенье!

<1838—1839>

В. Ф. РАЕВСКИЙ

Владимир Федосеевич Раевский, получивший в исторической литературе наименование «первого декабриста», родился в 1795 году. Раевский — один из героев Отечественной войны 1812 года, участник многих сражений, был членом «Союза благоденствия» и руководителем его бессарабской группы. Раевский первым из декабристов подвергся суду и преследованию. Он был в 1822 году арестован в Кишиневе по обвинению в революционной агитации среди солдат дивизионной школы. В течение четырех лет Раевский находился в заключении в Тираспольской крепости, а после восстания 14 декабря 1825 года привлекался к следствию по делу декабристов. Пробыв два года в тюремном заключении, он был отправлен в Сибирь на поселение; после манифеста 1856 года остался жить в Сибири и только однажды на короткий срок приехал в Россию. Умер Раевский в 1872 году в месте своей ссылки — селе Олонки близ Иркутска.

Раевский был одним из самых последовательных защитников гражданских тем и национально-самобытного развития русской литературы. Пушкин познакомился с Раевским в Кишиневе в 1821 году и был с ним в близких, дружеских отношениях. Раевский убеждал Пушкина разрабатывать темы из русской истории (очевидно, под его влиянием Пушкиным была начата поэма «Вадим»).

Первые стихотворения Раевского появились еще в 1815 году на страницах «Духа журналов», «Украинского журнала» и «Украинского вестника». Но известность как поэт Раевский приобретает в революционных кругах в период своего пребывания в крепости. Здесь он пишет ряд произведений, которые получают широкое распространение на воле и создают Раевскому славу поэта, проповедующего вольность и в крепости. В заключении им написаны «Певец в темнице», пользовавшееся особой популярностью послание «К друзьям в Кишиневе» и др. Офицеры, которые несли в крепости караульную службу, и другие друзья «певца в тем-

нице» распространяли эти стихотворения в нелегальных списках.

Раевский был сперва приговорен к смертной казни. В ответ на этот приговор он написал гневный «Протест», в котором отражена глубокая связь, существовавшая между Раевским и солдатской массой, и который также получил распространение в рукописных списках.

В Сибири Раевский не прекращал своей поэтической деятельности. Он написал здесь «Думу», «Предсмертную думу» и другие стихотворения.

«Первый декабрист» до конца своей жизни оставался твердым и непреклонным борцом за свободу, борцом против тех, кто отчизну «сковал железною рукой и заклеймил и рабством и позором».

ПЕСНЬ ВОИНОВ ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

Заутра грозный час отмщенья,
Заутра, други, станем в строй,
Не страшно битвы приближенье
Тому, кто дышит лишь войной! . .
Сыны полуночи суровой,
Мы знаем смело смерть встречать,
Нам бури, вихрь и глад знакомы.
Пускай с полсветом хищный тать
Нахлынул, злобой ополченный,
В пределы наши лавр стяжать;
Их сонмы буйные несчетны,
Но нам не нужно их считать.
Пусть старец вождь простpет рукою
И скажет: *«там упорный враг!»*
Рассеет громы пред собою —
И исполин стоглавый в прах! . .

Сей новый Ксеркс стопою силы,
Как огнь всежгучий, к нам притек
Узреть Батыевы могилы,
Сарматов плен и шведов рок,
Узреть поля опустошенны,
Прах мирных сел и городов,
И небо, заревом возженно,
И вкруг изрытый ряд гробов,
А пред собой перуны мести
И твердокаменную грудь
С хоругвью: *«Смерть на поле чести —*
Или свершим опасный труд».
Ужель страшиться нам могилы?

И лучше ль смерти плен отцов,
Ярем и стыд отчизны милой
И власть надменных пришлецов?
Нет, нет, судьба нам меч вручила,
Чтобы покой отцов хранить.
Мила за родину могила,
Без родины поносно жить!
Пусть дети неги и порока
С увялой рабскою душой
Трепещут гибельного рока,
Не разлучимого с войной,
И спят на ложе пресыщенья,
Когда их братья кровь лиют.
Постыдной доле их — презренье!
Во тьме дни слабых протекут,
А нам отчизны взор — награда
И милых по сердцу привет,
Низвергнем сонмы супостата,
И с славой нам восплещет свет! . .

Краса певцов, наш бард любимый,
Жуковский в струны загремит,
И глас его непобедимых
Венком бессмертья отличит.
И юный росс, приникший слухом
К его цевнице золотой,
Геройским вспыхивает духом
И, как с гнезда орел младой,
Взлетит искать добычи бранной
Вослед испытанным вождям. . .
О други! близок час желанный
И близок грозный час врагам, —
Певцы передадут потомству
Наш подвиг, славу, торжество.
Устроим гибель вероломству,
Дух мести — наше божество!

—

Но, други, луч блеснул денницы,
Туман редеет по полям,
И вестник утра, гром, сторицей
Зовет дружины к знаменам.

И мощный вождь перед полками
И с ним вождей бесстрашных сонм
Придут! .. с победными громами
И взором ищут стан врагов...
К мечам! .. Там ждет нас подвиг славы
Пред нами смерть и огнь и гром,
За нами горы тел кровавых,
И враг с растерзанным челом
В плену ждет низкого спасенья! ..
Труба-сопутник нам гремит! ..
Друзья! В пылу огней сраженья
Обет наш: *«Пасть иль победить!»*

МЕНАЛК

ЭКЛОГА

Один, уединясь под дубом наклоненным,
Где тихий ручеек струи свои катил
И тихим ропотом к забвенью приводил,
Меналк задумчивый со взором потупленным,
Оставя посох свой, овечек и свирель,
Так тайну скорби пел:
«Жестокая судьба, где дней моих отрада?
Где радость юных лет, о коей я мечтал?
Как в тучах солнца луч, мне счастья свет пропал.
Взамену радостей мне слезы лить — награда.
Напрасно юная Карина милый взор
Ко мне наедине с улыбкой устремляет:
Ее старания и нежный разговор
В груди еще сильней тяжелый вздох стесняет.
Бесчувственный! Вчера, томимая тоской,
Печальным голосом она еще сказала:
— Меналк! Мой милый друг, что сделалось с тобой?
Ты плачешь? — И слеза из глаз ее упала...
— Ужель не видишь ты забавы пастухов,
Их радость общую, шум песней, хороводы,
Мое томление, мою к тебе любовь?
Чего недостает тебе, скажи?.. — Свободы!
Как пленник, средь оков
От братий, от друзей в край дальний увлеченный,
В пустынной Таврии, средь грубых пастухов,
Жестокою судьбой нежданно занесенный,
Я должен слезы проливать.
Из милой родины сияние денницы,
Ни голос утренний приветливой певицы

Сюда умерить грусть мою не долетят.
Жестокий Коритей устав моих страданий
Бесчувственной рукой до гроба начертал
И отческим полям колючий терн устлал
Мой путь, лишив меня и самых ожиданий.
Почто не скрылся я под дружеский покров,
Когда гремел вдали гром бурный предо мною?
Почто я тешился обманчивой мечтою
И тихо ожидал дней ясных средь громов?
Стада несчетные среди лугов шелковых,
Сады, где сочный плод деревья бременит,
Поля, что жатвою Церера золотит,
Несут годичный дар тому, кто бед виной.
Но в доле бедственной сравнюсь ли я с тобою?
Рука богов хранит страдальца под грозою,
Ты в счастьи, но страшись — их мщенье над тобой!»

Соколино

ПЛАЧ НЕГРА

Задумчив, устремя к луне унылы очи,
Несчастный сын степей под пальмою родной
Стоял недвижимо в часы глубокой ночи —
И пращ его и лук с губительной стрелой
Разбросаны. И конь, товарищ бурной битвы,
По шелковой траве медлительно бродил.
И пес, — сей верный страж, сей быстрый сын ловитвы, —
Лежал и лай ночной с боязнью притаил.
И мрак и тишина полуночной природы
Питали мысль его отчаянной мечтой.
И он, — сей белых бич, сей гордый сын свободы, —
Ланиты оросил горячею слезой!!
«Нет радости в мире, нет Зоры со мною!
Я видел ветрила вдали кораблей,
Несущих добычу драгую стрелою
Далеко от милых отчизны полей!
Ах! мог ли провидеть отмщение рока?
Сегодня, зарею, колено склоня
Пред ярким сияньем светила востока,
Я чувствовал благость небесну огня!
От братий веселых чрез дебри и горы
Помчался я к милым родным шалашам!
Ласкаюсь мечтою в объятиях Зоры
И в ласках младенца дать отдых трудам!»

ПОСЛАНИЕ ПЕТРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ПРИКЛОНСКОМУ

Qui vit de rien possède toute chose.
Boileau. V. Epitre [1]

Покорствовать судьбе коварной, переменной
Велит рассудок нам, но твердость в нищете,
Смиренье и любовь честей на высоте
Суть признаки души свободной, неизменной.
Сколь часто видим мы невежду и глупца
С титулом княжеским, в чаду преослепленья,
Который с гордостью бросает взор презренья
На участь скромную и бедность мудреца.
Но тратит ли, мой друг, мудрец свои надежды,
Фортуне вопреки, покоем обладать?
Нет! Тою же стезей он скрылся от невежды
Под кров беспечности о слабом сострадать!
И в рубище Солон дал Крезу наставленье:
Как смежны счастие и слава с нищетой.
Пред Киром на костре от смерти роковой
Спасло минувшее счастливца предреченье.
Лишенною венца Зиновию в цепях
Рабыней в раме зри и с ней превратность доли.
Давно ль Наполеон, полсвета бич и страх,
[Мечтал оспаривать и власть и силу бога?
Где ж гром его побед? .. Фортуна за собой
Триумфы, почести и славу удалила.
Нет постоянного для смертных под луной,
Превратность — жребий наш, а верное — могила!
Мой друг! Взгляни кругом на наш подлунный свет:

---

[1] <Кто доволен малым, тот обладает всем. *Буало. V. Послание.*>

От трона царского до хижины убогой,
Везде увидишь след богини быстроногой,
Но постоянного для ней приюта нет.]
Чем выше здание — тем ближе к разрушенью,
Опасен скользкий путь титулов и честей,
Опасны милости и дружество царей!
[К престолу ближе кто, тот ближе к униженью.]
Чины и почести и всех богатств собор,
Когда нет мудрости, нас скукой отмечают.
Прельщается ль резцом и кистью грубый взор?
Безумцы [остроту в безумце обретают].
Нет, нет, враги ума — они в кругу своем,
Нерона с Августом в величии равняют,
Херила нашего Пиндаром называют
И восхищаются Беатуса умом! . .
[Сословие невежд, гордящихся породой,]
Без знаний, без заслуг, но с рабскою душой,
Но с знаньем в происках до степени высокой
Идет надменною и быстрою стопой. . .
Презренные льстецы с коленопреклоненьем
Им строят алтари, им курят фимиам.
Но нам ли унижать себя предрассужденьем?
И нам ли, не стыдясь, завидовать глупцам?
Рабы бездушные, на камень падше семя,
Для посмеяния природой созданы,
Земле, себе самим и смертным тяжко бремя,
Без случая слепца, что были бы они?
[Напрасно]равенства мечтатели желают!
В природе равенства не может быть и нет;
Одних высокий ум, таланты отличают,
Других — невежество и преступлений след;
Одним назначено дней миром наслаждаться,
Другим — убийством жить и в дебрях пресмыкаться;
Родится гений, ум, родится и глупец —
Ужель природы дар не должен брать первенство?
Начало всем одно и всем один конец.
Но в мире нравственном не может быть равенства,
Дух независимый есть мудрого черта;
Под гибельным ярмом тирана он свободен. . .
Для пользы ближних жить есть сладкая мечта
Тому, кто чувствами, кто духом благороден!
Он тайно не острит на братий грозный меч,

Не жаждет для венка бессмертия и славы
[Неистовой рукой точить ручьи кровавы],
Жилища мирные в добычу брани жечь
И доблесть исчислять числом убийств и мести —
Ему неведом путь покорства, низкой лести
Пред низким гордецом, вельможею царя,
Он в доле средственной нужды ни в чем не знает,
Чужд прихотей, сует, спокойно засыпает
С подругою своей до радостного дня.
Природы добрый сын, в объятиях природы
Он верно свой покой и благо обретет,
Не алчен к золоту, он ищет лишь свободы
И в новый свет искать сокровищ не плывет.

Приклонский! Счастие еще не за горами,
И если от него нас жребий отлучил,
То опыт гибельный стократно научил,
Как радости ловить удачными часами.
Желанье, прихоти и страсти обуздать
Должны рассудком мы, чтоб в меру наслаждаться.
Довольно, милый друг, за призраком гоняться,
Не время *у́ моря погоды ожидать!* . .

Ярмолинцы. 1817 г.

К МОИМ ПЕНАТАМ

От отческих полей, от друга отлученный,
Игра фортуны злой, коварной и страстей,
Мечтой обманчивой в свет бурный увлеченный,
Свидетель суеты, неравенства людей,
Сражаясь сам с собой — я вижу преткновенье
На скользком сем пути и бездны пред собою.
Пенаты милые! услышьте голос мой,
Внемлите странника бездомного моленье:
Вы, в юности меня хранившие от бед,
Теперь от роковых ударов защитите
И к дому отчему скорее возвратите:
Уже я видел бурный свет!
Как в ясный, тихий день воздушный метеор
Движеньем мрачных туч свод неба помрачает,
Так в утро дней моих меня тоска снедает,
И тщетно в будущность бросаю робкий взор:
Там новые беды грозят еще цепями...
О Лары кроткие! да будет ваш покров
Над бедным путником, зовущим со слезами
На помощь вас одних; услышьте скорбный зов —
И горести мои на время прекратите...
Под небом неродным веселий, счастья нет,
Меня вы к родине скорее возвратите:
Уже я видел бурный свет!
Честь, слава вдалеке взор слабый обольщают,
Богатство, титулы — совместны с суетой,
И Крезус пьет фиал тоски и скорби злой,
Сатрапы гордые средь роскоши скучают.
Нет, боле не хочу я славы и честей!
Знаком кровавый путь мне грозныя Беллоны.

Средь сечи гибельной, средь громов и мечей
Я слышал славы клич — и жертв невинных стоны.
Пенаты добрые! Внемлите мой обет —
И бурю над главой моею отведите
И к дому отчему скорее возвратите:
Уже я видел бурный свет.

<Днестр 1817>

ГЛАС ПРАВДЫ

Сатурн губительной рукою
Изгладит зданья городов,
Дела героев, мудрецов
Туманною покроет тьмою,
Иссушит глубину морей,
Воздвигнет горы средь степей,
И любопытный взор потомков
Не тщетно ль будет вопрошать,
Где царства падшие искать
Среди рассеянных обломков?
Где ж будет твой ничтожный прах,
Сын персти слабый, но надменный?
Куда погибель, смерть и страх
Несешь по трупам искаженным?
Воззри, там алтари священны
Являют пепла и углей горы,
Здесь веси мирные кругом
Обращены в могильны своды,
И где резвились хороводы,
Там слышен вопль и бурный гром!..
А ты, бездушный сибарит,
Млеком тщеславия вспоенный
И даром жизни утомленный,
Скажи, куда твой дух парит
Среди угрюмой, черной лени?
Вокруг тебя мелькают тени
Наемных ветреных цирцей,
Столы роскошные накрыты
И кубки светлые налиты,
Но ты вздыхаешь, раб страстей!

Вельможа, друг царя надежный,
Личиной истины прямой
Покрыл порок корысти злой
И ухищренья дух мятежный.
Злодей, ужель и сирых робкий стон,
И рабства гибельный закон,
И слезы страждущих в темнице,
И в рубищах народ простой,
К тебе молящий со слезой,
Не видишь ты под багряницей? . .
А вы, ничтожные рабы
Пороков, зла и ухищрений,
Склонивши выю и колени,
Почто возносите мольбы
К творцу добра, не преступлений!
И клирный глас и псалмопенье
Ярем позорный не сотрут!
Погрязшим в тьме разврата
Вотще в раскаяньи — отрада,
Везде позор и стыд вас ждут!
Цари, любимцы шумной славы,
Дерзнете ль в слепоте своей
Мечтать о вечности честей
И презирать судьбы уставы?
Жизнь наша — переменный сон,
И быстро исчезает он!
Где ж луч отрады, цель стремлений? . .
В душе, свободной от сует,
Покой и радости прямые
Не горы золота дают.
Слепцы за призраком бегут. . .
И вкруг обломки гробовые
И разрушения следы,
Печать всеобщей череды,
Им участь жалкую являют. . .
Нет! — средственность и путь прямой,
Свобода, власть рассудка над мечтой —
Жизнь миром озаряют! . .

ЭЛЕГИЯ II

Шумит осенний ветр, долины опустели.
Унынье тайное встречает смутный взор:
Луга зеленые, дубравы пожелтели;
Склонясь под бурями, скрипит столетний бор!
В ущельях гор гигант полночный ополчился,
И в воды пал с высот огнекрылатый змей. . .
И вид гармонии чудесной переменился.
В нестройство зримое враждующих стихий,
С порывом в берега гранитные плескает
Свирепый океан пенистою волной!
Бездонной пропастью воздушна хлябь зияет,
День смежен с вечностью, а свет его — со тьмой! . .

Таков движений ход, таков закон природы. . .
О смертный! Ты ль дерзнул роптать на промысл твой?
Могущество ума, дух сильный, дар свободы
Не высят ли тебя превыше тьмы земной? . .
Скажи же, ты ль дерзнул проникнуть сокровенье?
И Прометеев огнь предерзостно возжечь?
Измерить разумом миров круговращенье
И силу дивную и огнь громов пресечь?
По влаге гибельной открыть пути несчетны,
В пространстве целого атом едва приметный,
Взор к солнцу устремя, в эфире воспарить?
И искру божества возжечь уразуменьем
До сил единого, до зодчего миров?
О, сколь твой дух велик минутным появленьем;
Твой век есть миг, но миг приметный в тьме веков;
Твой глас струнами лир народам передастся
И творческой рукой их мрак преобразит,

Элегія II.

Шумитъ нашъ ветръ, довольно опустѣлъ!
Уснѣвъ на тайну отдыхаетъ влажной водѣ!
Луга зеленые, дубравы возмужали,
Синѣетъ небо будто окутано отвѣтной бурѣ!.
Въ тишинѣ горъ слышатъ говорливый отзвукъ
И во водѣ само въ высотѣ отшумѣвшей волнѣ....
И въ ней гармонію дубравной прелести
Въ шутливости ручья враждующія стихіи
Съ порывомъ въ бурю чувства тянутъ
Свирѣпой отдыхъ тишиной!
Бездонной пустотѣ воздушна небо свѣтъ
Для смѣны въ вѣчности, а здѣсь съ - тобой!..

Тишь въ дворцевой глубь, тишь во самой природѣ...
О слушай! тамъ дерзнувъ роптать на справедливость?
Могущество тамъ, дуя стихіей, власть свободы
Не вѣетъ на тебя пустыней тишь какой?....

Автограф стихотворения В. Расвского «Элегия II».

Светильник возгорит! . . гармония раздастся. . .
И в будущих веках звук стройный отразит! . .

Но кто сей человек, не духом возвышенный,
Но властью грозною народа облечен?
Зачем в его руках сей пламенник возженный,
Зачем он стражею тройною окружен? . .
Отец своих сынов не может устрашиться. . .
Иль жертв рыдающих тирану страшен вид?
Призрак отмщения в душе его гнездится,
Тогда как рабства цепь народ слепой теснит.
Так раболепствуйте: то участь униженных!
Природы смутен взор, она и вам есть мать;
Чего вы ищете средь братий убиенных?
Почто дерзаете в безумии роптать
На провидение, на зло и трон порока?. .
Жизнь ваша — слепота; а смерть — забвенья миг;
И к цели слабых душ ничтожеству дорога. . .

Свирепствуй, грозный день! . . Да страшною грозою
Промчится не в возврат невинных скорбь и стон,
Да адские дела померкнут адской тьмою. . .
И в бездну упадет железный злобы трон!
Да яростью стихий минутное нестройство
Устройство вечное и радость возродит! . .
Врата отверзнутся свободы и спокойства —
И добродетели луч ясный возблестит! . .

ПОСЛАНИЕ Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Когда над родиной моей
Из тучи молния сверкала,
Когда Москва в цепях страдала
Среди убийства и огней,
Когда губительной рукою
Война носила смерть и страх
И разливала кровь рекою
На милых отческих полях, —
Тогда в душе моей свободной
Я узы в первый раз узнал
И, видя скорби глас народной,
От соучастья трепетал...
Как быстро гибнет блеск зарницы,
Так из разрушенной столицы
Тиран стремительной стопой
Вспять хлынул с хищною ордой!
И вслед ему бог бранный мщенья,
Во мзду насильств и преступленья,
Перуны грозные бросал
И путь гробами застилал...
Орудие сей грозной мести,
Я взор печальный отвратил
От поприща кровавой чести
И острый меч в ножны вложил...
Но ты, мой друг! при шуме славы, —
Среди триумфов и побед,
Среди громов борьбы кровавой
Стремясь за разрушеньем вслед,

Свидетель россов смелых силы,
Смиренья их и правоты, —
Поведай мне, что мыслил ты,
Зря цепь изрытую могилы?
Скажи, ужель увеселял
Тебя трофей, в крови омытый,
Ужель венок, корыстью свитый,
Рассудка силу заглушал? ..
И мрачная завеса пала!
Атропа гибельным резцом
Едва нить жизни не прервала
Твою под роковым мечом.
Простясь с неласковой судьбою,
С печальным опытом, с мечтою,
Ты удалился на покой
Туда, где Лена, Обь волной
В гранитные брега плескают
И по седым во мгле лесам
К Гиперборейским берегам,
Во льдах волнуясь, протекают, —
Где все в немых пустынях спит,
Где чуть приметен блеск природы,
Но где живут сыны свободы,
Где луч учения горит! ..
Твои там отческие лары,
Там мир и радости с тобой,
Туда кровавою рукой
Войну, убийства и пожары
Не понесет никто с собой! ..
В беседе там красноречивой
С тобой великий Архимед,
Декарт и Кант трудолюбивый
И Гершель с циркулом планет!
И все в гармонии с душою,
И чужд клевет и злобы слух. . .
Почто ж зовешь меня, мой друг,
Делить все радости с тобою?
Могу ль покоем обладать?
Пловец над пропастью бездонной
В отчизне милой, но безродной,
Не ведая куда пристать,

Я в море суеты блуждаю,
Стремлюсь вперед, ищу пути
В надежде пристань обрести
И — снова в море уплываю.

<1818>

В. Ф. Раевский

Фотография А. М. Иваницкого, 1869 год

МОЕ ПРОСТИ ДРУЗЬЯМ

К<ЮШКОВСКОМУ> И П<РИКЛОНСКОМУ>

Друзья! Налейте кубки!
Ударим край о край
И в скорбный час разлуки
Запьем свое *Прощай!*
Не глас иноплеменных,
Не пушек близкий гром,
Не клик врагов надменных
С увенчанным челом,
Но нежный глас природы,
Восторги и любовь
Под верный дружбы кров
В объятия свободы
От вас меня зовут.
О други, между вами
И мой тернистый путь
Усеян был цветами,
[Довольно ясных дней
Близ вас я видел, други!
Клянусь во дни разлуки
Вас часто вспоминать,]
В мечтах одушевлять
Час дружеской беседы,
Где острых слов победы
Вы знали замечать
И в шутках повторять! . .
Где царство и народы
В кругу прямой свободы,
За чашей пуншевой,
При дыме трубок, сидя,

Пристрастья ненавидя,
Судили пред собой!
Где *тайной скорби силу*
И *близкую могилу*
Я с вами забывал
И радостью счастливой
В час думы молчаливой
Мой дух воспламенял!
Где злобу и пороки
Бесчувственных людей,
Тщету заслуг, честей,
И скрытые дороги
Искателей льстецов,
И странное сужденье,
И к истине презренье
Смешных лжемудрецов,
Где суд невежд пристрастный
Дает невеждам путь,
Ко славе безопасный,
Где знания безгласны,
Где ум, талант гнетут, —
Мы видели — учились. . .
И к почестям стремились
Неробкою стезей! . .
Исчезни, пламень мой,
Когда я вас забуду,
Свободные друзья!
Вот вам рука моя,
Что свято помнить буду
Союз сердец святой.
Скорее луч денницы
В предвестии гробницы
Угаснет надо мной!
Друзья! Налейте кубки!
Ударим край о край
И в скорбный час разлуки
Запьем свое *Прощай!* . .
[Прик<лонский>, нам с тобою
Еще сквозь мрачных туч
Блестит надежды луч —
Быть может, Марс трубою
Из мертвого покою

Нас в поле воззовет,
Приманчивые славы
И след войны кровавой
Нас к цели доведет,
Быть может; сокровенье
Кто может предузнать
В пылу огней сраженья,
Как к рати двигнет рать
Погибельной стезею...
Нам суждено с тобою
В добычу смерти злой
Предвременну могилу
Узреть в земле чужой!..
Но нет, и мысль унылу
Забвенью предадим,
За чашей круговою
Веселою мечтою
Свой дух воспламеним!..]
Оставя жизни бурный
Неласковый прием
И блеск честей мишурный,
Ты истинным путем
Кис<ловский>, друг свободы,
Под сень самой природы
Нетрепетно идешь;
Где время золотое
В беспечности, покое
Ты мирно проведешь...
Ни громы в отдаленьи,
Ни ядер звонких шум
В минуты сладких дум
В часы отдохновенья
Тебя не воззовут!..
Под кровлею родною
Там счастие с тобою!..
Там дружества приют!
И дни твои беспечно,
Но быстро, скоротечно
В довольстве пробегут.
Доколе юность с нами
И огненная кровь
С свободными сердцами,

Друзья! Дотоль *любовь*,
И дружбы глас священный,
И *кубок* позлащенный
С *пенящимся вином*,
Честь истинна с добром
Нам будут утешеньем
И долгом в жизни сей! . .
Прямое наслажденье —
Не блеск пустых честей,
Не славы шаткой сила,
Не милости царей,
Не злато богачей —
Их ранняя могила
Во мраке погребет. . .
Нет, к счастию ведет
Путь *чести* благородной,
Где *ум души свободной*,
Где *совести* покой,
Упрекам неподвластен,
Где голос беспристрастный
С *рассудком*, и *душой*,
И с *честию согласен!*
Но, други, час бежит. . .
День ясный вечереет,
И в кубках дно яснеет.
Природа в неге спит! . .
Итак, нальемте кубки,
Ударим край о край
И в скорбный час разлуки
Запьем свое *Прощай!*

Каменец-Подольск

СМЕЮСЬ И ПЛАЧУ

(ПОДРАЖАНИЕ ВОЛЬТЕРУ)

Смотря на глупости, коварство, хитрость, лесть,
Смотря, как смертные с холодною душою
Друг друга режут, жгут, и кровь течет рекою
За громозвучну *честь!*
Смотря, как визири, пошевеля усами,
Простого спагиса, но подлого душой,
Вдруг делают пашой,
Дают — луну, бунчук и править областями;
Как знатный вертопрах, бездушный пустослов,
Ивана à rebours с Семеном гнет на двойку
Иль бедных поселян, отнявши у отцов,
Меняет на скворца, на пуделя иль сойку,
И правом знатности везде уважен он! . .
Как лицемер, ханжа, презря святой закон,
В разврате поседев, гарем по праву власти
Творит из слабых жертв его презренной страсти,
Когда невинных стон волнует грудь мою —
Я слезы лью!
Но если на меня фортуна улыбнется
И если, как сатрап персидский на коврах,
Я нежуся в Армидиных садах,
Тогда как вкруг меня толпою радость вьется
И милая ко мне с улыбкою идет
И страстный поцелуй в объятиях дает
В награду прежних мук, в залог любови нежной,
И я вкушаю рай на груди белоснежной! . .
Или в кругу друзей на вакховых пирах,
Когда суждение людей, заботы, горе
Мы топим в пуншевое море,

Румянец розовый пылает на щеках,
И взоры радостью блистают,
И беспристрастные друзья
Сужденью смелому, шумя, рукоплескают, —
Тогда смеюсь и я!
Взирая, как Сократ, Овидий и Сенека,
Лукреций, Тасс, Колумб, Комоэнс, Галилей
Погибли жертвою предрассуждений века,
Интриг и зависти иль жертвою страстей! . .
Смотря, как в нищете таланты погибают,
Безумцы ум гнетут, знать *право* воспрещают,
Как гордый Александр Херила другом звал,
Как конь Калигулы в сенате заседал,
Как в Мексике, в Перу, в Бразилии, Канаде
За веру предают людей огню, мечу,
На человечество в несноснейшей досаде, —
Я слезы лью! . .
Но после отдыха, когда в моей прихожей
Не кредиторов строй докучливых стоит,
Но вестник радостный от девушки пригожей,
Которая «люблю! люблю!» мне говорит!
Когда печальный свет в мечтах позабываю
И в патриаршески века переношусь,
Пасу стада в венце, их скиптром подгоняю,
Астреи вижу век, но вдруг опять проснусь. . .
И чудо новое: Хво<стова> сочиненья
Я вижу Глазунов *за деньги* продает,
А к довершению чудес чудотворенья —
Они раскуплены, наш бард купцов не ждет! . .
Иль Сумарокова, Фонвизина, Крылова
Когда внимаю я — и вижу вкруг себя,
Премудрость под седлом, Скотинина. . .
Тогда смеюсь и я!

ПУТЬ К СЧАСТЬЮ

Шумите волны, ветр бушуй,
И тучи черные вокруг меня носитесь!
Мой ясен взор, покоен дух,
И чувства тихие не знают страсти бурной.
И я узнал покой
В свободе золотой!
Стремитесь на войну, сыны побед и славы!
Кровавый меч не нужен мне:
Храним пенатами, я цену наслаждений
Близ милых мне опять узнал;
Под сению родною
Здесь счастие со мною.
Опасен свет — и радость в нем
Подвержена всегда судьбине переменной.
Под тенью лип покоюсь я,
Вкушая сладкий мед, из милых рук налитый;
И мысль и голос слов
Не ведают оков!
Пускай средь роскоши Лукуллы утопают:
Их жизнь — не жизнь, но мрачный сон;
Их участь славная достойна состраданья;
Им чужд покой — и бедствий тьма
Тревожит наслажденья
В минуты сновиденья.
Не слышен глас Зоилов мне,
И пышный, ложный блеск меня не обольщает;
Пускай сатрап дает закон
Искателям честей улыбкою одною!
Здесь с музою моей
Я не зову честей!

Хотите ль, смертные, путь к счастью сокровенный
В сей жизни временной найти?
Покиньте замыслы к бессмертию ничтожны
И бросьте лавр и посох свой —
В объятиях природы,
Под алтарем свободы.

<1819>

САТИРА НА НРАВЫ

Мой друг! в наш дивный век — науками, искусством
И россов доблестью и благородства чувством
Любви к отечеству достойных сограждан,
[В сей самый век, когда вселенныя властитель и тиран]
Несметных орд к нам внесс убийства и пожары
И провидения испытывал удары,
Неся в триумф побед постыдный бег и страх
И трупы хищников, рассеянны в полях;
Когда прошедшее из книги современной
Мечом росс вырубал и [славой] покровенный
Секване начертал постыдный приговор;
Когда вселенной взор
России быстрый бег к величью измеряет
И подвиги ее в истории читает, —
Тогда, мой друг! забыв сей подвиг славы,
Здесь дети робкие с изнеженной душой,
Чудесно исказя и нрав и разум свой,
В очах невежества чтут модные уставы,
И наши знатные отечества *столбы*
О марсовых делах с восторгом рассуждают...
С утра до вечера за картами зевают,
А жены их, смеясь, в боскетах нежны лбы
Иноплеменными рогами украшают...
Напрасно умный наш певец,
Любовью чистою к отчизне возбужденной,
И нравам и умам чумы иноплеменной
С войною — хочет дать конец!
Мартышка весь свой век не устает кривляться,
Для подражания — бесхвостый, без ушей
Престанет ли осел кряхтеть и спотыкаться?

Из всех гражданских зол всего опасней, злей
Для духа нации есть чуждым подражанье,
Но спорить не хочу, [чтобы в] осьмнадцать лет
В уборе дедовском явиться в шумный свет —
И с важностью начать другое подражанье.
Но, друг мой! Переждем — эпоха началась,
И наше сбудется желанье...
Орел с одним орлом стремится в состязанье.
В России гражданства искра в нас зажглась,
И просвещение спасительной рукою
Бальзам свой разольет в болезненных умах,
И с новою зарею
[Русское любить пройдет безумный страх].
Но свет орангутанг, и мы живем в том свете,
Где дым тщеславия рассудок закурил —
И многих мудрецов в паяцы нарядил.
У всякого одно в предмете —
И бедный Ир с клюкой
Под добрый час себя с Юпитером равняет...
И кучи золота, и царства рассыпает,
И наслаждается мечтой!..
Все в свете допустить возможно,
Но быть игрушкою шутов и обезьян
В сей славный век для нас постыдно и безбожно.

ПЕВЕЦ В ТЕМНИЦЕ

О мира черного жилец!
Сочти все прошлые минуты,
Быть может, близок твой конец
И перелом судьбины лютой?
Ты знал ли радость? — светлый мир —
Души награду непорочной?
Что составляло твой кумир —
Добро иль гул хвалы непрочной?
Читал ли девы молодой
Любовь во взорах сквозь ресницы?
В усталом сне ее с тобой
Встречал ли яркий луч денницы?
Ты знал ли дружества привет?
Всегда с наружностью холодной
Давал ли друг тебе совет
Стремиться к цели благородной?
Дарил ли щедрою рукой
Ты бедных золотом и пищей?
Почтил ли век под сединой
И посещал ли бед жилища?
Одним исполненный добром
И, слыша стон простонародной,
Сей ропот робкий под ярмом,
Алкал ли мести благородной?
Сочти часы, вступя в сей свет,
Поверь протекший путь над бездной,
Измерь ее — и дай ответ
Потомству с твердостью железной.
Мой век; как тусклый метеор,
Сверкнул, в полуночи незримой,

И первый вопль как приговор
Мне был судьбы непримиримой.
Я неги не любил душой,
Не знал любви, как страсти нежной,
Не знал друзей, и разум мой
Встревожен мыслию мятежной.
Забавы детства презирал,
И я летел к известной цели,
Мечты мечтами истреблял,
Не зная мира и веселий.
Под тучей черной, грозовой,
Под бурными вихрем истребленья,
Средь черни грубой, боевой,
Средь буйных капищ развращенья
Пожал я жизни первый плод,
И там с каким-то черным чувством
Привык смотреть на смертный род,
Обезображенный искусством.
Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль и взор казнит на плахе,
И вера, щит царей стальной,
Узда для черни суеверной,
Перед помазанной главой
Смиряет разум дерзновенной.
К моей отчизне устремил
Я, общим злом пресытясь, взоры,
С предчувством мрачным вопросил
Сибирь, подземные затворы,
И книгу Клии открывал,
Дыша к земле родной любовью;
Но хладный пот меня объял —
Листы залиты были кровью!
Я бросил свой смущенный взор
С печалью на кровавы строки,
Там был подписан приговор
Судьбою гибельной, жестокой:
«Во прах и Новгород и Псков,
Конец их гордости народной.
Они дышали шесть веков
Во славе жизнию свободной».

Погибли Новгород и Псков!
Во прахе пышные жилища!
И трупы доблих их сынов
Зверей голодных стала пища.
Но там бессмертных имена
Златыми буквами сияли:
Богоподобная жена —
Борецкая, Вадим — вы пали!
С тех пор исчез, как тень, народ,
И глас его не раздавался
Пред вестью бранных непогод.
На площади он не сбирался
Сменять вельмож, смирять князей,
Слагать неправые налоги,
Внимать послам, встречать гостей,
Стыдить, наказывать пороки,
Войну и мир определять.
Он пал на край своей могилы,
Но рано ль, поздно ли опять
Восстанет он с ударом силы!

<1822>

К ДРУЗЬЯМ

Итак, я здесь... за стражей я...
Дойдут ли звуки из темницы
Моей расстроенной цевницы
Туда, где вы, мои друзья?
Еще в полусвободной доле
Дар Гебы пьете вы, а я
Утратил жизни цвет в неволе,
И меркнет здесь заря моя!
В союзе с верой и надеждой,
С мечтой поэзии живой
Еще в беседе вечевой
Шумит там голос ваш мятежный.
Еще на розовых устах
В объятьях дев, как май, прекрасных
И на прелестнейших грудях
Волшебниц милых, сладострастных
Вы рвете свежие цветы
Цветущей девства красоты.
Еще средь пышного обеда,
Где Вакх чрез край вам вина льет,
Сей дар приветный Ганимеда
Вам негой сладкой чувства жжет.
Еще расцвет душистой розы
И свод лазоревых небес
Для ваших взоров не исчез.
Вам чужды темные угрозы,
Как лед, холодного суда,
И не коснулась клевета
До ваших дел и жизни тайной,
И не дерзнул еще порок

Угрюмый сделать вам упрек
И потревожить дух печальной.
Еще небесный воздух там
Струится легкими волнами
И не гнетет дыханье вам,
Как в гробе, смрадными парами.
Не будит вас в ночи глухой
Угрюмый оклик часового
И резкий звук ружья стального
При смене стражи за стеной.
И торжествующее мщенье,
Склонясь бессовестным челом,
Еще убийственным пером
Не пишет вам определенья
Злодейской смерти под ножом
Иль мрачных сводов заключенья...
О, пусть благое провиденье
От вас отклонит этот гром!
Но я от сих ужасных стрел
Еще, друзья, не побледнел
И пред свирепою судьбою
Не преклонил рамен с главою!
Наемной лжи перед судом
Грозил мне смертным приговором
«По воле царской» трибунал.
«По воле царской?» — я сказал
И дал ответ понятным взором.
И этот черный трибунал
Искал не правды обнаженной —
Он двух свидетелей искал
И их нашел в толпе презренной.
Напрасно голос громовой
Мне верной чести боевой
В мою защиту отзывался:
Сей голос смелый пред судом
Был назван тайным мятежом
И в подозрении остался.
Но я сослался на закон,
Как на гранит народных зданий.
«В устах царя, — сказали, — он
В его самодержавной длани,
И слово буйное «закон»

В устах определенной жертвы
Есть дерзновенный звук и мертвый. . .»
Итак, исчез прелестный сон! . .
Со страхом я, открывши вежды,
Еще искал моей надежды —
Ее уж не было со мной,
И я во мрак упал душой. . .
Пловец, твой кончен путь подбрежной,
Мужайся, жди бедам конца
В одежде скромной мудреца,
А в сердце с твердостью железной.
Мужайся! близок грозный час,
Он загремит в дверях цепями,
И, может быть, в последний раз
Еще окину я глазами
Луга, и горы, и леса
Над светлой Тирасы струею
И Феба золотой стезею
Полет по чистым небесам,
Над сердцу памятной страною,
Где я надеждою дышал
И к тайной мысли устремлял
Взор светлый с пламенной душою.
Исчезнет все, как в вечность день,
Из милой родины изгнанный,
Я буду жизнь влачить, как тень,
Средь черни дикой, зверонравной,
Вдали от ветреного света
В жилье тунгуса иль бурета,
Где вечно царствует зима
И где природа как тюрьма;
Где прежде жертвы зверской власти,
Как я, свои влачили дни;
Где я погибну, как они,
Под игом скорбей и напастей.
Быть может — о, молю душой
И сил и мужества от неба! —
Быть может, черный суд Эреба
Мне жизнь лютее смерти злой
Готовит там, где слышны звуки
Подземных стонов и цепей
И вопли потаенной муки.

Где тайно зоркий страж дверей
Свои от взоров кроет жертвы.
Полунагие, полумертвы,
Без чувств, без памяти, без слов,
Под едкой ржавчиной оков,
Сии живущие скелеты
В гнилой соломе тлеют там,
И безразличны их очам
Темницы мертвые предметы.
Но пусть счастливейший певец,
Питомец муз и Аполлона,
Страстей и буйной думы жрец,
Сей берег страшный Флегетона,
Сей новый Тартар воспоет:
Сковала грудь мою, как лед,
Уже темничная зараза.
Холодный узник отдает
Тебе сей лавр, певец Кавказа.
Коснись струнам, и Аполлон,
Оставя берег Альбиона,
Тебя, о юный Амфион,
Украсит лаврами Бейрона.
Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой,
Где слово, мысль, невольный взор
Влекут, как явный заговор,
Как преступление, на плаху,
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шопотом роптать.
Пора, друзья! Пора воззвать
Из мрака век полночной славы,
Царя-народа дух и нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше вече
И сокрушало издалече
Царей кичливых рамена.
Когда ж дойдет до вас, о други,
Сей голос потаенной муки,
Сей звук встревоженной мечты
Против врагов и клеветы,

Я не прошу у вас защиты:
Враги, презрением убиты,
Иссохнут сами, как трава.
Но вот последние слова:
Скажите от меня Орлову,
Что я судьбу мою сурову
С терпеньем мраморным сносил,
Нигде себе не изменил
И в дни убийственные жизни
Не мрачен был, как день весной,
И даже мыслью и душой
Отвергнул право укоризны.
Простите... Там для вас, друзья,
Горит денница на востоке,
И отразилася заря
В шумящем кровию потоке.
Под тень священную знамен,
На поле славы боевое
Зовет вас долг — добро святое.
Спешите! Там вокальный звон
Поколебал подземны своды
И пробудил народный сон
И гидру дремлющей свободы.

<1822>

НА СМЕРТЬ МОЕГО СКВОРЦА

Еще удар душе моей,
Еще звено к звену цепей!
И ты, товарищ тайной скуки,
Тревог души, страданий, муки,
И ты, о добрый мой скворец,
Меня покинул наконец!
Скажи же мне, земной пришлец,
Ужели смрад моей темницы
Стеснил твой дух, твои зеницы?
Но тихо все. . . безмолвен он,
Мой юный друг, мой пелисон,
И был свидетель Обеон
Моей встревоженной разлуки!
Так верю я, о жрец науки,
Тебе, о мудрый Пифагор!
Не может быть сей ясный взор,
Сей разногласный разговор,
Ко мне прилет его послушной
Уделом твари быть бездушной:
Он создан с нежною душой,
Он, верно, мучился тоской. . .
Как часто резвый голос свой
Он изменял на звук печальной,
Как бы внимая скорби тайной.
О вы, жестокие сердца!
Сотрите стыд души с лица.
Учитесь чувствам от скворца!
Он был не узник — и в темнице.
Летая вольных птиц в станице,
Ко мне обратно прилетал, —

Мою он горесть уважал,
Для друга вольность забывал!
И все за то его любили,
И все за то скворца хвалили,
Что он средь скорби и недуг
И в узах был мне верный друг.
Что он ни мщения, ни мук
Для друга в узах не боялся
И другу смело улыбался.
Когда ж, как ржавчиною сталь,
Терзала грудь мою печаль:
Кому ж? скворцу лишь было жаль!
И мнилось — пел мой друг сердечный:
«Печаль и жизнь не бесконечны».
И я словам его внимал
И друга нежного ласкал
И вдруг свободнее дышал.
Когда ж вражда со клеветою
В суде шипели предо мною
И тщетно я взывал права,
Он пел ужасные слова:
«Враги иссохнут, как трава»,
И были то последни звуки,
И умер мой скворец от скуки!
О вы, жестокие сердца,
Сотрите стыд души с лица,
Учитесь чувствам от скворца!

<1824>

ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦИЮ

Мой век — как день туманный
Осеннею порой
Пред бурей и грозой —
Средь мрака и забвенья
Течет без возвращенья,
Печалью омрачен.

Ни солнца свет лазурный,
Ни бледный свет луны,
Ни радости весны,
Ни голос Филомелы,
Ни нимфы взор веселый —
Меня не веселят.

Напрасно к наслажденью
Прелестный Ганимед
Меня с собой зовет!
О юноша счастливый!
Твой взор полустыдливый
Опасен, но не мне.

Ни клик друзей веселых
В час вакховых пиров,
При голосе певцов,
При шуме упоенья
Меня на путь веселья
Опять не воззовет!

И взор вельможи тихий,
С улыбкой пара слов,

И вслед ему льстецов
В приязни уверенье —
Вселяют лишь презренье
К невеждам и льстецам!

От почестей ничтожных,
Средь Марсовых полей,
Где братий и друзей
Струится кровь рекою,
Мой взор, увы, с слезою
Далеко отвращен!

Но бури уклоненный,
Я радуюсь мечтой!
И тихий голос свой
В минуты вдохновенья
Сливаю с песнопеньем
Божественных певцов!

ПЕСНЬ НЕВОЛЬНИКА

Пенаты добрые, отчизны берег милый,
Поля родимые, где в юности счастливый
Мой век с беспечностью покойно, мирно тек;
Простите навсегда! Окованный цепями,
Я скорбь делю с слезами,
И сир и одинок!
Страдалец немощный, отец чадолюбивый!
Кто даст тебе приют спокойный и счастливый?
Увы! Изведать скорбь тебе назначил рок
У гроба хладного вечернею зарею.
Твой сын уж не с тобою,
Он сир и одинок!
Давно ль в обители спокойной, безмятежной,
С детьми-малютками и матерью их нежной
Я радости вкушал? Но злобный дух протек
Разлуку горькую с супругой, сиротами,
И я томлюсь цепями,
И сир и одинок!
Товарищи — друзья! и с вами разлученный,
Не буду более под тенью лип смиренных
Я счастью гимны петь; миг радостей протек!
На чуждой стороне, игралище судьбины,
Я жду бедам кончины,
И сир и одинок!

<1824>

ДУМА

Шуми, шуми, Икаугун,
Твой шум глухой, однообразный
Слился в одно с толпою дум,
С мечтой печальной и бессвязной!

Далеко мой стремится взор
Чрез эти снежные вершины,
Гряду гранитных стен и гор
На отдаленные равнины.

Кто их увидит, кто найдет?
Один орел под облаками...
Для нас здесь неба ясный свод
Закрыт утесами, лесами.

Зачем же ты, пришлец, сменял
Свои прелестные долины
На дикий лес, громады скал,
На эти мрачные теснины?

Зачем оставил дом, детей,
Привет их, ласковые взоры
И непритворный смех друзей?
Зачем принес твой ропот в горы?

Не сам ли ты себе сказал,
Любуясь дикою природой:
«Средь этих гор, гранитных скал
Дышу я силой и свободой!»

Ты здесь нашел привет родной
И жизни хилой обновленье;
Ты сам воздвиг сей крест святой
В завет любви и примиренья!

Здесь все в согласии с душой
Твоею мрачной, своевольной,
Здесь нет людей, ты сам с собой!
Чего ж желаешь, недовольной?

В вершинах гор гремит перун,
Прибрежных скал колебля своды...
Внизу шумит Икаугун,
Ревут его в утесах воды...

Зачем они кипят струей,
Куда, белея пеной снежной,
Как бурей взломанной стезей
Несут свой шум, разбег мятежной?

Спроси природу — где устав
Для сил надменных и свободы?
Они не знают наших прав, —
Здесь горы, каменные своды

И зимний лед их волю жмут,
С вершин гранитного Саяна
Они летят, они бегут
К брегам привольным океана!

Кто ж остановит вечный бег?
О, сколько власти, воли, силы
Себе присвоил человек,
Пришлец земли, жилец могилы.

Прости, ключ жизни, ключ святой,
С обетом мира и надежды
Пришлец прощается с тобой!
Сын рока, волей неизбежной
Он призван рано в мир страстей...

Прошли темничной жизни годы,
И эти каменные своды,
Во тьме две тысячи ночей
Легли свинцом в груди моей.

Текут вперед изгнанья годы,
Все те же солнце и луна,
Такая ж осень и весна,
Все тот же гул от непогоды.

И та же книга прошлых лет,
В ней только прибыли страницы,
В умах все тот же мрак и свет,
Но в драме жизни — жизни нет,
Предмет один, другие лицы. . .

Прости ж, ключ жизни, ключ святой,
Твои я пил целебны воды
И снова жизнью и весной
Дышал, как юный сын природы!

Вдали от света, от людей
Здесь все, как в родине моей,
Светлело южною зарею;
Забилось сердце веселей —

И в темной памяти моей
Минуты счастья прежних дней
Блеснули яркою чертою. . .
И все вокруг меня цвело,
И думы гордые молчали,
И сон страстей изображали
Уста и бледное чело.

<1840>

‹К ДОЧЕРИ›

Мой милый друг, твой час пробил,
Твоя заря взошла для света;
Вдали — безвестной жизни мета
И трудный путь для слабых сил.
Теперь в твои святые годы
Явленья чудные природы —
Блеск солнца в радужных лучах,
Светило ночи со звездами
В неизмеримых небесах,
Раскаты грома за горами,
Реки взволнованный поток,
Луга, покрытые цветами,
Огнем пылающий восток —
Зовут твой взор, твое вниманье,
Тревожат чувства и мечты;
Ты дышишь миром красоты,
И мир — твое очарованье! . .

Твой век младенческий как день
Прошел, погас невозвратимо;
В незрелой памяти как тень
Исчезнет жизни след счастливый.

Тебя вскормила в пеленах
Не грудь наемницы холодной —
На нежных матери руках,
Под властью кроткой и природной
Ты улыбаясь взросла.
Ты доли рабской не видала,

И сил души не подавляла
В тебе печальная нужда.
Отец, забывши суд людей,
Ночные думы, крест тяжелый,
Играл, как юноша веселый,
С тобой в кругу своих детей.
И луч безоблачной денницы
Сиял так светло для тебя!
Ты знала только близ себя
Одни приветливые лица,
Не как изгнанника дитя,
Но как дитя отца-счастливца!

И ты узнаешь новый свет,
И ты, мой друг, людей увидишь;
Ты встретишь ласки и привет
И голос странный их услышишь.
Там вечный шумный маскарад,
В нем театральные наряды,
Во всем размер, во всем обряды,
На все судейский строгий взгляд.
Ты не сочтешь смешной игрою
Торговлей лжи, набором слов,
Поддельной, грубой мишурою
И бредом страждущих голов...
Нет, для тебя блестит, алеет
И дышит мир еще весной,
Твой лик невинный не бледнеет
И не сверкает взор враждой.

А я в твои младые годы
Людей и света не видал...
Я много лет не знал свободы,
Одних товарищей я знал
В моем учебном заключеньи,
Где время шло, как день один,
Без жизни, красок и картин,
В желаньях, скуке и ученьи.
Там в книгах я людей и свет
Узнал. Но с волею мятежной,
Как видит бой вдали атлет,

В себе самом самонадежный
Пустил чрез океан безбрежный
Челнок мой к цели роковой.
О друг мой, с бурей и грозой
И с разъяренными волнами
Отец боролся долго твой...
Он видел берег в отдаленьи,
Там свет зари ему блистал;
Он взором пристани искал
И смело верил в провиденье;
Но гром ударил в тишине...
Как будто бы в ужасном сне
На бреге диком и бесплодном,
Почти безлюдном и холодном
Борьбой измученный пловец
Себя увидел, как пришлец
Другого мира.
В свете новом,
Своекорыстном и суровом,
С полудня жизни обречен
Нести в молчаньи рабском он
Свой крест без слез, без укоризны;
И не видать своих друзей,
Своих родных, своей отчизны,
И все надежды юной жизни
Изгнать из памяти своей...
О, помню я моих судей,
Их смех торжественный, их лицы,
Мрачнее стен моей темницы
И их предательский вопрос:
«Ты людям славы зов мятежный,
Твой ранний блеск, твои надежды
И жизнь цветущую принес,
Что ж люди?»

С набожной мечтою
И с чистой верой — не искал
Я власти, силы над толпою;
Не удивленья, ни похвал
От черни я бессильной ждал;
Я не был увлечен мечтою,
Что скажут люди — я не знал!

О добродетель! где ж непрочный
Твой гордый храм, твои жрецы,
Твои поклонники-слепцы
С обетом жизни непорочной?
Где мой кумир и где моя
Обетованная земля?
Где труд тяжелый и бесплодный?
Он для людей давно пропал,
Его никто не записал,
И человек к груди холодной
Тебя, как друга, не прижал! . .
Когда гром грянул над тобою —
Где были братья и друзья?
Раздался ль внятно за тебя
Их голос смелый под грозою?
Нет, их раскрашенные лицы
И в счастьи гордое чело
При слове «казни и темницы»
Могильной тенью повело. . .

Скажи, чем люди заплатили
Утрату сил, души урон,
И твой в болезнях тяжкий стон
Какою лаской облегчили?
Какою жертвой окупили
Они твой труд и подвиг твой?
Не ты ль как мученик святой
Молил изгнанья, как свободы.
В замену многих тяжких лет,
Молил увидеть солнца свет
И не темниц, а неба своды?

И что ж от пламенных страстей,
Надежд, возвышенных желаний,
Мольбы и набожных мечтаний
В душе измученной твоей
Осталось?
Вера в провиденье,
Познанье верное людей,
Жизнь без желаний, без страстей,
В болезнях сила и терпенье,

Все та же воля как закон,
Давно прошедшего забвенье
И над могилой сладкий сон!

Вот, друг мой, книга пред тобою
Протекшего. Ты видишь в ней
Мою борьбу с людьми, с судьбою
И жизнь труда, терпенья и страстей.
Не видел я награды за терпенье,
И цели я желанной не достиг,
Не встретил я за труд мой одобренья,
Никто не знал, не видел слез моих.
С улыбкой я несу на сердце камень,
Никто, мой друг, его не приподнял,
Но странника везде одушевлял
Высоких дум, страстей заветный пламень.

Печальный сон, но ясно вижу я,
Когда людей еще облитый кровью
Я сладко спал под буркой у огня, —
Тогда я не горел к высокому любовью,
Высоких тайн постигнуть не алкал,
Не жал руки гонимому украдкой
И шопотом надежды сладкой
Жильцу темницы не вливал...
Но для слепца свет свыше просиял...
И все, что мне казалося загадкой,
Упрек людей болезненный сказал...
И бог простил мне прежние ошибки,
Не для себя я в этом мире жил,
И людям жизнь я щедро раздарил...
Не злата их — я ждал одной улыбки.
И что ж они? Как парий, встретил я
Везде одни бледнеющие лица,
И брат и друг не смел узнать меня;
Но мне блистал прекрасный луч денницы,
Как для других людей;
Я вопрошал у совести моей
Мою вину... она молчала,
И светлая заря в душе моей сияла!..

Бог видел все... Он труд мой освятил...
Он мне детей как дар святой, заветный,
Как мысль, как цель, как мира ветвь вручил!
Итак, мой друг, я волей безотчетной
И мысль и цель тебе передаю,
Тот знает их, кто знает жизнь мою.
Я эту жизнь провел не в ликованьи,
Ты видела — на розах ли я спал;
Шесть лет темничною заразою дышал
И двадцать лет в болезнях и в изгнаньи,
В трудах для вас, без меры, выше сил...
Не падаю, иду вперед с надеждой,
Что жизнию тревожной и мятежной
Я вашу жизнь и счастье оплатил...
Иди ж вперед, иди к призванью смело,
Люби людей, дай руку им в пути,
Они слепцы, но, друг мой, наше дело
Жалеть о них и ношу их нести.
Нет, не карай судом и приговором
Ошибки их. Ты знаешь, кто виной,
Кто их сковал железною рукой
И заклеймил и рабством и позором.

Не верь любви ласкательным словам,
Ни дружества коварным увереньям,
Ни зависти бесчестным похвалам,
Ни гордости униженной — смиренью.
Не доверяй усердию рабов:
Предательство — потребность рабской доли...
Не преклоняй главы для сильной воли,
Не расточай в толпе бесплодных слов...
Иди вперед... прощай другим пороки,
Пусть жизнь твоя примером будет им,
И делом ты и подвигом святым
Заставишь чтить и понимать уроки.
Ты мир пройдешь поросшею стезей,
Но не бледней пред тайной клеветою,
Не обличай пред наглою толпою
Борьбу души невольною слезой.
Будь выше ты бессмысленного мненья...
И люди, верь, прочтут с благоговеньем
В глазах твоих спасительный упрек...

Я знаю сам, трудна твоя дорога,
Но радостно по ней итти вперед;
Тебя не звук хвалы кимвальной ждет,
Но милость праведного бога! . .
Когда я в мир заветный отойду,
Когда меня не будет больше с вами,
Не брошу вас, я к вам еще прийду,
И внятными, знакомыми словами
К отчету вас я строго призову.
От вас мои иль вечные страданья,
Иль вечное блаженство — все от вас.
Исполните надежды и призванье,
И труд земной пройдет как день, как час
Для нераздельного небесного свиданья.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ДУМА

Меня жалеть? О люди, ваше ль дело?
Не вами мне назначено страдать.
Моя болезнь, разрушенное тело —
Есть жизни след, душевных сил печать.
Когда я был младенцем в колыбели,
Кто жизни план моей вершил,
Тот волю, мысль, призвав к высокой цели,
У юноши надменного развил.
Среди молений и проклятий,
Средь скопища пирующих рабов,
Под гулами убийственных громов
И стонами в крови лежащих братий, —
Я встретил жизнь, взошла заря моя.
Тогда я не горел к высокому любовью,
Великих тайн постигнуть не желал,
Не жал руки гонимому украдкой
И золотой надежды сладкой
Жильцу темницы не вливал.
Но для меня свет свыше просиял!
И все, что мне казалося загадкой,
Упрек людей болезненно сказал...
Тогда пришла пора безмолвного страданья.
Но что ж? Страданья сладки мне, когда
любовь им мать,
И я за целый век безумного веселья
Мгновенья скорбного не соглашусь отдать.
Не для себя я в этом мире жил,
И людям жизнь я щедро раздарил,
Не злата их — я ждал одной улыбки.
И что ж? Как парий, встретил я

Везде одни бледнеющие лицы,
И друг и брат не смог узнать меня.
Но для меня блистал прекрасный луч денницы,
Как для других людей;
Я вопрошал у совести моей
Мою вину — она молчала...
И светлая заря в душе моей сияла.
И помню я моих судей,
Их смех насильственный, их лицы,
Мрачнее стен моей темницы,
И их значительный вопрос:
«Ты людям славы зов мятежный,
Твой ранний блеск, твои надежды
И жизнь цветущую принес...
Что ж люди?..» —

«Когда гром грянул над тобою,
Где были братья и друзья?
Раздался ль внятно за тебя
Их голос смелый под грозою?» —

«Нет, их раскрашенные лицы
И в счастьи гордое чело
При слове «казни и темницы»
Могильной краской повело».

И что ж от пламенных страстей,
Надежд возвышенных желаний,
Мольбы и набожных мечтаний
В душе измученной моей
Осталось? Познанье верное людей,
Жизнь без желаний, без страстей,
Все та же воля как закон,
Давно прошедшего забвенье
И пред могилой тихий сон.

Но добродетель! Где ж непрочный
Гордый храм, твои жрецы,
Твои поклонники-слепцы
С обетом жизни непорочной?

Где мой кумир и где моя
Обетованная земля?
Где труд тяжелый, но бесплодный?
Он для людей давно пропал,
Его никто не записал.

И человек к груди холодной
Тебя как друга не прижал.
Давно несу я в сердце камень,
Никто, никто его не приподнял,
Но странника всегда одушевлял
Высокий дух, страстей заветный пламень.
Там, за вершинами Урала,
Осталось все, что дух живило мой —
Мой светлый мир, — я внес в Сибирь с собой
Лишь муки страшные Тантала.
И жизнь моя прошла, как метеор.
Мой кончен путь, конец борьбе с судьбою.
Я выдержал с людьми опасный спор —
И падаю пред силой неземною!
К чему же мне бесплодный плач людей?
Пред ним отчет мой кончен без ошибки.
Я жду не слез, не скорби от друзей,
Но одобрительной улыбки!

〈1872〉

А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

Александр Александрович Бестужев (псевдоним — Марлинский) оставил в истории русской литературы заметный след и как критик-публицист, и как поэт, и как прозаик, и, наконец, как издатель (совместно с Рылеевым) знаменитых альманахов «Полярная звезда».

Александр Бестужев родился в 1797 г. Литературную работу он начал переводами в 1818 г. Вскоре он завязал тесные связи с петербургскими передовыми политическими и литературными деятелями. Он получил известность как смелый и независимый писатель, в прозаических, стихотворных, критических произведениях выступавший против всяких проявлений косности и реакции. Среди стихов этих лет выделяется его обличительное стихотворение «Подражание первой сатире Буало», запрещенное цензурой. В 1821 г. Бестужев напечатал свое первое большое произведение — повесть «Поездка в Ревель». В 1822 г. он познакомился с Рылеевым и вскоре вступил в тайное Северное общество.

В альманахах «Полярная звезда» Бестужев, кроме повестей, печатал замечательные для своего времени критические статьи, которые заключали в себе обзоры развития русской литературы и в эзоповской форме выдвигали задачу подчинения литературы требованиям освободительной борьбы. Вместе с Ф. Н. Глинкой и К. Ф. Рылеевым Бестужев был одним из руководителей Вольного общества любителей российской словесности и содействовал превращению этой организации в легальный орган декабристского влияния на литературу.

В тайном обществе Бестужев, так же как и Рылеев, пришел к республиканской программе. Вместе с ним он написал агитационные песни (см. их в разделе сборника, посвященном Рылееву).

После 14 декабря Бестужев был приговорен к 20 годам каторжных работ, замененных ссылкою в Сибирь. В 1829 г. он был отправлен рядовым солдатом в действующую армию на Кавказ.

В якутской ссылке, а затем на Кавказе Бестужев продолжал писать. Его стихи, в большинстве своем, автобиографичны: это стихи о судьбе декабриста. В 1828 г. без имени автора было напечатано отдельное издание первой главы его стихотворной повести «Андрей Переяславский». С 1830 г., сначала под инициалами «А. М.», а затем под псевдонимом «А. Марлинский» стали печататься прозаические повести Бестужева («Испытание», «Лейтенант Белозор», «Фрегат Надежда» и др.), принесшие ему огромный читательский успех. Однако, пережив свое второе рождение как писателя, Бестужев продолжал быть «государственным преступником», ссыльным солдатом. Исключительная храбрость, которую он проявлял в боях, не привела к улучшению его тягчайшего положения.

В 1837 г. Бестужев погиб при занятии русскими войсками мыса Адлер на Черноморском побережье Кавказа.

ПОДРАЖАНИЕ ПЕРВОЙ САТИРЕ БУАЛО

Бегу от вас, бегу, Петропольские стены,
Сокроюсь в мрак лесов, в пещеры отдаленны,
Куда бы не достиг коварства дикий взор
Или судей, писцов и сыщиков собор.
Куда бы ни хвастун, ни лжец не приближался,
Где б слух ни ябедой, ни лестью не терзался.
Бегу! Я вольности обрел златую нить.
Пусть здесь живет Дамон, — он здесь умеет жить.
За деньги счастия не редким став примером,
Он из-за стойки в час возникнул кавалером.
Пусть Клит живет, его коммерчески дела
Французов более нам причинили зла.
Иль Граблев, коего бесчинства всем знакомы,
Ивана Каина могли б умножить томы,
Иль доблестный одной дебелостью Нарцис
Пускай меняет здесь сиятельных Лаис.
Пусть к пагубе людей с друзьями записными
Понт счастье пригвоздил за картами своими.
Пусть Грей, любя одни российские рубли,
Катоном рядится отеческой земли.
Везде, хваля себя, твердит: «Чтоб жить безбедно,
Нам щит невежество, нам просвещенье вредно».
Таким людям житье в продажной стороне.
Но мне здесь жить? к чему? И что здесь делать мне?
Могу ль обманывать: могу ли притворяться?
Нет! К возвышению постыдно пресмыкаться.
Свободен мыслями, хоть скованный судьбой,
Не променяюсь я за выгоды душой.
Не захочу, на крест иль чин имея виды,
Смывать забвением вельможные обиды

Иль продавать на зло и вкусу и ушам
Тому, кто больше даст, стиховный фимиам!
Служить любовникам не ведаю искусства
И знатных услаждать изношенные чувства;
Я отдаю товар, каков он есть, лицом:
Осла ослом зову, Бибриса — подлецом.
За то гоним, забыт, в несчастной самой долс,
Богат лишь бедностью, скитался в Петрополе.
Скажи, к чему, теперь я слышу, говорят,
Слинявшей мудрости цинический наряд?
Сей добродетели обуховской больницы
Давно, весьма давно не носят средь столицы.
«Высокомерие — законно богачам,
А гибкость, рабство, лесть приличны беднякам.
Сим только способом бессребренны поэты
Исправить могут зло их мачехи-планеты».
Так! в наш железный век фортуна-чародей
Творит директоров из глупых писарей.
Злорада, например, на смех, на диво свету
С запяток в пышную перенесла карету
И, золотым шитьем сменивши галуны,
Ввела и в честь и в знать умильностью жены.
Теперь он, пагубным гордясь законов знаньем,
Упитан грабленым соседей достояньем,
С сверкающих колес стихиею своей
Из милости грязнит достойнейших людей.
Меж тем как Персий наш пешком повсюду рыщет
И обонянием чужих обедов ищет;
С бесценным даром сим для авторов знаком,
По дыму трубному спешит из дому в дом.
Конечно, Росский Тит, в наградах справедливый,
Вплетая в лавр побед дельфийские оливы,
Гордыню разгромив, с Европой бедных муз
Рукою благости освободил от уз.
Астреи могут ждать теперь наук пенаты,
Наш Август царствует, — но где же Меценаты?
Опорой слабого кто здесь захочет быть?
Притом возможно ли дорогу проложить
Сквозь тысячи писцов, искателей голодных,
Сих жалких авторов восторгов всенародных,
На коих без заслуг струится дождь щедрот:
Шмели у плеч всегда их расхищают сот.

Престанем же наград лелеять ожиданье, —
Без покровителей напрасно дарованье.
Ужель не видим мы Боянов наших дней,
Влачащих жизнь свою без денег, без друзей,
Весной без обуви, а в зиму без шинели,
Бледней, чем схимники в конце страстной недели.
И получающих в награду всех трудов
Насмешки, куплены ценой своих стихов,
На коих, потеряв здоровье и именье,
Лишь в смерти обретать от бедности спасенье.
Иль, за долги в тюрьме простершись на досках,
Без хлеба в жизни сей бессмертья ждать в веках.
На авторов давно прошла у знатных мода,
И лучший здесь поэт, честь русского народа,
Вовеки будет чтим с шутами наравне.
Ступай в подьячие, там счастье, — шепчут мне.
Неужель должен я, наскучив Аполлоном,
Как прежде рифмами, — теперь играть законом
И локтями сметать чернильные столы?
Как? чтобы я, сменив корысть на похвалы,
В хаосе крючкотворств бессмысленных блуждая
И звоном золота невинность заглушая,
Для сильных стал весы Фемиды уклонять,
По правде белое — по форме черным звать?
И в справках вековых, в сношениях напрасных
Бесстыдно волочить просителей несчастных?
Скорей, чем эта мысль мне в голову придет,
В июне месяце Неву покроет лед.
Скорей луна светить в подлунную устанет,
Графов писать стихи, злословить Клит престанет,
И Трусова скорей узнают храбрецом,
Чем я решусь сидеть в палатах за столом.
Почто же медлить здесь? Оставим град развратный,
Не добродетелью — лишь зданиями знатный,
Где дерзостный порок деяний всех вождем
С заслугой к счастию идут одним путем,
Коварство кроется в куреньях тонкой лести,
Где должно почести купить ценою чести,
Где под личиною закона изувер,
В почтеньи истину скрывая тьмой химер,
Где гнусные ханжи и набожны прелесты
Нинопы дух таят под покрывалом Весты,

Где роскоши одной является успех,
Наука ж, знание в презрении у всех
И где к их пагубе взнесли чело строптиво
Искусство: красть умно, а угнетать учтиво,
Где беззаконно все, и мне велят молчать,
Но можно ли с душой холодной ободрять
Столичных жителей испорченные нравы?
И кто в улику им, путь указуя правый,
Не изольет свой гнев в бесхитростных стихах.
Нет! Чтоб сатирою вливать порочным страх,
Не нужно кротких муз ждать вдохновенья с неба, —
Гнев справедливости, конечно, стоит Феба.
Потише, вопиют, вотще и остроты
И град блестящих слов пред ними сыплешь ты.
Взойди на кафедру, шуми с профессорами
И стены усыпляй моральными речами.
Там — худо ль, хорошо ль — всё можно говорить.
Так, мня грехи свои насмешками прикрыть,
Смеются многие над правдою и мною
И с ложным мужеством под ранней сединою,
Чтоб в бога веровать, ждут лихорадки в дом,
Но бледны, трепетны, внимая дальний гром,
Скучают небесам безверными мольбами.
И в ясны дни, смеясь над бедными людями,
Терпите, думают, лишь было б нам легко;
Далеко от царя, до бога высоко!
Но я, уверен быв, что для самой фортуны
Хоть дремлют, но не спят каратели перуны,
От развращения спешу себя спасти.
Роскошный Вавилон! В последнее прости.

<1819>

К НЕКОТОРЫМ ПОЭТАМ

О вы, сподвижники мои и образцы!
Столь многих мелочей тяжелые творцы;
Премаленьких стишков, комедий преогромных,
Идиллий, песенок, трагедий многотомных,
Что пародиями вся публика зовет, —
Хоть смотрит, но труда прочесть их не берет, —
Вы, кои прихотью затейливые музы —
Поэтов стран чужих куете в русски узы, —
Вы торжествуете! вам дерзновенье — щит,
Вкус ложный царствует, талант — в пыли лежит.
С непросвещенными давно ли здесь умами
Мы восхищалися Державина стихами?
Давно ль Фонвизину театр рукоплескал?
Давно ли Дмитриев гармонией пленял?
Но вам благодаря, на высотах двухолмных,
Мы судим иначе поэтов многословных:
Теперь Глупениус взял верх над Княжниным
И Мевия зовут Горацием вторым.
И словом, все жильцы пермесской колыбели
Судить самих себя архонтами засели;
В таланты жалуют, бессмертие дают;
А гениев у нас и куры не клюют!
Блаженны времена, украшенные вами,
Обильны славными ничтожества трудами,
Смотрите, радуйтесь, как в недре двух столиц
Питомцы Фебовы и девяти сестриц,
В сомнамбулическом жару летя за славой,
Поправ пятою вкус, грамматику, ум здравой,
Стремятся гению неведомой стезей
На верх Парнасских гор бестрепетной стопой,

И, там собравшися ревущею ватагой,
Бутят храм памяти измаранной бумагой.
О други! сам восторг мне речь сию внушил!
Он к подражанию в меня охоту влил.
Бросаю автора застенчивость меж нами:
Я стою равными венчаться похвалами —
Подобно вам, друзья, и я пишу стихи,
Чтоб рифмою прикрыть невежества грехи.
Мы в многом разнимся, но в главном очень сходны:
И ваши и мои творения негодны.
Лишь превращению благодаря в умах,
Теперь плывете вы на полных парусах
В залив бессмертия, под флагами забвенья.
От вас жалеет мир о выдумке тисненья;
Журналы, зрители, чтецы трепещут вас...
Но дребезжащий мой слабеет хвальный глас!
Прославить может ли бесценных ряд творений
Едва из скорлупы рождающийся гений?
Но к ободрению ревнуя чуждых дел,
Для вашего венца я лавр сыскать хотел
И тщетно пробегал долины Геликона;
Там люди самого испорченного тона:
Державин, Дмитриев, Жуковский и Крылов,
Там автор Душеньки, там Карамзин, Костров...
Давно уж вырвали не только лавры — розы,
Оставивши для вас репейник, плющ и *лозы*.

<1819>

* * *

Близ стана юноша прекрасный
Стоял, склонившись над рекой,
На воды взор вперивши ясный,
На лук опершися стальной.

Его волнистыми власами
Вечерний ветерок играл,
Свет солнца с запада лучами
В щите багряном погасал.

Он пел: «Вы, ветерки, летите
К странам отцов, к драгой моей,
Что верен был всегда, скажите,
Отчизне, славе, чести, ей.

Отечество и образ милой
В боях меня воспламенят,
Они своей чудесной силой
Мне в грудь геройства дух вселят.

Когда ж венец побед лавровый
Повергну я к стопам драгим,
Любовь мне будет славой новой,
Блаженство, коль еще любим.

Но, может, завтра ж роковая
Меня в сраженьи ждет стрела,
Паду и сам, других сражая,
Во прах на мертвые тела.

Тогда вы, ветерки, летите
К любезной сердцу с вестью сей,
Что за отчизну пал, скажите,
Для славы, для драгой моей».

Умолк! Лишь лука тетивою
Вечерний ветерок звучал,
И уж над станом и рекою
Луны печальный свет блистал.

<1818—1819>

‹ЭПИГРАММА НА ЖУКОВСКОГО›

Из савана оделся он в ливрею,
На ленту променял лавровый свой венец,
Не подражая больше Грею,
С указкой втерся во дворец —
И что же вышло наконец?
Пред знатными сгибая шею,
Он руку жмет камер-лакею.
Бедный певец!

‹1824—1825›

ЧЕРЕП

Was grinsest du mir hohler Schedel her?
Als dass dein Hirn wie meines einst verwirret,
Den leihten Tag gesucht und in die Dämmerungschwer
Mit dust nach Wahrheit, jämmerlich geirret!

Goete's Faust.[1]

Кончины памятник безгробной!
Скиталец-череп, возвести:
В отраду ль сердцу ты повержен на пути
Или уму загадкой злобной?

Не ты ли — мост, не ты ли — первый след
По океану правды зыбкой?
Привет ли мне иль горестный завет
Мерцает под твоей ужасною улыбкой?

Где утаен твой заповедный ключ,
Замок бессмертных дум и тленья?
В тебе угас ответный луч,
Окрест меня туман сомненья.

Ты жизнию кипел, как праздничный фиал,
Теперь лежишь разбитой урной,
Венок мышления увял,
И прах ума развеял вихорь бурной!

---

[1] <Что хочешь сказать ты мне, пустой череп, скаля на меня свои зубы? Не то ли, что, подобно мне, мозг твой смущенно искал лучшего и, теряясь в потемках, жалким образом заблуждался в жадном стремлении к истине! *Гете. «Фауст»*>.

Здесь думы в творческой тиши
Роилися, как звезды в поднебесной,
И молния страстей сверкала из души,
И радуга фантазии прелестной.

Здесь нежный слух вкушал воздушный пир,
Восхищен звуков стройным хором,
Здесь отражался пышный мир,
Бездонным поглощенный взором.

Где ж знак твоих божественных страстей,
И сил, и замыслов, грань мира облетевших?
Здесь только след презрительных червей,
Храм запустения презревших!

Где ж доблести? Отдай мне гроба дань,
Познаний светлых темный вестник!
Ты ль — бытия таинственная грань?
Иль дух мой — вечности ровесник?

Молчишь! Но мысль, как вдохновенный сон,
Летает над своей покинутой отчизной,
И путник, в грустное мечтанье погружен,
Дарит тебя земле мирительною тризной.

<1828>

ТОСТ

Вам, семейство милых братий,
Вам, созвездие друзей,
Жар приветственных объятий
И цветы моих речей!
Вы со мной — и лед сомненья
Растопил отрадный луч,
И невольно песнопенья
Из души пробился ключ!
В благовонном дыме трубок,
Как звезда, несется кубок,
Влажной искрою горя —
Жемчуга и янтаря,
В нем, играя и светлея,
Дышит пламень Прометея,
Как бессмертия заря!
Раздавайся ж, клик заздравной,
Благоденствие, живи
На Руси перводержавной,
В лоне правды и любви!
И слезами винограда
Из чистейшего сребра
Да прольется ей услада
Просвещенья и добра!
Гряньте в чашу звонкой чашей,
Небу взор и другу длань,
Вознесем беседы нашей
Умилительную дань!
Да не будет чужестранцем
Между нами бог ланит,
И улыбкой и румянцем

Нас здоровье озарит;
И предмет всемирной ловли —
Счастье резвое тайком
Да слетит на наши кровли
Сизокрылым голубком!
Чтоб мы грозные печали
Незаметно промечтали,
Возбуждаемы порой,
На веселье и покой!
Да из нас пылает каждой,
Упитав наукой ум,
Вдохновительною жаждой
Правых дел и светлых дум;
Вечно страху неприступен,
Вечно златом неподкупен,
Безответно горделив
На прельстительный призыв!
Да украсят наши сабли
Эту молнию побед,
Крови пламенные капли
И боев зубчатый след!
Но, подобно чаше пирной
В свежих розанах венца,
Будут искренностью мирной
Наши повиты сердца!
И в сердцах — восторга искры,
Умиления слеза,
И на доблесть чувства быстры,
И порочному — гроза!
Пусть любви могущий гений
Даст нам звездные цветы
И перуны вдохновений
В поцелуе красоты!
Пусть он будет, вестник рая,
Нашей молодости брат,
В пламень жизни подливая
Свой бесценный аромат,
Чтобы с нектаром забвенья
В тихий час отдохновенья
Позабыть у милых ног
Меч, и кубок, и венок.

<Февраль 1829>

ОСЕНЬ

Пал туман на море синее,
Листопада первенец,
И горит в алмазах инея
Гор безлиственный венец.

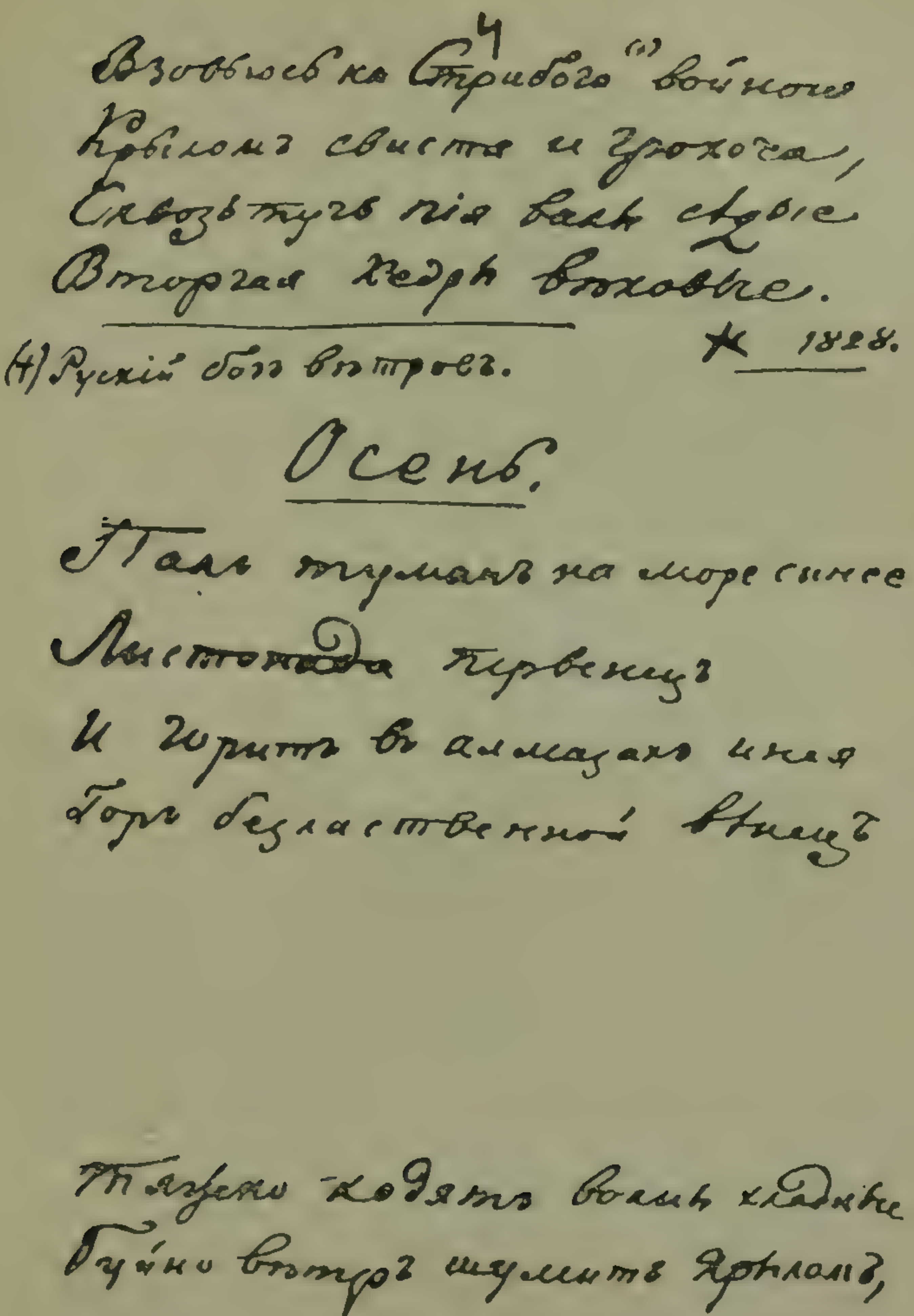
Тяжко ходят волны хладные,
Буйно ветр шумит крылом.
Только вьются чайки жадные
На помории пустом.

Только блещет за туманами,
Как созвездие морей,
Над сыпучими полянами
Стая поздних лебедей.

Только с хищностью упорною
Их медлительный отлет
Над твердынею подзорною
Дикий беркут стережет.

Все безжизненно, безрадостно
В померкающей дали,
Но страдальцу как-то сладостно
Увядание земли.

Как осеннее дыхание
Красоту с ее чела,
Так с души моей сияние
Длань судьбины сорвала,


Взовьюсь на Стрибого(1) войною
Крыломъ свистя и грохоча,
Сквозь тучь пія вали седые
Вторгая кедры вѣковые.

(1) Руский богъ вѣтровъ.

★ 1828.

Осень.

Палъ туманъ на море синее
Листопада первенцъ
И горитъ въ алмазахъ инея
Горъ безлиственной вѣнецъ

Тяжело ходятъ волны хладные
Буйно вѣтръ шумитъ крыломъ,

Автограф стихотворения А. Бестужева-Марлинского «Осень».

В полдень сумраки вечерние —
Взору томному покой,
Общей грустью тупит терние
Память родины святой!

Вей же песней усыпительной,
Перелетная метель,
Хлад забвения мирительной,
Сердца тлеющего цель!

Между мною и любимого
Безнадежное: прости!
Не призвать невозвратимого,
Дважды сердцу не цвести.

Хоть порой улыбка нежная
Озарит мои черты:
Это радуга наснежная
На могильные цветы!

<1829>

В ДЕНЬ ИМЕНИН

Ал. ПВ. М . . . . . Й

Невольный гость в краю чужбины,
Забывший свет, забывший лесть,
Желал бы вам на именины
Цветов прелестнейших поднесть:
Они — дыханию услада,
Они — веселие очей.
При них бы мне писать не надо
Вам поздравительных речей:
Желанье счастья без печали
В цветах вы сами б угадали...
Но — ах! — якутская весна
Не зелена и не красна!
И здешний май, холодной, дикой,
Одной подснежною брусникой,
А не лилеями богат.
Природа спит, и в поле целом
Я разжился одним пострелом,
А я слыхал, такой наряд
На именины не дарят.
Итак, по воле и неволе
Пришлось приняться за перо,
Хоть я забыл в угрюмой доле
Писать забавно и пестро.
Примите ж это благосклонно
И в шуме праздничного дня
Не осудите вы меня
За мой привет простой и сонной.
В нем правда — каждая черта;
Притом же ваша доброта

По слуху, по сердцу и дома
И вчуже страннику знакома...
В краю зимы и дружбы зимной,
Поверьте, только вы одне,
Ваш разговор гостеприимной
Напоминал друзьям и мне
О незабвенной стороне.
О, будь же добродетель та же
И с нею брат ее — покой,
Как неизменный часовой,
У сердца вашего на страже;
Да никакой печали тень
Не хмурит тихий свет забавы,
И, проводив веселый день,
Поутру встанете вы здравы...
Да будут ясны ваши сны,
Как небо южныя весны,
И необманчивы надежды,
И перед вами все невежды,
По крайней мере, хоть скромны;
Совет подруги чист и верен,
Знакомых круг не лицемерен,
Не утомителен бостон,
Ни бальных скрипок рев и стон!
Когда ж на берега великой,
На берега моей Невы,
Покинув край морозов дикой,
Стрелою пролетите вы,
Да встретят путницу родные,
Беспечной юности друзья
И все по сердцу не чужие,
И вся родимая семья
Благополучны и здоровы,
И пылки, и разлукой новы,
И смех, и радость, и расспрос,
И сладкий дождь свиданья слез!!
Зачем же, искра упованья —
Дожить до сладкого свиданья, —
В груди моей погасла ты?
Но я ступил из-за черты
Сорокаверстного посланья.
И мне и вам унять пора

Болтливость моего пера,
Но знайте: это все сначала
По пунктам истина скрепляла,
Хоть неподкупна и строга;
Тут не сплетал из лести кружев
Ваш всепокорнейший слуга

. . . . . .

1829 г. Мая 18

ШЕБУТУЙ

(ВОДОПАД СТАНОВОГО ХРЕБТА)

Стенай, шуми, поток пустынной,
Неизмеримый Шебутуй,
Сверкай от высоты стремнинной
И кудри пенные волнуй!

Туманы, тучи и метели,
На лоне тающих громад,
В гранитной зыбля колыбели,
Тебя перунами поят.

Но, пробужденный, ты, затворы
Льдяных пелен преодолев,
Играя, скачешь с гор на горы,
Как на ловитве юный лев.

Как летопад из вечной урны,
Как неба звездомлечный путь,
Ты низвергаешь волны бурны
На халцедоновую грудь;

И над тобой краса природы,
Блестя, как райской птицы хвост,
Склоняет радужные своды,
Полувоздушных перлов мост.

Орел на громовой дороге
Купает в радуге крыле,
И серна, преклоняя роги,
Глядится в зе́ркальной скале.

А ты, клубя волною шибкой,
Потока юности быстрей,
То блещешь солнечной улыбкой,
То меркнешь грустию теней.

Катись под роковою силой,
Неукротимый Шебутуй!
Твое роптанье — голос милой;
Твой ливень — братний поцелуй!

Когда громам твоим внимаю
И в кудри льется брызгов пыль —
Невольно я припоминаю
Свою таинственную быль...

Тебе подобно, гордой, шумной,
От высоты родимых скал,
Влекомый страстию безумной,
Я в бездну гибели упал!

Зачем же моего паденья,
Как твоего паденья дым,
Дуга небесного прощенья
Не озарит лучом своим!

О жребий! если в этой жизни
Не знать мне радости венца —
Хоть поздней памятью обрызни
Могилу тихую певца.

1829. Май

РАЗЛУКА

О дева, дева,
Звучит труба!
Румянцем гнева
Горит судьба!
Уж сердце к бою
Замкнула сталь,
Передо мною
Разлуки даль.
Но всюду, всюду,
Вблизи, вдали,
Не позабуду
Родной земли;
И вечно, вечно —
Клянусь, сулю! —
Моей сердечной
Не разлюблю.
Ни лень истомы,
И страх, и месть,
Ни битвы громы,
Ни славы лесть,
Ни кубок пенной,
Ни шумный хор,
Ни девы пленной
Манящий взор. . .
. . . . . .

<1829>

ЧАСЫ

И дум и дел земных цари,
Часы, ваш лик сияет страшен
В короне пламенной зари,
На высоте могучих башен,
И взор блюстительный в меди
Горит, неотразимо верной,
И сердце времени в бесчувственной груди
Чуть зыблется приливом силы мерной.
Оживлены чугунною стрелой,
На вас таинственные роки,
И оглашает вещий бой
Земле небесные уроки.
Но блеск, но голос ваш для ветреных племен
Звучит и озаряет даром,
Подобно молнии неведомых письмен,
Начертанных пред Валтасаром.
«Летучее мгновение лови, —
Поет любимцу голос лести, —
В нем золото и ароматы чести,
Последний пир, свидания любви
И наслажденья тайной мести».
И в думе нет, что упований прах
Дыханье времени уносит,
Что каждый маятника взмах
Цветы неверной жизни косит.
Заботно времени шаги считает он
И бой к веселию призывный,
Еще не смолк металла звон,
А где же ты, мечты поклонник дивный?

А. А. Бестужев-Марлинский

Акварель Н. А. Бестужева, 1828 год

Окован ли безбрежный океан
Венцом валов, минутной пеной?
Детям ли дней дался победный сон
Над волей века неизменной?
Безумен клик «хочу — могу».
Вознес Наполеон строптивую десницу,
Сдержать мечтая на бегу
Стремимую веками колесницу...
Она промчалась! Где ж твой меч,
Где прах твой, полубог гордыни?
Твоя молва — оркан пустыни,
Твой след — поля напрасных сеч.
Возникли светлые народов поколенья,
И внемлют о тебе сомнительную речь
С улыбкой хладного презренья.

<1829>

СОН

Зачем зарницею без гула
Исчезла ты, любви пора,
И птичкой юность упорхнула
В невозвратимое «вчера»?
Давно ль на юношу, давно ли,
Обетом счастия горя,
Цветами радости и воли
Дождила светлая заря?
Давно ль с родимого порога
Сманила жизнь на пышный пир
И, как безгранная дорога,
Передо мной открылся мир?
И случай, преклоняя темя,
Держал мне золотое стремя,
И, гордо бросив повода,
Я поскакал туда, туда! . .
Летим — сорвал бразды шелковы
Неукротимый конь судьбы,
И брызжут пламенем подковы,
Гремя о плиты и гробы.
Я обезумел, воздух свищет —
Все вдаль и вдаль, надежда прочь.
И вот на нас упала ночь,
И под скалою бездна прыщет,
Над головой расшибся гром,
И конь и всадник, прянув с края,
Кусты и глыбы отрывая,
В пучину ринулись кольцом.
Замлело сердце! Вихрь кончины
Мне обуял и взор и ум.

Раздавлен на брегу пучины,
Едва я слышу рев и шум.
Вот набегают грозно, жадно
За валом вал наперерыв;
Уж мой отчаянный призыв
Стихает, залит пеной хладной...
И вдруг с утеса на утес,
Как зверь, поток меня понес
. . . . . .

Очнулся я от страшной грезы,
Но все душа тоски полна,
И мнилось — гнут меня железы
К веслу убогого челна.
Вдаль отуманенным потоком,
Меж сокрушающихся льдин,
Заботно озираясь оком,
Плыву я, грустен и один.
На чуждом небе тьма ночная;
Как сон, бежит далекий брег,
И, шуму жизни чуть внимая,
Стремлю туда невольный бег,
Где вечен лед и вечны тучи,
И вечносеемая мгла,
Где жизнь, зачахнув, умерла
Среди пустынь и тундр зыбучих,
Где небо, степь и лоно вод
В безрадостный слияны свод,
Где в пустоте блуждают взоры
И даже нет стопе опоры!
Плыву. На тихом сердце хлад,
Дремотой лени тяжки вежды,
И звезды искрами надежды
В угрюмом небе не горят.
Забвенья ток меня лелеет,
Мечта уснула над веслом,
И время в тихий парус веет
Своим мирительным крылом.
Все мертво у меня кругом...
И близко бездна океана
Белеет саваном тумана.

1829

К ОБЛАКУ

Куда столь быстро, и легко,
И гордо, и прелестно
Ты пролетаешь, облачко,
Скиталец поднебесный?

Земли бездомное дитя,
Игралище погоды,
Напрасно, радугой блестя,
Ты, радостью природы!

Завоет вихрь, взметая прах —
И ты из лона звездна
Дождем растаешь на степях
Бесславно, бесполезно! . .

Блести; лети на ветерке,
Подобно нашей доле —
И я погибну вдалеке
От родины и воли!

1829. Якутск

ОЖИВЛЕНИЕ

Чуть крылатая весна
Радостью повеет,
Оживает старина,
Сердце молодеет;
Присмирелые мечты
Рвут долой оковы,
Словно юные цветы
Рядятся в обновы,
И любви златые сны,
Осеняя вежды,
Вновь и вновь озарены
Радугой надежды.

<1829>

ПРИПИСКИ К БОГАТОМУ НАДГРОБИЮ В БЕДНОСТИ УМЕРШЕГО ПОЭТА

Не спас от нищеты полет орлиных крил,
Ни песней дар, ни сердца пламень!
Жестокие! У вас он хлеба лишь просил,
Вы дали — камень.

<1831>

ЭПИГРАММА

Люблю я критика Василья —
Он не хватает с неба звезд.
Потеха мне его усилья
Могущих дум замедлить рост:
Вороне мил павлиний хвост,
Но страшны соколины крылья!

<1831>

ПОЭТАМ

АРХИПЕЛАГА НЕЛЕПОСТЕЙ, В МОРЕ ПУСТОЗВУЧИЯ

Печальной музы кавалеры!
Признайтесь: только стопы вы
Обули в новые размеры,
Не убирая головы!

И рады, что нашли возможность,
На разум века несмотря,
Свою распухлую ничтожность
Прикрыть цветами словаря!

‹1832›

* * *

Я за морем синим, за синею далью
Сердце свое схоронил.
Я тоской о былом ледовитой печалью,
Словно двойной нерушимою сталью,
Грудь от людей заградил.

И крепок мой сон. Не разбит, не расколот
Щит мой. Но в мраке ночей
Мнится порой, расступился мой холод
И снова я ожил, и снова я молод
Взглядом прелестных очей.

<1834>

ЗАБУДЬ, ЗАБУДЬ

КН. Н. У***

28 авг. 1835 г.
Пятигорск.

Ты улетаешь, ангел света,
И свет души уносишь ты,
Но не зальет годами Лета
Тобой зажженные мечты.

А я бы жаждал в тьме забвенья,
В холодной бездне утонуть.
О сердце! Милое виденье
Ты навсегда забудь, забудь!

Запомни сладость первой встречи,
И негой думы полный взор,
И ум чарующие речи,
И голос — ключ певучий гор!

Нет, не падет росой целебной
Слеза прощальная на грудь.
Забудь, о сердце, сон волшебной —
И навсегда забудь, забудь...

АНДРЕЙ, КНЯЗЬ ПЕРЕЯСЛАВСКИЙ

ПОВЕСТЬ[1]

Бывало, чуть ранней зарею востока
Зарумянится вод переливный хрусталь
И сокрытый в лозах над струями потока
Соловей огласит поднебесную даль,
С соколом на руке молодые бояра
Иль со сворой борзых, при златом стремене,
В ловитве носилися, полные жара,
По долам, по горам, на могучем коне.
В палаты княжие сквозь занавес алой
Чуть яркое солнце казало лицо,
Восстав ото сна, князь удельный, бывало,
С дружиною гридней ступал на крыльцо;
Там правду творя виноватым, невинным,
Он в совете бояр и начало — вождей
Судил и рядил по законам старинным,
Допуская народ до пресветлых очей.

ОХОТА

I

Блажен стократ, на чьи зеницы
Дыханье милой сводит сон;
Блажен, кто в сумраке денницы
Приветом друга пробужден!

---

[1] <Здесь приводится вторая глава.>

Световид

Восстань, Роман, от ложа неги,
На утро свежее взгляни!
Твои стрельцы, твои кони
Пришли на новые ночлеги
И жаждут зреть тебя они.
Сияет солнце; манят в поле
Волнистых озимей бразды;
Давно уж песню милой воле
Поют веселые дрозды;
Давно малиновка и чечет
Росой медвяной напились;
Летунья-ласточка щебечет,
Вкруг башен рея вверх и вниз;
Взлетает жавронок игривый
За облака под небосвод
И, новым блеском дня счастливый,
Ловцам заутреню поет.
Но, милый странник мой, готов ли
Делить со мной потеху ловли?

II

Роман

Нет, нет, пленительный ловец
Любовных, дружеских сердец!
Не в темный лес, а к князь Андрею
Веди посланником меня.
В речах судьбу князей храня,
В сей день я мир рукой моею
Скрепить иль разорвать имею.

И вот на пламенном коне,
Блистая в злате, как в огне,
Он едет в шитой однорядке.
За ним стрелков охранный строй,
Развитый лентою цветной,
Летит в торжественном порядке.
Романа за город ведут,
На поле мести, в божий суд.
Но случай, палица и сила

Сраженье совести решила.
И возвращается Андрей
В толпе, над радостным Дунаем,
Один, любовью охраняем,
Без лат, и копей, и мечей.
Не в блеске праздничного хода,
Не в шуме дворской суеты,
Но, как отца в семье народа
У врат суда и правоты,
Посол встречает князь Андрея.
И где, скажите, видел взор
Земных царей дворец иль двор
Сего достойней и пышнее?
Пред князем на землю ступив,
Трикраты голову склонив,
Так говорил боярин смелой:

III

«Князь! Всеволод, Олега сын,
Великий князь и властелин,
И обладатель Руси целой,
Тебе, как брат, любовно шлет
В моем поклоне свой привет!
Он хочет знать, зачем с Дуная
Лишь ты один до сей поры,
Обычай предков презирая,
К нему забыл послать дары?
Но, заключа добро в булате,
Мой князь не думает о злате,
Лишь гневен он, что ты один
К нему не выставил дружин».

Князь Андрей

Боярин! Если б на престоле
Признал я князя твоего,
Я б и тогда княжил по воле,
А не по прихоти его.
Но я ли робко и постыдно,
Забыв родных удел обидной,
Его признаю над собой,

Когда без повода, без нрава,
За Ярополком Вячеслава
С престола свергнул он долой?
Но я ли стану, лицемеря,
Душой играя, целовать
Союза крест, в союз не веря?
Того ль мне братом называть,
Кто Ярополка потаенно
Закинул в плен иноплеменной?

IV

Роман

Нет, нет, Всевладовой души
Презренные обманы чужды!
Бессильный крадется в тиши,
Могучим нет в коварстве нужды.
Твой брат, молвою ослеплен,
Полякам сам отдался в плен.

Князь Андрей

Я верю, я желаю верить,
Что в этом он не виноват;
Но позабыть или измерить
Я не могу, хотя бы рад,
Позор моей обиды кровной...
Мои ли братья, в наши дни,
Иль он зажег вражды огни?

Роман

Соперники невинны ровно,
Хоть розно счастливы они:
Всевлад воздвиг свои знамена,
Как сын старейшего колена,
Он общим гласом киевлян
Главою русичей избран.
И не всегда ль решает снова
Права князей судьбина — сечь,
И не везде ль венца княжова
И предок и наследник — меч?

Князь Андрей

Пускай же будут в деле этом
Твои слова моим ответом:
Когда булат — ему судья,
Когда ему хищенье — слава,
То я могу и должен я
Стоять за честь родного права.

Роман

Давно ль поставили князья
Превыше долга связи рода?
Для них ли русский воевода
Отринет славную войну
За наших праотцев страну?

V

Князь Андрей

Посол! Души своей цену
Заплатим мы за кровь народа!
Для ней не только славу — месть
Забыл я хищнику нанесть.
И знай, что за стенами града
На бой готов, но, мир любя,
Я не восстану на Всевлада,
Ни за него, ни для себя;
Пленен забавою жестокой,
Не поведу я в край далекой
Красу дунайских ратных сил
Искать безвременных могил;
Не заслужу я укоризны,
Когда в пылу замыслит он
Завоевание отчизны,
Чужою силой облечен.

Роман

Питая мужество, напрасно
Он дышит мыслию прекрасной
Заверить русской стороне
Покой оружием извне!
Взгляни, в кичении досуга,

Теперь удельные князья
Воюют братние края,
Куют крамолы друг на друга,
Врагов скликая вновь и вновь,
Как черных воронов на кровь!
Дни поселян миролюбивых
В войнах князей сокращены;
Пылают кровы сел красивых;
По жатвам бродят табуны;
Довольство гибнет, вянут силы,
Растут не грады, а могилы
И близки — в шуме вечных ссор —
Отчизны гибель и позор!
Чтоб удалить сии напасти,
Князей смирить и умирить,
Он хочет Русь соединить
Под крыльями верховной власти.

VI

Князь Андрей

Видал ли ты, как черный дым
За чистым пламенем крутится?
Так властолюбие таится
Под сим намереньем святым.
Конечно, если б муж великой,
Заслугой — родины отец,
Возник над Русью полудикой...
Тогда мой княжеский венец
Я первый бы, как сын покорной,
К его стопам сложил бесспорно.
Но чем, скажи, твой новый князь,
Успехом дерзости гордясь,
Привлек народное вниманье?..
Или за слезы и за кровь
И прав священнейших попранье
Даются вера и любовь?..
Но, расточая лести соты,
Меня ль он уловить хотел
В давно знакомые тенеты
Блестящих слов и черных дел!

Камера декабриста в Петропавловской крепости

Роман

Не послан я с тобой судиться;
Не мне решать, тебе решиться:
В последние тебя зову
Признать Всевлада за главу.

Князь Андрей

В последний раз я отвечаю:
Не признаю и не признаю!
Переяславцам не война,
А дружба Киева страшна!
. . . . . .
. . . . . .

Роман

. . . . . .
. . . . . .
. . .Все так, но что же будет,
Когда мой князь к тебе прибудет
Конями выпоить Дунай. . .

Князь Андрей

За правду бог! Не угрожай! . .
Наутро в мой дворец прибрежный
Я созову бояр в совет —
Скрепить, вручить тебе ответ. . .
. . . . . .
. . . . . .
Решились; более ни слова.

VII

И вот ведут коня лихого
Ясельничие под уздцы.
Вдыхая ветр, он бурей пышет,
Он под собой земли не слышит!
«Стой, птичка, стой!» Недвижим конь;
Узду грызет, ушми играет,
Как будто всаднику внимает,
В глазах покорности огонь,
И князь, трепля по стройной вые,

Берет поводья золотые,
Садится медленно в седло.
Конюший оправляет стремя,
Младой сокольник в то же время
С поклоном сокола дает,
И поезд двинулся вперед.
Красуясь гордыми конями,
Дворяне мерною стопой
Съезжают в улицу рядами,
Гремя по звонкой мостовой.
При ветерке попоны веют,
Одежды радугой пестреют,
Мелькает гридней шумный рой.
Спешат довольные граждане,
В толпе прелестных дев и жен,
У князя доброго заране
Почетный выманить поклон;
И старцы, духом молодые,
С слезами радостных очей
Подъемлют на руки детей
Полюбоваться на Андрея!
Казалось, окна говорят,
Одушевленные народом,
И, голубым колебля сводом,
Благословения летят,
И вторит кликам клик ответной,
Стеной зубчатой отразясь:
«Да вечно здравствует наш князь!»
И в обе стороны приветно
Андрей с улыбкою чела
Склоняется к луке седла,
И, опеняя удила,
Ретивый конь, взвевая гривой,
Меняет ход нетерпеливой.
И всех перевышал Андрей
Красою, крепостию тела;
К нему и жен любовь летела
И упование мужей.
Так манит взор в венце зеленом
Веселие точащий грозд;
Так величаво небосклоном
Восходит месяц в хоре звезд.

VIII

Внимая сердцем глас народной,
С улыбкой скромной добрый князь
И с откровенностью свободной
К Роману молвил, обратясь:
«Хвала народа — мне услада;
И мне ль, Роман, страшиться зол?
Ему опора — мой престол,
А мне любовь его — отрада!
Она всех дел моих печать;
Она умеет услаждать
Мои заботы и досуги».

Роман

. . . . . .
. . . . . .
Прости мне смелость; шумный стан
Меня взлелеял к правде пылкой:
. . . . . .
. . . . . .
И у меня князьям привет
Низать, как жемчуг, дара нет.
Нередко этот шум и клики
Являют странника уму
Дань облачению владыки,
А не порыв любви к нему!

IX

Андрей

Так — не одно с молвою тихой
Молва науличных речей.
. . . . . .
. . . . . .
И лести искуситель — змей,
Даря безвременною славой
За доблести, которых нет,
Не только дел, желаний цвет
Сражает сонною отравой;

Льстецы, как трутней жадный рой,
Из самолюбия, из страха,
Из горсти золотого праха,
Пред князем ползают душой,
Его порочнейшие ковы
Хвалить и совершать готовы.
Их лесть я оценил. Мой двор
По воле и неволе знает,
Что низость князя унижает,
Что без заслуг хвала — укор,
И, веришь ли, порой досуга,
Забыв придворных суету,
Я вырываюсь за черту
Их очарованного круга;
И чувств народных простоту
То вызываю, то внимаю.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Так, в деле правды, верю я,
Враги — нам лучшие друзья!

X

Знак подан; быстрая охота,
Полет готовя соколам,
Рассыпана по берегам
Вблизи дремучего болота;
И взоры всех и мысли там,
И все молчит. Вот пес следничий,
Гонитель злой пернатой дичи,
В поток бросается стремглав;
По тростникам перебираясь,
То перескоками, то вплавь,
Идет, на ловчих озираясь.
Но, лов послыша издали,
Угрюмых тундр жилец пустынный,
Взлетела цапля от земли,
Назад простерши ноги длинны.
Свисток! — и с путою златой

АНДРЕЙ

КНЯЗЬ ПЕРЕЯСЛАВСКІЙ.

ПОВѢСТЬ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1828.

Титульный лист стихотворной повести А. Бестужева-Марлинского издания 1828 г.

Спадают шапочки долой.
Поражены лучом денницы,
Расширив ясные зрачки
И отрясаясь, хищны птицы
Не вдруг кидаются с руки.
И первый сокол князь Андрея,
Добычь узрев издалека,
Стрелой взвился под облака,
Свистящими крылами рея,
Все вверх и вверх — и наконец
Ударил в цаплю, как свинец.
Но скорость силы бесполезной
Встречает клев ее железной,
И с облаков на тихий дол,
Пронзенный, падает сокол.
От Любомира всходит мститель
В воздушную громов обитель,
Смелей, быстрее мысли он;
Несется, плавает кругами,
Стоит... упал... взмахнул крылами,
Бьет снизу вверх — и бой решен!
Роняет цапля кровь и стон
И тихо пред толпою праздной
Падет чертой винтообразной.
Боярин гордый соколу
Похвальные внимает клики,
И восхищенья пламень дикий
Играет по его челу,
И князю о паденьи скором
Он предвещает грозным взором,
Как будто птиц гадальный бой —
Венец победы роковой.

XI

Не мне представить цепью длинной
В живой картине пышных слов
Удачи ловли соколиной
И удальство младых ловцов,
И в дебри дальной и пустынной
Под ясенями древних лет
Княжой охотничий обед!

Как ум гостей, вино сверкало
И, словно радость, утекало,
И вечерел незримо день;
Хладея, солнце развивало
В долинах рóскошную тень.
В обратный путь охота снова
На травлю псовую готова.

Роман и юный Световид
С какой-то негою невольной,
Сдержав коней страны подольной,
Прелестный созерцали вид:
Все тихой радостью дышало,
Улыбкой небо расцветало
И всюду тишина была;
Лишь запоздалая пчела
Свое жужжанье над цветами
Сливала с дальними звонками;
Березы, свившись в хоровод,
Поляну кýпами обстали,
И горлицы, под ропот вод,
В тени дубравной ворковали,
Напоминая сердцу вновь
Покой, и дружбу, и любовь.

XII

Роман

Питомец звучных песнопений!
Не по мечу, по сердцу брат!
Я не дивлюсь, что томный взгляд
Очей твоих являет тени
Блестящих мыслей и видений!
Кого не вспламенит обзор
Твоих величественных гор!

Световид

Так, милый друг, от колыбели
Нагорный звук пленял меня
Пастушьей утренней свирели!

И, чудом отрока маня,
Мне повести и песни пели
О былинáх минувших дней,
О подвигах богатырей.
И я любил во тьме гаданья
Старинных доблестей черты,
Невероятные преданья,
Неисполнимые мечты!
И сладостны и светлы были
Мои в дыхании весны
Очаровательные сны!
Они в тот край меня носили,
Где спеет яблок золотой,
Где вьются райские жар-птицы
И дом русалки молодой,
В волнах растопленной денницы,
Слиян из граней хрусталя;
Цветут рубинами поля,
Овны блуждают златорунны
И неземные дышат струны, —
Все это видя и внемля,
В восторге песней бредил я!

XIII

Я возрастал; мои мечтанья
Росли невидимо со мной.
Мои любимые гулянья
Бывали там, где мрак лесной,
Где гребень гор возник порогом
Пред небожителей чертогом,
Куда носилася душа,
Священным воздухом дыша!
Одолеваем сладкой ленью,
В груди задумчивость тая,
Вод сладкозвучному паденью
Любил прислушиваться я;
Любил сливать напев отзывной
С стенаньем бури заунывной,
С веселой дробью соловья.
Тогда-то к смелым песнопеньям
В груди моей затлелся жар,

Тогда-то развился мой дар,
Мысль окрилять воображеньем,
Давать живой язык страстям,
Сливая в думы голос тайной,
Знакомый пламенным сердцам,
Который тихо и случайно
Из лона жизни, из могил
Певцу понятно говорил.
Восторгом сердце трепетало,
Как ветром сорванный листок,
И думы пламенной поток
Ладами стройно изливало!
И эхо резвое внимало
Мою восторженную грусть
И, повторяя наизусть,
Скалам от скал передавало.
Но песни юности моей,
Моей задумчивой свирели,
Незнаемы умам людей,
Как стаи вольных лебедей,
Зруча, в поднебесье летели,
Или досель кипят оне
В моей сердечной глубине!

XIV

Роман

Итак, пословицы известной
Молва правдива, что певец,
Хотя правдивый и прелестный,
Но, тем не мене, верно, лжец —
И Световида ли напевы
Внушая, не внимали девы!
Да, скромный друг, казалось мне,
Заметил я в одном окне
Красой и статью царь-девицу:
Зачем краснеть? .. Заметил я,
При первом взоре на тебя,
В ее глазах любви зарницу,
И вдруг в твоих слиялся он,
Какой-то негой упоен!

И лишь порою, для отводу,
Скользил небрежно по народу.
И то не скрылось от меня,
Когда, румянцем пламенея,
Ты в гордый скок пустил коня,
Забыв друзей и князь Андрея.
Но ей в поклон едва-едва
Твоя склонилась голова,
Чтоб глаз не свесть ни на мгновенье
С ее стыдливой красоты! . .
Иль друга обмануло зренье,
Иль обольстить желаешь ты! . .

XV

Любовник опытный беспечно
Внимает с холодом очей
Намек о склонности своей,
Хоть рад внимать о милой вечно
И вечно говорить о ней;
Но страсти в пламенные лета
Не знают скромности завета:
Притом в очах была видна
Столь привлекательно ясна
Романа искренность младая,
Не прежней дружбы цепь святая,
А новой чистая вина. . .
И Световид, любовью тая,
Пред гостем сердце пролиял,
Как переполненный фиал.
Он описал прелестной Лады
Очаровательные взгляды
И поступь — к венчику цветка
Прикосновенье ветерка,
И стройный стан, как юный колос,
И сердцу небом звучный голос,
Чело — души прекрасной тень,
И душу, светлую как день;
Он описал любви томленья,
Тоску разлук и негу встреч,
И взоров пламенную речь,
Взаимной страсти откровенья.

XVI

Но — ах! — земные наслажденья
Рок не дает, а продает:
Отец невесты Беловод,
По воле князя — гласу мира —
Сменил во власти Любомира,
И рай утратил Световид
Для мести суетных обид.
«Но пусть, — сказал он, — гнева сила
Десницы наши разлучила,
Без обручального кольца
Неразлучаемы сердца!
И я любовью Лады нежной
Благополучен безнадежной,
Хотя б судьбой мне суждено
Воспоминание одно!
Каким огнем душа пылала,
Когда, склонясь к груди моей,
«Люблю тебя!» — она шептала,
И свет бежал моих очей!
Когда медлительно и страстно
С коральных девственных устен
Я пил дыхание прекрасной,
Немым восторгом упоен!
О мой Роман! Я был блажен! . .
В былом и небо уж не властно!!

XVII

Роман

Так! Воля самая небес
Не усладит минувших слез,
И злой кручины покрывала
Не свеять негою с лица!
Денница лет меня застала
На гробе милого отца!
И не любовью, но печалью,
Облечена военной сталью,

Впервые билась грудь моя;
Она от юности предела
Отчизны ранами болела,
И рано свет изведал я.
Меж тем за правду, за отвагу
В бою, в походе ратных сил
Я с первых лет княжому стягу,
Княжому сердцу близок был,
И наконец под шумом лова
В полях Чернигова родного
Мне душу Всеволод открыл;
Он мне сказал: «Я Русь святую
Люблю, как ты, как ты — ревную!
Мечтой минули времена
Владимира и Святослава,
Когда возникла наша слава,
Неразделимостью грозна.
Но власть князей великих ныне —
Глас вопиющего в пустыне!
И древний меч, противным страх,
Дрожит в бездоблестных руках.
Вождей совета и победы
Не вижу, не предвижу я:
Окрест — могучие соседы,
Внутри — ничтожные князья!
Но мне ль заране править тризну
За пол-умершую отчизну,
Когда, презрев молву и страх,
На благо силой пламенею,
Когда сподвижников имею
В моих бестрепетных друзьях?
Так, мы пойдем! Борьба настанет —
И Всеволод отважно грянет
Копьем в *златые* ворота
И, как рассеянные стрелы,
Соединит князей уделы
Под сенью твердого щита!
Пускай мгновенною грозою,
Пугая Русь, я пролечу,
Но, как гроза, ее омою,
И миру мир произращу!»

XVIII

Я внял, навстречу светлой цели
Мои надежды полетели.
Я знал, что в недре этих дум
Возможность верная таится,
И смелый дух на все решится,
И все решит способный ум.
Тогда на слово и на дело
Я дал обет Всевладу смело
И острый меч и юный век
На службу родины обрек.
О милый друг! Мне тяжко было
Сказать навечное «прости»
Всему, что сладостно и мило,
Что упованью рай сулило...
Ах! Дважды сердцу не цвести!
Любови молненная сила,
Воспламенив, его разбила!
Я мог ли милой посвятить
Отчизне отданную руку,
Иль на печаль и на разлуку
Чужую младость осудить?
О! как мучительно с укором
Приветы нежные внимать
И беззаботно-хладным взором
Слезу любви оледенять,
Когда кипит душа младая,
Пожар страстей утаевая!!!
Терзаем завистию злой,
Я ночи млел на жарком ложе,
И утро восходило тоже
С неразделенною тоской.

XIX

Но наконец, страдалец вольной,
Я сам себя преодолел
И на призыв трубы напольной
С отважным князем полетел,
И павший Киев — наш удел!

В те дни, влеком побед приливом
И пеной славы орошен,
Я мнил, о родине мой сон
Сбывался в подвиге счастливом.
«Все можно в деле справедливом!» —
Был победителя закон.
Но признаюсь, о том сомненье
Лишь только здесь Андрея глас
Во мне посеял в первый раз:
Ужель в огромности спасенье?
Беду ль бедами излечать?
Права ль неправдой водворять?
И для чего мне князь великий
Вчерне Андрея описал,
Когда ему несутся клики
Благодарений и похвал?..
Ужель?.. Но нет, молвой боярства,
Не местью князь мой увлечен!
От юных лет не ведал он
Властолюбивого коварства!»

XX

Световид

Ты сомневаешься, и вот
Неправой службы горький плод!
Конечно, ратникам знамена
Не по избранию даны,
Но это все — не оборона
От тайной с совестью войны!
И я, душой благоговея,
Творца миров благодарю,
Что он возвел мою зарю
Под кроткой властию Андрея!
И за него я кровь пролью,
Утешной верою спокойный:
«Я правде был слуга достойный,
Я пал за родину мою!»
Но где ж охота удалая?..
Внемли, Роман! На первый гон

Раздался доезжачих звон,
И, с дальним лаем лай сливая,
На след напала гончих стая
И в хор согласный залилась.
Наверно, там закинул князь!
По волку гонят; я внимаю:
И «береги» и «улюлю».
Ловцам отрадный шум охоты
Катится в глубь кремнистых гор;
Гудя на радостные ноты,
Скалы заводят звучный спор,
И затихают постепенно
Отзывы ловли отдаленной,
Едва-едва по островам,
Немея, шепчет звук усталой,
И вот по холмам и долам
Молчанье вечера настало!

XXI

Следя звериную войну,
Спешат ловцы на вышину,
Склоненную крутым отвесом
Над темным тополевым лесом.
И вдруг долины в глубину
Влечет невольно их вниманье
То крик, то жалкое стенанье. . .
Они глядят, и в их очах
Из дебри, поднятый облавой,
Язвим рогатиной кровавой,
Медведь ловца низринул в прах.
И нет ему от них спасенья:
Стремниной путь им загражден
И вдаль отводит горный склон,
Слова напрасного моленья
В лесной теряются глуши.
Нигде ни звука, ни души.
Но бог везде! В полет мгновенья,
Как с облаков, упал ездок,
На зверя устремляя скок.
Восстал дубрав властитель черный

И в крови лют, в бою упорный,
Коня когтями ранит в бок;
Спрянул боец; врага встречает,
Одеждой руку пеленает
И вдруг бестрепетную длань
Вонзает в алчную гортань.
Его объемлет зверь свирепый,
Сдвигает мощных лап заклепы;
Но крепкий мех, но ребер медь
Проник булат — и пал медведь!

XXII

Друзья, нежданностью явленья
Устрашены, изумлены,
Развеяв хлад оцепененья,
Потоком скачут с крутизны.
По склону гор лесистым краем
Несутся легким горностаем
И, словно лебедя сыны,
Переплывают быстрины.
И вот узрели пред собою
Неустрашимого бойца:
Он влекся пеш кремней тропою
В крови и бледности лица,
Храня разбитого ловца
В седле заботливой рукою;
И в нем предстал очам друзей
Великодушный князь Андрей!
«Прости, о князь, мое сомненье, —
Воскликнул тронутый Роман, —
Я мнил, что мирное влеченье —
Презренной робости внушенье;
Упал с очей моих туман:
Теперь, погибель презирая,
Никем не видимый, один,
Чего же Мономаха сын
Не совершит, врагов сражая,
Перед лицом своих дружин,
И почему, о вождь избранной,
Ты убегаешь славы бранной?»

XXIII

Князь Андрей

Что слава? Ломкая скудель,
Румянец тленья листопада!
Она — добыча, не награда
И душ и дел, пробивших цель!
Падут владельцы величавы,
И в позолоченных гробах
Сиянье северное славы
Не согревает хладный прах,
Не придает душе покою:
Века тяжелою пятою
Сотрут златые письмена;
Изроет плуг границ обломки,
И нерадивые потомки
Забудут славных имена!
Скажи мне: кто такие были
Вожди бестрепетных славян,
Когда они с полночных стран
Пределы римские громили?
Не то ль мы зрим? Вблизи, вдали,
Окрест великие народы,
Шумя победами, текли
И, как весной нагорны воды,
Исчезли вдруг с лица земли!
Где имя их? Где силы рьяны?
Где слава жажды боевой?
Лишь развевает вихрь степной
Их безответные курганы!
И не про всех поют баяны,
Звезды возвышенной сыны,
И тонут в бездне быстрины
Их мимолетные творенья!

XXIV

Но пусть живые песнопенья
Иль темный летописей глас
Заронят в пепеле забвенья
Хоть искру памяти об нас...
Заплатит ли цену исканий,

Цену кровей в устах преданий
Один припев, один рассказ?
И, может быть, летописатель,
Таясь в глуши монастырей,
Теперь на подвиги князей,
Пристрастный оных наблюдатель,
Наводит лесть, слагает брань,
Друзей народа обесславит,
Злодеев доблестью оправит
И ложную накличет дань
На их главы от поздних братий
Рукоплесканий и проклятий.
Достойно ль жаждать славы сей,
Подруги смелого порока,
Невольницы хотений рока,
Случайной прихоти людей!!
Не ей — общественному благу
Я посвятил мою отвагу,
И лейтесь веки вслед векам
За улетающим мгновеньем!
И смерть по жизненным путям
Запороши мой след забвеньем!
Но если я, в годину тьмы,
Хоть сердце шаткое исправил,
Хотя немногие умы
Любить прекрасное заставил,
Когда лучом душевных сил
Законы правды озарил,
Когда благие увещанья
Иль безупречный подвиг мой
Взойдут незнаемой виной
Великодушного деянья...

XXV

Я не исчез в бездонной мгле,
Но сединой веков юнея,
Раскинусь благом по земле,
Воспламеняя и светлея!
И, прокатясь ключом с горы,
Под сенью славы безымянной,
Столь отдаленной и желанной,

Достигну радостной поры,
Когда, познав закон природы,
Заветный плод, во мгле времян,
Людьми посеянных семян,
Пожнут счастливые народы!
Когда на землю снидут вновь
Покой и братская любовь
И свяжет радуга завета
В один народ весь смертный род.
И вера все пределы света
Волной живительной сольет,
Как море благости и света!
В надежде сей, Роман, познай
Мою сладчайшую отраду,
Мою молву, мою награду,
Мое бессмертие и рай!

XXVI

Умолк. Чело его сияло,
На небо светлый взор летел,
Как будто он сквозь покрывало
Лицо грядущего узрел.
И, внемля речи вдохновенной,
Мечтатель, сердцем восхищенной,
Дань убеждения принес
Невольных, но отрадных слез.

XXVII

Меж тем, покинув поезд шумный,
И нелюдим и одинок,
Доволен тьмой, как сам порок,
Съезжает Любомир злоумный;
И вот спешит к нему ездок,
Питомец гибельной науки,
Дружинный сотник, Богуслай.
Они встречаются, — внимай
По ветру зыблемые звуки.

Богуслай

Ты в черный день пустился вдаль;
Стремянный твой — добыча зверя.

Мне удалого, право, жаль:
Надежных слуг важна потеря;
Он переломан. Говорят,
Ему не жить.

Любомир

Я очень рад.
Когда окрепли зданья сводны,
Подпоры только в пламень годны.
Я рад, что случая полет
Завеял грязный этот след.
Ты был? ты видел?

Богуслай

Все готовы.
За наше дело восстает
Олай, Стемид, Гаральд суровый.

Любомир

Я знал, что к золоту липка
Варягов медная рука.
Людям без рода и отчизны
Какие страшны укоризны?
Какая низость не легка?
По нас — милей властьми награда,
По них — приданое Всевлада.

XXVIII

Богуслай

Так, Любомир, в его после́
Твоих собратий ищут взоры
И заверенья и опоры.

Любомир

И нет стыда на их челе?
Теперь оглядываться поздно.
Надежда смелых — не в полке,
Она в решительности грозной,
В своей душе, в своей руке.
Но храбрецы отваги мерной
Досель не зрят, что сей Роман —

Защитник пламенный и верный
Младого князя киевлян.

Богуслай

Но друг ли нам?

Любомир

О маловерный!
Он должен быть, он будет им!
Какой мудрец из выгод мира
Не сотворит себе кумира?

Богуслай

Он на корысть неуловим.

Любомир

У всех в уме одно и то же:
Крепясь, продать себя дороже.
Пускай богат и молод он,
Пускай не думает о власти,
Но разве тихой славы звон
Плохой будильник юной страсти?
Когда ж и сей напрасен ков,
Волшебный клич «за край отцов»
Доводит этих бескорыстных
До злодеяний ненавистных.
Но он готов: и злато чаш
Хранит дыханье прежней влаги,
Поклонник счастливой отваги,
Любимец власти будет наш.

XXIX

Богуслай

Но для чего ж Роман доселе
Не извещен о грозном деле?
Нам дорог час и дорог он.

Любомир

А мне успех всего дороже!
Не первенство ли за поклон
Ему отдать! Избави боже!

Я знаю гордость пришлеца:
Он слово подвигом оценит
И в думе Всеволода сменит
Мой труд — улыбкою льстеца!
Нет, друг мой, нет! Роман единой
Последний и в последний час
Услышит заговора глас,
И будет он с своей дружиной
Его красой, а не пружиной,
И впереди, — так юный конь
Пугается кремня ударом,
Но, обезумленный пожаром,
Отважно прядает в огонь.
Меж тем приятелям-боярам
Ты возвестишь: «Посол Роман
За них со властию княжою», —
Пред вечно зыбкою толпою
Благотворителен обман.
Скажи: «Успех венчает дело,
Он там, где начинают смело».
Нам жить иль ползать — только день;
И нет спасенья в лоне страха;
За нами — гибельная плаха,
Пред нами — счастия ступень!
Спеши!

XXX

В тумане возрастая,
Домой он медленно потек.
Пред ним густела тьма ночная,
Как за кончиной грозный век!
И пал боязни хладный иней
На сердце, полное гордыней.
Невольной памяти упрек
Вослед ему рассеял тени
Им презираемых видений:
Звучит могилою земля,
И кличет филин, словно совесть,
И шепчет лист о казни повесть,
И тяжек стон коростеля.
Так, озираясь и бледнея,

Во мгле, как в саване, он был
Подобен трупу чародея,
Когда сей выходец могил
Едва почует луч холодной
(В очах молвы простонародной
Велением подземных сил),
Покинув тихое кладбище,
Стремится в мир за адской пищей,
И в бледной синеве лица
Недвижные мерцают очи,
Как светляки во мраке ночи,
И кровь — уста у мертвеца;
Блуждает он, объятый мглою,
Грозя окрестностям бедою. . .

<1827—1828>

Ф. Н. ГЛИНКА

Федор Николаевич Глинка родился в 1786 г. Он был одним из ранних деятелей декабристского движения. Глинка — участник двух войн: 1805—1806 и 1812—1815 гг. Свои военные впечатления Глинка изложил во втором издании «Писем русского офицера» (1815—1816 гг.), и в «Очерках Бородинского сражения» (1839). Особенный успех имели «Письма русского офицера», ярко отразившие народный характер войны против Наполеона. Теме 1812 г. Глинка посвятил и ряд стихотворений.

В 1816 г. Глинка вступил в тайный Союз спасения. Он был затем членом и видным деятелем Союза благоденствия. Однако его практическое участие в движении декабристов выражалось главным образом в умелом распространении декабристского влияния на легальные общественные организации и в политической пропаганде через легальную печать. Большое значение имела деятельность в этом направлении Глинки как председателя Вольного общества любителей российской словесности. Этим центром декабристского литературного движения Глинка руководил с 1819 г. до декабрьского восстания. По своим политическим взглядам Глинка приближался к умеренным правым кругам политической оппозиции и не был сторонником вооруженного восстания.

Пушкин высоко ценил Глинку как гражданина. Когда Пушкину в 1820 г. грозила ссылка в Сибирь, Глинка принял близкое участие в хлопотах о смягчении его судьбы, а затем обратился к опальному поэту с сочувственным стихотворением в журнале «Сын отечества». Пушкин ответил на это приветствие посланием, где писал:

...голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!

Глинка был незаурядным мастером так называемых «аллюзий», «иносказаний», т. е. поэзии политических намеков, столь характерной для подцензурной легальной агитационной литературы декаб-

ризма, но с течением времени терявшей свое значение. Следует отметить, что творчество Глинки является пестрым и неравноценным по своему составу. В 10—20-х годах у Глинки заметны религиозно-мистические настроения, которые у него все более усиливались и во власти которых он оказался полностью в конце своей жизни.

После восстания декабристов Глинка был арестован и привлечен к следствию как участник Союза благоденствия и в 1826 г. сослан в Петрозаводск под тайный надзор полиции. Здесь он написал две поэмы: «Дева Карельских лесов» и «Карелия». На последнюю Пушкиным была написана сочувственная рецензия, в которой отмечена самобытность дарования Глинки и «свежесть живописи».

После олонецкой ссылки (1826—1830) Глинка жил под тайным надзором — пять лет в Твери и два года в Петербурге. Переехав затем в Москву, он сошелся с славянофилами.

Глинка умер в 1880 г., в возрасте 94 лет, и, как герой Отечественной войны 1812 г., награжденный золотым оружием, был похоронен с воинскими почестями.

ВОЕННАЯ ПЕСНЬ,

НАПИСАННАЯ ВО ВРЕМЯ ПРИБЛИЖЕНИЯ НЕПРИЯТЕЛЯ К СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Раздался звук трубы военной,
Гремит сквозь бури бранный гром:
Народ, возвратом воспоенной,
Грозит нам рабством и ярмом!

Текут толпы, корыстью гладны,
Ревут, как звери плотоядны,
Алкая пить в России кровь.
Идут. Сердца их — жесткий камень,
В руках вращают меч и пламень:
На гибель весей и градов!

В крови омочены знамена,
Багреют в трепетных полях,
Враги нам вьют вериги плена,
Насилье грозно в их полках.
Идут — влекомы жаждой дани,
О страх! срывают дерзки длани
Со храмов божьих лепоту!
Идут — и след их пепл и степи!
На старцев возлагают цепи,
Влекут на муки красоту!

Теперь ли нам дремать в покое,
России верные сыны?
Пойдем, сомкнемся в ратном строе,
Пойдем, и в ужасах войны
Друзьям, отечеству, народу

Отыщем славу и свободу
Иль все падем в родных полях!
Что лучше: жизнь, где узы плена,
Иль смерть, где росские знамена?
В героях быть или в рабах?

Исчезли мира дни счастливы,
Пылает зарево войны;
Простите, веси, паствы, нивы!
К оружью, дети тишины!
Теперь, сейчас же мы, о други!
Скуем в мечи серпы и плуги:
На бой теперь — иль никогда!
Замедлим час — и будет поздно!
Уж близко, близко время грозно:
Для всех равно близка беда!

И всех, мне мнится, клятву внемлю:
Забав и радостей не знать,
Доколе враг святую землю
Престанет кровью обагрять!
Там друг зовет на битву друга,
Жена, рыдая, шлет супруга
И матерь в бой своих сынов!
Жених не мыслит о невесте
И громче труб на поле чести
Зовет к отечеству любовь!

‹1812›

СЕТОВАНИЕ РУССКОЙ ДЕВЫ

Ветер тихий, ветер тихий,
Тиховейный сын весны!
Ты зачем так долго медлишь
В милой родине моей!
Напитайся, ветер тихий,
Ароматом здешних мест
И лети, лети в чужбину
Под шатры в военный стан.

Быстротечный, быстротечный,
Сладководный шумный Днепр!
Говорят, свои ты волны
К морю синему несешь...
Что до моря! — Не напоишь
Ты бездонной глубины;
Потеки, река родная,

К другу сердца в чуждый край.
Там на знойном битвы поле
Жаждет воин молодой;
Окропи уста и раны
Сладкой родины водой...
Месяц светлый, месяц светлый!
Что на бедную глядишь?
Не осушит луч холодный
Слез горючих на очах...

Ах, спеши туда, где милый,
И златым своим лучом

Заблистай ему светлее,
Поиграй с его мечом. . .
Но, увы! напрасно дева
О любезном слезы льет:
Он давно за Рейном шумным
Беспробудным сном почил!
Воин храбрый, воин храбрый!
Не видать тебе луны,
Ни красы родного солнца,
Ни полей родной страны.
О тебе дойдет лишь слава
В милый сердцу Русский край,
Что на битвах ты, как русский,
Храбр и страшен был врагам.
Много пало, много пало
Там, в зареинских полях;
Но блажен, кто умер славно:
Он бессмертен будет век!

‹ 1814 ›

СОН РУССКОГО НА ЧУЖБИНЕ

Отечества и дым нам сладок и приятен.
Державин

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымяся, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал. . .
Уснул — и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной русской стороны! . .
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на темный луг.
Повеял новый, теплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы —
И рвутся из своей тюрьмы,
Катятся с гор кипящи воды.
Пловцов брадатых на стругах
Несется с гулом отклик долгий;
И широко гуляет Волга
В заповедных твоих лугах. . .
Поляны муравы одели,
И вместо пальм и пышных роз
Густеют молодые ели
И льется запах от берез!
И мчится тройка удалая
В Москву дорогой столбовой,
И колокольчик — дар Валдая

Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустилося в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем...
. . . . . .
. . . . . .
Но я расстался с милым сном,
И чужеземия картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... все красиво;
Но я в раздумьи молчаливо
Вздохнул по стороне родной...

УСЛАДОВА ЛИРА

БАЛЛАДА

Верна была Усладу лира
В его тиши;
Он променял все блески мира
На мир души!
Он не позорил чистой лиры
И, лести враг,
Пред вами, грозные кумиры,
Не падал в прах!
Но, растерзав земные узы,
К звездáм летел;
И, пылкий друг свободной музы,
Он сладко пел:
Великолепную природу
И дивный свет,
Души высокую свободу —
И был поэт!
И добродетель в песнях громких
Прославил он:
«Узнают ли о них потомки?
Все в мире сон! —
Так говорил не раз, унылый:
Здесь все, как час!»
И, не допевши песни, милый
Поэт угас!
Но весь не умер он, и *лира*
Еще стройна;
И только в области эфира
Взойдет луна

И струн дотронется лучами —
Дрожат они —
И вспыхнет жизнь на них, и сами
Поют одни!
Как прежде — всё поют природу,
Добро поют;
И удивленному народу
Урок дают!
И лиру розами венчали,
Дивяся ей,
И благовонней розы стали,
Цветя на ней!
И вот кругом — градóв обломки,
Их блеск погас!
Но слышат всё еще потомки
Той лиры глас!

ОТРЫВОК ИЗ ОПЫТОВ ТРАГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В СТИХАХ БЕЗ РИФМЫ

Содержание первого явления:

Один из верных сынов покоренного тираном отечества увещевает сограждан своих в тишине ночи к поднятию оружия против насильственной власти.

1

Друзья! уклоняясь от злобы врагов,
К свиданью полночный назначил я час.
Теперь все спокойно, все предано сну;
Тиранство на лоне утех, на цветах,
И рабство во прахе под тяжким ярмом
Спят крепко! . . Не спит лишь к отчизне любовь!
Она не смыкает слезящих очей:
Скитаясь по дебрям, при бледной луне,
Рыданьем тревожит полуночный час
И будит свободу от смертного сна.
Свобода! отчизна! священны слова!
Иль будете вечно вы звуком пустым?
Нет! мы воскресим вас! Не слезы и стон
(Ничтожные средства душ робких и жен),
Но меч и отвага к свободе ведут!
Умрем иль воротим златые права,
Что кровию предки купили для нас!
Чем жизнь в униженьи, стократ лучше смерть! . .
Отечества гибель нам льзя ль пережить?. .
Ответ ваш, о други! читаю в очах:
Горящий в них пламень, багряность ланит
И дланей стремленье к звенящим мечам —
Все, все мне являет тех самых мужей,
С которыми в битвах я славу делил. . .

Мы те же, но край наш не тот уже стал! —
Под пеплом, в оковах, под тяжким ярмом,
Отечество наше кто может узнать?

2

Так в лютых напастях все зрим мы наш край!
Родных и знакомых я стран не узнал,
Когда на свиданье к местам сим спешил.
О родины милой священны поля,
Где первый раз в жизни я счастье познал,
Что сделалось с вами? — Все умерло тут!
Где спела надежда на нивах златых
И радости песни гремели в лугах —
Там страшен вид мрачных, ужасных пустынь,
Пустынь, где унынье, от воя зверей,
Сугубит звук томный влачимых оков!

3

На трупах, на пепле пожженных им стран,
На выях согбенных под гнетом рабов,
Тиран наш воздвиг свой железный престол;
Но слышен уж ропот, тирана клянут...
Клянут лишь и только! а руки и меч,
А предков примеры кто отнял у них! ..

<1817>

ОТРЫВКИ ИЗ ФАРСАЛИИ[1]

Воины изъявляют желание последовать повсюду за великодушным вождем своим. — И Катон, приняв торжественное уверение храбрых, дает взаимный обет делить с ними все труды и опасности предстоящего пути.

О други! о храбрых сподвижников сонм!
Клянусь, обещаю — примите обет,
Что первый без страха в *путь страшный* пойду.
Пусть зной раскаляет и землю и твердь,
Пусть пламенным током полдневны лучи
Мне прямо на темя лиются... Пусть змей,
Под смелой стопою крутясь, зашипит...
Пусть бури колеблют основы миров,
Пусть дрогнет вселенна, не дрогнет Катон!
И если кто узрит, что в знойном пути,
При общем лишеньи прохладных ключей,
Хоть каплю приближу к засохшим устам,
Тогда всем вам вольно на жажду роптать;
Когда уклонюсь я *один*, хоть на миг,
Пустынного древа в отрадную тень,
Тогда вы, в Катоне вождя не познав,
Презренного бросьте сгорать на песках...
Но верьте, что первый в тяжелой броне
Пойдет он отважно пред вами. — Он долг
Свой знает! Глад, жажда, шипение змей
И знойные степи — все мило душе,
Душе, упоенной надеждой святой,
По долгом страданьи до цели достичь...

---

[1] <Здесь даются второй, третий и четвертый отрывки.>

О верьте, *терпенье* в жестоких бедах
Всегда торжествует; и в сем торжестве
Находит блаженство собою само,
В себе наслаждаясь... Великой душе
Приятно сразиться с тьмой бед, и судьбу
Презрев — и в порывах себя испытав,
Почувствовать в бурях самую себя
И собственной силой себя утешать!
Итак, мы решились: нам Кесарь не царь!
Бежим, но со славой! не смерти боясь,
К свободе, как к другу, от рабства бежим!

Катон и воинство приходят к храму Юпитера Аммона. Друзья Катоновы убеждают его вопросить бога о будущей судьбе Рима и собственной участи.

Катон! мы достигли священных тех мест,
Куда все народы восточных краев
С мольбой и дарами приходят. Катон!
Муж правды, о верный хранитель святых
Законов!.. Друг чести! решися, спроси,
Спроси у *Аммона*, что рок нам сулит?
Что станется с Римом? что Кесарь? что нам
Готовит незримо всемощность судеб?
Окончатся ль брани, притупится ль меч
И свет возблестит ли по грозной ночи?
Иль долго раздоры, и меч, и огонь
Терзать еще будут отечества грудь?
Настанет ли время, что *сила* падет,
Не будет *коварства, сетей, ни оков*
И люди, как братья, в союзе святом,
Покорны *закону* и *правде* одной,
Блаженства понщут в покое? О вождь!
Ты свято уставы небес соблюдал,
Любил добродетель... Спроси ж у богов,
Чем смертный на милость их может склонить?
В чем добродетель прямая? Тиран,
Смеясь, попирает уставы небес,
Отъемля у римлян наследье веков —
Свободу! А ты, наш друг правды, Катон!
Оставя отчизну, забыв все, что льстит
Душе, — предпочел ты кипящую степь

Чертогам, где нега лелеет рабов,
И Риму, где славят бесчестье цепей!..
Кто ж небу милее? Кому торжество?
О боги! откройте великой душе
Великие тайны чудесных судеб!
Катон! все готово: пылает алтарь
И жертва, венчанна цветами... спроси,
Спроси у Аммона, что рок нам сулит?
Достигнем ли *Юбы*, найдем ли с тобой
Свободу, свободу, желаний всех цель?!!
Иль мир покоренный умолкнет? И Рим,
(Не помня примеров и славы веков),
Из дланей ослабших роняя свой гром,
Их в узы неволи продаст? И тиран
(Права и законы повергши во прах),
На общем позоре воздвигнет свой трон?..

Катон, мудрец и полководец, вдохновенный божеством, всегда обитавшим во глубине души его, произнес в ответ на сии увещания почти следующие незабвенные слова:

Почто мне к Аммону велите, друзья,
С мольбой и дарами прибегнуть? Ужель
Не знаем мы сами закона небес?
Закон сей начертан глубоко в сердцах:
Он с ними родится и с ними живет!
Пусть чернь ослепленна из дальних краев
С поникшей главою, с унылой душой
Идет обольщаться ответом жрецов!..
Мне чуждого бога почто вопрошать?
«Будь честен и правду люби всей душой,
Страшись преступленья, но бед не страшись!
С правдивой душою будь тверд, как гранит,
Под громом, при гневе кипящих людей!» —
Вот что начертали мне боги в душе...
Почто ж, унижаясь, Аммона спрошу:
«Скажи мне, бог дивный! доколе судьба
Катона и римлян гнать будет? Скажи,
Утишится ль неба разящий нас гнев,
Погибнет ли Кесарь и гибнущий Рим
Познает ли счастье — свободу? Скажи,
Дни жизни Катона продлятся ль? И рок

Престанет ли бури на нас воздвигать?»
О сем, вы хотите, чтоб я вопросил...
Нет! я не унижусь... Что значит здесь *рок?*
Угроза младенцам и робким душам...
Что значат сей жизни летящие дни?
Мгновенье!.. Не стоит себя унижать,
Чтоб миг сей украсить... Все минет, как сон...
Пусть сильный, правленья бразды ухватя,
Вращает по воле судьбами людей...
Пусть, в пурпур облекшись, могущий порок
Смеется нам рабским смиреньем. Пусть лесть
Счастливым злодеям *бессмертье* сулит...
Мне *смерть* утешенье; *могила* — та цель,
К которой стремлюся... О други! за ней,
За ней не увижу страданья и слез
Людей, ослепленных волненьем страстей,
Граждан, променявших свободу и честь
На льстивы обеты тирана... За ней
Суд ждет нас нелестный... И Кесарь в венце
Восстонет, увидев, что тартар готов
Пожрать честолюбца... Там славой земной
Не купит покоя порочной душе:
Не славным, но честным желаю я быть!..
Поверьте, о други! что правды святой
В сих *вихрях песчаных*[1] бог мира не скрыл!
Юпитер повсюду: в лазури небес
И в мраке безмолвных подземных пещер.
Его мановеньем и солнце течет
И лист не посмеет от древа упасть
Без воли Зевеса... а голос его?
Глас бога мы слышим во гласе души,
Души непорочной и страстной к *добру*...
Погибнет ли Кесарь, спасется ли Рим?
Рим, верно, спасется, когда у римлян
Воскреснет их предков отвага и честь...
Итак, мы оставим *Аммона*. Катон
И злобного рока и злобы врагов
Робеть устыдится... Что Кесарь? что рок?
Мне совесть отрада, убежище — гроб...

<1818>

---

[1] В Ливийских песках.

К СОЛОВЬЮ В КЛЕТКЕ

Меркнет день, лазурь темнеет,
Погасает блеск небес,
В шумном мире все немеет,
Дремлет тихо синий лес;
Встал и месяц за горою...
Ах, бывало, сей порою
Милый сын весенних дней,
Под черемхою душистой,
Где ручей журчит сребристой,
Здесь певал ты, соловей!

Сколько раз меня, бывало,
Сколько раз друзей моих
Сладкогласье восхищало
Песней радостных твоих?
Замолкали все пернаты
Вмиг, коль ярки перекаты,
Треск, урчанье по зарям,
Песни звонкие, игривы,
Свисты, стоны, переливы
Растекались по кустам!..

Ах, давно ль прелестна Хлоя
Восхищалася тобой?
В час прохлады, в час покоя,
Перестав на миг рабой
Быть законов скучных света,
Без затей, легко одета,
Без толпы рабынь, рабов,
Шла гостить одна — к природе,

И внимать, как на свободе
Громко славишь ты любовь.

Ты гремел — почто же, милый,
Вдруг замолк? и скучен стал?
Дикий свой приют унылый
Ты на клетку променял?
Клетка пышная, богата,
Будто храм или палата,
Раззолочена она!
Тут хрусталь с водою чистой,
Корм, песок с травой душистой,
Свет чуть брезжит из окна.

Чем же, друг мой, недоволен?
Отчего тебе грустить?..
Ах! — кричишь ты, — я неволен,
И могу ль веселым быть?
Я в родном кусту на ветке
Ночь насквозь певал; но в клетке
С горя чуть могу дышать...
Всяк поет в счастливой доле:
Счастье в воле, гроб — в неволе:
Нет, не петь мне — умирать!

Так, священная природа!
Твой закон и сердца глас
Нам вещают, что свобода
Есть вторая жизнь для нас!
Скромный жребий в мирной доле
Предпочтя златой неволе,
Подружусь я с простотой, —
Пусть сердца, пусть души низки,
К пресмыканью, к рабству близки,
Обольщаются мечтой...

Пусть тираны строят ковы,
И златят цепей свинец,
И приемлют их оковы
Раб безгласный, низкий льстец.
Поруганье пья, как воду,
Дар небес — свою свободу —

Предают за дым они!
И, лобзая тяжки длани,
Платят век покорства дани
И влачат без жизни дни!

Пусть земные полубоги,
В недрах славы и честей
Громоздя себе чертоги,
Будут в них рабы страстей!
Для чего мне дом огромный?
Дайте мне шалаш укромный
Из соломы и ветвей:
Дайте дружбу и свободу,
Стану петь, хвалить природу,
Как на воле соловей!

<1819>

К ПУШКИНУ

О Пушкин, Пушкин! кто тебя
Учил пленять в стихах чудесных?
Какой из жителей небесных
Тебя младенцем полюбил,
Лелея, баял в колыбели?
Лишь ты завидел белый свет,
К тебе эроты прилетели
И с лаской грации подсели...
И музы, слышал я, совет
Нарочно всей семьей держали
И, кончив долгий спор, сказали:
«Расти, резвись — и будь поэт!»
И вырос ты, резвился вволю,
И взрос с тобою дар богов:
И вот, блажа беспечну долю,
Поешь ты радость и любовь,
Поешь утехи, наслажденья,
И топот ко́ней, гром сраженья,
И чары ведьм и колдунов,
И русских витязей забавы...
Склонясь под дубы величавы,
Лишь ты запел, младой певец, —
И добрый дух седой дубравы,
Старинных дел, старинной славы
Певцу младому вьет венец!
И все былое обновилось:
Воскресла в песни старина,
И песнь волшебного полна!..
И боязливая луна
За облак дымный хоронилась

И молча в песнь твою влюбилась...
Все было слух и тишина:
В пустыне эхо замолчало;
Вниманье волны оковало,
И мнилось, слышат берега!
И в них русалка молодая
Забыла витязя Рогдая,
Родные воды и в луга
Бежит ласкать певца младого...
Судьбы и времени седого
Не бойся, молодой певец!
Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!..

<1820>

СУДЬБА НАПОЛЕОНА

Он шел — и царства трепетали,
Сливался с стоном звук оков,
И села в пепл, града́ пылали,
И в громе битв кипела кровь;
Земля пред сильным умолкала...
Он, дерзкий, скиптрами играл;
Он, грозный, троны расшибал:
Чего ж душа его алкала?

Народы стали за права;
Цари соединили силы;
Всхолмились свежие могилы,
И, вихрем, шумная молва:
«Он пленник!» Осветились храмы!
Везде восторг и фимиамы,
Народы — длани к небесам,
И мир дивится чудесам!

Гремящих полчищ повелитель,
Перун и гибель на боях,
Один — утесов диких житель,
Как дух пустынный на холмах...
Летят в пределы отдаленны
Надеждой флоты окриленны,
Все мимо — и никто за ним;
Как страшно самому с самим!
В душе, как в море, мрак и волны...
Как кораблей бегущих тень,
Исчезли дни, величья полны, —
И вечереет жизни день...

Ф. Н. Глинка

«Чья новая взнеслась могила?»
Ответ: «Тут спит Наполеон!
И буря подвигов, как сон...
И с ним мечты, и гром, и сила
В затворе тесном улеглись!» —
«Быстрей, корабль, в Европу мчись!»
Пловец друзьям: «Смелей чрез волны,
Летим с великой вестью мы!»
Но там, в Европе, все умы
Иных забот и видов полны...

И все узнали: умер он,
И более о нем ни слова;
И стал он всем как страшный сон,
Который не приснится снова:
О нем не воздохнет любовь,
Его забыли лесть и злоба...
Но Греция встает из гроба
И рвется с силой из оков!
Чья кровь мутит Эгейски воды?
Туда внимание, народы:
Там, в бурях, новый зиждут мир!
Там корабли ахейцев смелых,
Как строи лебедей веселых,
Летят на гибель, как на пир!
Там к небу клятвы и молитвы;

И свирепеет, слыша битвы,
В Стамбуле гордый Оттоман.
Растут с бедой бесстрашных силы;
И крест венчает Термопилы!
И на Олимпе — ратный стан!..
Молва и слава заазвучала
Но — не о нем... в могиле он,
И позабыт Наполеон! —
Чего ж душа его алкала?

〈1821〉

* * *

Не слышно шуму городского,
В далеких башнях тишина,
И на копье у часового
Горит янтарная луна...

А бедный юноша, ровесник
Младым цветущим деревам,
В глухой тюрьме заводит песню
И отдает тоску волнам:

«Прости, отчизна, край любезной,
Прости, мой дом, моя семья;
Я за оградою железной,
Уже не свой вам больше я!

Не жди отец меня с невестой,
Сломись венчальное кольцо;
Застынь мое на свете место,
Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мне дети — слезы и тоска;
Но я молчу... такую долю
Взяла сама моя рука».

Уж ночь прошла; в лазурном поле
Давно день новый засиял;
А бедный юноша в неволе
Все так же жалобно стенал,
Все ту же песню напевал.

КАРЕЛИЯ[1]

Так он, к безвестному влекомый,
Все шел на Север... Длинен путь!..
Но вот как будто в край знакомый
Пришел сюда. Тут отдохнуть
Желал и мог душой довольной:
Один, как божий воздух вольной,
Он изучил сии края:
Но пусть он сам!.. Замолкну я...
Пусть он опишет нам пожары,
Как их застал по сим лесам;
И как в глуши гигантом ярым
Блеснул Кивач его очам...
Так! пусть же говорит он сам:

«В страну сию пришел я летом,
Тогда был небывалый жар,
И было дымом все одето:
В лесах свирепствовал пожар,
В Кариоландии горело!..
От блеска не было ночей,
И солнце грустно, без лучей,
Как раскаленный уголь, тлело!
Огонь пылал, ходил стеной,
По ветвям бегал, развевался,
Как длинный стяг перед войной;
И страшный вид передавался
Озер пустынных зеркалам...
От знойной смерти убегали

---

[1] <Здесь в антологии дается отрывок поэмы.>

И зверь, и вод жильцы, и нам
Тогда казалось, уж настали
Кончина мира, гибель дней,
Давно на Патмосе в виденьи
Предсказанные. Все в томленьи
Снедалось жадностью огней,
Порывом вихрей разнесенных;
И глыбы камней раскаленных
Трещали. — Этот блеск, сей жар
И вид дымящегося мира
Мне вспомянули песнь Омира:
В его стихах лесной пожар.
Но осень нам дала и тучи
И ток гасительных дождей;
И нивой пепел стал зыбучий,
И жатвой радовал людей! . .

Дика Карелия, дика!
Надутый парус челнока
Меня промчал по сим озерам;
Я проходил по сим хребтам,
Зеленым дебрям и пещерам —
Везде пустыня: здесь и там
От Саломейского пролива
К семье Сюйсарских островов,
До речки, с жемчугом игривой,
До дальних северных лесов —
Нигде ни городов, ни башен
Пловец унылый не видал,
Лишь изредка отрывки пашен
Висят на тощих ребрах скал;
И мертво все. . . пока шелойник
В Онегу, с свистом, сквозь леса
И нагло к челнам, как разбойник,
И рвет на соймах паруса
Под скрыпом набережных сосен, —
Но живописна ваша осень,
Страны Карелии пустой:
С своей палитры, дивной кистью,
Неизъяснимой пестротой
Она златит, малюет листья:
Янтарь, и яхонт, и рубин

Горят на сих древесных купах,
И кудри алые рябин
Висят на мраморных уступах;
И вот меж каменных громад
Порой я слышу шорох стад,
Бродящих лесовой тропою,
И под рогатой головою
Привески звонкие бренчат...

Край этот мне казался дик:
Малы, рассеяны в нем селы;
Но сладок у лесной Карелы
Ее бесписьменный язык.
Казалось, я переселился
В края Авзонии опять,
И мне хотелось повторять
Их речь: в ней слух мой веселился
Игрою звонкой буквы Л.
Еще одним я был обманут:
Вдали, для глаз, повсюду ель
Да сосна, и под ней протянут
Нагих и серых камней ряд.
Тут, думал я, одни морозы,
Гнездо зимы. Иду... Вдруг... розы!
Все розы весело глядят!
И Север позабыл я снова.
Как девы милые в семье
Обсядут старика седого,
Так розы в этой стороне,
Собравшись рощей молодою,
Живут с громадою седою.

Сии места я осмотрел
И поражен был. Тут сбывалось
Великое!.. Но кто б умел,
Кто б мог сказать, когда то сталось?
Везде приметы и следы
И вид премены чрезвычайной
От ниспадения воды —
С каких высот? осталось тайной...
Но Север некогда питал,
За твердью некоей плотины,

Запасы вод; доколь настал
Преображенья час! — И длинный,
Кипучий, грозный, мощный вал
Сразился с древними горами,
Наземный череп растерзал,
И стали щели — озерами.
Их общий всем продольный вид
Внушал мне это заключенье,
Но ток, сорвавшись, все кипит,
Забыв былое заточенье,
Бежит и сыплет валуны —
И стал. Из страшного набега
Явилась — зеркало страны —
Новорожденная Онега!

Здесь поздно настает весна;
Глубоких долов, меж горами,
Карела дикая полна:
Там долго снег лежит буграми,
И долго лед над озерами
Упрямо жмется к берегам.
Уж часто видят, по лугам
Цветок синеется подснежный
И мох цветистый оживет
Над трещиной скалы прибрежной;
А серый безобразный лед
(Когда глядим на даль с высот)
Большими пятнами темнеет,
И от озер студеным веет...
И жизнь молчит, и по горам
Бедна карельская береза;
И в самом мае, по утрам,
Блистает серебро мороза...
Мертвеет долго все... Но вдруг
Проснулось здесь и там движенье;
Дохнул какой-то теплый дух —
И вмиг свершилось возрожденье:
Помчались лебедей полки,
К приютам ведомым влекомых;
Снуют по соснам пауки;
И тучи, тучи насекомых
В веселом воздухе жужжат.

Взлетает жавронок высоко;
И от черемух аромат
Лиется долго и далеко...
И в тайне диких сих лесов
Живут малиновки семьями:
В тиши бестенных вечеров
Луга, и бор, и дичь бугров
Полны кругом их голосами,
Поют... поют... поют оне
И только с утром замолкают:
Знать, в песне высказать желают,
Что в теплой видели стране,
Где часто провождали зимы;
Или предчувствием томимы,
Что скоро, из лесов густых,
Дохнет, как смерть неотвратимый,
От Беломорских стран пустых,
Губитель роскоши и цвета;
Он вмиг, как недуг, все сожмет,
И часто в самой неге лета
Природа смолкнет и замрет!

По Суне плыли наши челны,
Под нами стлались небеса,
И опрокинулися в волны
Уединенные леса.
Спокойно все на влаге светлой,
Была окрестность в тишине,
И ясно на глубоком дне
Песок виднелся разноцветной.
И за грядою серых скал
Прибрежных нив желтело злато,
И с сенокосов ароматом
Я в летней роскоши дышал.
Но что шумит?.. В пустыне шопот
Растет, растет, звучит, и вдруг —
Как будто конной рати топот,
Давит и ужасает слух!
Гул, стук! — Знать, где-то строят грады;
Свист, визг! — Знать, целый лес пилят!
Кружатся, блещут звезд громады,
И вихри влажные летят

Холодной, стекловидной пыли:
«Кивач! Кивач! .. Ответствуй, ты ли?..»
И выслал бурю он в ответ! ..
Кипя над четырьмя скалами,
Он, с незапамятных нам лет,
Могучий исполин, валами
Катит жемчуг и серебро;
Когда ж в хрустальное ребро
Пронзится горними лучами —
Чудесной радуги цветы
Его опутают, как ленты;
Его зубристые хребты
Блестят — пустыни монументы.
Таков Кивач, таков он днем!
Но под зарею летней ночи
Вдвойне любуются им очи:
Как будто хочет небо в нем
На тысячи небес дробиться,
Чтоб после снова целым слиться
Внизу, на зеркале реки. . .
Тут буду я! Тут жизнь теки! ..
О счастье жизни сей волнистой!
Где ты? — В чертоге ль богача,
В обетах роскоши нечистой,
Или в Карелии лесистой
Под вечным шумом Кивача?..»

СТИХИ О БЫВШЕМ СЕМЕНОВСКОМ ПОЛКУ

Была прекрасная пора:
Россия в лаврах, под венками,
Неся с победными полками
В душе — покой, в устах — «ура!»,
Пришла домой и отдохнула.
Минута чудная мелькнула
Тогда для города Петра.
Окончив полевые драки,
Носили офицеры фраки,
И всякий был и бодр и свеж.
Пристрастье к форме пригасало,
О палке и вестей не стало,
Дремал парад, пустел манеж...
. . . . . .
Но перед вами отличался
Семеновский прекрасный полк.
И кто ж тогда не восхищался,
Хваля и ум его, и толк,
И человечные манеры?
И молодые офицеры,
Давая обществу примеры,
Являлись скромно в блеске зал.
Их не манил летучий бал
Бессмысленным кружебным шумом:
У них чело яснелось думой,
Из-за которой ум сиял...
Влюбившись от души в науки
И бросив шпагу спать в ножнах,
Они в их дружеских семьях

Перо и книгу брали в руки,
Сбираясь, по служебном дне,
На поле мысли, в тишине...
Тогда гремел, звучней, чем пушки,
Своим стихом лицейским Пушкин.
И много было... — Все прошло!
Прошло и уж невозвратимо —
Все бурей мутною снесло,
Промчалось, прокатило мимо...
И сколько, сколько утекло,
Волною пасмурной, печальной
(И здесь и по России дальной)
В реках воды, а в людях слез;
И сколько пережито гроз!..
Но пусть о них твердят потомки;
И мы, прошедшего обломки,
В уборе париков седых,
Среди кипучих молодых,
Вспомянем мы хоть про Новинки,
Где весело гостили Глинки,
Где благородный Муравьев
За нить страдальческих годов
Забыл пустынную неволю
И тихо сердцем отдыхал;
Где, у семьи благословенной,
Для дружбы и родства бесценной,
Умом и доблестью сиял
И к новой жизни расцветал
Якушкин наш в объятьях сына,
Когда прошла тоски година
И луч надежды обещал
Достойным им — иную долю.

П. А. КАТЕНИН

Поэт, драматург и критик Павел Александрович Катенин родился в 1792 г. В 1810 г. поступил на военную службу в Преображенский полк. В период Отечественной войны участвовал в Бородинском и других сражениях. С историей декабризма Катенин связан как видный деятель первых тайных обществ — Союза спасения и Военного общества (об этом имеются свидетельства декабристов — Пестеля, Н. Муравьева, Якушкина). Одним из показателей настроений Катенина в это время является его революционный гимн, популярный среди декабристов, а также тираноборческий «Отрывок из Корнелева Цинны» (о значении этого «Отрывка» см. в примечаниях).

Позднейшая полицейская записка характеризует Катенина этого периода как «оракула Преображенского полка, регулятора полкового мнения и действий молодых офицеров». В 1820 г. Катенин был удален из Преображенского полка, а в 1822 г., по приказу Александра I, выслан из Петербурга в деревню под надзор полиции. Повод для высылки (шиканье в театре) был, конечно, формальным: начальник Главного штаба объяснял несоразмерность «поступка» с наказанием тем, что Катенин «напредь сего замечен был неоднократно с невыгодной стороны и потому и удален из лейб-гвардии Преображенского полка»...

Еще до высылки Катенин, по невыясненным причинам, не вошел в Союз благоденствия, возникший после Военного общества. Теперь же, попав в «медвежий угол», оказавшись «в дичи, глуши, одиночестве» (слова Катенина в письме к Пушкину 1825 г.) он окончательно выключился из сферы политической борьбы. В Петербург он вернулся в августе 1825 г. В силу упомянутых обстоятельств он не был привлечен к следствию по делу декабристов.

Впервые в печати Катенин выступил в 1810 г. Его перу принадлежит ряд переводных и оригинальных пьес, из числа которых выделяется трагедия «Андромаха», высоко оцененная Пушки-

ным. Катенину принадлежит также комедия в прозе «Студент», написанная вместе с Грибоедовым. Об историко-литературном значении Катенина Пушкин сказал, что он ввел «первый... в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные»... Эти слова Пушкина относятся к балладам Катенина, направленным против сентиментально-элегического салонного романтизма Жуковского. Своими темами эти стихи не выходят за рамки обычной балладной фантастики, но их живой народный язык вызвал резкие нападки на Катенина сторонников Жуковского и горячее одобрение прогрессивных литературных деятелей.

В середине 20-х годов намечается отрыв Катенина от передового литературного движения, в дальнейшем все более усиливавшийся. Он отстал от жизни и вскоре прослыл скептиком и литературным архаистом. Однако, вопреки своему объективному положению в литературе, он живет еще старыми представлениями о своей былой роли и в стихотворении «Старая быль» (1828) пытается давать Пушкину уроки свободомыслия. У самого же Катенина политическая тема занимает в это время незначительное место: в 1830 г. им было написано (запрещенное цензурой) стихотворение «Гений и поэт», где известный интерес представляет выражение сочувствия освободительному движению в Греции и июльской революции во Франции. Из других произведений Катенина 30-х годов любопытна некоторыми живыми чертами крестьянского быта поэма «Инвалид Горев».

Осенью 1833 г. Катенин поступает снова на военную службу, но уже в 1838 г. увольняется в чине генерал-майора. По его словам, увольнение произошло «совершенно без вины и даже без предлога».

Умер Катенин в 1853 г., прожив последние пятнадцать лет в деревне и заслужив у костромских помещиков репутацию «вольнодумца».

НАТАША

Ах, жила-была Наташа,
Свет Наташа красота.
Что так рано, радость наша,
Ты исчезла, как мечта?
Где уста, как мед душистый,
Бела грудь, как снег пушистый,
Рдяны щеки, маков цвет?
Все не впрок: Наташи нет.

У нее один сердечной
Милый друг был на земли;
Скоро с ним в любви беспечной
Дни счастливые текли.
Длися, длися, дорогое
Время краткое, златое!
Счастье жизни человек
Вкусит раз лишь в целый век.

Вдруг поднялся враг войною
Русь заграбить и зажечь;
Всюду льется кровь рекою,
Всюду блещет огнь и меч.
Нивы стоптанны пропали,
Грады, веси запылали,
И Наташа со дружком
Часто грустны вечерком.

Помрачился вид веселый,
В сердце вкралась к ним печаль;
Не промолвятся день целый,

И, кажись, друг друга жаль.
Наконец, сквозь слез унылой
Взведши взгляд, собравшись с силой,
Исповедала тоску
Красна девица дружку.

«Не мое девичье дело,
Милый друг, тебя учить:
Не прогневайся, что смело,
Может, стану говорить;
Но прости мне укоризну:
Не сражаться за отчизну,
Одному отстать от всех —
Русским, нам, и стыд и грех».

— Ах, Наташа! ретивое
Уж давно кипит во мне;
Все тебя жалел, но вдвое
Рад, что мысли в нас одне.
Ты согласна, слава богу!
Эй! ребята, в путь-дорогу
Дайте мне ружье, коня:
В бой их станет для меня.

Не рыдай, моя Наташа.
Как же быть? не ты одна;
Хоть горька разлуки чаша,
Выпивай ее до дна;
И о чем такое горе?
Бог помилует, и вскоре,
Голос сердца коль не лжив,
Ворочусь здоров и жив. —

«Дал бы бог! но если боле
Нам не видеться в живых,
Если там, на ратном поле,
Сопостат рукою злых
Ты умрешь! . .» — Все в божьей воле.
Не гневи ж его дотоле;
Верь, хоть мертвый, хоть живой,
Не расстанусь я с тобой. —

П. А. Катенин

«На, мой друг, вот крест с мощами;
Положи его на грудь
И как в бой пойдешь с врагами,
Помолиться не забудь;
Я. . .» — в ней замер дух и слово.
Но к отъезду все готово,
Конь стоит среди двора,
Ехать милому пора.

На коня взлетел стрелою.
Поскакал в воинский стан;
Рано ль, поздно ль, там он. . . к бою
Всем приказ на завтра дан.
Ждет гостей незваных встреча,
Многих смертная ждет сеча:
Не сносить им головы,
Не видать святой Москвы.

Именинница Наташа!
В день твой, в день Бородина,
За здоровье друга чаша
Налита тобой вина,
И о нем пируют гости;
А его в тот час уж кости
На ближайшем там селе
Преданы сырой земле.

И дошло известье злое,
И не ропщет сирота:
Свято небо ей благое,
Воля божия свята.
Не пила три дни, ни ела,
Как больная исхудела;
Нет покоя ей, ни сна,
И как мертвая бледна.

На колени пала с стоном
Пред иконою святой;
С земным молится поклоном:
«Со святыми упокой».

Чуть живую подхватили,
Тут же к стенке посадили,
И усталым, слабым сном
Свет вздремала под окном.

Спит и видит: сердцу милой
Стал пред ней как бы живой,
С новой бодростью и силой,
С новой, чудной красотой;
Будит: «Встань, проснись, Наташа!
Ждет давно нас свадьба наша;
Под венец скорей пойдем,
Вместе век свой заживем.

Нашу призрел бог разлуку,
Веру райский ждет покой;
Жениху дай, радость, руку,
Помолись, и в путь за мной».
Тут Наташа помолилась,
Тут во сне перекрестилась;
Как сидела, как спала,
К жизни с милым умерла.

<1814>

УБИЙЦА

В селе Зажитном двор широкий,
Тесовая изба,
Светлица и терем высокий,
Беленая труба.

Ни в чем не скуден дом богатой:
Ни в хлебе, ни в вине,
Ни в мягкой рухляди камчатой,
Ни в золотой казне.

Хозяин, староста округа,
Родился сиротой,
Без рода, племени и друга,
С одною нищетой.

И с нею век бы жил детина;
Но сжалился мужик:
Взял в дом, и как родного сына
Взрастил его старик.

Большая чрез село дорога;
Он постоялый двор
Держал, и с помощию бога
Нажив его был скор.

Но как от злых людей спастися?
Убогим быть — беда;
Богатым — пуще берегися
И горшего вреда.

Купцы приехали к ночлегу
Однажды ввечеру,
И рано в путь впрягли телегу
Назавтра поутру.

Недолго спорили о плате,
И со двора долой;
А сам хозяин на полате
Удавлен той порой.

Тревога в доме; с понятыми
Настигли и нашли:
Они с пожитками своими
Хозяйские свезли.

Нет слова молвить в оправданье,
И уголовный суд
В Сибирь сослал их в наказанье,
В работу медных руд.

А старика меж тем с моленьем
Предав навек земле,
Приемыш получил с именьем
Чин старосты в селе.

Но что чины, что деньги, слава,
Когда болит душа?
Тогда ни почесть, ни забава,
Ни жизнь не хороша.

Так из последней бьется силы
Почти он десять лет;
Ни дети, ни жена не милы,
Постыл весь белый свет.

Один в лесу день целый бродит,
От встречного бежит,
Глаз напролет всю ночь не сводит,
И все в окно глядит.

Особенно, когда день жаркий
Потухнет в ясну ночь
И светит в небе месяц яркий, —
Он ни на миг не прочь.

Все спят; но он один садится
К косящету окну.
То засмеется, то смутится
И смотрит на луну.

Жена приметила повадки,
И страшен муж ей стал,
И не поймет она загадки,
И просит, чтоб сказал.

«Хозяин! что не спишь ты ночи?
Иль ночь тебе долга?
И что на месяц пялишь очи,
Как будто на врага?» —

«Молчи, жена: не бабье дело
Все мужни тайны знать;
Скажи тебе — считай уж смело,
Не стерпишь не сболтать». —

«Ах! нет, вот бог тебе свидетель,
Не молвлю ни словца;
Лишь все скажи, мой благодетель,
С начала до конца». —

«Будь так; скажу во что б ни стало.
Ты помнишь старика;
Хоть на купцов сомненье пало, —
Я с рук сбыл дурака». —

«Как ты?» — «Да так: то было летом,
Вот помню, как теперь,
Незадолго перед рассветом;
Стояла настежь дверь.

Вошел я в избу, на полате
Спал старый крепким сном;
Надел уж петлю, да некстати
Тронул его узлом.

Проснулся чорт и видит: худо!
Нет в доме ни души.
«Убить меня тебе не чудо,
Пожалуй, задуши.

Но помни слово: не обидит
Без казни ввек злодей;
Есть там свидетель, он увидит,
Когда здесь нет людей».

Сказал и указал в окошко.
Со всех я дернул сил,
Сам испугавшися немножко,
Что, кем он мне грозил, —

Взглянул, а месяц тут проклятый
И смотрит на меня.
И не устанет; а десятый
Уж год с того ведь дня.

Да полно, что! гляди, плешивый!
Не побоюсь тебя;
Ты, видно, сроду молчаливый:
Так знай же про себя».

Тут староста на месяц снова
С усмешкою взглянул;
Потом, не говоря ни слова,
Улегся и заснул.

Не спит жена; ей страх и совесть
Покоя не дают.
Судьям доносит страшну повесть,
И за убийцей шлют.

В речах он сбился от боязни,
Его попутал бог,
И, не стерпевши тяжкой казни,
Под нею он издох.

Казнь божья вслед злодею рыщет;
Обманет пусть людей,
Но виноватого бог сыщет —
Вот песни склад моей.

‹1815›

‹ОТРЫВОК ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ГИМНА›

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.

Свобода! Свобода!
Ты царствуй над нами!
Ах! лучше смерть, чем жить рабами —
Вот клятва каждого из нас...

ОТРЫВОК ИЗ КОРНЕЛЕВА ЦИННЫ

ДЕЙСТВИЕ I

Явление 3

Цинна
(Эмилии)

Почто сама ты зреть восторга не могла,
С каким их сонм идет на славные дела?
Их императора и Кесаря названье
Одно уж привело и в стыд и в содроганье.
Взор засверкал огнем, и гневное чело
Вдруг ужас помертвил и мщение зажгло.
«Друзья!—сказал я им.—Настал нам день блаженный
Наш замысл довершить великий и священный:
К спасенью Рима бог нас силою облек
И счастью всех претит единый человек.
Коль может слыть таким сей муж бессчеловечный,
Омытый кровию и враг свободы вечный.
Кто боле Августа вреда нам причинил?
Кому сей хитрый муж сто раз не изменил?
Был друг Антонию, потом стал враг ему же,
И вечно сохранил и злость и дерзость ту же».
Дни детства нашего напомнил им тогда:
Отцов под бременем печали и стыда,
И вспоминаньем сим крепя их в неприязни,
Удвоил в их сердцах усердье к правой казни;
Сраженья слезные изображаю им,
Утробу где свою сам рвал руками Рим,
Орел сбивал орла, и всей земли народы
Вооружалися для гибели свободы,

Где храбрость воинов, вождей искусных честь
Название раба старались приобресть
И, предавая стыд свой в память назабвенну,
Свою взлагали цепь на целую вселенну;
Из славы суетной избрать владыку ей
С весельем каждый был изменник и злодей;
Где римлян римляне, друзья друзей сражали,
И за тирана все друг друга убивали.
Но всех несчастий сих, в войне терзавших мир,
Сильней безбожный их, неумолимый мир,
Мир, гибель вольности, народов и Сената
И, словом все сказать, союз триумвирата.
Но тут уже в речах я сильных оскудел,
Вещая повести неизреченных дел:
Как друг пред другом всяк убийством возносился,
Как кровью чад своих весь Рим тогда залился;
Один на стогне пал пред взорами граждан;
Другой пред алтарем богов своих заклан;
Преступник награжден богатства их ценою;
На брачном ложе муж пронзен своей женою;
Сын, кровью каплющий убитого отца,
С главой его в руках, в мзду требовал венца! . .
Примеры все сии ужасны и обильны,
Союз их начертать и малы и бессильны.
Что имена твердить мужей великих сих,
Чьей смертью я подвиг сообщников моих,
Земных полубогов напомня им изгнанных,
И в храмах даже их на жертву злым закланных?
Но как явлю тебе от сих рожденный слов
Нетерпеливый гнев отечества сынов,
И ропот шумный их, и скорбь, и трепетанье,
И клятвы на врага, и к мщению взыванье?
Не тратя времени и видя в их сердцах
Решимость, суетный отвергнувшую страх,
Я к ним: «Друзья, сие убийство и хищенье,
Имуществ наших всех с свободою лишенье,
Грабительство градов, сожжение полей,
Междоусобия и лучших смерть мужей —
Вот избранные им те степени кровавы,
По коим он достиг престола и державы.
Но можем применить жестокость мы судьбин:
Из трех тиранов нам остался он один,

И справедлив хоть раз в алчбе своей несытой,
Сгубил двоих, ему могущих быть защитой;
Да сгибнет сам, тогда кто мститель и кто царь?
Воздвигнем вольности низверженный алтарь,
И Рима истыми прославимся сынами,
Ярем его сломив отважными руками.
Искать ли случая? но завтра он готов:
Он в Капитолии чтит жертвами богов.
И сам падет от нас на жертву принесенной
Пред вечным судией спасению вселенной.
Кто охранит его? там наши все друзья;
Сосуд и фимиам ему вручаю я.
Да будет знаком вам, когда я сей рукою
Не фимиам — кинжал глазам его открою;
Удар, которым, льщусь, низвержется злодей,
Докажет, что мой дед великий был Помпей.
Тогда и вы отцов, о други, вспомяните
И славу их имен на деле заслужите».
Едва я кончил речь, и клятву верным быть
Спешат сообщники в усердьи подтвердить,
Но каждый требует, полн доблестного жара,
Принадлежащу мне честь первого удара.
Рассудок наконец велит им уступить.
Максим с отрядом дверь назначен защитить;
Другой отряд при мне; лишь знак подам: свобода —
И мертв падет на прах враг римского народа.

<1818>

МСТИСЛАВ МСТИСЛАВИЧ

Не белые лебеди
Стрелами охотников
Рассыпаны в стороны,
Стремглав по поднебесью,
Испуганны, мечутся.

Не по морю синему,
При громе и молниях,
Ладьи белокрылые
На камни подводные
Волнами наносятся —

Среди поля чистого
Бежит православная
Рать русская храбрая
От силы несчетныя
Татар-победителей.

Как ток реки,
Как холмов цепь,
Врагов полки
Покрыли степь.
От тучи стрел
Затмился свет;
Сквозь груды тел
Прохода нет.
Их пращи — дождь,
Мечи — огонь.
Здесь мертвый вождь,
Тут бранный конь,

Там воев ряд,
А там доспех —
Не может взгляд
Окинуть всех.
На тьмы татар
Бойцы легли,
И крови пар
Встает с земли.

В той равнине холм высокий,
На холме ракитов куст.
Отдыхает одинокий
Витязь там; стрелами пуст,
Тул отброшен бесполезный;
Конь лежит, в груди стрела;
Решето стал щит железный,
Меч — зубчатая пила.

Вздохи тяжелые грудь воздымают;
Пот, с кровью смешанный, каплет с главы,
Жаждой и прахом уста засыхают;
На ноги сил нет подняться с травы.
Издали внемлет он ратному шуму:
Стелют, молотят снопы там из глав.
Горькую витязь наш думает думу,
Галицкий храбрый Мстиславич Мстислав.

Ах! рвется надвое
В нем сердце храброе:
Не со крестом ли в бой
Хоть одному итти
На силы темные
Татар-наездников?
Не понаведаться ль,
Здоров ли верный меч?
Уж не устал ли он
Главы поганых сечь?
Не уморился ли
Так долго кровью течь?
Коли в нем проку нет,
Так не на что беречь:
Свались на прах за ним
И голова со плеч!

Нет срама мертвому,
Кто смог костями лечь.

И три раза, вспыхнув желанием славы,
С земли он, опершись на руки кровавы,
Вставал.
И трижды истекши рудою обильной,
Тяжелые латы подвигнуть бессильной,
Упал

Смертный омрак,
Сну подобный,
Силу князя
Оковал.

Бездыханный,
Неподвижный,
Беззащитный,
Он лежит.

Что, о боже!
Боже правый,
Милосердый,
Будет с ним?

Неужели
Ты попустишь
Нечестивым
Умертвить?

Меч ли темный
Христианску
Душу с телом
Разлучит?

Не омыту
Покаяньем,
Не причастну
Тайн святых?

Или звери
Плотоядны
Кровь полижут
Честных ран?

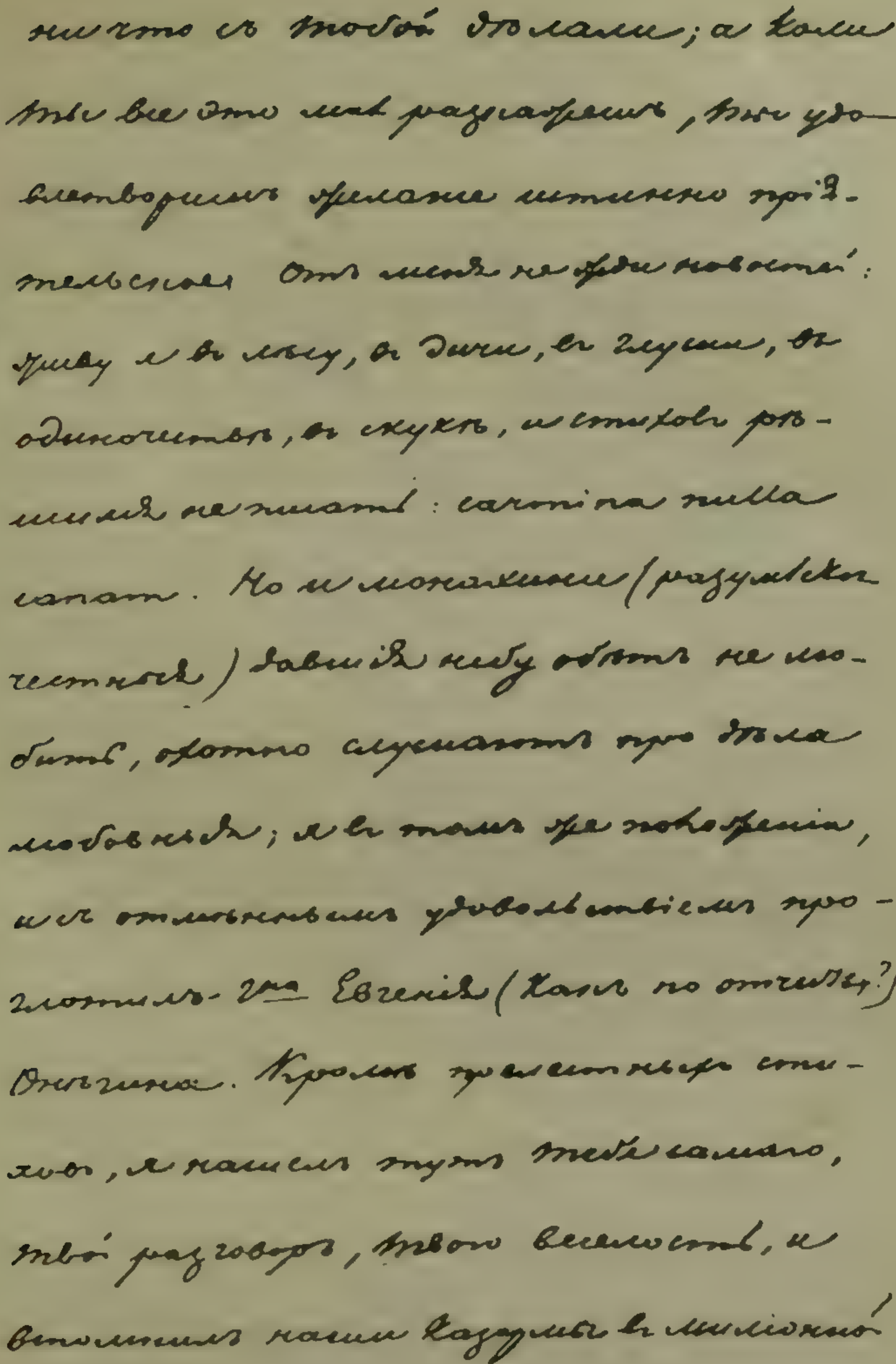
Труп ли княжий,
Богатырский,
Стадо галиц
Расклюет?

Кто из пепла
Жизнь угасшу
Новой искрой
В нем зажжет?

В поле звонком стук конских копыт.
Скачет всадник, весь пылью покрыт;
Он с преломленным в пахе копьем
Быстро мчится ретивым конем.
Молодец, веселясь на бою,
Позабыл, знать, и рану свою.
Кто сей юноша славы и сил?
Зять княжой, рати свет, Даниил.

Пусть бы встретился с ним лютый зверь,
Пусть привиделся б рогатый бес,
Не дрогнул бы князь, таков он смел;
Он чуть-чуть не застонал навзрыд,
Как увидел, что родимый тесть
На сыру землю лег замертво.

Как быть? Спасу в душе помолясь,
Подхватил его на руки князь,
Поперек перекинул седла
И помчался к реке как стрела.
Что ты, князь! ведь не поле река:
Ты удал, да вода глубока.
С небеси помоги тому бог,
Кто сам ближнему в нужде помог!


ничто съ тобой дѣлали; а коли
ты все это мнѣ разскажешь, ты удо-
влетворишь желанiе истинно прiя-
тельское. Отъ меня не жди новостей:
живу я въ лѣсу, въ глуши, въ
одиночествѣ, въ скукѣ, и стиховъ рѣ-
шился не писать: carmina nulla
canam. Но и монашенки (разумѣется
честной) давшей небу обѣтъ не лю-
бить, охотно слушать про дѣла
любовныя; я въ томъ же положенiи,
и съ отмѣннымъ удовольствiемъ про-
глотилъ 1-ю Евгенiя (какъ по отчеству?)
Онѣгина. Кромѣ прелестныхъ сти-
ховъ, я нашелъ тутъ тебя самаго,
твой разговоръ, твою веселость, и
вспомнилъ наши казармы въ Миллiонной

Страница письма П. Катенина А. С. Пушкину 9 мая 1825 г.

И вышло так: усердной часть дружины
У берега с ладьею ждет князей;
Они в живых, и убыло кручины.
Но Даниил прикрикнул на детей:
«Вы, отроки! сюда бегите спешно.
Вам вечный стыд, мне горе неутешно,
Коль наш отец от тяжких ран умрет;
Моя — ничто: и после заживет».
Мстиславу все бегут помочь толпою.
Оружье сняв, омыли кровь водою
И, белый плат на язвы расщипав,
Внесли в ладью; тут вспомнился Мстислав.

Но лучше бы очей не раскрывал вовек
Чем битвы зреть конец: и крови русски реки,
И трупов их бугры, и малое число
Спасенных от меча на вящее лишь зло,
На бегство, глад, болезнь, ужасные мученья,
Всегдашний, горький плод несчастного сраженья;
И победителей необозримый стан,
Чрез всю широку степь бесправильно расстлан,
Где всюду тут и там огнь засвечался дымный,
Как звезды на небе в бесснежный вечер зимный.
При зрелище таком князь храбрый восстенал,
И слабым голосом скорбь сердца провещал:

«О горе вечное Мстиславу!
На мне вина такого дня,
И внуки поздние по праву
В нем будут укорять меня.
Весь опыт браней долголетных
Одним я разом погубил;
Напал на рать врагов несчетных,
И тем разбитье заслужил.

Не остановятся отныне
Успехом гордые враги,
Доколь Россию всю пустыне
Не уподобят их шаги.

Их орд на нас польется море,
А сила русская мала.
О горе, вечное мне горе,
Что я виновник первый зла!

Но чем бы ни решались битвы,
Моя надежда все крепка:
Услышит наши бог молитвы,
И нас спасет его рука.

Он русским даст терпенья силу,
Они дождутся красных дней;
У нас в земле найдут могилу
Враги, гордившиесь над ней».

Так Мстислав Мстиславич храбрый Галицкий молвил.
На руки склонши главу, Даниил его слушал
безмолвно.
Отроки ж, веслами быстрые волны дружно взметая,
К берегу мчали ладью; сошли и князья и дружина,
Пали наземь лицом, и в слезах благодарных молили
Бога и спаса Христа и пречистую деву Марию.

<1819>

II

Н. И. Тургенев

Н. И. ТУРГЕНЕВ

Николай Иванович Тургенев родился в 1789 г. в семье просвещенного деятеля И. И. Тургенева, члена Новиковского Дружеского ученого общества. За связь с Новиковым Н. И. Тургенев был отправлен Екатериной II в ссылку (возвращен после смерти императрицы). Н. И. Тургенев учился в Университетском благородном пансионе и затем в Московском университете, по окончании которого в 1810 г. он уехал в Геттинген для продолжения своего образования.

В 1814—1815 гг. Тургенев сопровождал русские войска в качестве комиссара «Центрального департамента». Он вернулся в Россию в 1816 г., исполненный вольнолюбивых надежд и жажды деятельности на «общественное благо». Приехав в Петербург, он организует кружки преимущественно военной молодежи, где изучаются вопросы политической экономии и права. Он вступает в члены литературного общества «Арзамас» и намеревается совместно с Куницыным издавать журнал, где, кроме литературных, освещались бы и политические вопросы. В 1818 г. вышел в свет капитальный труд Н. Тургенева «Опыт теории налогов», создавший ему широкую известность в прогрессивных кругах общества. Пафос деятельности Тургенева в эту эпоху заключался в борьбе с крепостным правом. В X главе «Евгения Онегина» Пушкин характеризует его как пламенного патриота и врага крепостного рабства. В 1819 г. Тургенев вступил в Союз благоденствия, но в 1821 г., когда после закрытия союза было создано Северное общество, он, сохраняя близость с его членами, сам в члены общества не вступил.

В 1824 г. Тургенев получил отпуск и уехал в Англию, где его застало предписание явиться в суд по делу о декабристах. Однако он не выполнил этого предписания и был заочно приговорен к смертной казни.

В 1833 г. Тургенев переехал во Францию, где прожил до 1857 г., когда после реабилитации он приехал на родину.

Тургенев приезжал в Россию еще дважды, в 1859 и 1864 гг. Умер он во Франции, в 1871 г. Живя за границей, Тургенев написал книгу «Россия и русские», где содержались воспоминания о 1812—1825 гг.

Поэтическая деятельность не занимала большого места в жизни Тургенева. Его стихи представляют известный биографический интерес, как отражение идейных исканий в юношеские годы.

* * *

Закон Природы — есть святейший,
Который *все* должны хранить,
А разум истиный, чистейший
Закона духом должен быть.

<1807>

* * *

Приди, о истина, и поселись меж нами
Приди, искорени вгнездившийся порок,
Соделай, чтоб враги нам сделались друзьями
И чтоб невинного не гнал уж боле рок.

Соделай, чтобы ложь, вражда и суеверство
Попраны были в прах, истреблены навек,
И чтоб начало зол, несродно смертным зверство,
Чтоб фанатизм погиб — и счастлив человек!

<1807>

Д. И. ЗАВАЛИШИН

Член Северного общества Дмитрий Иринархович Завалишин родился в 1804 г. Воспитывался в морском корпусе, был мичманом, преподавателем морского корпуса, а с 1823 г. лейтенантом 8-го флотского экипажа. В 1822—1824 гг. находился в кругосветном плавании.

Завалишин, как человек, убеждавший ряд лиц «истребить императорскую фамилию», был присужден к каторжной работе на двадцать лет. Находился в Нерчинских рудниках, затем на поселении в Сибири. Вернулся оттуда в Москву в 1863 г., где умер в возрасте 88 лет.

В «Алфавите членам бывших злоумышленных тайных обществ» о Завалишине говорится, между прочим, что он стремился «увеличивать число недовольных и давал читать разные книги и стихи, из коих одни наполнены самыми дерзкими и гнусными клеветами на покойного императора и августейшую фамилию, ужаснувшими даже соумышленников его, причем уверял, что все сказанное в них — совершенная истина».

Два стихотворения такого характера сохранились в следственном деле Завалишина. Эти стихи, художественно слабые, но по своему политическому содержанию очень острые, интересны для характеристики декабристских методов агитации.

* * *

Я в первый раз взял в руки лиру.
Славянско племя, пробудись,
Воспрянь от сна и ободрись,
Яви себя великим миру!

Теки, как бурны текут реки,
Когда вон выдут из брегов,
Освободясь само навеки,
Освобождай и всех рабов.

Свободны предки наши были,
Свободными во гроб сошли,
Но вольности не уступили;
Рабы лишь к нам царей ввели.

Ах, скоро ль кончится терпенье
И долго ль будем в рабстве жить,
Свободы нашей похищенье,
Ах, долго ль будем мы сносить!

* * *

Я песни страшные слагаю,
Моих песней не петь рабам,
Дворяне, — вас так называю
И гибель возвещаю вам!
Как смеете вы тем гордиться,
Рабов имеете что вы,
Тем боле должно вам стыдиться:
Рабов имея — в рабстве вы.
И вам ли думать о свободе,
Коль ненавидят вас в народе,
Рабы ж — от рук падете их.
Итак, старайтеся желанье
Свободы буйной укротить,
Старайтесь грозное восстанье
Дотоль народа отвратить,
Доколе участь улучшенну
Доставите своим рабам,
Дабы в сию борьбу священну
Быть можно безопасным вам.

А. П. БАРЯТИНСКИЙ

Александр Петрович Барятинский родился в 1798 г. Воспитывался в одном из петербургских пансионов. В 1814 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел, но служил там недолго и вскоре перешел на военную службу.

С 1821 г. Барятинский состоял членом Южного общества и был одним из его активных членов. В 1826 г. он был присужден к двадцати годам каторжных работ и к вечному поселению. По определению известного «Алфавита членам бывших злоумышленных тайных обществ», он «одобрял решительный революционный способ действия с упразднением престола»... После предварительного заключения в Кексгольме его отправили в Нерчинские рудники. После каторжных работ Барятинский в 1839 г. был переведен в Тобольск на поселение. Здесь он тяжело болел и к тому же испытывал жестокую материальную нужду. В 1844 г. болезнь его обострилась, и он был принят в тобольскую больницу приказа общественного призрения, где он и умер в том же году.

Барятинский был убежденным материалистом.

Во время заключения в Чите и в Петровском заводе им было написано сочинение на французском языке, в котором он доказывал справедливость материалистической философии и отрицал существование бога.

В печати Барятинский выступил лишь однажды.

В 1824 г. в Москве вышла на французском языке его книга стихов, озаглавленная «Quelques heures de loisir à Toulchin» («Часы досуга в Тульчине»; Тульчин — место, где служил Барятинский; там же был центр Южного общества). Книга содержит 14 стихотворений. Особый интерес представляют стихи, адресованные Пестелю, где говорится о дружбе с вождем Южного общества (оно в качестве посвящения предпослано стихотворению «Старик с берегов Миссисипи» — о «натчезах» — племени, проживавшем в Америке и почти истребленном в XVIII веке).

Атеистическое мировоззрение Барятинского в некоторой степени проявилось в стихотворении «Ко дню именин» и с исключительной полнотой в черновой рукописи стихотворения о боге, оставшейся в делах следственной комиссии.

Печатаемые стихи даны в переводах, сделанных для этой антологии Вс. Рождественским (из книги «Quelques heures de loisir à Toulchin») и проф. Б. В. Томашевским (атеистическое стихотворение «Ah! d'où vient que ce dieu à l'univers impose»).

II. ПЕСТЕЛЮ[1]

Четыре месяца, — мне вспомнилось с тоской, —
Prime sodalium![2] я разлучен с тобой!
Ты, верю, не забыл простые наши встречи,
Когда в вечерний час и помыслы и речи
Сливались в дружестве согретых сердцем слов?
В минуты отдыха от всех своих трудов,
Уставший воспарять возвышенной душою,
Ты о стихах моих беседовал со мною.
Натчезов горький рок я пред тобой явил.
Их пожалев, прости мой стихотворный пыл!

---

[1] Полковник, командир Вятского полка.
[2] <Первый из друзей!>

СТАРИК С БЕРЕГОВ МИССИСИПИ

В Луизиане, там, где солнце каждый час,
Где знал восторг любви и горечь слез Шактас,
Напротив берега, где тянутся саванны,
Миссисипи шум разносит неустанный,
Вздымается из волн обрывистый утес,
По чьим расщелинам не видно даже коз.
Здесь в старости Натчез, наказанный судьбою,
Сидел с опущенной печально головою,
Придавлен тяжестью годов и горьких дум,
И слушал пенье волн, катящих смутный шум.
Когда ему мечты невыносимы стали,
Он начал говорить, исполненный печали:

«Терзанья тщетные! Я сам его сразил...
И на мое чело должно упасть отмщенье.
Отец-чудовище родную кровь пролил,
И жизнь отныне мне внушает отвращенье.
Мой сын, любимый сын, пал от руки моей...
О боги! Для меня нет мысли тяжелей!

Дай, Миссисипи, мне забвенье зол отныне,
Верни, верни того, кто всех дороже мне!
Пускай погибну я в стремительной пучине,
Но сына хоть на миг увижу в глубине.

С тех пор, как здесь живу с печалью я своею,
Уже двадцатый раз утес в снега одет.
Мой волос поседел, я гасну, я слабею —
А горести моей все исцеленья нет!

Дитя любимое, он был мне утешеньем.
На игры юноши я так смотреть любил!
Он матери своей был нежным повтореньем,
Он счастье и любовь душе моей дарил.

Едва став юношей, в опасности влюбленный,
Он средь густых лесов блуждал по целым дням,
Охотился в степях на дикого бизона,
За ланью быстрою стремился по пятам.

Все любовались им — походкой благородной
И дикой грацией осанки молодой.
Струились волосы вдоль щек его свободно,
А взор небесною сверкал голубизной.

Счастливец! Мог бы я тебе, мой сын любимый,
Блаженство, честь моя, — отдать остаток сил,
Но жертвой ревности я стал неумолимой,
Жестокою ценой за счастье заплатил.

Пил счастье на груди я женщины прекрасной,
Но ей я не был мил. Росла день ото дня
Меж нами неприязнь. И у нее, несчастной,
Одна лишь мысль была — не пощадить меня.

Мой сын... покорностью он умножал мученье.
Я свой ревнивый гнев обрушил на него.
Он прямотой своей внушал мне восхищенье,
Но и укором был для сердца моего.

Его изменница сердила молодая,
Беспечность женскую он горько проклинал.
Раз, в одиночестве средь диких скал гуляя,
Он эту женщину случайно повстречал.

«Неблагодарная! Я возмущен тобою.
Терзаешь ты отца, — сказал он тихо ей. —
Скажи, как можешь ты с беспечностью такою
Забыть любовь свою, блаженство первых дней?

А. И. Барятинский

Рисунок с оригинала Н. А. Бестужева, 1830-е годы.

Он стал угрюмее, он опускает веки,
И мне он ничего не говорит в ответ.
Со светлой радостью расстался он навеки,
И слез у старика отныне больше нет.

Души измученной терзания и стоны
Не хочет доверять он больше никому.
Уж если хочешь быть жестокой, непреклонной,
То нанеси удар лишь сердцу моему!»

«Не упрекай меня! — она ему сказала. —
Твои слова сейчас терзают сердце мне.
Такого сына я доныне не встречала
И пред таким отцом виновна я вдвойне.

Скорее ток реки могучей истощится
И звери будут жить на дне ее сухом,
Скорей рычащий лев пред серною смирится,
Чем позабыть могу о долге я своем!»

Мой благодарный сын, услышав голос ясный,
Почувствовал, что я от горестей спасен,
И на ее руке с признательностью страстной
Был чистый поцелуй тогда напечатлен.

И я увидел их... От ревности сгорая,
Я разум потерял, лишился света дня.
Мгновенно кровь во мне сгустилась ледяная...
«Нет у меня жены, нет сына у меня!» —

Безумством ослеплен, я волосы невинной
Схватил и, трижды в грудь ей погрузив клинок,
С обрывистой скалы над бурною пучиной
Столкнул ее туда, в бушующий поток,

И до последнего предсмертного дыханья
Упрека с уст ее не донеслось ко мне,
И слух мой различил лишь слабое стенанье
В тот миг, когда она сокрылась в глубине.

Река ее несла по быстрому теченью,
И трижды голова всплывала над волной,
И трижды грудь ее, залита кровью мщенья,
Среди крутых валов мелькала предо мной.

Но вот в последний раз на вспененном просторе
Явила бледный лик бегущая вода,
И приняло ее в свои объятья море,
Чтоб поглотить, шумя, в пучине навсегда.

Да, навсегда!.. увы! Небесное отмщенье,
Лиши всех радостей меня без сожаленья,
Пускай я упаду внезапно на песок,
Как ветром осени оборванный листок,
Как с ветки снег в тиши лесной
Нежданно падает порой!

Увы! За сыном вслед на этих берегах
Я мог бы утопить отчаянье в волнах...
Но нет! Я должен жить, чтоб это преступленье
Душе всегда внушало страх.
Пусть в муках завершится жизнь моя.
Достоин ли — не знаю — смерти я?

О, если б некий бог, судьбу мою жалея,
Мне сына возвратил, чтоб стала жизнь светлее,
И собственной рукой, не вспоминая зла,
Морщины горя стер с увядшего чела,
О, если б только страсть, чья гибельная сила
Последние года мне скорбью сокрушила,
Зажгла в моей груди желанье жизни вновь
И десять юных дев мне отдали любовь —
Я б сыну моему, чья смерть была ужасна,
Их уступил бы сам!.. Но он погиб, несчастный...

Терзанья тщетные!.. Я сам его сразил,
И на мое чело должно упасть отмщенье.
Отец-чудовище родную кровь пролил,
И жизнь внушает мне отныне отвращенье.
Мой сын, любимый сын, пал от руки моей...
Нет сердцу мысли тяжелей!..»

И старец замолчал. Утес, досель безмолвный,
Чье основание давно точили волны,
Нависший тяжело над самою водой,
В зыбучие пески упершийся пятой, —
Вдруг рухнул с грохотом в кипение потока
И брызги раскидал тяжелые широко...

Так кончил жизнь старик. Волна — шумна, светла —
И преступление и кару унесла.

ПОСЛАНИЕ ИВАШЕВУ[1]

Браню тебя за лень, беглец струи Пермеса,
Беспечный Ивашев, любезный мой повеса.
Ты занят книгою. Но все-таки она
Быть злою мачехой таланту не должна.
Ты чтеньем увлечен — я вижу — в вечер длинный,
И вот твой пыл угас, умолкло пианино.
Ужели так страшит и легкий груз труда
Тебя, с Эвтерпою дружившего всегда?
Зачем же добрых муз испытывать терпенье, —
Скорее на Парнас, чтоб вымолить прощенье!

О ты, кем Лафонтен легко переведен,
Тебя вниманием приветил Аполлон,
Ему твои стихи читать всегда приятно
(Ведь там, в жилище муз, и наша речь понятна!).
А сам старик поэт в твоих словах живых
С восторгом узнает им сочиненный стих
И в мирных тех местах, где обитают тени,
Пленяется игрой повторных превращений.

...И видит снова он с улыбкой, как *Карвель*,[2]
Ревнивец и слепец, не понявший досель,
Что сон... молчу, молчу. Моя стыдлива муза.
Твоя ж... Тебе в стихах поведать не обуза,
Легко и весело, про участь рогачей,
Переложив рассказ на нравы наших дней.

---

[1] Офицеру кавалергарду.
[2] Сказка Лафонтена.

Любовника ведет слуга порой ночною [1]
И над ревнивою смеется сединою,
А муж под яблоней давно уж стережет...
И твой лукавый стих, не знающий забот,
Ревнивцу дерзкому, уже без сожаленья,
Для лба плешивого готовит украшенье.

Так было... Но твое воображенье спит.
Стыдись! Пусть мой упрек тебя расшевелит.
А если, Ивашев, боишься ты цензуры —
Вот пианино! Сядь, коснись клавиатуры,
Забудь мои стихи и горький мой упрек
И звуков разбуди бушующий поток!
Пускай твоей руке, бегущей так проворно,
Ответят клавиши и гулко и просторно,
Пусть пальцы легкие скорей доверят им
Все то, чем ты сейчас взволнован и томим.
По пестрым клавишам, не ведая преграды,
Умеешь прокатить ты громкие рулады
И наконец, аккорд тяжелый уронив,
В молчании следить, как замер твой мотив.
Твои фантазии и дум твоих волненье
Внимающих тебе приводят в восхищенье.
Пусть все, кому печаль давно сжимает грудь,
Приходят на концерт душою отдохнуть.
Садись за инструмент, педали нажимая,
Пусть звуки катятся, друг друга догоняя.
Рокочет ли гроза? Нептун ли бьет веслом?
По клавишам бежит, все разрастаясь, гром,
Летучих пальцев бег дает всю силу звуку,
Рука торопится догнать другую руку,
Умолкнувший аккорд уже звучит опять
И продолжает нас, как прежде, чаровать.
Ты радость светлых дум и грусть раздумий черных
Умеешь передать на клавишах проворных.
Упреки тщетные! Что толку сожалеть!
Душа твоя во сне, не станут струны петь.
Увы! Ты за столом давно сидишь уныло.
Перо твое в пыли, и высохли чернила.

---

[1] Другая сказка Лафонтена.

Бумажные листы, сверкая белизной,
Давно нетронуты, лежат перед тобой.
Опершись на руку и опустив ресницы,
Ты взгляда своего не сводишь со страницы.
Другая же рука, как будто в забытьи,
Отстукивает вновь мелодии свои
По гладкому столу, сверкающему лаком,
Послушно следуя безмолвным нотным знакам.

КО ДНЮ ИМЕНИН

Величием святой Варвары
Народы были спасены
От диких мнений старины
И заблуждений веры старой.
Она, своей рукой сорвав с их глаз покров,
Низвергла навсегда язычества богов.
Когда бы со святой в одном Вы веке жили,
Когда б рождением ее опередили,
Каких бы доводов Ваш ум ни расточал —
Мир более еще языческим бы стал!
Да, Вы не одного низвергли бы кумира,
Рассеяли бы все предубежденья мира,
И все же — в незабвенный час —
Чтя Ваши святости и к благу Ваше рвенье,
Забыв былые заблужденья,
Как божеству, увидев Вас,
Вам воздавали б поклоненье!

* * *

Скажите: что́ могло вселенную заставить,
Смирясь пред божеством, и чтить его и славить?
Лишь воспитание причиною тому.
Я видел, как мудрец, вдруг изменив уму,
Пред вздорной баснею противиться не может,
Когда бессильный мозг тоска и ужас гложут.
Пусть непреклонный ум в расцвете полном сил
От заблуждения его освободил —
На склоне лет своих, охваченный смятеньем,
Он возвращается к забытым заблужденьям.
А разве сами мы, познавшие обман,
Мы — прежде не влеклись в пленительный туман,
Когда от юных игр вечернею порою
Под кровлю хижины сбегалися толпою
Речистой бабушки послушать болтовню.
Кружком внимательным придвинувшись к огню,
Плечом к плечу, дрожа, раскрыв широко очи,
Готовы были мы сидеть до поздней ночи
В углу у камелька и слушать без конца
Про чудеса святых, про мщенье мертвеца...
Рассказ таинственный, божественный, волшебный.
. . . . . .
Вот в этом трепете и страхе детских бдений
И скрыта первая причина заблуждений.
. . . . . .
Бог в изобилии своем неудержим!
Ужель жестокостью бороться надо с ним?
Во благости своей стремясь мир умножить,
Он расточает жизнь затем, чтоб уничтожить!
Не мог ли всеблагой среди премудрых дел,

Для созданных родов назначив свой предел,
В начале пресекать излишества созданья,
Не обрекая всех на смерть и злодеянья?
Не в боге, скажешь ты, возник источник зла.
Его творениям нет меры и числа.
По воле божией простертые над нами
Сияют небеса несчетными мирами...
Он бесконечен, мудр, он всемогущ, велик...
Ничтожен перед ним козявки жалкой крик.
Безумец! божество сокрыв покровом тайным,
Ты наградил его величьем чрезвычайным...
Коль существует бог, не оскорбляй его:
«В созданьи комара мы видим божество».
Коль так — в могуществе своем неизмеримом
Он должен управлять и зримым и незримым,
Пред ним равна судьба пылинок или сфер,
Не надо смешивать величье и размер.
Венчанный молнией, грозящий свыше нам,
Горячей крови ты вдыхаешь фимиам,
И всюду и всегда, творя тебе молитвы,
Вступают племена в неистовые битвы.
Ты сам источник зла: святилища твои
Багрят закланных жертв кровавые струи.

. . . . . .

Торжественная ночь, возжегшая светила,
Твое величие глазам моим явила,
Но пташки, схваченной зверьком, внезапный крик,
Как жало острое, до сердца мне проник.
Жестокость злобного и хищного творенья
Опровергает ложь о мудром провиденье.
Престол его давно уже разбить пора.
В добре он немощен иль мощен без добра.
Познай историю и естества уставы —
И скажешь наконец, что для его же славы,
Коль волею его мир обречен страдать, —
И был бы бог, его должны мы отрицать!

М. А. БЕСТУЖЕВ

Автор популярнейшей среди ссыльных декабристов песни «Что не ветр шумит во сыром бору...», Михаил Александрович Бестужев принадлежал к славной семье Бестужевых, из которой вышли четыре брата-декабриста (в числе их и писатель А. А. Бестужев-Марлинский). Родился М. А. Бестужев в 1800 г., воспитывался в Морском корпусе и все время находился на военной службе. В 1825 г. М. Бестужев вступил в Северное общество. В восстании декабристов он принимал активное участие: на Сенатской площади давал солдатам команду открыть стрельбу по правительственным войскам. Верховным уголовным судом Бестужев был приговорен к пожизненной каторге (срок был затем сокращен до 20 лет). После амнистии 1856 г., когда Бестужев был в ссылке, он не воспользовался правом проживания в Москве и остался в Сибири. В Москву приехал только в 1867 г. Умер в 1871 г.

ПЕСНЯ

Что не ветр шумит во сыром бору —
Муравьев идет на кровавый пир...
С ним черниговцы идут грудью стать,
Сложить голову за Россию-мать!

И не бурей пал долу крепкий дуб,
А изменник-червь подточил его.
Закатилася воля-солнышко —
Смертна ночь легла в поле бранное...
Как на поле том бранный конь стоит;
На земле пред ним витязь млад лежит.
«Конь, мой конь! скачи в святой Киев-град;
Там товарищи, там мой милый брат.

Отнеси ты к ним мой последний вздох
И скажи: цепей я нести не мог...
Пережить нельзя мысли горестной,
Что не мог купить кровью вольности!»

<1830>

Г. С. БАТЕНЬКОВ

Гавриил Семенович Батеньков не был поэтом в обычном смысле этого слова. Стихотворение «Одичалый», написанное в Свартгольмской крепости — одно из немногих его дошедших до нас произведений; это — вылившаяся в стихотворную форму исповедь узника, считавшего себя заживо похороненным.

Родился Батеньков в 1793 г. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. и был ранен (в одном из сражений получил десять штыковых ран).

После окончания войны и выздоровления сдал экзамен в Институте корпуса инженеров путей сообщения и был определен инженером по этому корпусу (впоследствии был произведен в подполковники).

Батеньков, как член Северного общества, был приговорен к каторжным работам на 20 лет, с сокращением затем срока до 15 лет. После приговора заключен в Свартгольмскую крепость (в Финляндии), откуда, по неясным мотивам, был в 1827 г. перевезен в Петербург и содержался в Алексеевском равелине. В 1828 г. пытался голодом и бессонницей лишить себя жизни и обнаружил признаки помешательства.

В 1846 г. был отправлен на поселение в Томск. Умер в 1863 г.

Г. С. Батеньков

Фотография Е. И. Якушкина, 1850-е годы

ОДИЧАЛЫЙ

I

Я прежде говорил: «прости!»
В надежде радостных свиданий,
Мечты вилися на пути,
И с ними ряд воздушных зданий.
Там друг приветливый манил,
Туда звала семья родная,
Из полной чаши радость пил,
Надежды светлые питая.
Теперь «прости» всему навек!
Зачем живу без наслаждений?
Ужель еще я человек?
Нет!.. да! — для чувства лишь
мучений!
Во мне ли оттиск божества?
Я ль создан мира господином?
Создатель — благ. Ужель их два?
Могу ль его назваться сыном?..

Шмели покоятся в дупле,
Червяк в пыли по воле гнется —
И им не тесно на земле:
Им солнце светит, воздух льется,
Им — все! А мне едва во сне
Живая кажется природа...
Ищу в бесчувственной стене
Отзы́в подобного мне рода.

II

Вон там туман густой вдали
И буря тучами играет;
Вода одна, и нет земли,
Жизнь томно факел погашает.
Вон там на воздухе висит,
Как страшный остов, камень голый,
И — дик и пуст — шумит, трещит
Вокруг трущобы лес сосновый.

Там серый свет,
Пространства нет —
И время медленно ступает...
Борьбы стихий везде там след...
Пустыня в сиротстве рыдает...
И там уму
В тюрьме тюрьму
Еще придумалось устроить...
Легко ему
Во мраке — тьму,
В теснине — тесноту удвоить!
Там пушек ряд,
Там их снаряд;
При каждом входе часовые.
Кругом крутят,
Кругом шумят
Морские волны лишь седые.
Куда пойти?
Кому прийти
Сюда без ведома смотрящих?
И как найти
К родным пути,
Где даже нет и приходящих?
Все это *там*, друзья, для вас —
И редко вам на мысль приходит...
Все это *здесь*, друзья, для нас:
Здесь взор потухший лишь находит
Пространство в нескольких шагах,
С железом ржавым на дверях,
Соломы сгнившей пук обшитый
И на увлаженных стенах

Следы страданий позабытых.
Живой в гробу,
Кляну судьбу
И день несчастного рожденья!
Страстей борьбу
И жизнь рабу
Зачем вдохнула из презренья?

III

Скажите: светит ли луна?
И есть ли птички хоть на воле?
Им дышат ли зефиры в поле?
По-старому ль цветет весна?
Ужель и люди веселятся?
Ужель не их — их не страшит?
Друг другу смеет поверяться
И думает и говорит?
Не верю. Все переменилось:
Земля вращается, стеня,
И солнце красное сокрылось...
Но, может быть, лишь для меня!

IV

Вон там, весной,
Земли пустой
Кусок вода струей отмыла,
Там глушь: полынь и мох густой —
И будет там моя могила!
Ничьей слезой
Прах бедный мой
В гробу гнилом не оросится,
И на покой
Чужой рукой
Ресниц чета соединится.

Не урна скажет, где лежит
Души бессмертной бренна рама;
Не пышный памятник стоит,
Не холм цветистый — влажна яма.

Кто любит, не придет туда;
Родной и друг искать не будет
Ко мне заросшего следа;
Его могильщик позабудет.
Здесь имя — в гробовую тьму...
Добра о нем уже не скажут —
И с удовольствием к нему
Враги одно лишь зло привяжут.
Погибли чувства и дела,
Все доброе мое забыто,
И не осмелится хвала
Мне приписать его открыто.
Довольно раз
К цепям у нас
Себе позволить отвращенье,
Сказать... поднять чело на час —
И расклокочется гоненье...

Кукушка стонет, змей шипит,
Сова качается на ели
И кожей нетопырь шумит —
Вот песнь кругом сырой постели.
Песок несется, ил трясется,
Выходит пар из мокроты,
И ржавый мох в болоте ткется —
Вот мне приветные цветы!
Придет холодный финн порой —
И, в сердце страх один имея,
Смутится самой тишиной
И скажет: «Здесь приют злодея —
Уйдем скорей, уж скоро ночь.
Он чудится и в гробе смутой».
С колом в руках, в боязни лютой,
Крестясь, пойдет оттоле прочь.

О люди, знаете ль вы сами,
Кто вас любил, кто презирал,
И для чего под небесами
Один стоял, другой упал?
Пора придет: не лживый свет
Блеснет — всем будет обличенье...
Нет! не напрасно дан завет,

Дано святое наставленье,
Что бог — любовь; и вам любить
Единый к благу путь указан...
И тот, кто вас учил так жить,
Сам был гоним, сам был наказан...
Но чем то сердце будет здесь,
Которое любить умело
И с юных лет уже презрело
Своекорыстие и спесь?
Что будет око прозорливо,
Которое земли покров
Так обнимало горделиво
И беги мерило миров?
Что будет череп головной,
Разнообразных дум обитель?..
Земля смешается с землей,
Истлит все время-истребитель!
Но скоро ли? Как для меня
Желателен конец дыханья!
Тлен благотворного огня
Сулит покой, конец страданья!
Но, други, в этот самый час,
Как кончу я мой путь печальный,
Быть может, трепет погребальный
Раздастся в сердце и у вас —
Иль меж душами нет сношений,
И чувство чувство не поймет?
Ненужный вам для наслаждений,
Равно — живет иль не живет?
Ужель себя
Одних любя,
Во мне лишь средство веселиться
Искали вы и, не скорбя,
Могли навек со мной проститься?
И крови глас
Ужели вас
Ко мне порой не призывает?
И дружбы жар в «прости» погас —
И стону хохот отвечает?..

Пусть так. Забытый и гонимый,
Я сохраню в груди своей

Любви запас неистощимый,
Для жизни новой, после сей!
Вкушайте, сильные, покой,
Готовьте новые мученья:
Вы не удушите тюрьмой
Надежды сладкой воскресенья!
Бессмертие! В тебе одном
Одна несчастному отрада:
Покой — в забвеньи гробовом,
Во уповании — награда.
Здесь все, как сон, пройдет. Пождем —
Призывный голос навевает —
Мы терпим, бремя мук несем,
Жизнь тихо теплится — и тает...

1827, май
Свартгольм,
крепость в Финляндии

* * *

Каким огромным великаном
Я зрю тебя, Россия-мать!
Полмира облегла ты станом,
И не перестает сиять
В твоих уделах дня светило,
И море синее повило
Фатой волнистою тебя.
Ты опоясалась хребтами
И снегов вечных сединами
Покрыла, древняя, себя.

Венец из северных сияний
Почиет на челе твоем;
Как очи, полные познаний,
Так сопки блещут их огнем.
Как жил для боя напряженье —
Великих рек в тебе теченье;
В громах лишь слышен голос твой.
Кристаллов соли напиталась,
Металлов квасом напаялась —
Полкругом видима луной.
Под гребнем зубчатым норвежским
Висит финляндская коса.

. . . . . .

«Я русский: гордо бьется грудь
При имени России».

Н. А. БЕСТУЖЕВ

Николай Александрович Бестужев, брат Александра и Михаила Бестужевых, родился в 1791 г. в Петербурге. С 1802 до 1809 г. воспитывался в Морском корпусе, служил в штате Морского корпуса помощником директора Балтийских маяков и начальником Морского музея, с 1824 г. произведен в чин капитан-лейтенанта. Состоял в течение года членом Северного общества. 14-го декабря был в Гвардейском экипаже, привел его на площадь. По приговору осужден к ссылке в каторжную работу вечно (срок был сокращен до 20 лет), а затем — на вечное поселение. В 1827 г. поступил в Нерчинские рудники. В 1839 г. переведен на поселение в г. Селенгинск, Иркутской губернии, где умер в 1855 г.

Н. А. Бестужев — талантливый акварелист-портретист и писатель. В 1821 г. он издал «Записки о Голландии», в течение 1821—1825 гг. напечатал ряд очерков по истории русского флота, которые после его смерти были собраны в книгу под заглавием «Рассказы старого моряка» (М., 1860). Кроме того, он писал стихи и перевел в прозе восточную повесть Т. Мура «Обожатели огня» и «Паризину» Байрона.

Н. А. Бестужев

Автопортрет, 1830-е годы

МАРТЫШКА И БРИТВА

БАСНЯ

С умом изо всего извлечь нам пользу можно,
Когда обходимся с вещами осторожно;
А без ума — всегда
С опасными вещьми беда.

Мартышка бритву утащила
И, глядя на людей, намылилась она
И мыло бритвою скоблила;
Но вот беда: она тому не учена;
Что лапу занесет, то сдернет лоскут кожи,
Что бритвой повернет, то брызнет кровь из рожи,
То уха хвачено, то губы клок висит.
— Пусть так, — Мартышка говорит, —
Да пусть же видит всяк, что бриться я хотела
И что на свет большой не в щелочку глядела.

Недолго меж людей
К Мартышке сей
Приискивать примера:
Иной таращится и бриться и писать,
Чтоб после о себе сказать:
«Ведь я уж бреюся, уж я читал Вольтера».

П. С. БОБРИЩЕВ-ПУШКИН

Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин родился в 1820 г., воспитывался в Московском университетском пансионе и затем в Муравьевской школе колонновожатых. Состоял на военной службе в качестве поручика квартирмейстерской части. В 1822 г. был принят в Южное общество. Приговорен к каторжным работам сроком на 8 лет, в 1827 г. прибыл в Нерчинские рудники. В 1832 г. переведен на поселение в Красноярск, в 1839 г. получил разрешение переехать в Тобольск для ухода за братом, помещенным в доме умалишенных. В 1856 г. вернулся на родину, в Тульскую губернию. Умер в Москве в 1865 г.

В юности П. С. и Н. С. Бобрищевы-Пушкины писали стихи, которые помещались в органе университетского пансиона, журнале «Калиоппа» на 1816/17 год. Ряд басен был написан П. С. Бобрищевым-Пушкиным в Сибири, причем для них характерно гражданское направление.

ЛИСА-СЕКРЕТАРЬ

Лев приказание однажды дал лисице,
Законы толковать великой мастерице,
Скорее написать о том,
Чтоб длиннохвостые из царства вышли вон.
Лисица принялася,
И ну писать!
И титул и число исправно написала,
А там и стала.
Верть так и сяк хвостом, не знает — что начать.
В законе-то она хоть толк довольно знала,
Да с ней случилася беда:
Когда бы не было у ней самой хвоста,
Тогда б другое дело.
Однакож хитростью она кой-как успела —
И снова за письмо на цыпочках присела,
И тут уж — ну валять...
В минуту кончила, кой-что переменила:
Не хвост в наказ — рога вклеила
И подвела такой закон,
Чтобы рогатых выгнать вон.
Лев на лисицу полагался.
Уж дело предо львом,
А секретарь в чести — так дело и с концом:
Махнул и подписался.
Лисица в стороне; а бедные козлы,
Быки, бараны и волы
Принуждены от леса отказаться
И от скотов скорее убираться.

<1817>

ВОЛК И ДВЕ ЛИСИЦЫ

Две хитрые лисы у мужика
Вдвоем стянули петуха;
Но что ж, тут нечему дивиться:
Ведь надо чем-нибудь лисицам поживиться.
Да вот беда,
Как дело то дошло до дележа;
А уж когда делят, не только у лисиц —
И у людей бывают споры,
И брань, и ненависть, и драка, и раздоры.
Кусочек каждая из этих двух лисиц,
Кусочек пожирней, побольше взять хотела
И, словом, каждая про свой желудок пела.
Повздорили они о петухе,
Но проку кумушки не сделали себе,
А дело чтоб привесть к концу, пошли к судье.
Волк был тогда судьей,
Который наблюдал прибыток больше свой —
И только что пришли, перед судьею стали,
Он тотчас закричал, чтоб петуха подали.
Лишь взял — и тотчас съел,
А кумушкам в ответ итти назад велел.
. . . . . .

И. Д. Якушкин, П. С. Бобрищев-Пушкин и М. К. Кюхельбекер в Петровском заводе

БРАГА

(БАСНЯ)

Крестьянин молодой,
По древнему обыкновенью дедов,
Весеннею порой
Собрался угостить своих соседов
На праздник храмовой.
И для того сварил, недели за две, браги
Две полные корчаги
И, в бочку влив, закупорил гвоздем,
С той мыслью, чтоб она путем
Ко праздничному дню осела.
Ан вышло не по нем, как на беду, все дело,
И словно как над ним лукавый подшутил:
Во-первых, солоду в нее переложил,
А во-вторых, вина и та, что слишком много
Он в бочку чересчур налил
И что закупорил он слишком строго,
Не сделавши нигде отдушин в ней.
Но как бы ни было, не знаю, сколько дней
Пробывши взаперти, так брага забродила,
Что удали такой и пиву б впору было;
А как насперся дух и набралася сила,
Стесненная со всех сторон,
Гвоздь верхний вышибла она из бочки вон
И, клубом пеняся, в отверстье побежала!..
Увидев то, крестьянин мой
— Постой же, — говорит, — я справлюся с тобой,
На гвоздь один надежды, видно, мало! —
Сказав, попрежнему закупорил гвоздем,
А сверх того, еще для подкрепленья

Он бочку обтянул железным обручом.
— Теперь не вырвешься, прошу прощенья! —
Сказал он, отходя от бочки прочь.
Но дело не по нем сбылося снова.
Он и не ждал себе несчастия такого:
Перестоявши ночь,
Сильнее прежнего зашевелилась брага,
Вспузырилась, сперлась и, весь собравши дух,
Отколь взялась отвага,
Вон вышибла не гвоздь, а целый круг
И потекла по погребу ручьями!..
Крестьянин ахнул мой, всплеснул руками,
Когда пришел поутру навестить,
Увидев в погребе такое разрушенье,
А некого бранить...
На праздники без угощенья
Остался он по милости своей.
А если бы крестьянин был умней
И сколько надобно дал браге бы свободы —
И сам бы с брагой был для праздничных он дней
И бочки разрывать не довелось бы ей.
Свое всегда возьмет закон природы.

<Тобольск. 1829>

ДИТЯ И ПЯТНЫШКО

(ВАСНЯ)

Дитяти маменька в награду за урок
Купила платьице ко празднику в обновку.
Надевши на него и причесав головку,
Промолвила: «Смотри же, мой дружок,
Чтоб это платьице ты у меня берег,
Чтоб к вечеру его снял так же ново!»
И подлинно сказать, ребенок соблюдал,
Как должно, маменькино слово:
Чиннехонько ходил, чиннехонько играл;
И в утро целое не знал, что есть проказа,
Он платьице свое берег, как глаз.
Но на кого беда на свете не живет?
И мой Николенька забылся,
Разбегался и расшалился,
И платьице себе он как-то запятнал.
Увидевши беду, заплакал, зарыдал.
Потом, как водится, от слез своих унялся,
Но утешение сбылося не к добру.
Уже Николенька не так, как поутру,
Обновку замарать боялся,
Считая про себя, что будет все равно,
Увидят ли на нем одно
Пятно,
Пятна ли два или десяток;
Так думая, шалить стал без оглядок.
Что ж вышло из того? Что, тряся об столы,
Об печки, об полы,
Обновку замарал хоть брось мой Николаша!

Толк басни сей таков:
Дитя есть всяк из нас, а платье — совесть наша.
До первой слабости у всякого она
В своей невинности хранится.
И счастлив тот дитя, который умудрится
Не сделать первого на платьице пятна.

<Тобольск, 1843>

Н. С. БОБРИЩЕВ-ПУШКИН

Николай Сергеевич Бобрищев-Пушкин родился в 1800 году в семье алексинского помещика полковника С. П. Бобрищева-Пушкина. По окончании домашнего воспитания, поступил в Московский университетский пансион и затем в Муравьевскую школу колонновожатых. В конце 1820 года был принят в члены Южного общества. Приговорен к ссылке на вечное поселение, срок сокращен до 20 лет. В августе 1826 года отправлен в Среднеколымск, Якутской области и в 1827 году переведен в Туруханск. В том же году генерал-губернатор Восточной Сибири Ланинский донес, что Бобрищев-Пушкин находится в «помешательстве ума». В 1827 году он поступил в Троицкий монастырь близ Туруханска, откуда был переведен в Енисейский спасский монастырь. В 1829 году находился на излечении в Енисейской городской больнице, в 1831 году был переведен в Красноярск, в дом умалишенных. Брат Николая Сергеевича, Павел, прибыл в 1833 году в Красноярск и взял брата к себе на квартиру. В 1840 году братья Бобрищевы-Пушкины переведены были в Тобольск. В 1856 году они вернулись на родину, в Тульскую губернию. Умер Н. С. Бобрищев-Пушкин в 1871 году.

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Редеет мрак ночной: воспрянули долины;
В безмолвной красоте обширные равнины
Рассвет осеребрил, природы юный друг,
И тихо пролилось веселие вокруг.
В яснеющих полях вот жаворонок милый,
Румяныя зари предвестник торопливый,
С бразды вспорхнул, взвился, запел — и громкий хор
Пернатых пробудил угрюмый, спящий бор.
На ветвях соловей, беспечно сладкогласной,
Внимает для него сей песне безопасной:
Певец любви, он сам, вечернею порой,
Прелестней разольет по роще голос свой.
Светил блестящий жар, миров благотворитель,
Часами окружен, вселенны горний житель,
Коней изворотил багряною рукой,
От светлого овна в путь лета золотой,
Восток воспламенел — и в утреннем дыханье
Восходит жертвою с полей благоуханье.
Еще огонь лучей нависших облаков
Еще не растворил багровый длинный кров,
Но показал чело — и цепь их протяженну
Проникнул, возблистал и озарил вселенну.
Трепещет света луч, румянит скаты гор:
Там скачущи стада очаровали взор.
Не нарушая сна тех замков отдаленных,
Где роскошь нежится в громадах позлащенных,
Он светит хижине, — молящие глаза
Уже оратай там вперил на небеса;
Здесь в своды зелени прокравшись, отраженной
Играет на кустах в сени уединенной;

Здесь осветил в скале гремящий водопад —
И брызгами валы, как яхонты, горят.
Туман рассыпался над рдяною горою,
И твердью небеса вдали слились с землею.
В блистательной красе прозрачная река
Медлительно течет, чуть плещет в берега,
Сверкает из-за гор и, новыми красами
Гордясь, любуется окрестными лугами.
Дрожащие лучи бесчисленных огней,
Как злато, движутся по зеркалу зыбей, —
Великолепная, приближась полосою,
Катится — и легла серебряной дугою
До мест, где ближний бор, удвоившись в струях,
Нахмуренным челом склонился на водах
И вдруг остановил весь вид уединенной,
Вид сельской красоты природы обновленной,
Где радость царствует, как в светлых небесах;
Я чувствовал ее, я видел, как в полях
Из общей тишины разлился шум всеместной,
Я видел этот брак высокой и прелестной,
Где сочетались вдруг и благо и краса, —
Его, творца миров, гласите небеса.

К МЕЦЕНАТУ

ИЗ ГОРАЦИЯ

Царей Этрурии потомок, Меценат,
И светлое вино, и чаши круговые
С венками роз, и мастей аромат
Тебе на кудри золотые —
И все, все ждет тебя. Спеши, спеши скорей!
Всегда ли Тибура рассматривать равнины,
Далекий склон Эзулии полей
И тускуланские вершины?
Оставь для радостей ничтожный славы дым
И эти до небес чертоги взгроможденны,
И этот блеск, и этот пышный Рим —
Главу и страх полувселенны.
Не часто ли вельмож прельщала тишина?
Так брашны скромные под кровлею смиренной
Сгоняют мрак с угрюмого чела,
Заботами напечатленный.
Смотри! Уже Цефей горит на небесах;
Ужасный Процеон огни распространяет;
Свирепый жар разлился на полях,
И солнце знойное пылает.
Смотри! Пастух к ручью медлительной стопой
Идет в кустарниках с усталыми стадами
Сильвана в сень; зефиры над водой,
Бродя, уснули с берегами.
А ты, драгой покров родимых римских стран,
В трудах и день и ночь вселенну обтекаешь,
То видишь страх раздоров бактриян,
То мыслью в Скифии летаешь.

М. А. Бестужев

Портрет работы Н. А Бестужева, 1830-е годы

Познай, что всех судьбу предведенье богов
Непроницаемой от нас покрыло тьмою.
Что трепетать и молний и громов?
Покойно, с мирною душою,
Ступай своим путем, — что есть, то и твое!
Все прочее, реке подобно, в бездну мчится:
То тихо вниз спускается в нее,
То вдруг из берегов стремится;
В потоках яростно разлитою водой
Рвет с корнями древа и твердых скал опоры,
Крутит, ревет кипящею волной,
И стонут ближний лес и горы.
Тот властелин себе, тот счастлив, кто речет,
Кончая день: *я жил!* пусть буря завывает,
Заутра мглой небес покроет свод,
Иль солнце ясно возблистает.
Бессмертных светлый сонм не возвратит нам то,
Что раз похитило небесное мгновенье;
Протекшего не обратит ничто.
Фортуна любит измененье:
Играет смертными, — для гибельной игры
Не избирает жертв, грозна и благодатна:
Сегодня — мне неверные дары,
А там — тебе благоприятна.
Со мной она — пусть так; прострет ли крылья вспять,
Все возвращаю ей и, в доблесть облеченной,
Довольный всем — в убожестве богат,
Горжуся бедностью почтенной.
Когда свирепый ветр бьет в мачты кораблей,
Я не страшусь его — в обетах недостойных
Не трачу век, храня среди зыбей
Сокровищ груды беспокойных,
Готовых отягчить скупые недра волн.
А мне — в шуму стихий, в круг дышащих раздором,
О боги! мне защитой — легкий челн,
Вождями — Поллукса с Кастором.

* * *

Друзья! Есть наше счастье
Не в здешнем мире в телесах,
А в страждущих живет душах.
Пройдет мгновенное ненастье,
Чтоб нам явить светлее день,
Когда дойдет до жданной меты,
Как резкая в картинах тень
Бросает живость на предметы
И краски выдает ясней.
Итак, друзья мои любезны,
Оставим ропот бесполезный,
У дародателя людей
Попросим к подвигам терпенья,
Надеждой души оживим,
Доколе в вечные селенья
Душой свободной не взлетим.
Блажен, кто в сей земле страстей
На нивах сердца сеял слезы, —
Тому ни бури, ни морозы
В день жатвы той не повредят,
Но к новой жизни возродят
В скорбях посеянные слезы.
Вы не печальтесь обо мне,
Друзья мне сердцем и душою;
Я незнаком еще с тоскою,
Живя изгнанником в стране.
Благодарю судьбу стократно,
Не жажду в мире ничего
И предаюся безвозвратно
Я в милосердие ее.

И лишь о вас души тревога,
Лишь одного прошу — немного
Чтобы спокойны были вы.
А я из дальней сей страны,
Исполняся святой отваги,
Одушевлю сей лист бумаги,
Сыновним чувством напою,
На милу родину пошлю,
Тем усладив разлуку нашу,
И в вашу горестную чашу
Хоть каплю радости волью.

С. Высокое 1827, Чита

С. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ

Сергей Иванович Муравьев-Апостол родился в 1796 году в Петербурге, детские годы провел в Гамбурге, где отец его был министром-резидентом, а затем в Париже. В 1809 году вернулся в Россию и поступил в Корпус инженеров путей сообщения, откуда вышел в 1811 году в чине прапорщика. Принимал участие в Отечественной войне 1812 г. По окончании войны служил в лейб-гвардии Семеновском полку, после восстания которого, в 1820 году, был переведен в армию, сперва в Полтавский, а затем, в 1822 году, в Черниговский пехотный полк в качестве подполковника.

С. И. Муравьев-Апостол — один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, с 1822 года — член Южного общества. Совместно с М. П. Бестужевым-Рюминым им был составлен «Катехизис», где ярко выражены идеи декабристов. В декабре 1825 года Муравьев-Апостол стал во главе восставшего Черниговского полка, 3 января 1826 года он был ранен при столкновении с войсками отряда Гейсмара и взят в плен. В числе лиц, поставленных вне разряда, присужден был к смертной казни. 13 июля 1826 года приговор был приведен в исполнение.

До нас дошло лишь одно стихотворение Муравьева-Апостола. Декабрист А. Е. Розен в своих воспоминаниях рассказывает о происхождении этого стихотворения: «Для отечества он <С. И. Муравьев-Апостол> готов был жертвовать всем; новое еще казалось до такой степени отдаленным от него, что он иногда терял терпение; в такую минуту он однажды... карандашом выразил свое чувство...» В декабристской литературе стихотворение приводилось по-французски и в нескольких русских редакциях. Декабрист М. С. Лунин слышал его во время заключения в Петропавловской крепости.

* * *

Задумчив, одинокий,
Я по земле пройду, не знаемый никем;
Лишь пред концом моим,
Внезапно озаренным,
Познает мир, кого лишился он.

Н. Ф. ЗАНКИН

Николай Федорович Занкин, сын Курского губернского предводителя дворянства, родился в 1801 году. Воспитывался в Москве в частных пансионах, а затем в Муравьевской школе колонновожатых. Находился на военной службе в чине подпрапорщика квартирмейстерской части. Незадолго до восстания был принят в члены Южного общества. По приговору суда осужден на вечное поселение в Сибири, срок сокращен до 20 лет. В августе 1826 года отправлен в Гижичинск, Охотского округа и в том же году переведен на поселение в г. Витимск, Иркутской губернии. Умер в 1833 году.

М. Н. МУРАВЬЕВУ-АПОСТОЛУ

Когда-нибудь, раскрыв в стране своей родной
Альбом, где чувств моих найдешь оттенок слабый,
Ты вспомнишь край полночный, одичалый,
Где мы в изгнании боролися с судьбой.
И если мрак пустынь и скал Сибири дикой
Хоть легким облаком чело твое затмит,
Пусть Аполлонов луч сменит его улыбкой
И роковой фиал твой счастьем озарит.

Витимск
1 июля 1829 г.

Н. А. ЧИЖОВ

Николай Алексеевич Чижов, сын военного советника А. П. Чижова воспитывался в Николаеве в пансионе учителя Черноморского штурманского училища Голубева. В 1813 году Чижов был произведен в гардемарины, в 1821 году он участвовал в одной из первых русских арктических экспедиций, возглавляемой Литке. Впечатления свои Чижов отразил в статье «О Новой Земле», напечатанной в «Сыне отечества» за 1823 год, № 4. В том же журнале за 1823 год, № 12 появился лирический очерк, также связанный с путевыми наблюдениями Чижова, «Одесский сад (отрывок из воспоминаний о Черном море)»; в этом очерке интересна концовка, где автор выражает свое сочувствие восставшим грекам.

За месяц до восстания Чижов был принят в члены Северного общества. 14 декабря он был на Сенатской площади. В 1826 году, в числе других декабристов, Чижов осужден к ссылке в Сибирь на поселение сроком на 20 лет и отправлен в Олекминск, Якутской области. Здесь продолжается его литературная деятельность: он пишет первое из числа известных нам стихотворений — «Журавли» и баллады «Нуча» и «Воздушная дева». Напечатание в «Московском телеграфе» в 1832 году баллады «Нуча» причинило немало беспокойства поэту и его друзьям, так как высшее начальство обратило внимание на появление в печати имени ссыльного декабриста и в связи с этим подняло против него дело. Баллады эти любопытны тем, что в них отразился интерес Чижова к якутской народной поэзии.

В 1833 году Чижова, по его прошению, зачислили рядовым в линейный батальон, находившийся в Иркутске. Благодаря связям Чижов был произведен в офицеры. В 1843 году он вышел в отставку и жил в Орловской и в других губерниях. Умер он в 1848 году.

Во время пребывания в Сибири, в Тобольске, Чижов завязал литературные сношения с сибирским поэтом П. Ершовым, автором известной сказки «Конек-Горбунок». Содействие Ершова помогло Чижову напечатать в 1837 году в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» еще одно небольшое стихотворение — «Русская песня», в которой сказался интерес поэта к народному творчеству.

ЖУРАВЛИ

Чуть-чуть видны на высоте воздушной,
Заслыша осени приход,
Несетесь с криком вы станицей дружной
Назад в полуденный отлет.

Тогда, где светлого Амура воды
Ласкают зелень берегов,
Не ведая осенней непогоды,
Не хлада зимнего оков.

Свободны вы, как ветр непостоянный,
Как лоно зыбкое морей,
Как мысль, летящая к стране желанной, —
Вы чужды участи моей.

Земного раб, окованный страстями,
Подъяв слезящие глаза,
Напрасно я хочу вспорхнуть крылами
И унестись под небеса.

Олекминск на Лене
27 июня 1828 г.

ПУЧА

ЯКУТСКИЙ РАССКАЗ

Ночь ненастна, темна,
В черных тучах луна.
Шумно бьются валы
О крутые скалы.
Торопися, мой конь!
Близок в юртах огонь!

Кто полночной порой
Бродит там, над рекой,
В непогоду один? ..
Круто темя стремнин,
Скользок путь по горам;
Что же ищет он там?

Он глядит с берегов
На плесканье валов;
Ворон вьется над ним...
Он стоит недвижим...
Торопися, мой конь!
Близок в юртах огонь!

Здесь пустая страна,
И дика и страшна,
Здесь собранье духов;
С вечно-снежных гольцов
Их слетается рой
В час полночи глухой.

Они бродят в хребтах,
По лесам, на лугах,
По речным берегам,
По заглохшим жильям;
Но им более мил
Прах забытых могил.

Но во мгле на брегу
Распознать не могу,
Будто в солнечный день,
Нучи скорбную тень.
Хищный вран на горах
Расклевал его прах.

Я бывал с ним знаком,
Посещал он мой дом;
Он пивал мой кумыс,
Мы друзьями звались;
Но веселой порой
Он бывал нам чужой.

Равнодушен и тих,
Он смотрел на Исых.
Пляски стройные дев,
Их веселый напев,
Их роскошный убор
Не влекли его взор.

Вечно дик и суров,
Полюбил он лесов
Беспробудную тень;
Там, бродя ночь и день
Средь безжизненных скал,
Он вольнее дышал.

Говорили, что он
Ведал тайный закон
Призыванья духов,
Что будил мертвецов,
Что гроба вопрошал,
Что шаманство он знал.

Но правдив ли рассказ?
Не видал я ни раз,
Чтоб в дюгюрь он бивал,
Чтоб власы распускал,
Чтоб безумствовал он,
Чародейством смущен.

Нуча был не таков!
Презирал он духов!
Он бесстрашно бродил
Вкруг шаманских могил,
Где властительный прах
Схоронен на древах.

Раз, осенней порой,
Дружен с жизнью простой,
Шел он вслед тунгусам
По пустынным хребтам.
Путь змеей им лежал
Меж разлогов и скал.

Вот стоит на пути,
Где им должно пройти,
Вековая сосна;
Почиталась она
Ото всех тунгусов
Пребыванье духов.

Все с оленей сошли
И дары принесли
Властелинам стремнин;
Только Нуча один,
Покачав головой,
Не дал жертвы лесной.

Путь их дале лежал.
Тихо день погасал;
Поднял месяц рога.
Вот вверху кабарга
На висящих скалах
Притаилась в кустах.

Нуча страха не знал,
Был легок и удал.
Он, как горный орел,
К кабарге полетел.
Прочь она — он за ней,
Все быстрей и быстрей.

Вот пропали из глаз!
Знать, пробил его час...
Только с горных стремнин
Пес к ночлегу один
Без стрелка прибежал —
Он назад не бывал.

Как хозяин исчез,
Не сказал про то пес.
Только выл он порой
Над стремниной крутой,
Где на каменном дне
Бьет поток в глубине.

С того времени тень,
Когда скроется день,
Бродит в мраке ночей
До рассветных лучей.
Страшно мщенье духов!
Жребий казни суров!

Олекма ‹*1828*›

ВЗДОХ

Зачем, во глубине души таимый,
Ты рвешься вон, как узник из тюрьмы?
Покорен будь судьбе непримиримой:
Умри среди молчания и тьмы!
Ты выскажешь скрываемые тайны,
Жилец души безмолвный и печальный.

Тебя стерегут, моих страданий вестник,
Безумие и ненависть людей,
И смех врагов, и разума наместник —
Холодный иль пустой совет друзей.
К чему ж, раскрыв заветные скрижали,
В них начертать мне новые печали?

К N. N.

Глаза прекрасные и полные огня,
Что смотрите так быстро на меня?
Ужель на облике моем вы прочитали
Причину тайную моей печали?
И если все ваш острый взор проник,
Что крылося в душе моей глубоко,
Об чем молчал коснеющий язык,
Что смертного не достигало ока, —
Ужель на прах надежд моих разбитых
Бесчувственно падет ваш хладный взор
И не прочтет в моих страданьях скрытых
Самим себе начертанный укор!

СИБИРСКИЕ ЦВЕТЫ

В глуши лесов уединенной
Устрою домик я и сад,
И будет мой приют смиренный
Милей мне каменных палат!

Не стану из краев далеких
Сбирать растенья в садик мой;
С полей отчизны, с гор высоких
Сберу цветы страны родной.

С долин Даурии гористой
Возьму роскошный *анемон*,[1]
Статис блестящий и душистый
И снежной белизны *пион*.

Сберу *фиялки* полевые,
Эмблему скромной красоты,
И колокольчики простые,
И гордой *лилии* цветы.

С вершин высокого Алтая
Переселятся в садик мой
Спирей и *астра* голубая,
Нарцис с завистливой красой.

Возьму душистых *роз* махровых
С Саянских каменистых гор

---

[1] Все цветы, здесь упоминаемые, взяты из сибирской флоры. См. географию Мильте-Бюна. <Примечание Чижова.>

Ф. Ф. Вадковский

Рисунок с оригинала Н. А. Бестужева, 1830-е годы

И *сараны* цветов багровых —
Камчатки сумрачный убор.

Пускай приют мой небогатый,
Взамену счастия даров,
Рукою Флоры тароватой
Украсит роскошью цветов!

Мая 4 1828

РУССКАЯ ПЕСНЯ

У подгорья студены ключи шумят,
Льются, бьются и на миг замолчат.
Такова у красной девицы печаль:
Друга милого покинуть сердцу жаль.
Злые люди отравили счастья дни,
О любви моей доведались они.
Разлучили с милым другом, развели,
Но забыть его заставить не могли.
В лютом горе утешенье мне одно —
Сесть, задумавшись, под красное окно.
Может, милый друг по улице пройдет,
Грусть от сердца на минуту отведет.
Может, милый на окошко поглядит,
Красну девицу поклоном подарит.
Может, скажет, оглядевшися вокруг:
«Я попрежнему люблю тебя, мой друг!»

<1837>

В. Л. ДАВЫДОВ

Василий Львович Давыдов родился в 1792 г. Образование он получил в частном пансионе и затем дома. В шестнадцатилетнем возрасте В. Л. Давыдов поступил в гусары, участвовал в Отечественной войне 1812 г., был дважды ранен в битве под Кульмом и Лейпцигом. После войны, в 1820 г. он вышел в отставку в чине полковника и вступил в Союз благоденствия, затем стал активным членом Южного общества.

Дом В. Л. Давыдова в его деревне в Каменке служил местом для совещаний декабристов, где во время ссылки на юге бывал и Пушкин. К Давыдову обращено одно из самых острых политических стихотворений Пушкина 20-х гг. («Меж тем, как генерал Орлов...»): в нем выражена надежда на близкий революционный переворот. Давыдов был представителем Каменской управы Тульчинской думы. Он был обвинен в умыслах «на царство и истребление императорской фамилии, о чем и совещания происходили в его дому».

В августе 1826 г., после вынесения приговора по делу декабристов, Давыдов был отправлен закованным в Иркутск, в том же году направлен в Нерчинские рудники. Через тринадцать лет, по окончании срока, В. Л. Давыдов отправился на поселение в г. Красноярск, где умер в 1855 г.

Сохранившиеся стихи Давыдова о Николае I («Николосоре») и другие отрывки — лишь ничтожная часть его литературного наследия. Имеется свидетельство М. Бестужева, который рассказывает, что он видел тетрадь под названием «Плоды тюремной хандры», состоявшую из стихотворений Давыдова и Барятинского.

НИКОЛОСОР

*

Он добродетель страх любил
И строил ей везде казармы.
И где б ее ни находил,
Тотчас производил в жандармы.

*

При нем случилось возмущенье,
Но он явился на коне,
Провозглашая всепрощенье.
И слово он свое сдержал...
Как сохранилось нам в преданье,
Лет сорок сряду все прощал,
Пока не умерли в изгнанье...

Василий Львович Давыдов, на слова, что тайное общество наше было модою и подражанием немецкому Тугенд-бунду — отвечал: „Успокойтесь, господа! Не к немецкому к Тугенд-бунду, а просто к Бунту я принадлежал —

В. Л. Давыдов

Рис. А. Л. Ивановского, 1826 год

Ф. Ф. ВАДКОВСКИЙ

Федор Федорович Вадковский — член Северного и Южного обществ декабристов — родился в 1800 г. Он получил широкое образование в Московском университетском пансионе, затем в петербургских пансионах. В 1822 г. поступил на военную службу и был произведен в корнеты Кавалергардского полка, но вскоре, вследствие столкновений с начальством, получил назначение прапорщиком в нежинский Конно-егерский полк. По официальному определению, Вадковский разделял цель Южного общества «ввести республиканское правление с истреблением императорской фамилии». Он был осужден к 20 годам каторжных работ. Умер в 1844 г. в сибирской ссылке, в с. Оёке, Иркутской губернии.

Вадковский был исключительно одаренным человеком — поэтом, музыкантом-композитором, математиком и т. д. Он дружил с А. Одоевским и положил на музыку некоторые его стихи (в частности — «Славянские девы»).

НАШ СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ В 1825 г.

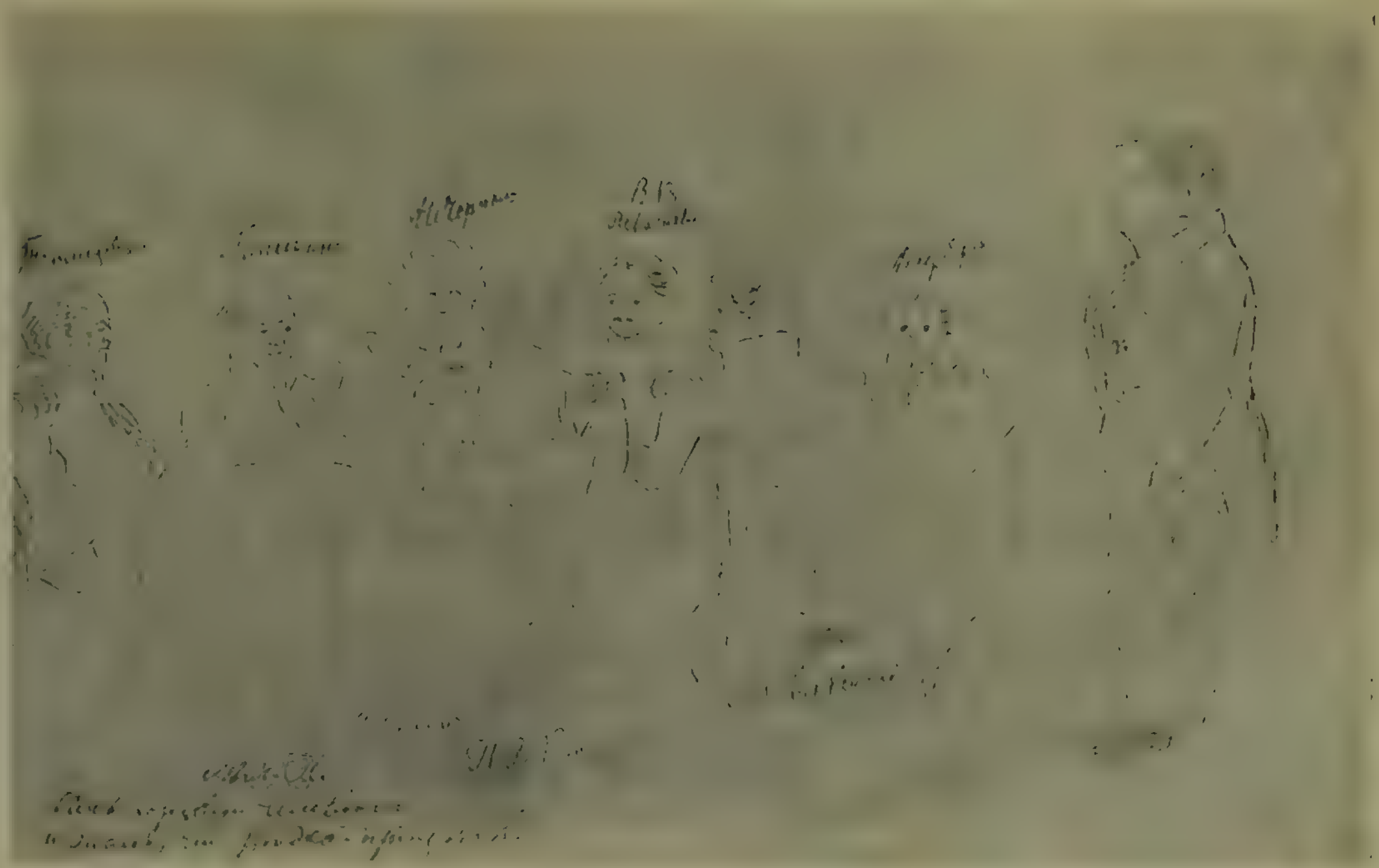
ПЕСНЯ НА МОТИВ: „СТОЙ! ЗА ЭТО — ПОД ЗАМОК!"[1]

Как ответить им достойно,
Чтоб себя не унижать?
Мне весьма благопристойно
Стали проповедь читать.
Говорить им об Отчизне? —
Что в ней смыслит Левашов!
О России, светлой жизни?
Дибич хуже пруссаков!
Стой, за это под замок!

Все же речь я начинаю:
«Я Отчизны верный сын».
— Но я Вас не понимаю,
Я — курляндский дворянин.
«Ну, а вы, князья Синода?
Ведь прощенье — ваш закон».
— На закон тот вышла мода,
В громе пушек тонет он.
Стой, за это под замок!

Тут к правителю столицы —
(Он украшен сединой)
Я решился обратиться:
«Вы честны, прямы душой. . .»
— Честь? — он мне ответил гордо, —

[1] <Подлинник по-французски>.



Заседание следственной комиссии

Рисунок А. А. Ивановского, 1826 год

Да, я честью дорожу,
За нее стою я твердо,
Больше слова не скажу.
Стой, за это под замок! . .

Вы, из Вестфалии когда-то
Изгонявший короля,
Задержалась Ваша плата,
Благодарней был бы я.
Пусть весь мир в ожесточеньи —
Верьте слову моему:
Только зритель я в сраженьи,
В нем участья не приму.
Стой, за это под замок!

Мне не так уж плохо было.
Плотью слаб ваш трибунал,
Одолеть он сна не в силах —
Председатель задремал.
Сон сморил беднягу быстро —
Не-военный человек!
А военному министру
Я сказал бы: «спи хоть век!»
Стой, за это под замок! . .

ЖЕЛАНИЯ

Помнишь ли ты нас, Русь святая, наша мать,
Иль тебе, родимая, не велят и вспоминать?
Русский бог тебе добрых деток было дал,
А твой бестия-царь их в Сибирь всех разослал!
Вот за что хотели мы нашу кровь пролить:
Чтобы кровию той волюшку тебе купить,
Чтобы на Руси цепь народа разорвать,
Чтоб солдатушкам в службе век не вековать,
Чтоб везде и всем одинаковый был суд,
И чтобы никто больше не слыхал про кнут,
Чтоб судили вслух, а не тайно, не тишком,
И чтоб каждому воздавалось поделом;
Чтобы всякий мог смело мыслить и писать,
Правду-матушку на весь мир провозглашать;
Чтобы твой народ сам собою управлял,
Чтобы чрез избранных он законы поставлял,
Чтобы всяк берег те законы пуще глаз,
Помня про себя: глас народа — божий глас!
Чтобы на Руси всюду школы основать,
С тем, чтобы мужичков не могли бы надувать;
Чтобы не было ни вельможей, ни дворян,
Дармоедов тех, что живут на счет крестьян.
Вот чего тебе мы хотели добывать;
Вот за что твой царь нас велел заковать!
Вспомни же ты нас: деток ты не забывай...
Хоть за их любовь иногда их вспоминай!

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ПЕСНЯ

(НА ГОЛОС: „НЕ ШЕЙ ТЫ МНЕ, МАТУШКА, КРАСНЫЙ САРАФАН")

Мать ты наша, матушка православная!
Мать ты наша родимая, ты святая Русь!
За что, наша матушка, ты прогневалась?
Али мы не кровные все дети твои?
Али в ретивом у нас не любовь к тебе?
Али мы неправдою служили тебе?
Как была невзгодушка, помнишь, страшная!
Когда чудь немецкая хлынула на Кремль,
И златые маковки пылали в огне,
И тебе осталася одна грудь сынов!
Кого ты вскормила уж из нас, деточек,
Те ведь не задумались — *за тебя горой*...
Посмотри-ка на поле Бородинское:
Нашей крови капельки, верно, там найдешь!
Были и под Полоцком, под Тарутиным,
Гнали злого ворона за Березину.
Отстояли матушку — ну! других спасать!
И славу родимыя пронесли за Рейн;
Протрубили громкую с Бель-виля в Париж,
Оглушили навеки всех врагов твоих!
Домой воротилися, думали найти
Тебя, нашу родную, в славе и чести,
Свободну и счастливу, как быть надлежит.
Что же очутилося? — Тебе ж хуже всех!..
Чужого-то выжили, — свой ворог насел!
Вздумал тебя, милую, запросто душить.
Закипело в детушках *молодецкое*,
Загадали роднушку еще раз спасти!
Смигнулись, стакнулися и стали за одно:

Одно́ было в по́мысле́, в чувствах и делах.
Не было в дому твоем правды ни на грош;
Одни из нас, оставя меч, засели в приказ.
Что могли, то делали, чтобы злу помочь,
Разбудить других сынов от рабского сна.
Не стало вдруг *барина, барчук* наступил;
Вышли мы «впервые» с *самим* говорить.
Мы ли виноваты в том, что выдали нас?
Одни нас не поняли, другие — *молчок!*
С барскими картечами не смогли, как быть!
Первую-то песенку ведь зардевшись спеть.
На площадь Петровскую, на сенат взгляни:
Ужли не дымятся там наших кровь-мозги?
Стены затирали хоть чистой известью;
С площади смывали кровь в ночь из поливней;
Но она не смоется с твоей памяти;
Топором не вырубишь с скрижалей долой.
Взгляни-ка: на крепости виселицы нет;
Но пять теней грозных носятся над ней!
А там что, за Киевом? — Кровь Черниговцев,
Ипполита юного — не греческого:
Любил тебя, матушка, не как пасынок;
Не морско́е чудовище сразило его —
Погубила юношу дума светлая:
«*Крепостною* мать свою видеть не могу!»
Осмотри-ка «Домик» свой на всем Севере:
Куда наших косточек не закинули!
Томились в железах мы, страдали в тюрьмах,
Гибли в Грузии, в Суздале, на Ленских брегах;
Мели в Чите улицы, засыпали рвы;
Рвались бы служить тебе, а мелем муку
Жерновами тяжкими вот уж десять лет!
На то наши головы обрекла судьба! . .
Но чем твои доченьки провинилися,
Что ты позабыла их и не видишь слез?
Посмотри-ка, родная, одной уже нет:
Схоронили милую в дальней стороне! . .
Нет, нет, наша матушка, не забыла ты;
Только делать нечего тебе, вишь, самой,
Ждешь, наша родимая, поры да чреды,
Кормишь себе деточек новых побойчей.
Есть уж чем утешиться, недолго терпеть,

Подрастают молодцы уж не нам чета!
Пусть их будто учатся — равно трех любить:
Двух старушек-хромушек да деву-красу,
Красавицу девицу — что кровь с молоком!
Какая в Новгороде коли-то была.
Не то совсем смекают деточки твои:
Любовь у них тлеется к девице одной.
Дай-ка разгореться ей — старухам не смочь.
Тогда будет жутко ворогам твоим;
Воспокаются, да поздно, во грехах своих!
Заживешь ты, матушка, тогда барыней.
Тогда-то, родимая, вспомни о нас,
Сгреби наши косточки и поплачь на них!

1 января 1836 г.
Ивану Ивановичу Пущину
на память.

Приложение

ДЕКАБРИСТЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

И. И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье!
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

<1826>

В СИБИРЬ

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

<1827>

АРИОН

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
Вглубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я, беспечной веры полн,
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец!
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою.
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

〈1827〉

19 ОКТЯБРЯ 1827 г.

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!

<1827>

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

I

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.
. . . . . .

II

Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.
. . . . . .

III

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?
. . . . . .

IV

Но бог помог — стал ропот ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутилися в Париже,
А русский царь — главой царей.
. . . . . .

V

И чем жирнее, тем тяжеле;
О русский глупый наш народ,
Скажи, зачем ты в самом деле
. . . . . .

VI

Авось, о Шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил,
Но стихоплет великородный
Меня уже предупредил.
. . . . . .
Моря достались Альбиону.
. . . . . .

VII

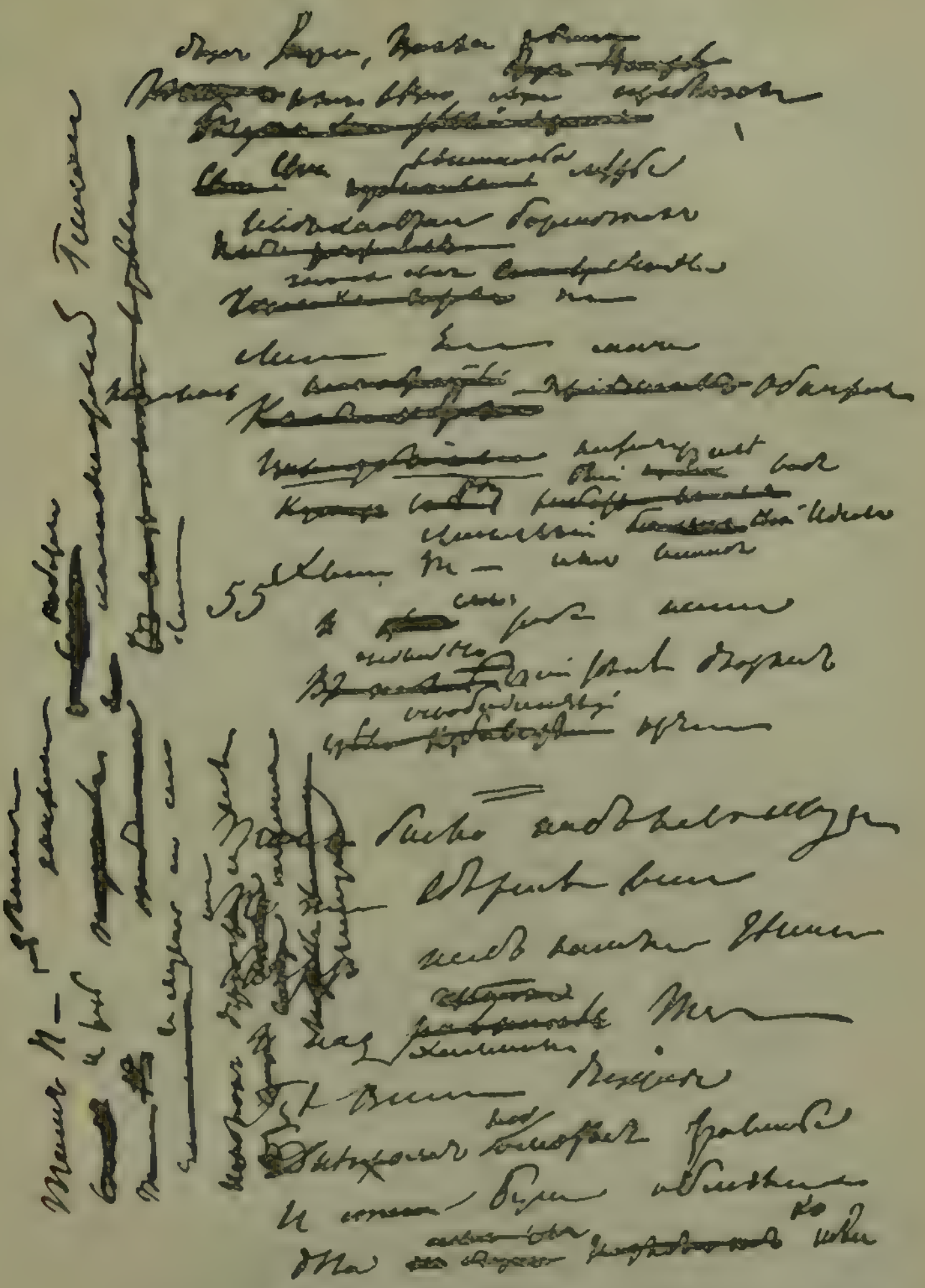
Авось, аренды забывая,
Ханжа запрется в монастырь,
Авось по манью Николая
Семействам возвратит Сибирь
. . . . . .
Авось дороги нам исправят
. . . . . .

VIII

Сей муж судьбы, сей странник бранный,
Пред кем унизились цари,
Сей всадник, папою венчанный,
Исчезнувший, как тень зари
. . . . . .
Измучен казнию покоя
. . . . . .

IX

Тряслися грозно Пиренеи,
Волкан Неаполя пылал,
Безрукий князь друзьям Мореи
Из Кишинева уж мигал.



Черновой автограф двух строф X главы «Евгения Онегина»

. . . . . .

Кинжал Л<?>... тень Б<?>...

. . . . . .

X

«Я всех уйму с моим народом!» —
Наш царь в покое говорил,

. . . . . .

А про тебя и в ус не дует.
Ты, Александровский холоп

. . . . . .

XI

Потешный полк Петра-титана,
Дружина старых усачей,
Предавших некогда тирана
Свирепой шайке палачей

. . . . . .

XII

Россия присмирела снова,
И пуще царь пошел кутить,
Но искра пламени иного
Уже издавна, может быть

. . . . . .

XIII

У них свои бывали сходки,
Они за чашею вина;
Они за рюмкой русской водки

. . . . . .

XIV

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.

. . . . . .

XV

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

XVI

Так было над Невою льдистой,
Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина,
Где Витгейштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела иные уж пошли.
Там Пестель... для тиранов
И рать..... набирал
Холоднокровный генерал
И Муравьев, его склоняя,
Исполнен дерзости и сил,
Минуты вспышки торопил.

XVII

Сначала эти заговóры
Между лафитом и клико
Лишь были дружеские споры
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука —
Все это было только скука,

Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов.
Казалось...
Узлы к узлам...
И постепенно сетью тайной
Россия...
Наш царь дремал...

П. М. ЯЗЫКОВ

* * *

Не вы ль, убранство наших дней,
Свободы искры огневые —
Рылеев умер как злодей!
О вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей!

<1826>

А. А. ДЕЛЬВИГ

Снова, други, в братский круг
Собрал нас отец похмелья,
Поднимите ж кубки вдруг
В честь и дружбы и веселья.

Но на время омрачим
Мы веселье наше, братья,
Что мы двух друзей не зрим
И не жмем в свои объятья.

Нет их с нами, но в сей час
В их сердцах пылает пламень.
Верьте. Внятен им наш глас,
Он проникнет твердый камень.

Выпьем, други, в память их!
Выпьем полные стаканы
За далеких, за родных,
Будем ныне вдвое пьяны.

1826 г. октябрь 19-го

ПОСЛАНИЕ К СТРАДАЛЬЦАМ

Соотчичи мои, заступники свободы,
О вы, изгнанники за правду и закон,
Нет, вас не оскорбят проклятием народы,
Вы не услышите укор земных племен!
Удел ваш — не позор, но слава, уваженье,
Благословения правдивых сограждан,
Спокойной совести, Европы одобренье
И благодарный храм от будущих славян!
Хоть вам не удалось исполнить подвиг мести
И рабства иго снять с России молодой,
Но вы страдаете для родины и чести,
И мы признания вам платим долг святой.
Ах! может быть, меж вас, в степях Сибири диких,
Увяли многие безвременно, в цепях...
И воздух ссылочный, сей яд для душ великих,
Убил цвет бытия в стесненных их сердцах...
Ни эпитафии, ни пышность мавзолеев
Их прах страдальческий, их память не почтут,
Загробная вражда могучих их злодеев
Украсить нам не даст последний их приют.
Но да утешатся священные их тени!!
Их памятник — в сердцах отечества сынов,
В неподкупных хвалах высоких песнопений,
В молитве праведных, в почтеньи всех веков!
Мир гробу их!.. А вы, сподвижники несчастных,
Несите с мужеством ярмо судеб крутых;
Быть может, вам не век в плену, в горах ужасных
Терпеть ругательства гонителей своих...
Быть может... вам и нам ударит час блаженный
Паденья варварства, деспотства и царей,

И нам торжествовать придется мир священный
Спасенья россиян и мщенья за друзей!
Тогда дойдут до вас восторженные клики
России, вспрянувшей от рабственного сна,
Тогда вам явится, окончив бой великий,
Младых сообщников венчанная толпа;
Тогда в честь падших жертв, жертв чистых,
благородных
Мы тризну братскую достойно совершим,
И слезы сограждан ликующих, свободных
Наградой славною да будут вечно им! . .

<1826>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ДЕКАБРИСТАМ

Над вашей памятью кровавой
Теперь лежит молвы позор;
На ней поэт, венчанный славой,
Остановить не смеет взор.
Но вы погибли не напрасно:
Все, что посеяли, взойдет,
Чего желали вы так страстно,
Все, все исполнится, придет.
Ваш враг могучий торжествует,
Щадит его судьбы закон,
Лишь власти страсть его волнует,
И, кажется, незыблем трон.
Иной восстанет грозный мститель,
Иной восстанет мощный род —
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющий народ.
В победный день, в день славной тризны,
Свершится роковая месть —
И снова пред лицом отчизны
Заблещет ярко ваша честь.

А. П. ПОЛЕЖАЕВ

* * *

Ах, ахти! ох, ура,
Православный наш царь,
Николай государь,
В тебе мало добра! . .
Обманул, погубил
Ты мильоны голов, —
Не сдержал, не свершил
Императорских слов! . .
Ты припомни, что мы,
Не жалея себя,
Охранили тебя
От большой кутерьмы, —
Охранили, спасли
И по братним телам
Со грехом пополам
На престол возвели!
Много, много сулил
Ты солдатам тогда;
Миновала беда —
И ты все позабыл!
Помыкаешь ты нас
По горам, по долам,
Не позволишь ты нам
Отдохнуть ни на час!
От стальных тесаков
У нас спины трещат,
От учебных шагов
У нас ноги болят!
День и ночь наподряд,
Как волов наповал,

Бьют и мучат солдат
Офицер и капрал.
Что же, белый отец,
Своих черных овец
Ты стираешь с земли?
Иль мы, кроме побой,
Ничего пред тобой
Заслужить не могли?
Или думаешь ты
Нами вечно играть
И что — <. . .>
Лучше доброй молвы.
Так умри же теперь,
Православный наш царь,
Николай государь!
Ты болван наших рук:
Мы склеили тебя
И на тысячу штук
Разобьем, разлюбя!

<1835>

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

ПАМЯТИ А. И. ОДОЕВСКОГО

1

Я знал его — мы странствовали с ним
В горах Востока... и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений...

2

Он был рожден для них, для тех надежд
Поэзии и счастья... но, безумный,
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

3

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей.
Ты умер, как и многие — без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоем,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...

4

И было ль то привет стране родной,
Названье ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга, —
Кто скажет нам! Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... Дела твои, и мненья,
И думы — все исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит...
Куда они, зачем? — откуда? — кто их спросит...

5

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадежной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной!..
Что за нужда!.. Пускай забудет свет
Столь чуждое ему существованье:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему, ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей степи

И мрачных гор зубчатые хребты...
И вкруг твоей могилы неизвестной
Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно.
Немая степь синеет, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.

<1839>

Н. П. ОГАРЕВ

„МАТВЕЙ РАДАЕВ“

<ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ>

...Тоска! тоска! Невольно тут
Радаев стал искать приют
Среди иных воспоминаний,
Среди своих родных преданий,
И образы тут вспомнил он
Иных людей, иных сторон.
Он вспомнил, как во дни забавы,
Когда он мальчик был кудрявый,
Чтоб слабый возраст охранять,
Ему сопутствовала мать,
Высокая, со станом стройным,
С лицом задумчиво-спокойным
И лаской в голосе самом.
Он вспомнил, как она сидела,
Он на коленях перед ней
Не отводил с нее очей,
Часы глядел бы, день бы целый;
Пускай не мог он понимать,
Но взоры детские искали
На кротком лике разгадать
Значенье думы и печали.
Раз он застал ее в слезах;
Отец его, веселый малый,
На этот раз как полинялый
Стоял с газетою в руках.
Они тревожно разговоры
Вели все шопотом, как воры.
Речь шла, как месяц уж тому
Горячкой умер царь в Крыму,

А в Петербурге в день присяги
Был бунт, исполненный отваги.
Полк вышел чуть не на заре
И стал на площади в каре.
Готов на смерть и жаждет воли —
Не надо больше рабской доли!
Ребята! стойте в добрый час,
Святая Русь помянет вас!
Царь пушки выдвинул. Солдату
Казалось грех стрелять по брату.
Но дан приказ, свистит картечь,
Телам на снег пришлося лечь.
Сомкнись! Каре, привычный к строю,
Сомкнулся суженной стеною.
Ребята! стойте в добрый час,
Святая Русь помянет вас!
Залп, залп — и сила одолела,
Шатнулися, погибло дело.

Мать плакала, отец умолк,
Ребенок, сам не понимая,
Шептал: помянет Русь святая! . .
Потом что день, то больше толк
Ходил в народе боязливо;
Жандармов шлют без перерыва:
Тот в крепости, тот ночью взят;
Вот матери любимый брат
Захвачен бы в Украйне дальней,
И дома день от дня печальней.
Ребенок ужасом объят,
С ума нейдет все этот дядя,
Он к ним недавно приезжал
В мундире, с саблей: тихо гладя
По голове, его ласкал:
«Будь, милый мальчик, друг народа,
А там уж что ни суждено —
Погибнешь, нет ли — все равно;
Благослови тебя свобода!»
А при гостях он так кричал,
Так как-то резко выражался,
Старик с звездой его боялся
И, втайне злясь, при нем молчал.

Потом прошло еще с полгода.
Цвела зеленая природа,
И было лето, и дитя
В саду резвилося шутя.
Вдруг весть достигла дальним слухом:
Окончен суд — и пятерых
Повесили, всех сильных духом.
Повесили тихонько их,
Так, знаете, чуть рассветало,
Чтоб говора не возбуждало.
Других в цепях в Сибирь везут,
И дядя с ними тоже тут.
Ребенка обдал тайный трепет,
Кругом он слышит робкий лепет:
Повесили... Сибирь... в цепях...
Везут... и дядя в рудниках.
И сердце женское изныло,
И мать не вынесла беду,
Она слегла; звала в бреду
Свое дитя и говорила:
«Мой сын, мой сын, храни, храни,
Храни завет страдальцев сильных,
Людей повешенных и ссыльных —
Сыны отечества они...
Дитя мое, храни, храни!..»
Смолк голос, сила упадала,
В девятый день ее не стало...
Лицо как мрамор, бледный лоб,
Попы и пенье, свечи, гроб...

Радаев вскрикнул. Все, что было,
Так ярко память воскресила,
Душа его потрясена,
Живая дрогнула струна:
Так вот оно, — его преданье!
Вот праотцы! Вот завещанье!
О! тут с былым святая связь
Внутри его не порвалась.
Пусть все вокруг пока чужое, —
Внутри преданье есть живое,
Ему в дни скорби и труда
Не изменял он никогда.

Пусть тьма ночная глухо бродит,
Метель тоскливо песнь заводит, —
Он чувствует, что сохранил
Упорство воли, бодрость сил.
А много в жизни шумнокрылой
Прошло и мыслей, и страстей,
Ошибок, слабостей, скорбей,
Падений горьких взмахов силы,
И все ж еще, назло судьбе,
Не утомился он в борьбе.
<. . . . . .>
Радаев вспомнил, как, в угоду
Отцу, служил он больше году
В блестящем городе Петра,
В одном из зданий многолюдных,
В одном из заведений чудных,
Где пишут с самого утра,
Спешат без мысли и без срока,
С неутомимостью потока
Справлять дела, дела, дела,
Решения добра и зла,
Свершенные по воле царской
Порядком дури канцелярской.
Радаеву навеял сплин
Ход государственных пружин...
Царя он видел на параде
В тугом воинственном наряде;
Огромный рост, и зверский взгляд,
И лоб, откинутый назад, —
Все, что могла создать казарма,
Все дико выразилось в нем,
Совокупив в одно с царем
России главного жандарма.
Царь на параде всех распек
За беспокойство конских ног
И ускакал так гордо, смело,
Как бы свершил святое дело.
Радаев ясно мог понять,
Что тут нельзя спасенья ждать.
«Боюсь свободы» — надпись эта
На знамя царское надета;
Как прежде в школе, так везде

Он видел — в войске и везде
Росло предательство, нахальство,
Тупела мысль, и мозг дичал,
Дух чести голову склонял
Перед понятием начальства.
И Русь жила в суровой тьме,
И было душно, как в тюрьме.

Радаев с жизнью не свыкался;
Весь чад тревоги городской,
Бездушной, дикой и пустой,
Его томил, он задыхался,
Рвался на волю и уйти
Хотел с служебного пути.
Но чувство увлекло иное
Его в те памятные дни:
Искало сердце молодое
Любви и счастья, — и они,
Они пришли тепло и ясно,
Со всей мечтательностью страстной,
С всем мягким воздухом весны,
Где мирно слиты жизнь и сны.

<1857>

ПАМЯТИ РЫЛЕЕВА

В святой тиши воспоминаний
Храню я бережно года
Горячих первых упований,
Начальной жажды дел и знаний,
Попыток первого труда.
Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов
Могучих деятелей племя
И сеяло благое семя
На почву юную умов.

Везде шептались; тетради
Ходили в списках по рукам;
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих, свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась...
Вот пять повешенных людей...
В нас сердце молча содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась,
И путь означен жизни всей.

Рылеев мне был первым светом...
Отец по духу мне родной!
Твое названье в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой.
Мы стих твой вырвем из забвенья,
И в первый русский вольный день,
В виду младого поколенья,

Восстановим для поклоненья
Твою страдальческую тень.

Взойдет гроза на небосклоне,
И волны на брега с утра
Нахлынут с бешенством погони,
И слягут бронзовые кони
И Николая и Петра.
Но образ смерти благородной
Не смоет грозная вода,
И будет подвиг твой свободный
Святыней в памяти народной
На все грядущие года.

<1859>

ГЕРОИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ БЕТХОВЕНА

(ПАМЯТИ А. ОДОЕВСКОГО)

Я вспомнил вас, торжественные звуки,
Но применил не к витязю войны,
А к людям доблестным, погибшим среди муки
За дело вольное народа и страны;

Я вспомнил петлей пять голов казненных
И их спокойное умершее чело,
И их друзей, на каторге сраженных,
Умерших твердо и светло.

Мне слышатся торжественные звуки
Конца, который грозно трепетал,
И жалко мне, что я умру без муки
За дело вольное, которое искал.

<1876?>

М. Л. МИХАЙЛОВ

ПЯТЕРО

Над вашими телами надругавшись,
В безвестную могилу их зарыли,
И над могилой выровняли землю,
Чтоб не было ни знака, ни отметы,
Где тлеют ваши кости без гробов,
Чтоб самый след прекрасной жизни вашей
Изгладился, — чтоб ваши имена
На смену вам идущим поколеньям
С могильного креста не говорили,
Как вы любили правду и свободу,
Как из-за них боролись и страдали,
Как шли на смерть с лицом спокойно-ясным
И с упованьем, что пора придет —
И вами смело начатое дело
Великою победой завершится.

Пора та близко. Пусть могила ваша
Незнаема, пусть царственная зависть
Старается стереть повсюду память
О вашем деле, ваших именах —
В глуби живых сердец она живет!
И с каждым днем таких сердец все больше,
Самоотверженных, могучих, смелых
И любящих.

Близ места вашей казни
Есть пышный храм. Там гордыми рядами
. . . . . гробницы,
Блестя резьбой и золотом. Над ними
Курится ладан, теплятся лампады,

И каждый день священство в черных ризах
Поет заупокойные обедни.
Гробницы эти прочны; имена
Их мертвецов угодливой рукою
Глубоко в камень врезаны. Напрасно!
От одного дыхания свободы
Потухнет ладан и елей в лампадах,
Наемный клир навеки онемеет,
И прахом распадется твердый мрамор,
Последняя их память на земле.

Пора близка. Уже на головах,
Обремененных ложью и коварством
И преступленьем, шевелится волос
Под первым дуновеньем близкой бури,
И слышатся, как дальний рокот грома,
Врагам народа ваши имена:
Рылеев, Пестель, Муравьев-Апостол,
Бестужев и Каховский! Буря грянет.
Под этой бурей дело ваших внуков
Вам памятник создаст несокрушимый.
Не золото стирающихся букв
Предаст святые ваши имена
Далекому потомству — песнь народа
Свободного; а песнь не умирает!
Не хрупкие гробницы сохранят
Святую вашу память, а сердца
Грядущих просветленных поколений, —
И в тех сердцах народная любовь
Из рода в род вам будет неизменно
Гореть неугасимою лампадой.

<1861>

В. С. КУРОЧКИН[1]

* * *

Долго нас помещики душили,
Становые били,
И привыкли всякому злодею
Подставлять мы шею.
В страхе нас квартальные держали,
Немцы муштровали.
Что тут делать, долго ль до напасти —
Покоримся власти?
Мироеды тем и пробавлялись,
Над нами ломались,
Мы-де глупы, как овечье стадо —
Стричь и брить нас надо.
Про царей паны твердили миру, —
Спьяна или с жиру, —
Сам-де бог помазал их елеем,
Как же пикнуть смеем!
Суд Шемякин — до бога высоко,
До царя далеко:
Царь сидит там, в Питере, не слышит,
Знай, указы пишет.
А указ, как бисером нанизан,
Не про нас лишь писан;
Так и этак ты его читаешь —
Все не понимаешь.
Каждый бутарь звал себя,
с нахальством, —
Малым начальством.

---

[1] <Стихотворение приписывается В. Курочкину предположительно.>

Знать, и этих, господи ты боже,
Мазал маслом тоже.
Кто слыхал о 25 годе
В крещеном народе?
Когда б мы тогда не глупы были,
Давно б не тужили.
Поднялись в то время на злодеев:
Кондратий Рылеев,
Да полковник Пестель, да иные
Бояре честные.
Не сумели в те поры мы смело
Отстоять их дело.
И сложили головы за братий
Пестель да Кондратий,
Не найдется, что ль, у нас инова
Друга Пугачева,
Чтобы крепкой грудью встал он смело
За святое дело!

<1861>

ДЕДУШКА

(ПОСВЯЩАЕТСЯ З-Н-Ч-Е)

I

Раз у отца, в кабинете,
Саша портрет увидал,
Изображен на портрете
Был молодой генерал.
«Кто это? — спрашивал Саша, —
Кто? . . » — Это дедушка твой. —
И отвернулся папаша,
Низко поник головой.
«Что же не вижу его я?»
Папа ни слова в ответ.
Внук, перед дедушкой стоя,
Зорко глядит на портрет:
«Папа, чего ты вздыхаешь?
Умер он. . . жив? говори!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь. —
«То-то. . . ты скажешь, смотри! . .»

II

«Дедушку знаешь, мамаша?» —
Матери сын говорит.
— Знаю. — И за руку Саша
Маму к портрету тащит,
Мама идет против воли.
«Ты мне скажи про него,
Мама! не добрый он, что ли,
Что я не вижу его?

Ну дорогая! ну сделай
Милость, скажи что-нибудь!»
— Нет, он и добрый и смелый,
Только несчастный. — На грудь
Голову скрыла мамаша,
Только вздыхает, дрожит —
И зарыдала... А Саша
Зорко на деда глядит:
«Что же ты, мама, рыдаешь,
Слова не хочешь сказать!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.
Лучше пойдем-ка гулять...

III

В доме тревога большая.
Счастливы, светлы лицом,
Заново дом убирая,
Шепчутся мама с отцом.
Как весела их беседа!
Сын подмечает, молчит.
— Скоро увидишь ты деда! —
Саше отец говорит...
Дедушкой только и бредит
Саша, — не может уснуть:
«Что же он долго не едет? ..»
— Друг мой! Далек ему путь! —
Саша тоскливо вздыхает,
Думает: «Что за ответ!»
Вот наконец приезжает
Этот таинственный дед.

IV

Все, уж давно поджидая,
Встретили старого вдруг...
Благословил он, рыдая,
Дом, и семейство, и слуг,
Пыль отряхнул у порога,
С шеи торжественно снял
Образ распятого бога
И, перекрестившись, сказал:
— Днесь я со всем примирился,

Что потерпел на веку! . . —
Сын пред отцом преклонился,
Ноги омыл старику;
Белые кудри чесала
Дедушке Сашина мать,
Гладила их, целовала,
Сашу звала целовать.
Правой рукою мамашу
Дед обхватил, а другой
Гладил румяного Сашу:
— Экой красавчик какой! —
Дедушку пристальным взглядом
Саша рассматривал, — вдруг
Слезы у мальчика градом
Хлынули, к дедушке внук
Кинулся: «Дедушка! где ты
Жил-пропадал столько лет?
Где же твои эполеты,
Что не в мундир ты одет?
Что на ноге ты скрываешь?
Ранена, что ли, рука? . .»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.
Ну, поцелуй старика.

V

Повеселел, оживился,
Радостью дышит весь дом.
С дедушкой Саша сдружился,
Вечно гуляют вдвоем.
Ходят лугами, лесами,
Рвут васильки среди нив;
Дедушка древен годами,
Но еще бодр и красив,
Зубы у дедушки целы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и белы,
Как серебро борода;
Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит;
Как-то апостольски-просто,
Ровно всегда говорит. . .

VI

Выйдут на берег покатый
К русской великой реке —
Свищет кулик вороватый,
Тысячи лап на песке;
Барку ведут бичевою,
Чу, бурлаков голоса!
Ровная гладь за рекою —
Нивы, покосы, леса.
Легкой прохладою дует
С медленных, дремлющих вод...
Дедушка землю целует,
Плачет — и тихо поет...
«Дедушка! что ты роняешь
Крупные слезы, как град?»
— Вырастешь, Саша, узнаешь!
Ты не печалься — я рад...

VII

Рад я, что вижу картину,
Милую с детства глазам.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби ее сам!
Две-три усадьбы дворянских,
Двадцать господних церквей,
Сто деревенек крестьянских
Как на ладони на ней!
У лесу стадо пасется —
Жаль, что скотинка мелка;
Песенка где-то поется —
Жаль — неисходно горька!
Ропот: «Подайте же руку
Бедным крестьянам скорей!»
Тысячелетнюю муку,
Саша, ты слышишь ли в ней? ..
Надо, чтоб были здоровы
Овцы и лошади их,
Надо, чтоб были коровы
Толще московских купчих, —
Будет и в песне отрада,

Вместо унынья и мук.
Надо ли? — «Дедушка, надо!»
— То-то! попомни же, внук!..

VIII

Озими пышному всходу,
Каждому цветику рад,
Дедушка хвалит природу,
Гладит крестьянских ребят.
Первое дело у деда
Потолковать с мужиком,
Тянется долго беседа,
Дедушка скажет потом:
«Скоро вам будет нетрудно,
Будете вольный народ!»
И улыбнется так чудно,
Радостью весь расцветет.
Радость его разделяя,
Прыгало сердце у всех.
То-то улыбка святая!
То-то пленительный смех!

IX

— Скоро дадут им свободу, —
Внуку старик замечал, —
Только и нужно народу.
Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь за раскол,
Волю и землю им дали;
Год незаметно прошел —
Едут туда комиссары,
Глянь — уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,
Мельницу выстроят скоро.
Уж запаслись мужики
Зверем из темного бора,
Рыбой из вольной реки.
Вновь через год побывали,

Новое чудо нашли:
Жители хлеб собирали
С прежде бесплодной земли.
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы;
Гуси кричат, поросята
Тычут в корыто носы...

X

Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!
Все принялось, раздобрело!
Сколько там, Саша, свиней!
Перед селением бело
На полверсты от гусей;
Как там возделаны нивы,
Как там обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно — ведется копейка!
Бабу там холит мужик:
В праздник на ней душегрейка —
Из соболей воротник!

XI

Дети до возраста в неге,
Конь — хоть сейчас на завод,
В кованой, прочной телеге
Сотню пудов увезет...
Сыты там кони-то, сыты,
Каждый там сытó живет,
Тесом там избы-то крыты,
Ну, уж зато и народ!
Взросшие в нравах суровых,
Сами творят они суд,
Рекрутов ставят здоровых,
Трезво и честно живут,
Подати платят до срока,

Только ты им не мешай.
«Где ж та деревня?» — Далеко,
Имя ей: Тарбагатай,
Страшная глушь, за Байкалом...
Так-то, голубчик ты мой,
Ты еще в возрасте малом,
Вспомнишь, как будешь большой...

XII

Ну... а покуда подумай,
То ли ты видишь кругом?
Вот он, наш пахарь угрюмый,
С темным, убитым лицом:
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; едва
Тянет косулю клячонка,
С голоду еле жива!
Голоден труженик вечный,
Голоден тоже, божусь!
«Эй! отдохни-ко, сердечный!
Я за тебя потружусь!»
Глянул крестьянин с испугом,
Барину плуг уступил,
Дедушка долго за плугом,
Пот отирая, ходил;
Саша за ним торопился,
Не успевал догонять:
«Дедушка! где научился
Ты так отлично пахать?
Точно мужик, управляешь
Плугом, а был генерал!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
Как я работником стал!

XIII

Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг;
Счастье умов благородных
Видеть довольство вокруг.
Нынче полегче народу:
Стих, притаился в тени

Барин, прослышав свободу...
Ну, а как в наши-то дни!
. . . . . .
Словно как омут, усадьбу
Каждый мужик объезжал.
Помню ужасную свадьбу:
Поп уже кольца менял,
Да на беду помолиться
В церковь помещик зашел:
«Кто им позволил жениться?
Стой!» и к попу подошел...
Остановилось венчанье!
С барином шутка плоха —
Отдал наглец приказанье
В рекруты сдать жениха,
В девичью — бедную Грушу!
И не перечил никто!..
Кто же, имеющий душу,
Мог это вынести?.. кто?..

XIV

Впрочем, не то еще было!
И не одни господа —
Сок из народа давила
Подлых подьячих орда.
Что ни чиновник — стяжатель,
С целью добычи в поход
Вышел... а кто неприятель?
Войско, казна и народ!
Всем доставалось исправно.
Стачка, порука кругом:
Смелые грабили явно,
Трусы тащили тайком.
Непроницаемой ночи
Мрак над страною висел...
Видел — имеющий очи
И за отчизну болел.
Стоны рабов заглушая
Лестью да свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей...

XV

Солнце не вечно сияет,
Счастье не вечно везет:
Каждой стране наступает
Рано иль поздно черед,
Где не покорность тупая —
Дружная сила нужна;
Грянет беда роковая —
Скажется мигом страна.
Единодушье и разум
Всюду дадут торжество,
Да не придут они разом,
Вдруг не создашь ничего, —
Красноречивым воззваньем
Не разогреешь рабов,
Не озаришь пониманьем
Темных и грубых умов.
Поздно! Народ угнетенный
Глух перед общей бедой.
Горе стране разоренной!
Горе стране отсталой!
Войско одно — не защита.
Да ведь и войско, дитя,
Было в то время забито,
Лямку тянуло кряхтя. . .

XVI

Дедушка кстати солдата
Встретил, вином угостил,
Поцеловавши как брата,
Ласково с ним говорил:
— Нынче вам служба не бремя —
Кротко начальство теперь. . .
Ну, а как в наше-то время!
Что ни начальник, то зверь!
Душу вколачивать в пятки
Правилом было тогда.
Как ни трудись, недостатки
Сыщет начальник всегда:
«Есть в маршировке старанье,

Стойка исправна совсем,
Только заметно дыханье...»
Слышишь ли?.. дышат зачем!

XVII

А недоволен парадом —
Ругань польется рекой,
Зубы посыплются градом,
Порет, гоняет сквозь строй!
С пеною у рта обрыщет
Весь перепуганный полк,
Жертв покрупнее приищет
Остервенившийся волк:
«Франтики! подлые души!
Под караулом сгною!»
Слушал — имеющий уши,
Думушку думал свою.
Брань пострашней караула,
Пуль и картечи страшней...
Кто же, в ком честь не уснула,
Кто примирился бы с ней?..—
«Дедушка! ты вспоминаешь
Страшное что-то?.. скажи!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
Честью всегда дорожи.

XVIII

Дед замолчал и уныло
Голову свесил на грудь.
— Мало ли, друг мой, что было!..
Лучше пойдем отдохнуть. —
Отдых недолог у деда —
Жить он не мог без труда:
Гряды копал до обеда,
Переплетал иногда,
Вечером шилом, иголкой
Что-нибудь бойко тачал,
Песней печальной и долгой
Дедушка труд сокращал.
Внук не проронит ни звука,

Не отойдет от стола:
Новой загадкой для внука
Дедова песня была...

XIX

Пел он о славном походе
И о великой борьбе;
Пел о свободном народе
И о народе-рабе;
Пел о пустынях безлюдных
И о железных цепях;
Пел о красавицах чудных
С ангельской лаской в очах;
Пел он об их увяданьи
В дикой, далекой глуши
И о чудесном влияньи
Любящей женской души...
О Трубецкой и Волконской
Дедушка пел — и вздыхал,
Пел — и тоской вавилонской
Келью свою оглашал...
«Дедушка, дальше!.. А где ты
Песенку вызнал свою?
Ты повтори мне куплеты —
Я их мамаше спою.
Те имена поминаешь
Ты иногда по ночам...»
— Вырастешь, Саша, узнаешь —
Все расскажу тебе сам:
Где научился я пенью,
С кем и когда я певал...—
«Ну! приучусь я к терпенью!» —
Саша уныло сказал...

XX

Часто катался летом
Наши друзья в челноке,
С громким, веселым приветом
Дед приближался к реке:
— Здравствуй, красавица Волга!

С детства тебя я любил. —
«Где ж пропадал ты так долго?» —
Саша несмело спросил.
— Был я далеко, далеко... —
«Где же? ..» Задумался дед.
Мальчик вздыхает глубоко,
Вечный предвидя ответ.
«Что ж, хорошо ли там было?»
Дед на ребенка глядит:
— Лучше не спрашивай, милый!
(Голос у деда дрожит). —
Глухо, пустынно, безлюдно,
Степь полумертвая сплошь.
Трудно, голубчик мой, трудно!
По году весточки ждешь,
Видишь, как тратятся силы —
Лучшие божьи дары,
Близким копаешь могилы,
Ждешь и своей до поры...
Медленно-медленно таешь... —
«Что ж ты там, дедушка, жил? ..»
— Вырастешь, Саша, узнаешь. —
Саша слезу уронил...

XXI

«Господи! слушать наскучит.
Вырастешь! — мать говорит,
Папочка любит, а мучит:
Вырастешь — тоже твердит!
То же и дедушка... Полно!
Я уже вырос — смотри! ..
(Стал на скамеечку челна) —
Лучше теперь говори! ..»
Деда целует и гладит:
«Или вы все заодно? ..»
Дедушка с сердцем не сладит,
Бьется, как голубь, оно.
«Дедушка, слышишь? хочу я
Все непременно узнать!»
Дедушка, внука целуя,
Шепчет: — Тебе не понять.

Надо учиться, мой милый!
Все расскажу, погоди!
Пособерись-ка ты с силой,
Зорче кругом погляди.
Умник ты, Саша, а все же
Надо историю знать
И географию тоже. —
«Долго ли, дедушка, ждать?»
— Годик, другой, как случится ..
Саша к мамаше бежит:
«Мама! хочу я учиться!» —
Издали громко кричит.

XXII

Время проходит. Исправно
Учится мальчик всему —
Знает историю славно
(Лет уже десять ему),
Бойко на карте покажет
И Петербург и Читу,
Лучше большого расскажет
Многое в русском быту.
Глупых и злых ненавидит,
Бедным желает добра,
Помнит, что слышит и видит...
Дед примечает: пора!
Сам же он часто хворает,
Стал ему нужен костыль...
Скоро уж, скоро узнает
Саша печальную быль...

1870

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

(ДЕКАБРИСТКИ)

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ [1]

(ПОЭМА)

(1826 год)

Мороз сильней, пустынней путь,
Чем дале на восток;
На триста верст какой-нибудь
Убогий городок;
Зато как радостно глядишь
На темный ряд домов,
Но где же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псов.
Под кровлю всех загнал мороз,
Чаек от скуки пьют,
Прошел солдат, проехал воз,
Куранты где-то бьют.
Замерзли окна... огонек
В одном чуть-чуть мелькнул...
Собор... на выезде острог...
Ямщик кнутом махнул:
«Эй вы!» — и нет уж городка,
Последний дом исчез...
Направо — горы и река,
Налево — темный лес...

Кипит больной, усталый ум,
Бессонный до утра,

---

[1] <В антологии приводится отрывок этой поэмы>.

Тоскует сердце. Смена дум
Мучительно быстра;
Княгиня видит то друзей,
То мрачную тюрьму,
И тут же думается ей —
Бог знает почему,
Что небо звездное — песком
Посыпанный листок.
А месяц — красным сургучом
Оттиснутый кружок...

Пропали горы; началась
Равнина без конца.
Еще мертвей! Не встретит глаз
Живого деревца.
— А вот и тундра! — говорит
Ямщик, бурят степной.
Княгиня пристально глядит
И думает с тоской:
«Сюда-то жадный человек
За золотом идет!
Оно лежит по руслам рек,
Оно на дне болот.
Трудна добыча на реке,
Болота страшны в зной,
Но хуже, хуже в руднике,
Глубоко под землей!..
Там гробовая тишина,
Там безрассветный мрак...
Зачем, проклятая страна,
Нашел тебя Ермак?..»

—

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжелых дум полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоит,
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;

К обширной площади бегут
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разносчики, попы;
Пестреют шляпки, бархат, шелк,
Тулупы, армяки...
Стоял уж там какой-то полк,
Пришли еще полки,
Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они «ура!» кричат,
Они чего-то ждут...

Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут...
Зато посмеивался в ус,
Лукаво щуря взор,
Знакомый с бурями француз,
Столичный куафер...

Приспели новые полки:
«Сдавайтесь!» — тем кричат.
Ответ им — пули и штыки,
Сдаваться не хотят.
Какой-то бравый генерал,
Влетев в каре, грозиться стал —
С коня снесли его.
Другой приблизился к рядам:
«Прощенье царь дарует вам!»
Убили и того.

Явился сам митрополит
С хоругвями, с крестом:
«Покайтесь, братия! — гласит, —
Падите пред царем!»
Солдаты слушали, крестясь,
Но дружен был ответ:

— Уйди, старик! молись за нас!
Тебе здесь дела нет...

Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: па-ли! . .
. . . . . .
Княгиня, память потеряв,
Упала с высоты стремглав.

Пред нею длинный и сырой
Подземный коридор,
У каждой двери часовой,
Все двери на запор.
Прибою волн подобный плеск
Снаружи слышен ей;
Внутри — бряцанье, ружей блеск
При свете фонарей;
Да отдаленный шум шагов
И долгий гул от них,
Да перекрестный бой часов,
Да крики часовых. . .

С ключами старый и седой,
Усатый инвалид —
«Иди, печальница, за мной! —
Ей тихо говорит. —
Я проведу тебя к нему,
Он жив и невредим. . .»
Она доверилась ему;
Она пошла за ним. . .

Шли долго, долго. . . Наконец
Дверь визгнула, — и вдруг
Пред нею он. . . живой мертвец. . .
Пред нею — бедный друг!
Упав на грудь ему, она
Торопится спросить:
«Скажи, что делать? Я сильна,
Могу я страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо? . .» — Не ходи,
Не тронешь палача! —

«О милый! что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.
То этот страшный бой часов,
То крики часовых!
Зачем тут третий между нас? . .»
— Наивен твой вопрос. —

«Пора! пробил урочный час!» —
Тот, «третий», произнес. . .

Княгиня вздрогнула, — глядит
Испуганно кругом,
Ей ужас сердце леденит:
Не все тут было сном! .

Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей,
Налево был угрюмый лес,
Направо — Енисей.
Темно! Навстречу ни души,
Ямщик на козлах спал,
Голодный волк в лесной глуши
Пронзительно стонал.
Да ветер бился и ревел,
Играя на реке,
Да инородец где-то пел
На странном языке.
Суровым пафосом звучал
Неведомый язык,
И пуще сердце надрывал,
Как в бурю чайки крик. . .

Княгине холодно; в ту ночь
Мороз был нестерпим,
Упали силы; ей невмочь
Бороться больше с ним,
Рассудком ужас овладел,
Что не доехать ей.
Ямщик давно уже не пел,
Не понукал коней,

Передней тройки не слыхать.
«Эй! жив ли ты, ямщик?
Что ты замолк? не вздумай спать!»
— Не бойтесь, я привык...

Летят... Из мерзлого окна
Не видно ничего,
Опасный гонит сон она,
Но не прогнать его!..

<1871>

КНЯГИНЯ ВОЛКОНСКАЯ

БАБУШКИНЫ ЗАПИСКИ

(1826—27 г.)

ГЛАВА I

Проказники внуки! Сегодня они
С прогулки опять воротились:
«Нам, бабушка, скучно! В ненастные дни,
Когда мы в портретной садились
И ты начинала рассказывать нам,
Так весело было!.. Родная,
Еще что-нибудь расскажи!..» По углам
Уселись. Но их прогнала я:
«Успеете слушать; рассказов моих
Достанет на целые томы,
Но вы еще глупы: узнаете их,
Как будете с жизнью знакомы!
Я все рассказала доступное вам
По вашим ребяческим летам.
Идите гулять по полям, по лугам!
Идите же... пользуйтесь летом!»
И вот, не желая остаться в долгу
У внуков, пишу я записки;
Для них я портреты людей берегу,
Которые были мне близки,
Я им завещаю альбом и цветы
С могилы сестры Муравьевой,
Коллекцию бабочек, флору Читы
И виды страны той суровой;
Я им завещаю железный браслет...
Пускай берегут его свято:

В подарок жене его выковал дед
Из собственной цепи когда-то...

Родилась я, милые внуки мои,
Под Киевом, в тихой деревне;
Любимая дочь я была у семьи.
Наш род был богатый и древний,
Но пуще отец мой возвысил его:
Заманчивей славы героя,
Дороже отчизны — не знал ничего
Боец, не любивший покоя.
Творя чудеса, девятнадцати лет
Он был полковым командиром,
Он мужеством добыл и лавры побед
И почести, чтимые миром.
Воинская слава его началась
Персидским и шведским походом,
Но память о нем нераздельно слилась
С великим 12-м годом:
Тут жизнь его долгим сраженьем была.
Походы мы с ним разделяли,
И в месяц иной не запомним числа,
Когда б за него не дрожали.
«Защитник Смоленска» всегда впереди
Опасного дела являлся...
Под Лейпцигом раненный, с пулей в груди,
Он вновь через сутки сражался,
Так летопись жизни его говорит: [1]
В ряду полководцев России,
Покуда отечество наше стоит,
Он памятен будет! Витии
Отца моего осыпали хвалой,
Бессмертным его называя;
Жуковский почтил его громкой строфой,
Российских вождей прославляя:
Под Дашковой личного мужества жар

---

[1] См. «Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Францией в 1812—1815 годах». С.-Петербург. 1822. Часть 3, стр. 30—64: Биография генерала-от-кавалерии Николая Николаевича Раевского.

И жертву отца-патриота
Поэт воспевает.[1] Воинственный дар
Являя в сраженьях без счета,
Не силой одною врагов побеждал
Ваш прадед в борьбе исполинской:
О нем говорили, что он сочетал
С отвагою гений воинский.

Войной озабочен, в семействе своем
Отец ни во что не мешался,
Но крут был порою; почти божеством
Он матери нашей казался,
И сам он глубоко привязан был к ней.
Отца мы любили — в герое.

---

[1] См. соч. Жуковского, изд. 1849 года, том I, «Певец в стане русских воинов», стр. 280.

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый — грудь против мечей
С отважными сынами...

Факт, о котором здесь упоминается, в «Деяниях» рассказан следующим образом (часть 3, стр. 52):

«В сражении при Дашкове, когда храбрые россияне, от чрезвычайного превосходства в силах и ужасного действия артиллерии неприятеля, несколько поколебались, генерал Раевский, зная, сколько личный пример начальника одушевляет подчиненных ему воинов, взяв за руки двух своих сыновей, не достигших еще двадцатилетнего возраста, бросился с ними вперед на одну неприятельскую батарею, упорствовавшую еще покориться мужеству героев, вскричал: «Вперед, ребята, за царя и отечество! Я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь!..» и что могло после сего противостоять усилиям и рвению предводимых таким начальником войск. Батарея была тотчас взята».

Этот факт рассказан и у Михайловского-Данилевского (т. I, стр. 329, изд. 1839 года), с тою разницею, что, по рассказу Данилевского, дело происходило не под Дашковой, а при Салтановке, и при этом случае упомянут подвиг шестнадцатилетнего юнкера, ровесника с Раевским и несшего впереди полка знамя при переходе через греблю, под убийственным огнем, и когда младший из Раевских (Николай Николаевич) просил у него знамя, под предлогом, что тот устал: «Дайте мне нести знамя», юнкер, не отдавая оного, отвечал: «Я сам умею умирать!» Подлинность всего этого подтверждает и генерал Липранди, заметка которого (из дневника и воспоминаний И. П. Липранди) помещена в «Архиве» г. Бартенева (1866 года, стр. 1, 214).

Окончив походы, в усадьбе своей
Он медленно гас на покое.
Мы жили в большом подгородном дому.
Детей поручив англичанке,
Старик отдыхал.[1] Я училась всему,
Что нужно богатой дворянке.
А после уроков бежала я в сад
И пела весь день беззаботно.
Мой голос был очень хорош, говорят,
Отец его слушал охотно;
Записки свои приводил он к концу,
Читал он газеты, журналы,
Пиры задавал: наезжали к отцу
Седые, как он, генералы,
И шли бесконечные споры тогда;
Меж тем молодежь танцовала.
Сказать ли вам правду? Была я всегда
В то время царицею бала:
Очей моих томных огонь голубой,
И черная, с синим отливом
Большая коса, и румянец густой
На личике смуглом, красивом,
И рост мой высокий, и гибкий мой стан,
И гордая поступь — пленяли
Тогдашних красавцев: гусаров, улан,
Что близко с полками стояли.

---

[1] Наша поэма была уже написана, когда мы вспомнили, что генерал Раевский и по возвращении из похода, окончившегося взятием Парижа, продолжал служить. Мы не сочли нужным изменять нашего текста, так как это обстоятельство чисто внешнее, притом Раевский, командовавший корпусом, расположенным близ Киева, под старость действительно часто живал в деревне, где, по свидетельству Пушкина, который хорошо знал Н. Н. Раевского и был другом с его сыновьями, занимался, между прочим, домашнею медициною и садоводством. Приводим кстати свидетельство Пушкина о Раевском в одном из писем брату:

«Мой друг, счастливейшие минуты в жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель екатерининского века, памятник 12-го года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества».

Но слушала я неохотно их лесть...
Отец за меня постарался:
«Не время ли замуж? Жених уже есть,
Он славно под Лейпцигом дрался,
Его полюбил государь, наш отец,
И дал ему чин генерала.
Постарше тебя... а собой молодец,
Волконский! Его ты видала
На царском смотру... и у нас он бывал,
По парку с тобой все шатался!»
— Да, помню! Высокий такой генерал...—
«Он самый!» Старик засмеялся...
— Отец! он так мало со мной говорил! —
Заметила я, покраснела...
«Ты будешь с ним счастлива!» — круто решил
Старик, — возражать я не смела...

Прошло две недели, — и я под венцом
С Сергеем Волконским стояла,
Не много я знала его женихом,
Не много и мужем узнала, —
Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!
По дальним селеньям, на зимний постой,
Бригаду его разбросали,
Ее объезжал непрестанно Сергей.
А я между тем расхворалась;
В Одессе потом, по совету врачей,
Я целое лето купалась;
Зимой он приехал за мною туда,
С неделю я с ним отдохнула
При главной квартире... и снова беда!
Однажды я крепко уснула,
Вдруг слышу я голос Сергея (в ночи,
Почти на рассвете то было):
«Вставай! поскорее найди мне ключи!
Камин затопи!» Я вскочила...
Взглянула: встревожен и бледен он был.
Камин затопила я живо.
Из ящиков муж мой бумаги сносил
К камину — и жег торопливо.
Иные прочитывал бегло, спеша,

Иные бросал, не читая.
И я помогала Сергею, дрожа
И глубже в огонь их толкая. . .
Потом он сказал: «Мы поедем сейчас»,
Волос моих нежно касаясь.
Все скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не прощаясь,
Мы тронулись в путь. Мы скакали три дня,
Сергей был угрюм, торопился,
Довез до отцовской усадьбы меня
И тотчас со мною простился.

ГЛАВА II

«Уехал! . . Что значила бледность его —
И все, что в ту ночь совершилось?
Зачем не сказал он жене ничего?
Недоброе что-то случилось!»
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнения душу терзали:
«Уехал, уехал! опять я одна! . .»
Родные меня утешали,
Отец торопливость его объяснял
Каким-нибудь делом случайным:
«Куда-нибудь сам император послал
Его с поручением тайным,
Не плачь! Ты походы делила со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; он скоро вернется домой!
Под сердцем залог драгоценный
Ты носишь: теперь ты беречься должна!
Все кончится ладно, родная:
Жена муженька проводила одна,
А встретит, ребенка качая! . .»

Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидеться с бедной женою
И с первенцем-сыном отцу довелось
Не здесь — не под кровлей родною!

Как дорого стоил мне первенец мой!
Два месяца я прохворала.

Измучена телом, убита душой,
Я первую няню узнала.
Спросила о муже. «Еще не бывал!»
— Писал ли? — «И писем нет даже».
— А где мой отец? — «В Петербург ускакал».
— А брат мой? — «Уехал туда же».

— Мой муж не приехал, нет даже письма,
И брат и отец ускакали, —
Сказала я матушке. — Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали! —
И как ни старалась упрашивать дочь
Старушка, я твердо решилась;
Припомнила я ту последнюю ночь
И все, что тогда совершилось,
И ясно сознала, что с мужем моим
Недоброе что-то творится...

Стояла весна, по разливам речным
Пришлось черепахой тащиться.
Доехала я чуть живая опять.
— Где муж мой? — отца я спросила.
«В Молдавию муж твой ушел воевать».
— Не пишет он?.. — Глянул уныло
И вышел отец... Недоволен был брат,
Прислуга молчала, вздыхая.
Заметила я, что со мною хитрят,
Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мне нужен покой,
Ко мне никого не пускали,
Меня окружили какой-то стеной,
Мне даже газет не давали!
Я вспомнила: много у мужа родных,
Пишу — отвечать умоляю.
Проходят недели, — ни слова от них!
Я плачу, я силы теряю...

Нет чувства мучительней тайной грозы.
Я клятвой отца уверяла,
Что я не пролью ни единой слезы, —
И он и кругом все молчало!
Любя, меня мучил мой бедный отец;

Жалея, удвоивал горе...
Узнала, узнала я все наконец!..
Прочла я в самом приговоре,
Что был заговорщиком бедный Сергей:
Стояли они на стороже,
Готовя войска к низверженью властей.
В вину ему ставилось тоже,
Что он... Закружилась моя голова...
Я верить глазам не хотела...
«Ужели?..» в уме не вязались слова:
Сергей — и бесчестное дело!

Я помню, сто раз я прочла приговор,
Вникая в слова роковые;
К отцу побежала, — с отцом разговор
Меня успокоил, родные!
С души словно камень тяжелый упал.
В одном я Сергея винила:
Зачем он жене ничего не сказал?
Подумав, и то я простила:
«Как мог он болтать? Я была молода,
Когда ж он со мной расставался,
Я сына под сердцем носила тогда:
За мать и дитя он боялся!»
Так думала я. «Пусть беда велика.
Не все потеряла я в мире.
Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири!..»

Всю ночь я горела, мечтая о том,
Как буду лелеять Сергея.
Под утро глубоким, крепительным сном
Уснула — и встала бодрее.
Поправилось скоро здоровье мое,
Приятельниц я повидала,
Нашла я сестру, расспросила ее —
И горького много узнала!
Несчастные люди!.. «Все время Сергей
(Сказала сестра) содержался
В тюрьме; не видал ни родных, ни друзей...
Вчера только с ним повидался
Отец. Повидаться с ним можешь и ты:

Когда приговор прочитали,
Одели их в рубище, сняли кресты,
Но право свиданья им дали! . .»
Подробностей ряд пропустила я тут. . .
Оставив следы роковые,
Доныне о мщеньи они вопиют. . .
Не знайте их лучше, родные.

Я в крепость поехала к мужу с сестрой.
Пришли мы сперва к «генералу»,
Потом нас привел генерал пожилой
В обширную мрачную залу.
«Дождитесь, княгиня! мы будем сейчас!» —
Раскланявшись вежливо с нами,
Он вышел. С дверей не спускала я глаз,
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдали,
За ними я мыслью летела.
Мне чудилось: связку ключей принесли,
И ржавая дверь заскрипела,
В угрюмой каморке с железным окном
Измученный узник томился.
«Жена к вам приехала! . .» Бледный лицом,
Он весь задрожал, оживился:
Жена. . . Коридором он быстро бежал,
Довериться слуху не смея. . .

— Вот он! — громогласно сказал генерал.
И я увидала Сергея. . .
Недаром над ним пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно бледно, глаза
Не так уже ярко светились,
Но больше в них было, чем в прежние дни,
Той тихой, знакомой печали;
С минуту пытливо смотрели они —
И радостью вдруг заблистали;
Казалось, он в душу мою заглянул. . .
Я горько, припав к его груди,
Рыдала. . . Он обнял меня и шепнул:
«Здесь есть посторонние люди».

Потом он сказал, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья,
Что, впрочем, легко переносит тюрьму,
И несколько слов ободренья
Прибавил... По комнате важно шагал
Свидетель: нам было неловко...
Сергей на одежду свою показал:
— Поздравь меня, Маша, с обновкой, —
И тихо прибавил: — *Пойми и прости.* —
Глаза засверкали слезою,
Но тут соглядатай успел подойти,
Он низко поник головою.
Я громко сказала: «Да, я не ждала
Найти тебя в этой одежде»,
И тихо шепнула: «*Я все поняла,*
Люблю тебя больше, чем прежде...»
— Что делать? И в каторге буду я жить.
(Покуда мне жизнь не наскучит). —
«Ты жив, ты здоров, так о чем же тужить?
(Ведь каторга нас не разлучит?)»

— Так вот ты какая! — Сергей говорил,
Лицо его весело было...
Он вынул платок, на окно положил,
И рядом я свой положила;
Потом, расставаясь, Сергеев платок
Взяла я — мой мужу остался...
Нам после годичной разлуки часок
Свиданья короток казался,
Но что ж было делать! Наш срок миновал —
Пришлось бы другим дожидаться...
В карету меня подсадил генерал,
Счастливо желал оставаться...

Великую радость нашла я в платке:
Целуя его, увидала
Я несколько слов на одном уголке;
Вот что я, дрожа, прочитала:
«Мой друг, ты свободна. Пойми — не пеняй!
Душевно я бодр — и желаю
Жену мою видеть такой же. Прощай!
Малютке поклон посылаю...»

Была в Петербурге большая родня
У мужа; все знать — да какая!
Я ездила к ним, волновалась три дня,
Сергея спасти умоляя.
Отец говорил: «Что ты мучишься, дочь?
Я все испытал — бесполезно!»
И правда: они уж пытались помочь,
Моля императора слезно,
Но просьбы до сердца его не дошли...
Я с мужем еще повидалась,
И время приспело: его увезли!..
Как только одна я осталась,
Я тотчас послышала в сердце моем,
Что надо и мне торопиться,
Мне душен казался родительский дом,
И стала я к мужу проситься.

Теперь расскажу вам подробно, друзья,
Мою роковую победу.
Вся дружно и грозно восстала семья,
Когда я сказала: «Я еду!»
Не знаю, как мне удалось устоять,
Чего натерпелась я... Боже!..
Была из-под Киева вызвана мать,
И братья приехали тоже:
Отец «образумить» меня приказал.
Они убеждали, просили,
Но волю мою сам господь подкреплял,
Их речи ее не сломили!
А много и горько поплакать пришлось...
Когда собрались мы к обеду,
Отец мимоходом мне бросил вопрос:
«На что ты решилась?» — Я еду! —
Отец промолчал... промолчала семья...
Я вечером горько всплакнула;
Качая ребенка, задумалась я...
Вдруг входит отец, — я вздрогнула...
Ждала я грозы, но, печален и тих,
Сказал он сердечно и кротко:
«За что обижаешь ты кровных родных?
Что будет с несчастным сироткой?
Что будет с тобою, голубка моя?

М. Н. Волконская

Акварель Н. А. Бестужева, 1828—1830 годы

Там нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
Найдешь ты там только могилу!»
И ждал он ответа, и взгляд мой ловил,
Лаская меня и целуя...
«Я сам виноват! Я тебя погубил! —
Воскликнул он вдруг негодуя. —
Где был мой рассудок? Где были глаза?
Уж знала вся армия наша...»
И рвал он седые свои волоса:
«Прости! не казни меня, Маша!
Останься!..» И снова молил горячо...
Бог знает, как я устояла!
Припав головою к нему на плечо,
— Поеду! — я тихо сказала...

«Посмотрим!..» И вдруг распрямился старик,
Глаза его гневом сверкали:
«Одно повторяет твой глупый язык:
Поеду! Сказать не пора ли,
Куда и зачем! Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!
Умеет ли думать твоя голова?
Врагами ты, что ли, считаешь
И мать и отца? Или глупы они...
Что споришь ты с ними, как с ровней?
Поглубже ты в сердце свое загляни,
Вперед посмотри хладнокровней,
Подумай!.. Я завтра увижусь с тобой...»

Ушел он грозящий и гневный,
А я, чуть жива, пред иконой святой
Упала — в истоме душевной...

ГЛАВА III

«Подумай!..» Я целую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я божию матерь на помощь звала,
Совета просила у бога,
Я думать училась: отец приказал
Подумать... нелегкое дело!

Давно ли он думал за нас — и решал,
И жизнь наша мирно летела?

Училась я много; на трех языках
Читала. Заметна была я
В парадных гостиных, на светских балах,
Искусно танцуя, играя;
Могла говорить я почти обо всем,
Я музыку знала, я пела,
Я даже отлично скакала верхом;
Но думать совсем не умела.

Я только в последний, двадцатый мой год
Узнала, что жизнь не игрушка.
Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнет,
Как грянет нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отец
Со мной не говаривал строго;
Осьмнадцати лет я пошла под венец
И тоже не думала много...

В последнее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвестность томила сперва.
Когда же беду я узнала,
Бессменно стоял предо мною Сергей
Тюрьмою измученный, бледный,
И много неведомых прежде страстей
Посеял в душе моей бедной.

Я все испытала, а больше всего
Жестокое чувство бессилья.
Я небо и сильных людей за него
Молила — напрасны усилья!
И гнев мою душу больную палил,
И я волновалась нестройно,
Рвалась, проклинала... но не было сил,
Ни времени думать спокойно.

Теперь непременно я думать должна —
Отцу моему так угодно.
Пусть воля моя неизменно одна,

Пусть всякая дума бесплодна,
Я честно исполнить отцовский приказ
Решилась, мои дорогие.
Старик говорил: «Ты подумай о нас,
Мы люди тебе не чужие:
И мать, и отца, и дитя, наконец, —
Ты всех безрассудно бросаешь,
За что же?» — Я долг исполняю, отец! —
«За что ты себя обрекаешь
На муку?» — Не буду я мучиться там!
Здесь ждет меня страшная мука.
Да, если останусь, послушная вам,
Меня истерзает разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днем,
Рыдая над бедным сироткой,
Все буду я думать о муже моем
Да слышать упрек его кроткий.
Куда ни пойду я — на лицах людей
Я свой приговор прочитаю:
В их шопоте — повесть измены моей,
В улыбке укор угадаю:
Что место мое не на пышном балу,
А в дальней пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютою думой,
Один... без опоры... Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.
Делила с ним радость, делить и тюрьму
Должна я... Так небу угодно!..

Простите, родные! Мне сердце давно
Мое подсказало решенье,
И верю я твердо: от бога оно!
А в вас говорит — сожаленье.
Да, ежели выбор решить я должна
Меж мужем и сыном — не боле,
Иду я туда, где я больше нужна,
Иду я к тому, кто в неволе!
Я сына оставлю в семействе родном,
Он скоро меня позабудет.
Пусть дедушка будет малютке отцом,
Сестра ему матерью будет.

Он так еще мал! А когда подрастет
И страшную тайну узнает,
Я верю: он матери чувство поймет
И в сердце ее оправдает!

Но если останусь я с ним... и потом
Он тайну узнает и спросит:
«Зачем не пошла ты за бедным отцом? . .»
И слово укора мне бросит?
О, лучше в могилу мне заживо лечь,
Чем мужа лишить утешенья
И в будущем сына презренье навлечь...
Нет, нет! не хочу я презренья! ..

А может случиться — подумать боюсь! —
Я первого мужа забуду,
Условиям новой семьи подчинюсь
И сыну не матерью буду,
А мачехой лютой? .. Горю со стыда...
Прости меня, бедный изгнанник!
Тебя позабыть! Никогда! никогда!
Ты сердца единый избранник...
Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!
Его ты не знаешь! Сначала,
В блестящем наряде, на гордом коне,
Его пред полком я видала;
О подвигах жизни его боевой
Рассказы товарищей боя
Я слушала жадно — и всею душой
Я в нем полюбила героя...

Позднее я в нем полюбила отца
Малютки, рожденного мною.
Разлука тянулась меж тем без конца.
Он твердо стоял под грозою...
Вы знаете, где мы увиделись вновь —
Судьба свою волю творила! —
Последнюю, лучшую сердца любовь
В тюрьме я ему подарила!

Напрасно чернила его клевета,
Он был безупречней, чем прежде,

И я полюбила его, как Христа...
В своей арестантской одежде
Теперь он бессменно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре — любовь неземная...

Отец мой! должна я увидеть его...
Умру я, тоскуя по муже...
Ты, долгу служа, не щадил ничего,
И нас научил ты тому же...
Герой, выводивший своих сыновей
Туда, где смертельней сраженье, —
Не верю, что дочери бедной своей
Ты сам не одобрил решенье!

Вот что я продумала в долгую ночь,
И так я с отцом говорила...
Он тихо сказал: «Сумасшедшая дочь!»
И вышел; молчали уныло
И братья и мать... Я ушла наконец...
Тяжелые дни потянулись:
Как туча ходил недовольный отец,
Другие домашние дулись.
Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом; но я не дремала,
Опять провела я бессонную ночь,
Письмо к государю писала
(В то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
С дороги велел государь. Испытать
Боялась я участь такую,
Но слух был неверен.) Письмо отвезла
Сестра моя, Катя Орлова.
Сам царь отвечал мне... Спасибо, нашла
В ответе я доброе слово!
Он был элегантен и мил (Николай
Писал по-французски). Сначала
Сказал государь, как ужасен тот край,
Куда я поехать желала,
Как грубы там люди, как жизнь тяжела,

Как возраст мой хрупок и нежен;
Потом намекнул (я не вдруг поняла)
На то, что возврат безнадежен;
А дальше — изволил хвалою почтить
Решимость мою, сожалея,
Что, долгу покорный, не мог пощадить
Преступного мужа... Не смея
Противиться чувствам высоким таким,
Давал он свое позволенье;
Но лучше желал бы, чтоб с сыном моим
Осталась я дома...

Волненье
Меня охватило. «Я еду!» Давно
Так радостно сердце не билось...
«Я еду! я еду! Теперь решено!..»
Я плакала, жарко молилась...

В три дня я в далекий мой путь собралась,
Все ценное я заложила.
Надежною шубой, бельем запаслась,
Простую кибитку купила.
Родные смотрели на сборы мои,
Загадочно как-то вздыхая;
Отъезду не верил никто из семьи...
Последнюю ночь провела я
С ребенком. Нагнувшись над сыном моим,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я с ним
Печатью письма рокового.
Играла и думала: «Бедный мой сын!
Не знаешь ты, чем ты играешь!
Здесь участь твоя: ты проснешься один,
Несчастный! Ты мать потеряешь!»
И в горе упав на ручонки его
Лицом, я шептала, рыдая:
«Прости, что тебя, для отца твоего,
Мой бедный, покинуть должна я...»

А он улыбался; не думал он спать,
Любуясь красивым пакетом;
Большая и красная эта печать

Его забавляла...
С рассветом
Спокойно и крепко заснуло дитя,
И щечки его заалели.
С любимого личика глаз не сводя,
Молясь у его колыбели,
Я встретила утро...
Я вмиг собралась.
Сестру заклинала я снова
Быть матерью сыну... Сестра поклялась...
Кибитка была уж готова.

Сурово молчали родные мои,
Прощание было немое.
Я думала: «Я умерла для семьи,
Все милое, все дорогое
Теряю... нет счета печальных потерь!..»
Мать как-то спокойно сидела,
Казалось, не веря еще и теперь,
Чтоб дочка уехать посмела,
И каждый с вопросом смотрел на отца.
Сидел он поодаль понуро,
Не молвил словечка, не поднял лица,—
Оно было бледно и хмуро.
Последние вещи в кибитку снесли,
Я плакала, бодрость теряя,
Минуты мучительно медленно шли...
Сестру наконец обняла я
И мать обняла. «Ну, господь вас храни!» —
Сказала я, братьев целуя.
Отцу подражая, молчали они...
Старик поднялся негодуя,
По сжатым губам, по морщинам чела
Ходили зловещие тени...
Я молча ему образок подала
И стала пред ним на колени:
«Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!
Прости свою дочь, ради бога!..»
Старик на меня поглядел наконец
Задумчиво, пристально, строго
И, руки с угрозой подняв надо мной,
Чуть слышно сказал (я дрожала):

«Смотри! через год возвращайся домой,
Не то — прокляну! . .»
Я упала. . .

ГЛАВА IV

«Довольно, довольно объятий и слез!»
Я села — и тройка помчалась.
«Прощайте, родные!» В декабрьский мороз
Я с домом отцовским рассталась
И мчалась без отдыху слишком три дня;
Меня быстрота увлекала,
Она была лучшим врачом для меня. . .
Я скоро в Москву прискакала,
К сестре Зинаиде.[1] Мила и умна
Была молодая княгиня,
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл,[2]
Исполненных грации нежной;
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный в нее безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам — по сказанью поэта —
«Цвет южного неба в очах принесла». . .[3]
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов, — житье
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили ее
И Северной звали Коринной. . .

---

[1] Зинаида Волконская, урожденная кн. Белосельская, была родственницей нашей героине по мужу.

[2] Quatre Nouvelles, par M-me la princesse Zénéide Wolkonsky née P-sse Bélosselsky. Moscou, dans l'impimerie d'Auguste Semen. 1819.

[3] См. стихотворения Д. В. Веневитинова, изд. А. Пятковского. Спб., 1862 (Элегия, стр. 96):

На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла.

Пушкин также посвятил З. Волконской стихотворение (1827 год), начинающееся стихом:

Царица муз и красоты и пр.

Поплакали мы. По душе ей была
Решимость моя роковая:
«Крепись, моя бедная! будь весела!
Ты мрачная стала такая.
Чем мне эти темные тучи прогнать?
Как мы распростимся с тобою?
А вот что! ложись ты до вечера спать,
А вечером пир я устрою.
Не бойся! все будет во вкусе твоем,
Друзья у меня не повесы,
Любимые песни твои мы споем,
Сыграем любимые пьесы. . .»

И вечером весть, что приехала я,
В Москве уже многие знали.
В то время несчастные наши мужья
Вниманье Москвы занимали:
Едва огласилось решенье суда,
Всем было неловко и жутко,
В салонах Москвы повторялась тогда
Одна Ростопчинская шутка:
«В Европе — сапожник, чтоб барином стать.
Бунтует, — понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что ль, захотела? . .»

И сделалась я «героинею дня».
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадные, цугом кареты
Гремели; напудрив свои парики,
Потемкину ровня по летам,
Явились былые тузы-старики,
С отменно-учтивым приветом;
Старушки статс-дамы былого двора
В объятья меня заключали:
«Какое геройство! .. Какая пора! . .»
И в такт головами качали.

Ну словом, что было в Москве повидней,
Что в ней мимоездом гостило,
Все вечером съехалось к Зине моей:

Артистов тут множество было,
Певцов-итальянцев тут слышала я,
Что были тогда знамениты,
Отца моего сослуживцы, друзья
Тут были, печалью убиты.
Тут были родные ушедших туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимых тогда,
Со мной дружелюбно простилась:
Тут были Одоевский, Вяземский; был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил,
Безвременно взятый могилой.

И Пушкин тут был... Я узнала его...
Он другом был нашего детства,
В Юрзуфе [1] он жил у отца моего.
В ту пору проказ и кокетства
Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
Бросали друг в друга цветами.
Все наше семейство поехало в Крым,
И Пушкин отправился с нами.
Мы ехали весело. Вот наконец
И горы и Черное море!
Велел постоять экипажам отец,
Гуляли мы тут на просторе.

Тогда уже был мне шестнадцатый год.
Гибка, высока не по летам,
Покинув семью, я стрелою вперед

---

[1] Юрзуф, очаровательный уголок южного берега Крыма — лежит на восточной оконечности южного берега, на пути между Яйлою и Ялтою. Заметим здесь, что во всем нашем рассказе о пребывании Пушкина у Раевских в Юрзуфе не вымышлено нами ни одного слова. Анекдот о шалости Пушкина по поводу переводов Елены Николаевны Раевской рассказан в статье г. Бартенева: «Пушкин в Южной России» («Русский архив» 1866 года, ст. 1, 118). О друге своем кипарисе упоминает сам Пушкин в известном письме к Дельвигу: «В двух шагах от дома рос кипарис: каждое утро я посещал его и привязался к нему чувством, похожим на дружество». Легенда, связавшаяся впоследствии с этим другом Пушкина, рассказана в «Крымских письмах» Евгении Тур («С.-Петербургские ведомости» 1854 года, письмо 5-е) и повторена в упомянутой выше статье г. Бартенева.

Умчалась с курчавым поэтом;
Без шляпки, с распущенной длинной косой,
Полуденным солнцем палима,
Я к морю летела, — и был предо мной
Вид южного берега Крыма!
Я радостным взором глядела кругом,
Я прыгала, с морем играла;
Когда удалялся прилив, я бегом
До самой воды добегала,
Когда же прилив возвращался опять
И волны грядой подступали,
От них я спешила назад убежать,
А волны меня настигали! . .

И Пушкин смотрел. . . и смеялся, что я
Ботинки мои промочила:
«Молчите! идет гувернантка моя!» —
Сказала я строго. . . (Я скрыла,
Что ноги промокли). . . Потом я прочла
В «Онегине» чудные строки. [1]
Я вспыхнула вся — я довольна была. . .
Теперь я стара, так далеки
Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюбленным в меня. . . но, по правде сказать,
В кого он тогда не влюблялся!
Но, думаю, он не любил никого
Тогда, кроме Музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья ее и печали. . .

Юрзуф живописен: в роскошных садах
Долины его потонули,
У ног его море, вдали Аюдаг. . .
Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбегал

---

[1] Я помню море пред грозою.
Как я завидовал волнам,
Бежавшим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам
и пр.
(«Онегин» Пушкина)

На кручу лозой отягченной,
И тополь местами недвижно стоял
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт наверху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
Что в море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по дням
И были всегда одиноки,
Он у моря часто бродил по ночам.
По-английски брал он уроки
У Лены, сестры моей: Байрон тогда
Его занимал чрезвычайно.
Случилось сестре перевесть иногда
Из Байрона что-нибудь — тайно:
Она мне читала попытки свои,
А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел все дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену...
Окончив занятья, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом,
Под ним заставал его часто рассвет.
Он с ним, уезжая, прощался,
И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:
«К поэту летал соловей по ночам,
Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом он пел — и, певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей — повествует народ —
Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовет
К забытому другу поэта!
Но умер поэт — прилетать перестал
Пернатый певец... Полный горя,
С тех пор кипарис сиротою стоял,

Внимая лишь ропоту моря...»
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают...
Печальна была наша встреча. Поэт
Подавлен был истинным горем.
Припомнил он игры ребяческих лет
В далеком Юрзуфе, над морем.
Покинув привычный насмешливый тон,
С любовью, с тоской бесконечной,
С участием брата напутствовал он
Подругу той жизни беспечной!
Со мной он по комнате долго ходил,
Судьбой озабочен моею,
Я помню, родные, что он говорил,
Да так передать не сумею:
«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпеньем богаты,
Пусть мирно свершится ваш путь роковой.
Пусть вас не смущают утраты!
Поверьте, душевной такой чистоты
Не стоит сей свет ненавистный!
Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстной!
Что свет? опостылевший всем маскарад!
В нем сердце черствеет и дремлет,
В нем царствует вечный, рассчитанный хлад
И пылкую правду объемлет...

Вражда умирится влияньем годов,
Пред временем рухнет преграда,
И вам возвратятся пенаты отцов
И сени домашнего сада!
Целебно вольется в усталую грудь
Долины наследственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.
Да, верю! недолго вам горе терпеть,
Гнев царский не будет же вечным...
Но если придется в степи умереть,
Помянут вас словом сердечным:

Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу!

Умрете, но ваших страданий рассказ
Поймется живыми сердцами,
И за-полночь правнуки ваши о вас
Беседы не кончат с друзьями.
Они им покажут, вздохнув от души,
Черты незабвенные ваши,
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осушатся полные чаши! . .
. . . . . .

Но что я? . . Дай бог вам здоровья и сил!
А там и увидеться можно:
Мне царь «Пугачева» писать поручил,
Пугач меня мучит безбожно,
Расправиться с ним я на славу хочу,
Мне быть на Урале придется.
Поеду весной, поскорей захвачу
Что путного там соберется,
Да к вам и махну, переехав Урал. . .»
Поэт написал «Пугачева»,
Но в дальние наши снега не попал.
Как мог он сдержать это слово? . .

—

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пению жадно внимала;
Сама я не пела, — была я больна,
Я только других умоляла:
«Подумайте: я уезжаю с зарей. . .
О, пойте же, пойте! играйте! . .
Ни музыки я не услышу такой,
Ни песни. . . Наслушаться дайте!»
И чудные звуки лились без конца!
Торжественной песней прощальной
Окончился вечер, — не помню лица
Без грусти, без думы печальной!

Черты неподвижных, суровых старух
Утратили холод надменный,
И взор, что, казалось, навеки потух,
Светился слезой умиленной...
Артисты старались себя превзойти,
Не знаю я песни прелестней
Той песни-молитвы о добром пути,
Той благословляющей песни...
О, как вдохновенно играли они!
Как пели! .. и плакали сами...
И каждый сказал мне: «Господь вас храни!»,
Прощаясь со мной со слезами...

ГЛАВА V

Морозно. Дорога бела и гладка,
Ни тучи на всем небосклоне...
Обмерзли усы, борода ямщика,
Дрожит он в своем балахоне.
Спина его, плечи и шапка в снегу,
Хрипит он, коней понукая,
И кашляют кони его на бегу,
Глубоко и трудно вздыхая...

Обычные виды: былая краса
Пустынного русского края,
Угрюмо шумят строевые леса,
Гигантские тени бросая;
Равнины покрыты алмазным ковром,
Деревни в снегу потонули,
Мелькнул на пригорке помещичий дом,
Церковные главы блеснули...

Обычные встречи: обоз без конца,
Толпа богомолок-старушек,
Почтовая тройка, фигура купца
На груде перин и подушек;
Казенная фура! с десяток подвод:
Навалены ружья и ранцы.
Солдатики! Жидкий, безусый народ,
Должно быть, еще новобранцы;

Сынков провожают отцы-мужики,
Да матери, сестры и жены:
«Уводят, уводят сердечных в полки!» —
Доносятся горькие стоны...

Подняв кулаки над спиной ямщика,
Неистово мчится фельдъегерь.
На самой дороге догнав русака,
Усатый помещичий егерь
Махнул через ров на проворном коне,
Добычу у псов отбивает.
Со всей своей свитой стоит в стороне
Помещик — борзых подзывает...

Обычные сцены: на станциях ад —
Ругаются, спорят, толкутся.
«Ну, трогай!» Из окон ребята глядят,
Попы у харчевни дерутся;
У кузницы бьется лошадка в станке,
Выходит весь сажей покрытый
Кузнец с раскаленной подковой в руке:
«Эй, парень, держи ей копыта!»

В Казани я сделала первый привал,
На жестком диване уснула;
Из окон гостиницы видела бал
И, каюсь, глубоко вздохнула!
Я вспомнила: час или два с небольшим
Осталось до нового года.

«Счастливые люди! как весело им!
У них и покой и свобода,
Танцуют, смеются!.. а мне не знавать
Веселья... я еду на муки!..»
Не надо бы мыслей таких допускать,
Да молодость, молодость, внуки!

Здесь снова пугали меня Трубецкой,
Что будто ее воротили:
«Но я не боюсь — позволенье со мной!»
Часы уже десять пробили,
Пора! я оделась. — Готов ли ямщик? —

Вид Петровского завода

Акварель Н. А Бестужева

«Княгиня, вам лучше дождаться
Рассвета, — заметил смотритель-старик. —
Метель начала подыматься!»
— Ах! то ли придется еще испытать!
Поеду. Скорей, ради бога! . .

Звенит колокольчик, ни зги не видать,
Что дальше, то хуже дорога,
Поталкивать начало сильно в бока,
Какими-то едем грядами,
Не вижу я даже спины ямщика:
Бугор намело между нами.
Чуть-чуть не упала кибитка моя,
Шарахнулась тройка и стала.
Ямщик мой заохал: «Докладывал я:
Пождать бы! дорога пропала! . .»

Послала дорогу искать ямщика,
Кибитку рогожей закрыла,
Подумала: верно, уж полночь близка,
Пружинку часов подавила:
Двенадцать ударило! Кончился год,
И новый успел народиться!
Откинув цыновку, гляжу я вперед —
Попрежнему вьюга крутится.
Какое ей дело до наших скорбей,
До нашего нового года?
И я равнодушна к тревоге твоей
И к стонам твоим, непогода!
Своя у меня роковая тоска,
И с ней я борюсь одиноко. . .

Поздравила я моего ямщика.
«Зимовка тут есть недалеко, —
Сказал он, — рассвета дождемся мы в ней!»
Подъехали мы, разбудили
Каких-то убогих лесных сторожей,
Их дымную печь затопили.
Рассказывал ужасы житель лесной,
Да я его сказки забыла. . .
Согрелись мы чаем. Пора на покой!
Метель все ужаснее выла.

Лесник покрестился, ночник погасил
И с помощью пасынка Феди
Огромных два камня к дверям привалил.
— Зачем? — «Одолели медведи!»

Потом он улегся на голом полу,
Все скоро уснуло в сторожке.
Я думала, думала... лежа в углу
На мерзлой и жесткой рогожке...
Сначала веселые были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цветы,
Подарки, заздравные чаши,
И шумные речи, и ласки... кругом
Все милое, все дорогое —
Но где же Сергей? .. И подумав о нем,
Забыла я все остальное!

Я живо вскочила, как только ямщик
Продрогший в окно постучался.
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,
Но деньги принять отказался.
«Не надо, родная! Бог вас защити,
Дороги-то дальше опасны!»
Крепчали морозы, по мере пути,
И сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою —
И темно, и страшная скука,
Что делать? Стихи вспоминаю, пою,
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет
И путь мой заносят метели,
А все-таки я подвигаюсь вперед!
Так ехала я три недели...

Однажды, заслышав какой-то содом,
Цыновку мою я открыла,
Взглянула: мы едем обширным селом,
Мне сразу глаза ослепило:
Пылали костры по дороге моей...
Тут были крестьяне, крестьянки,
Солдаты — и целый табун лошадей...

«Здесь станция: ждут серебрянки [1], —
Сказал мой ямщик. — Мы увидим ее,
Она, чай, идет недалече. . .»

Сибирь высылала богатство свое,
Я рада была этой встрече:
«Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
О муже, о наших узнаю.
При ней офицер, из Нерчинска их путь. . .»
В харчевне сижу, поджидаю. . .
Вошел молодой офицер; он курил,
Он мне не кивнул головою,
Он как-то надменно глядел и ходил,
И вот я сказала с тоскою:
«Вы видели, верно. . . известны ли вам
Те. . . жертвы декабрьского дела. . .
Здоровы они? Каково-то им там?
О муже я знать бы хотела. . .»
Нахально ко мне повернул он лицо, —
Черты были злы и суровы, —
И, выпустив изо рту дыму кольцо,
Сказал: «Несомненно здоровы,
Но я их не знаю — и знать не хочу,
Я мало ли каторжных видел! . .»
Как больно мне было, родные! Молчу. . .
Несчастный! меня же обидел! . .
Я бросила только презрительный взгляд,
С достоинством юноша вышел. . .
У печки тут грелся какой-то солдат,
Проклятье мое он услышал,
И доброе слово — не варварский смех —
Нашел в своем сердце солдатском:
«Здоровы! — сказал он. — Я видел их всех,
Живут в руднике Благодатском! . .»
Но тут возвратился надменный герой,
Поспешно ушла я в кибитку.
Спасибо, солдатик! спасибо, родной!
Недаром я вынесла пытку!

---

[1] Обоз с серебром.

Поутру на белые степи гляжу,
Послышался звон колокольный,
Тихонько в убогую церковь вхожу,
Смешалась с толпой богомольной.
Отслушав обедню, к попу подошла,
Молебен служить попросила...
Все было спокойно — толпа не ушла...
Совсем меня горе сломило!
За что мы обижены столько, Христос?
За что поруганьем покрыты!
И реки давно накопившихся слез
Упали на жесткие плиты!
Казалось, народ мою грусть разделял,
Молясь молчаливо и строго,
И голос священника скорбью звучал,
Прося об изгнанниках бога...
Убогий, в пустыне затерянный храм!
В нем плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там,
Убитой душе не обидно...
(Отец Иоанн, что молебен служил
И так непритворно молился,
Потом в каземате священником был
И с нами душой породнился.)

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Гора была страшно крутая,
И я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая!
В Иркутске проделали то же со мной,
Чем там Трубецкую терзали...
Байкал. Переправа — и холод такой,
Что слезы в глазах замерзали.
Потом я рассталась с кибиткой моей
(Пропала санная дорога).
Мне жаль ее было: я плакала в ней
И думала, думала много!

Дорога без снегу — в телеге! Сперва
Телега меня занимала,
Но вскоре потом, ни жива ни мертва,
Я прелесть телеги узнала.

Узнала и голод на этом пути;
К несчастию, мне не сказали,
Что тут ничего невозможно найти,
Тут почту бурята держали.
Говядину вялят на солнце они
Да греются чаем кирпичным,
И тот еще с салом! Господь сохрани
Попробовать вам, непривычным!
Зато под Нерчинском мне задали бал:
Какой-то купец тароватый
В Иркутске заметил меня, обогнал
И в честь мою праздник богатый
Устроил... Спасибо! я рада была
И вкусным пельменям и бане...
А праздник как мертвая весь проспала
В гостиной его на диване...

Не знала я, что впереди меня ждет!
Я утром в Нерчинск прискакала,
Не верю глазам — Трубецкая идет!
«Догна́ла тебя, я догнала!»
— *Они в Благодатске!* — Я бросилась к ней,
Счастливые слезы роняя...
В двенадцати только верстах мой Сергей,
И Катя со мной Трубецкая!

ГЛАВА VI

Кто знал одиночество в дальнем пути,
Чьи спутники — горе да вьюга,
Кому провиденьем дано обрести
В пустыне негаданно друга,
Тот нашу взаимную радость поймет...
— Устала, устала я, Маша! —
«Не плачь, моя бедная Катя! Спасет
Нас дружба и молодость наша!
Нас жребий один неразрывно связал,
Судьба нас равно обманула,
И тот же поток твое счастье умчал,
В котором мое потонуло.

Пойдем же мы об руку трудным путем,
Как шли зеленеющим лугом,
И обе достойно свой крест понесем,
И будем мы сильны друг другом.
Что мы потеряли? Подумай, сестра!
Игрушки тщеславья... Немного!
Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранников бога!
Найдем мы униженных, скорбных мужей,
Но будем мы им утешеньем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилим терпеньем.
Опорою гибнущим, слабым, больным
Мы будем в тюрьме ненавистной,
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной! ..
Чиста наша жертва, — мы все отдаем
Избранникам нашим и богу.
И верю я: мы невредимо пройдем
Всю трудную нашу дорогу...»

Природа устала с собой воевать —
День ясный, морозный и тихий.
Снега под Нерчинском явились опять.
В санях покатили мы лихо...
О ссыльных рассказывал русский ямщик —
(Он знал их фамилии даже):
«На этих конях я возил их в рудник,
Да только в другом экипаже.
Должно быть, дорога легка им была:
Шутили, смешили друг дружку;
На завтрак ватрушку мне мать испекла,
Так я подарил им ватрушку,
Двугривенный дали — я брать не хотел:
— Возьми, паренек, пригодится...»

Болтая, он живо в село прилетел,
«Ну, барыни! где становиться»?
— Вези нас к начальнику прямо в острог. —
«Эй, други, не дайте в обиду!»

Начальник был тучен и, кажется, строг,
Спросил, по какому мы виду? —
«В Иркутске читали инструкцию нам
И выслать в Нерчинск обещали...»
— Застряла, застряла, голубушка, там! —
«Вот копия, нам ее дали...»
— Что копия? с ней попадешься впросак! —
«Вот царское вам позволенье!»
Не знал по-французски упрямый чудак,
Не верил нам, — смех и мученье!
«Вы видите подпись царя: Николай?»
До подписи нет ему дела,
Ему из Нерчинска бумагу подай!
Поехать за ней я хотела,
Но он объявил, что отправится сам
И к утру бумагу добудет.
Да точно ли? .. — Честное слово! А вам
Полезнее выспаться будет!.. —
И мы добрались до какой-то избы,
О завтрашнем утре мечтая;
С оконцем из слюды, низка, без трубы,
Была наша хата такая,
Что я головою касалась стены,
А в дверь упиралась ногами;
Но мелочи эти нам были смешны,
Не то уж случалося с нами.
Мы вместе! теперь бы легко я снесла
И самые трудные муки...

Проснулась я рано, а Катя спала;
Пошла по деревне от скуки:
Избушки, такие ж, как наша, числом
До сотни в овраге торчали,
А вот и кирпичный с решетками дом!
При нем часовые стояли.
«Не здесь ли преступники?» — Здесь, да ушли.—
«Куда?» — На работу, вестимо! —
Какие-то дети меня повели...
Бежали мы все — нестерпимо
Хотелось мне мужа увидеть скорей;
Он близко! Он шел тут недавно!
— Вы видите их? — я спросила детей.

«Да, видим! Поют они славно!
Вон дверца... гляди же! Пойдем мы теперь.
Прощай!..» Убежали ребята...
И словно под землю ведущую дверь
Увидела я — и солдата.
Сурово смотрел часовой, наголо
В руке его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здесь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть может, вам хочется дальше читать,
Да просится слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!
В дороге, в изгнаньи, где я ни была
Все трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили...

«Вас в каторге самый закон не спасет!» —
На родине мне говорили;
Но добрых людей я встречала и там,
На крайней ступени паденья,
Умели по-своему выразить нам
Преступники дань уваженья;
Меня с неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встречали.
«Вы — ангелы наши!» За наших мужей
Уроки они исполняли.
Не раз мне украдкой давал из полы
Картофель колодник клейменый:
«Покушай! горячий, сейчас из золы!»
Хорош был картофель печеный,
Но грудь и теперь занывает с тоски,
Когда я о нем вспоминаю...
Примите мой низкий поклон, бедняки!
Спасибо вам всем посылаю!

Спасибо! .. Считали свой труд ни во что
Для нас эти люди простые,
Но горечи в чашу не подлил никто,
Никто — из народа, родные! ..

Рыданьям моим часовой уступил,
Как бога его я просила! —
Светильник (род факела) он засветил,
В какой-то подвал я вступила
И долго спускалась все ниже; потом
Пошла я глухим коридором,
Уступами шел он; темно было в нем
И душно; где плесень узором
Лежала; где тихо струилась вода
И лужами книзу стекала.
Я слышала шорох; земля иногда
Комками со стен упадала;
Я видела страшные ямы в стенах;
Казалось, такие ж дороги
От них начинались. Забыла я страх,
Проворно несли меня ноги!

И вдруг я услышала крики: «Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамам туда!
Вернитесь скорей! Погодите!»
Беда моя! видно, дежурный пришел
(Его часовой так боялся),
Кричал он так грозно, так голос был зол,
Шум скорых шагов приближался...
Что делать? Я факел задула. Вперед
Впотьмах наугад побежала...
Господь, коли хочет, везде проведет!
Не знаю, как я не упала,
Как голову я не оставила там!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасных расселин, провалов и ям
Бог вывел меня невредимо:
Я скоро увидела свет впереди,
Там звездочка словно светилась...
И вылетел радостный крик из груди:
«Огонь!» Я крестом осенилась...

Я сбросила шубу... Бегу на огонь,
Как бог уберег во мне душу!
Попавший в трясину испуганный конь
Так рвется, завидевши сушу...

И стало, родные, светлей и светлей!
Увидела я возвышенье:
Какая-то площадь... и тени на ней...
Чу... молот! работа, движенье...
Там люди! Увидят ли только они?
Фигуры отчетливей стали...
Вот ближе, сильней замелькали огни.
Должно быть, меня увидали...
И кто-то, стоявший на самом краю,
Воскликнул: «Не ангел ли божий?
Смотрите, смотрите!» — Ведь мы не в раю:
Проклятая шахта похожей
На ад! — говорили другие смеясь
И быстро на край выбегали,
И я приближалась поспешно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.

«Волконская!» — вдруг закричал Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу, я поднялася стрелой!
Всё люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенский...
Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моей дерзости женской
Была я осыпана: слезы текли
По лицам их, полным участья...
Но где же Сергей мой? «За ним уж пошли,
Не умер бы только от счастья!
Кончает урок: по три пуда руды
Мы в день достаем для России,
Как видите, нас не убили труды!»
Веселые были такие,
Шутили, но я под веселостью их
Печальную повесть читала.
(Мне новостью были оковы на них,
Что их закуют — я не знала...)

Известьем о Кате, о милой жене,
Утешила я Трубецкого;
Все письма, по счастию, были при мне,
С приветом из края родного;
Спешила я их передать. Между тем
Внизу офицер горячился:
«Кто лестницу принял! Куда и зачем
Смотритель работ отлучился?
Сударыня! Вспомните слово мое,
Убьетесь!.. Эй, лестницу, черти!
Живей!» (Но никто не подставил ее...)
«Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! Да что ж вы?..» Но мы
Всё вглубь уходили... Отвсюду
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мне путь впереди,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземных работ на пути,
Провалы, бугры мы встречали.
Работа кипела под звуки оков,
Под песни — работа над бездной!
Стучались в упругую грудь рудников
И заступ и молот железный.
Там с ношею узник шагал по бревну,
Невольно кричала я: «Тише!»
Там новую мину вели в глубину,
Там люди карабкались выше
По шатким подпоркам... Какие труды!
Какая отвага!.. Сверкали
Местами добытые глыбы руды
И щедрую дань обещали...

Вдруг кто-то воскликнул: «Идет он! Идет!»
Окинув пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись вперед, —
Канава была перед нами.
«Потише, потише! Ужели затем
Вы тысячи верст пролетели, —
Сказал Трубецкой, — чтоб на горе нам всем
В канаве погибнуть — у цели?»

И за руку крепко меня он держал:
«Что б было, когда б вы упали?»
Сергей торопился, но тихо шагал.
Оковы уныло звучали.
Да, цепи! Палач не забыл ничего
(О мстительный трус и мучитель!).
Но кроток он был, как избравший его
Орудьем своим искупитель.
Пред ним расступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдали.
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали...

Душе моей милого голоса звук
Мгновенно послал обновленье,
Отраду, надежду, забвение мук,
Отцовской угрозы забвенье!
И с криком: «Иду!» я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
Навстречу призывному звуку...
«Иду!..» Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я подбежала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки.
Он много страдал, и умел он страдать!..
Невольно пред ним я склонила
Колени — и, прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

И тихого ангела бог ниспослал
В подземные копи, — в мгновенье
И говор и грохот работ замолчал,
И замерло словно движенье,

Чужие, свои — со слезами в глазах,
Взволнованы, бледны, суровы,
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука оковы,
И в воздухе поднятый молот застыл...
Все тихо — ни песни, ни речи...
Казалось, что каждый здесь с нами делил
И горечь и счастие встречи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна.
«Да где же вы все запропали?» —
Вдруг снизу донесся неистовый крик.
Смотритель работ появился.
«Уйдите! — сказал со слезами старик. —
Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранят!
Начальники люди крутые...»
И словно из рая спустилась я в ад...
И только... и только, родные!
По-русски меня офицер обругал,
Внизу ожидавший в тревоге,
А сверху мне муж по-французски сказал:
«Увидимся, Маша, — в остроге!..»

<1872>

ПРИМЕЧАНИЯ

В эту антологию, издание которой предпринято в связи со 125-летием со дня восстания декабристов, включены стихотворения, написанные деятелями тайных обществ 10—20-х гг. XIX века. Наряду с избранными произведениями известных поэтов, сыгравших выдающуюся роль в развитии русской поэзии (как, например, Рылеев, Кюхельбекер, А. Одоевский), сюда вошли произведения поэтов второстепенных, а также декабристов, известных лишь в качестве авторов отдельных стихотворений. Напечатанные здесь стихотворения показывают, что при всем различии дарований, при всех оттенках политических и литературных взглядов поэты-декабристы отражали в своем творчестве во многом единые идейно-эстетические принципы. Большинство собранных в антологии произведений характеризуют своеобразие путей развития русской поэзии в начале XIX века; другие же представляют определенный интерес как факты биографии того или иного декабриста и как свидетельство внимания, которое декабристы проявляли к художественной литературе.

Антология является дополнением к изданиям произведений некоторых поэтов-декабристов, выпущенных ранее в «Библиотеке поэта». При подготовке текстов стихотворений Рылеева, Кюхельбекера, Бестужева-Марлинского за основу были приняты соответственные издания большой серии «Библиотеки поэта», тексты других авторов печатаются по первоисточникам.

Появившиеся в последние годы новые работы о В. Ф. Раевском пополнили корпус стихотворений этого декабриста неизвестными ранее произведениями. Здесь дается ряд новых стихотворений этого поэта, полное издание которого представляет собой неотложную задачу ближайшего времени.

Стихотворениям каждого из представленных в этом сборнике поэтов предпослана краткая биографическая заметка.

Даты написания стихотворений указаны при текстах, кроме тех случаев, когда даты не установлены.

По сравнению с изданием «Поэты-декабристы» в малой серии «Библиотеки поэта», в этой антологии больше чем вдвое увеличено количество печатаемых стихотворений и значительно расширен самый состав сборника (в малой серии были приведены стихотворения восьми, здесь — двадцати авторов).

Впервые приводятся в этой антологии песня Рылеева и Бестужева «Близ Фонтанки-реки», несколько переводов стихотворений Барятинского, (в том числе перевод атеистического стихотво-

рения), а также четыре стихотворения В. Ф. Раевского, извлеченные из «Украинского вестника» и «Украинского журнала». В антологию введены также произведения некоторых декабристов, имена которых ранее не фигурировали в сборниках такого типа и были затеряны в различных изданиях.

Материал распределен здесь в двух разделах. В первом — помещены стихотворения декабристов, известных в истории литературы своим поэтическим творчеством. Во втором — представлены декабристы, писавшие стихи лишь эпизодически.

В приложении даны избранные произведения русских поэтов XIX века о декабристах.

Сверка текстов с первоисточниками позволила внести ряд исправлений и уточнений в предыдущие публикации. При печатании текстов приняты следующие условные знаки: слова, зачеркнутые в рукописи, даны в квадратных скобках — [ ], предположительно прочтенные слова, редакторские заголовки и пояснения в ломаных — < >.

I

К. Ф. РЫЛЕЕВ

Любовь к отчизне. Напечатано впервые в отрывках в «Соч. и переписке К. Ф. Рылеева». Спб, 1872 и полностью в 1939 г. в «Записках отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина». Вып. 3. Ода посвящена главнокомандующему русской армией М. И. Кутузову, умершему в 1813 г.

Термопилы — Фермопилы, узкий горный проход в Греции, где погиб спартанский царь Леонид, защищаясь, с неравными силами, от персов. *Камилл* — древнеримский полководец. *Миних* — русский полководец XVIII века. *Задунайский* — А. П. Румянцев, знаменитый русский полководец.

К временщику. (Подражание Персиевой сатире: «К Рубеллию»). Напечатано впервые в 1820 г., в «Невском зрителе», ч. IV.

Временщик — граф А. А. Аракчеев (1769—1834). *Персий* — римский поэт I века до н. э. *Сеян* — временщик римского императора Тиберия. *Катилина* — главарь заговора против римской республики, раскрытого Цицероном. *Кассий* и *Брут* — вожди республиканского заговора против диктаторского режима Юлия Цезаря. *Катон Младший* — римский республиканец, противник Юлия Цезаря.

А. П. Ермолову. Напечатано впервые в «Русской старине», 1877, кн. VIII.

Ермолов А. П. (1777—1861) — известный русский генерал, популярный в декабристских кругах. Стихотворение вызвано слухами о назначении Ермолова командующим войсками для помощи Греции, восставшей против турецкого владычества. *Фемистокл* — крупнейший полководец и государственный деятель древней Греции.

Послание к Н. И. Гнедичу. Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1821, ч. 74.

Гнедич Н. И. — поэт, переводчик «Илиады». Был связан с декабристскими кругами, состоял членом «Зеленой лампы» и Вольного общества любителей российской словесности. В последнем выступил в 1821 г. с яркой речью, защищавшей принципы гражданской поэзии. Автор нескольких широко популярных в среде передовых кругов вольнолюбивых стихотворений. *Творец Димитрия, Фингала, Поликсены* — В. А. Озеров (1769—1816), драматург. Его сумасшествие и преждевременную смерть в литературных кругах объясняли интригами драматурга Шаховского. *Деспот-кардинал* — Ришелье, первый министр Франции времен Людовика XIII, враг Корнеля. *Цинна, Сид* — трагедии Корнеля. *Юная Пери* — поэма Жуковского (из Т. Мура). *Царица-мать* — Мария Федоровна, мать Александра (в ее присутствии Гнедич читал перевод первых глав «Илиады»).

К К-му. В ответ на стихи, в которых он советовал мне навсегда остаться на Украине. Напечатано впервые в «Русской старине», 1872, кн. I. Существует предположение, что К., которому адресовано стихотворение, приятель Рылеева А. И. Косовский.

Знамена свободы — речь идет о греческом восстании 1821 г.

«Давно мне сердце говорило». Напечатано впервые в «Русской старине», 1871, кн. I.

А. А. Бестужеву («Ты разленился уж некстати»). Напечатано впервые там же, 1870, кн. VII. Написано в период, когда Рылеев служил заседателем Петербургской палаты уголовного суда. А. Бестужев в 1822 г. был поручиком лейб-гвардии Драгунского полка.

Гражданское мужество. Впервые напечатано в «Полярной звезде», 1856, кн. II. Напечатать оду в «Полярной звезде на 1824 г.» не удалось из-за цензурного запрета. Ода посвящена адмиралу Н. С. Мордвинову (1754—1845), председателю департамента гражданских и духовных дел Государственного совета. Мордвинов среди декабристов пользовался уважением как человек, находившийся в известной оппозиции к царскому правительству и стоявший за некоторые реформы в государственном строе.

Аристид — полководец и государственный деятель в древней Греции, считался образцом гражданских добродетелей. *Ареопаг* — верховный суд в древней Греции. *Панин Н. И.* — государственный деятель екатерининского времени. *Долгорукий Я. Ф.* — сенатор, советник Петра I. *Два Катона:* кроме Младшего (см. выше), здесь называется Старший, римский государственный деятель и писатель, известный своей борьбой за чистоту нравов. *Два Брута* — Марк Юний Брут — римский республиканец и Люций Юний Брут — по преданию, установивший в древнем Риме республику.

На смерть Бейрона. Впервые напечатано в «Альбоме Северных муз на 1828 г.»

В Миссолонге гроб... — Байрон, участвовавший в борьбе за независимость Греции от турецкого владычества, умер в 1824 г. в лагере под Миссолонгами.

Элегии: 1. «Исполнились мои желанья»; 2. «Покинь меня, мой юный друг» (1824). Напечатаны впервые в «Русском слове», 1861, IV.

«Ты посетить, мой друг, желала». Впервые напечатано в «Вестнике Европы», 1888, кн. XII.

Вере Николаевне Столыпиной. Впервые напечатано в «Северной пчеле», 1825, № 57, 12 мая. Поводом к написанию стихотворения послужила смерть А. А. Столыпина (7 мая 1825 г.), сенатора, связанного с кругами будущих декабристов.

Столыпина В. Н. (1790—1834) — дочь адмирала Н. С. Мордвинова (см. примечание к стихотворению «Гражданское мужество»).

Стансы (к А. Бестужеву). «Не сбылись, мой друг, пророчества». Впервые напечатано в «Полярной звезде на 1825 г.»

Бестужеву («Хоть Пушкин суд мне строгий произнес»). Впервые напечатано в «Русской старине», 1871, кн. III.

Суд строгий — подразумевается отзыв Пушкина о «Думах» (см. во вступительной статье).

<Гражданин>. Впервые напечатано в «Полярной звезде», 1856, кн. II, без предпоследней строфы; полностью опубликовано в «Воспоминаниях о К. Ф. Рылееве» Н. А. Бестужева («Полярная звезда», 1861, кн. VI). Стихотворение не предназначалось для печати, а распространялось в рукописных списках и широко использовалось в революционной литературе. Им начиналась прокламация Н. Г. Чернышевского, Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова «К молодому поколению» (1861).

Брут — см. примечание к стихотворению «К временщику».
Риэго — вождь испанской революции 1820 г., казненный в 1823 г.

Думы

В настоящем издании печатаются все думы, вошедшие в сборник, напечатанный в 1825 г., с сохранением той же последовательности, что и в этом сборнике. Сборник начинался посвящением Н. С. Мордвинову (о нем см. выше) и предисловием. При думах Рылеевым были напечатаны исторические примечания, составленные частью историком М. П. Строевым, а частью — самим Рылеевым (эти примечания, разумеется, устарели, но они показывают, как осмыслял Рылеев в то время интересовавшие его исторические факты).

Олег Вещий. Впервые напечатано в «Новостях литературы», 1822, кн. I, № 11.

Эвксин — Черное море. *Леонова столица* — Константинополь (т. е. столица византийского императора Леона, с которым воевал Олег). *Камилл* — римский полководец VI—V вв. до н. э.

Ольга при могиле Игоря. Впервые напечатано в «Новостях литературы», 1822, кн. I, № 12.

Древляне — славянское племя, жившее по р. Припяти и Случи, с которым воевал Игорь.

Святослав. Впервые напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1822, ч. XIX и в «Новостях литературы», 1822, кн. I, № 4.

Святополк. Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1821, ч. 74.

Богемия — Чехия.

Рогнеда. Впервые напечатано в «Полярной звезде на 1823 г.»

Скиния — Скандинавия. *Нейстрия* — западная часть древней франкской монархии, расположенная между Сеной и Лаурой. *Альбион* — старинное название Англии. *Чернобог* — см. примечание к стихотворению А. Одоевского «Василько». *Кривичи* — одно из древнерусских племен.

Боян. Впервые напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1822, ч. XVII.

Мстислав Удалый. Впервые напечатано в «Полярной звезде на 1823 г.»

Голиаф — по библейскому сказанию богатырь, побежденный Давидом.

Михаил Тверской. Впервые напечатано в «Новостях литературы», 1822, кн. II, № 19.

Димитрий Донской. Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1822, ч. 20.

Глинский. Впервые напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1822, ч. XIX и отдельным изданием, Спб, 1822.

Курбский. Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1821, ч. 71, перепечатано в «Собрании образцовых русских сочинений в переводах и стихах», изданном Обществом любителей отечественной словесности. Изд. второе, исправленное, умноженное... ч. IV, Спб, 1822.

Смерть Ермака. Впервые напечатано в «Русском инвалиде», 1822, № 14, 17 янв. и в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1822, ч. XVIII. Эта «дума» стала популярной народной песней.

Борис Годунов. Впервые напечатано в «Полярной звезде на 1823 г.».

Димитрий Самозванец. Впервые напечатано в «Новостях литературы», 1822, кн. I, № 2.

Шуйский Василий Иванович — участник борьбы против Бориса Годунова и самозванца, после низвержения последнего царствовал четыре года.

Иван Сусанин. Напечатано впервые в «Полярной звезде на 1823 г.» и в «Новостях литературы», 1823, кн. III, № 11.

Сарматы — здесь подразумеваются поляки.

Богдан Хмельницкий. Напечатано впервые в «Русском инвалиде», 1822, № 42, 1 марта и в «Сыне отечества», 1822, ч. 78.

Артемон Матвеев. Впервые напечатано в «Русском инвалиде», 1822, № 35, 7 февраля.

Петр Великий в Острогожске. Впервые напечатано в «Сооевнователе просвещения и благотвооения», 1823, ч. XXI и в «Новостях литературы», 1824, кн. VII, № 15.

Острогожск — уездный город б. Воронежской губернии, некогда был главным городом Острогожского слободского полка. *Сосна* — Тихая Сосна — река, на которой стоит Острогожск. *Брюховецкий Иван* — с 1663 по 1668 г. был украинским гетманом.

Волынский. Впервые напечатано в «Новостях литературы», 1822, кн. II, № 16.

Долгорукий Яков Федорович (1659—1720) — сенатор, один из сподвижников Петра I.

Наталия Долгорукова. Впервые напечатано в «Новостях литературы», 1823, кн. V, № 30.

Державин. Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1822, ч. 82.

Думы, не включенные в издание 1825 г.

Вадим. Начальные четыре строфы этой неоконченной думы впервые опубликованы в «Русской старине», 1871, кн. I, строфы 5 и 6 — в «Вестнике Европы», 1888, кн. XI.

Вадим — легендарный защитник древних прав вольного Новгорода, боровшийся с Рюриком и погибший в борьбе с ним в 863 г.; образ его был широко популярен в литературе конца XVIII — начала XIX вв. и трактовался как образ борца за свободу.

Марфа Посадница. Впервые напечатано в «Русской старине», 1871, кн. I. Дума не закончена.

Марфа Посадница — см. ниже примечание к стихотворению А. Одоевского «Зосима».

Яков Долгорукий. Впервые — в «Русской старине», 1871, кн. I.

Долгорукий — см. примечание к думе «Волынский».

Голова Волынского. Впервые напечатано в «Русской старине», 1870, кн. XI.

Поэмы

Войнаровский. Впервые полностью напечатано отдельным изданием — М., 1825. Поэма задумана в начале 1823 г.

Войнаровский — племянник Мазепы и соучастник его заговора против Петра, сосланный в Сибирь. Рылеев, считавший Мазепу «великим лицемером, скрывавшим свои злые намерения под желанием блага родине», в своей поэме, однако, отступил от исторической правды и идеализировал его образ. В поэме Рылеева не интересовала достоверность изображения: он стремился в лице Войнаровского показать борца за «свободные права» против «ига самовластья».

Миллер Г. Ф. — историк. Рылеев говорит об изучении Миллером Сибири, но дает неверную трактовку облика этого историка, который придерживался взглядов, извращающих прошлое русского государства.

Главная ценность поэмы заключается в тех ее частях, где Рылеев, не считаясь с историческим характером сюжета, выражает собственные мысли о свободе. Поэтому и Пушкин, понимавший, что в образе Мазепы Рылеев допустил «своевольное искажение исторического лица», тем не менее в 1824 году писал: «Войнаровский полон жизни».

Наливайко. При жизни Рылеева опубликовано лишь три отрывка в «Полярной звезде на 1825 г.» («Смерть Чигиринского старосты», «Киев» и «Исповедь Наливайки»). Остальные фрагменты впервые напечатаны в «Вестнике Европы», за 1880 г.; «Весна» — в кн. II, все прочие — в кн. XI. Поэма осталась неоконченной, в рукописях Рылеева сохранился следующий план: «Сельская картина. Нравы Малороссии. Киев. Чувства Наливайки. Картина Украйны. Униаты. Евреи. Поляки. Притеснения и жестокости поляков. Смерть Косинского. Смерть старосты. Восстание народа. [Сражение]. Наливайко гетман. Новые жестокости поляков. Поход. Сражение. Тризна. Мир. Лобода и Наливайко в Варшаве. Казнь их. Эпилог.

Церковь. Пещеры. Поход казаков. Молитва Наливайки.

Наливайко в темнице. Он может и не хочет бежать».

«Когда Рылеев писал исповедь Наливайки, — говорит в своих воспоминаниях Н. А. Бестужев, — у него жил больной брат мой Михаил Бестужев. Однажды он сидел в своей комнате и читал. Рылеев работал в кабинете и оканчивал эти стихи. Дописав, он принес их брату и прочел. Пророческий дух отрывка невольно поразил Михаила. «Знаешь ли, — сказал он, — какое предсказание написал ты самому себе и нам с тобою? Ты как будто хочешь указать на будущий свой жребий в этих стихах». — «Неужели ты думаешь, что я сомневался хоть минуту в своем назначении, — сказал Рылеев. — Верь мне, что каждый день убеждает меня в необходимости моих действий, в будущей погибели, которой мы должны купить нашу первую попытку для свободы

России, и вместе с тем необходимости примера для пробуждения спящих россиян». («Воспоминания Бестужевых». М., 1831, стр. 65).

В позднейшей революционной литературе была очень распространена «Исповедь Наливайки», разошедшаяся во множестве рукописных списков.

Наливайко — руководитель казацкого восстания против польских панов, которое, несмотря на большие размеры, было подавлено гетманом Жолкевским, а сам Наливайко казнен в Варшаве. *Батый* — татарский хан, в XIII в. вступивший в пределы южной России и взявший Киев. *Гедимин* — с 1316 по 1340 или 1341 г. — князь литовский. *Униаты* — часть православного населения Западной Украины, которая, под нажимом польского духовенства, признала в XVI в. власть папы. *Жолкевский Станислав* (1547—1620) — польский гетман и канцлер, усмиривший казацкое восстание, вспыхнувшее на Украине под предводительством Наливайки и Лободы. *Тясмин* — река в б. Киевской губернии.

Палей. Отрывок напечатан впервые в «Северной пчеле», 1825, 3 января, № 2, со следующим примечанием от редакции: «Семен Палей Хвостовский, полковник малороссийского войска, удалой наездник, бич поляков, ужас крымцев — был оклеветан Мазепой перед Петром и сослан. После измены Мазепы Палей возвратился к войску и, удрученный летами и болезнью, присутствовал на Полтавском сражении, поддерживаемый двумя казаками».

Гайдамак. Впервые напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1825, ч. XXX, № 4.

Гайдамак — участник народного движения, вспыхнувшего на Украине в XVIII веке и направленного против польского владычества и крепостных порядков. *Сайдак* — лук и стрелы.

Агитационные песни К. Ф. Рылеева, написанные с А. А. Бестужевым

«Близ Фонтанки-реки». Стихотворение печатается по записи, в показаниях, хранящихся в следственном «Деле о злоумышленном тайном обществе в Москве» (филиал Центрального Государственного Военно-исторического архива в Ленинграде). Текст предоставлен для настоящей антологии редакцией «Литературного наследства», в котором (в томе 57) печатается статья Л. Мандрыкиной, впервые обнаружившей это стихотворение.

Л. Мандрыкиной обнаружен в том же деле другой текст песни, содержащий следующие варианты:

Там их учат и мучат
Что ни свет, ни заря
Для потехи царя
Слава!

Разве нет у них рук,
Чтоб избавиться от мук
Слава!

Разве нет у них штыков
На князьков-сопляков
Слава!

Разве нет у них свинца
На тирана-подлеца
Слава!

О принадлежности этой песни Рылееву, как сообщает Л. Мандрыкина, говорили привлеченные к следствию по упомянутому делу. По словам П. М. Пальмина, он слышал ее от Полежаева как «новые стихи Рылеева».

Известно, что следственная комиссия по делу декабристов пыталась выяснить вопрос об авторе и путях распространения этой песни (она именуется в делах первыми двумя строками в несколько ином варианте: «Вдоль Фонтанки-реки квартируют полки»...), однако результатов не добилась. Несомненно, что это именно та из песен, сочиненных Рылеевым и Бестужевым (или одним из них), которая до сих пор считалась безвозвратно утерянной.

«Царь наш, немец прусский...». Впервые напечатано в «Полярной звезде», 1859, кн. V. *Царь наш* — Александр I.

«Ах, где те острова...». Впервые напечатано там же. «*Pucelle* » — «Орлеанская девственница», антицерковная поэма Вольтера, запрещенная в России.

Бестужев-драгун — А. А. Бестужев. *Князь-чудодей* — цесаревич Константин, главнокомандующий русскими войсками в Польше. *Танта* — так называли в литературных кругах тетку жены писателя Ф. В. Булгарина, жившую у него в доме. *Магницкий М. Л.* — известный реакционер и мракобес. *Греч Н. И.* — журналист, в то время близкий к прогрессивным кругам. Здесь — намек на то, что Греч был в 1821 г. якобы выпорот в тайной полиции. *Сперанский М. И.* (1772—1859) — видный государственный деятель александровского времени, автор проекта государственных реформ, высланный в 1812 г. из Петербурга. В 1816 г. вернулся в Петербург, но уже не занимал прежнего высокого положения. *Измайлов А. Е.* — издатель журнала «Благонамеренный», беллетрист и поэт.

«Ты скажи, говори...». Впервые напечатано там же в качестве продолжения предыдущей песни («Ах, где те острова»), но без последних шести строк, которые впервые появились в Полном собр. соч. К. Ф. Рылеева, Лейпциг, 1861.

Тема песни — дворцовые перевороты в России — в 1762. г. (свержение Петра III и воцарение его жены — Екатерины II) и в 1801 г. (убийство Павла I посредством удушения).

Курносый злодей — Павел I.

«Ах, тошно мне...». Впервые напечатано в «Полярной звезде», 1859, кн. V. Первые две строки песни — перепев популярного романса Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Ох, тошно мне на чужой стороне...»

Без синюхи судьи глухи... — «Синюха» — ассигнация (намек на взяточничество судей).

«Уж как шел кузнец...». Впервые напечатано в «Русской потаенной литературе XIX столетия», Лондон, 1861.

Стихотворения, приписываемые Рылееву

<Послание к А. А. Бестужеву> («По чувствам братья мы с тобой»). Напечатано впервые в 1917 г. (до этого было известно в списках). Положенное на музыку, стихотворение это стало популярной революционной песней, которую любил петь отец В. И. Ленина, Илья Николаевич (Воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой).

<Надпись на крепостной тарелке> («Тюрьма мне в честь — не в укоризну»). Впервые опубликовано в воспоминаниях декабриста Н. Р. Цебрикова в «Полярной звезде», 1861, кн. VI. Цебриков вспоминает о знакомстве с этим стихотворением во время пребывания в Петропавловской крепости: «Раз принесли мне обед... Я принялся рассматривать оловянные тарелки, и на одной из них нашел на обороте очень четко написанные гвоздем последние стихи Рылеева».

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

К Пушкину («Счастлив, о Пушкин, кому высокую душу природа»). Напечатано впервые в «Благонамеренном», 1818, ч. 3.

Кронид — Зевс, верховное божество греческой мифологии. *Хариты* — богини красоты, дочери Зевса и Геры.

К самому себе. Стихотворение напечатано впервые в «Сыне отечества», 1818, ч. 49.

К Пушкину и Дельвигу (Из Царского Села). Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1818, ч. 48.

Кюхельбекер, обращаясь к Пушкину и Дельвигу, своим лицейским товарищам, вспоминает здесь время пребывания в Царскосельском лицее.

Певец любви и доброго Руслана — Пушкин, поэма которого «Руслан и Людмила» была начата в лицее. *Арьост* — Людовико Ариосто (1474—1533) — итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд». *Парни* (1753—1814) — французский поэт. *Боян* — древнерусский певец, упоминаемый в «Слове о полку Игореве». *Петрарка Франческо* (1304—1376) — итальянский поэт.

К брату. Впервые напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1819, ч. VIII.

Брат Кюхельбекера — Михаил Карлович (1799—1859), лейтенант Гвардейского экипажа, декабрист. *Филомела* — соловей. *Ингорский ручей* — Ингрия — Ижорская земля по берегам Невы и побережью Финского залива. *И задрожал гадатель смелый* — здесь использован рассказ Я. Штелина («Жизнь Ломоносова» — Сочинения Ломоносова, т. I, Спб, 1784) о вещем сне Ломоносова, в котором поэту приснился отец мертвым. По приезде в Петербург Ломоносов узнал, что отец его погиб; тело его найдено было

на острове Белого моря, как это видел во сне Ломоносов. *Наяды* — дочери Зевса, нимфы. *Авинора* — Авинорм — имение родителей Кюхельбекера в Эстляндии.

Песня дорожная. Впервые напечатано в «Стихотворениях» Кюхельбекера, малая серия «Библиотеки поэта», 1939.

Поэты. Впервые напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1820, ч. X. Эпиграф взят из послания Жуковского «К кн Вяземскому и В. Л. Пушкину». Стихотворение читалось Кюхельбекером на собрании Вольного общества любителей российской словесности в связи с высылкой Пушкина из Петербурга в 1820 г.

Поэты *Мильтон, Озеров, Тассо* упоминаются здесь как жертвы гонений (имеется в виду нищета Мильтона, психическое заболевание Озерова, безумие и заключение Тассо). *Чада Мельпомены* — драматические писатели. *Титаны* — гигачты, побежденные Юпитером. *Пеан* — гимн в честь Аполлона. *Эринии* — богини мщения. *Анакреон* — древнегреческий лирик (V в. до н. э.). *Мельпомена* — муза трагедии. *Эсхил* (525—546 гг. до н. э.) — древнегреческий трагик. *Ювенал* (I в.) — римский сатирик. *Оссиан* — легендарный кельтский бард. *Туискон* — мифический праотец германских народов. *Мой Евгений* — поэт Евгений Абрамович Баратынский (1800—1844).

Ницца. Впервые напечатано в «Московском телеграфе», 1829, ч. II, под заглавием «К Гете». В стихотворении отражены впечатления от революционных событий в Пьемонте, свидетелем которых Кюхельбекер оказался во время своего путешествия.

Полион — река, на берегах которой расположена Ницца. *Миньона* — героиня романа Гете «Вильгельм Мейстер». *Тудески* — австрийцы.

К друзьям, на Рейне. Впервые напечатано в «Стихотворениях» Кюхельбекера, малая серия «Библиотеки поэта», 1939. Написано во время пребывания Кюхельбекера в Германии и обращено к друзьям в России.

Греческая песнь. К Ахáтесу. Впервые напечатаны там же. Оба эти стихотворения написаны в связи с греческим восстанием 1821 г. против турецкого владычества.

Ахáтес — спутник Энея («Энеида» Виргилия); здесь Ахáтес воспевается как символ верности и дружбы. *Марафонские знамена* — при Марафоне в 490 г. до н. э. афиняне одержали победу над персами.

А. П. Ермолову. Впервые опубликовано в «Литературном вестнике», 1902, кн. 2.

Ермолов А. П. — см. выше примечание к стихотворению К. Рылеева «А. П. Ермолову». *Нерон* — римский император (54—68 гг.). *Сципион* Публий Корнелий (III в. до н. э.) — победитель карфагенян в их борьбе с Римом во время второй пунической войны.

Грибоедову. Напечатано впервые в «Московском телеграфе», 1825, т. I.

Пророчество. Опубликовано впервые в «Литературном вестнике», 1902, кн. 2 (отрывок был напечатан до этого в «Русской старине», 1891, кн. X).

Триполицца — главный город Морен, который во время войны греков с турками переходил из рук в руки. *На курском бреге* — на берегу Куры (Кюхельбекер жил тогда в Тифлисе). В стихотворении речь идет о греческом восстании. *Коварный Альбион* — Англия.

К Пушкину. Опубликовано впервые в «Русском архиве», 1871, кн. II.

Твой чудный пленник — подразумевается поэма «Кавказский пленник», *Лютеция* — Париж. *Гесперские* сады — сады нимф-гесперид, где, согласно легенде, на деревьях росли золотые яблоки. *Немезида* — богиня мщения.

Участь поэтов. Напечатано впервые в «Стихотворениях» Кюхельбекера, малая серия «Библиотеки поэта», 1939.

Камены — божества римской мифологии, обитавшие в источниках и родниках; позже отождествлялись с музами. *Того... безумие схватило...* — о Торквато Тассо. *Камоэнс* — португальский поэт, живший в нищете. *Костров Е. И.* — поэт XVIII века, государственный крестьянин, добившийся высшего образования, но не сумевший выбраться из нищеты. *Ширинский-Шихматов С. А.* — архаический поэт начала XIX века, высмеянный во многих эпиграммах, но ценившийся Кюхельбекером, автор поэмы «Петр Великий».

К Вяземскому. Впервые напечатано там же. *Кн. Петр Андреевич Вяземский* (1792—1878) — поэт и критик. *Секвана* — река Сена. *Тиртей* — греческий поэт VII в. до н. э., воодушевлявший своими песнями спартанцев (подразумевается Вяземский как автор политических стихов).

Проклятие. Напечатано впервые в «Мнемозине», 1824, ч. II.

Жребий поэта. Опубликовано впервые в «Собрании стихотворений декабристов», Лейпциг, 1862.

Локсиас — Аполлон. *Ахерон* — по греческой мифологии одна из подземных рек Аида (царства мертвых), через которую переправлялись тени умерших.

<На смерть Чернова>. Опубликовано впервые в «Полярной звезде», 1859, кн. V. *Чернов К. П.* (1803—1825) — подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка. В сентябре 1825 г. дрался на дуэли с флигель-адъютантом В. Д. Новосильцевым. Эта дуэль незнатного и обедневшего дворянина Чернова с богатым аристократом получила широкий общественный резонанс: похороны Чернова (умершего вскоре после смерти своего противника) стали выражением сочувствия «тому, кто собою выразил идею общую, которую всякий сознавал и сознательно и бессозна-

тельно: защиту слабого против сильного, скромного против гордого» (слова декабриста Е. П. Оболенского). Стихотворение в некоторых изданиях приписывается Рылееву. Однако данные о принадлежности стихотворения Кюхельбекеру являются более убедительными. Известно, что Кюхельбекер пытался читать эти стихи на могиле Чернова. О принадлежности их Кюхельбекеру имеются также указания в письме А. Е. Измайлова к М. Л. Яковлеву от 16 ноября 1825 г. В бумагах Рылеева сохранился список этого стихотворения, сделанный его рукою (в этом списке первая строфа вычеркнута; мы полагаем, что этот вычерк наиболее политически острой строфы и попытки ее переработки были сделаны в связи с намерением напечатать стихотворение).

Смерть Байрона. Напечатано впервые в «Мнемозине», 1824, ч. 3 и отдельным изданием — М., 1824.

Байрон — английский поэт, умер 19 апреля 1824 г., участвовал в борьбе за независимость Греции. В «Мнемозине» Кюхельбекер писал: «Видения, возвещающие певцу Руслана и Людмилы о смерти Байрона, суть олицетворенные произведения последнего, каковы: Дант (см. пророчество Данта), Гяур, Тасс (см. сетования Тассо). Мазепа». *Имам* — мусульманское духовное лицо. *Певец, любимец россиян* — Пушкин. *Страна Назонова изгнанья* — западный берег Черного моря, куда был сослан римский поэт Овидий Назон (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.). *Евксин* — Черное море. *Срывают с мраморной чалмы, с объятой розами гробницы* — Кюхельбекер дает следующее объяснение: «на мусульманских гробницах обыкновенно находятся каменные чалмы, а кладбища всегда обсажены цветами». *Стикс* — река, протекавшая в Аиде (царстве мертвых).

Тень Рылеева. Впервые опубликовано в «Собрании стихотворений декабристов», Лейпциг, 1862. Написано в Шлиссельбургской крепости.

Иоанн... лишенный багряницы — император Иоанн Антонович, свергнутый в младенчестве с престола и заключенный в Шлиссельбургскую крепость; был убит в 1764 г. *Певец, поклонник пламенной свободы* — здесь Кюхельбекер говорит о себе.

19 октября 1828 года. Впервые напечатано в «Подснежнике», Спб, 1829.

19 октября — годовщина основания лицея, по традиции отмечавшаяся бывшими лицеистами.

Любовь узника. Впервые напечатано там же.

Герой и певец. Два сонета. Напечатано впервые в «Стихотворениях» Кюхельбекера, малая серия «Библиотеки поэта», 1939.

Памяти Грибоедова. Опубликовано впервые в «Собрании стихотворений декабристов», Лейпциг, 1862. *Грибоедов А. С.* (1795—1829) был убит 30 января 1829 г. в Тегеране.

Певца, воспевшего Иран — по свидетельству Кюхельбекера, здесь подразумевается неоконченная поэма Грибоедова «Путник», или «Странник», в которой изображалась Персия. Сохранился

отрывок этой поэмы, напечатанный в сочинениях Грибоедова под названием «Кальянчи».

Клен. Напечатано впервые в «Собрании стихотворений декабристов», Лейпциг, 1862.

Авинора — см. примечание к стихотворению «К брату».

Элегия. Напечатано впервые там же.

Меонид — Гомер. *Камоэнс, Тассо* — см. примечание к стихотворению «Участь поэтов».

Море сна. Впервые напечатано там же.

Ночь. Впервые напечатано в «Собрании стихотворений декабристов», Лейпциг, 1862.

Ветер. Напечатано впервые в «Стихотворениях» Кюхельбекера, большая серия «Библиотеки поэта», т. I, 1939.

19 октября 1836 года. Опубликовано впервые в статье В. П. Гаевского «Празднование лицейских годовщин в пушкинское время» («Отечественные записки», 1861, т. 139). Это стихотворение Кюхельбекер послал в письме к Пушкину.

Назон — см. примечание к стихотворению «Смерть Байрона». *Пейпус* — Чудское озеро. *Торкватова судьба* — см. примечание к стихотворению «Участь поэтов».

Тени Пушкина. Опубликовано впервые в «Литературном вестнике», 1902, кн. 2.

19 октября <1838 года>. Опубликовано впервые в «Отечественных записках», 1861, т. 139.

«Они моих страданий не поймут». Опубликовано впервые в «Собрании стихотворений декабристов», Лейпциг, 1862.

Три тени. Напечатано впервые в «Собрании стихотворений декабристов», Лейпциг, 1862.

Онон — река в Забайкалье. *Массилия* — древнее наименование Марселя. *Александр* — А. С. Грибоедов.

Аргунь. Впервые напечатано там же.

Аргунь — река, которая, соединившись с р. Онон, образует р. Амур. В последних строках стихотворения говорится о трагической любви Кюхельбекера и А. А. Разгильдеевой.

Четырехстишие. Впервые напечатано в «Стихотворениях» Кюхельбекера, малая серия «Библиотеки поэта», 1939.

Марии Николаевне Волконской. Впервые напечатано там же. Стихотворение навеяно встречей с Волконскими, к которым заезжал Кюхельбекер на пути из Акши в Курган в 1845 г.

Волконская М. Н. (1805—1863) — жена декабриста С. Г. Волконского.

«Еще прибавился мне год». Опубликовано впервые в «Русской старине», 1891, кн. X.

«До смерти мне грозила смерти тьма». Опубликовано впервые в «Литературном Ленинграде», 8 февраля 1836, № 7.

В 1845 г. Кюхельбекер ослеп.

Оссиан — мифический шотландский бард, по преданию был слепым. *Вот первый* — речь идет о Грибоедове. *И вот другой* — Пушкин. *Дельвиг* — см. примечание к стихотворению «Пушкину и Дельвигу». *Баратынский* — см. примечание к стихотворению «Поэты».

Участь русских поэтов. Впервые напечатно там же. Здесь, кроме Рылеева, подразумеваются: сам Кюхельбекер («болезнь наводит ночь... на очи» — слепота), Пушкин («рука любезников... шлет пулю...») и Грибоедов («...чернь... на части разорвет...»).

На смерть Якубовича. Напечатано впервые в «Стихотворениях» Кюхельбекера, малая серия «Библиотеки поэта», 1939.

Якубович А. И. — декабрист, умер в сибирской ссылке в 1846 г.

Слепота. Напечатано впервые в «Стихотворениях» Кюхельбекера, большая серия «Библиотеки поэта», т. I, 1939.

«Благодарю! Наш разговор». Впервые напечатано там же. Адресат стихотворения не установлен.

Клеветнику. Напечатано впервые в «Стихотворениях» Кюхельбекера, малая серия «Библиотеки поэта», 1939.

Полковник некогда преториян России — подразумевается шеф жандармов А. Ф. Орлов (в 1813 г. он был полковником лейб-гвардии). Орлов, назначенный в 1844 г. начальником Третьего отделения, усилил тайный надзор за ссыльными декабристами и всячески поощрял доносы. *Какодемон* (греч.) — злой демон. В тексте стихотворения точками обозначены вырванные строки. *Фальстаф* — шекспировский герой, именем которого Кюхельбекер в своих дневниках называет реакционного писателя, агента III отделения Ф. Булгарина.

А. И. ОДОЕВСКИЙ

«Таится звук в безмолвной лире». Впервые напечатано А. Е. Розеном в издании стихотворений Одоевского, 1883 г. Цензор И. Лебедев протестовал против напечатания этого стихотворения, указывая, что в стихотворении «поэт с гордостью восхваляет свою деятельность как борца за свободу».

Бал. Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1831 г.». По воспоминаниям А. П. Беляева, стихотворение написано после того, как Одоевский, следуя в 1827 г. из Петропавловской крепости в Сибирь, проехал мимо дома гр. Кочубея, где в это время происходил бал. Однако в рукописном списке стихотворение обозначено 1825 г.

Утро. Впервые опубликовано в 1922 г. в книге И. А. Кубасова «Декабрист А. И. Одоевский».

<Ответ на послание Пушкина>. Впервые было напечатано в 1858 г. в I томе «Русской библиотеки», вышедшей в Лейпциге. Стихотворение является ответом на «Послание в Сибирь» Пушкина, переданное поэтом ссыльным декабристам через А. Г. Муравьеву, ехавшую к мужу в Нерчинский рудник. 10-я строка «Ответа» послужила эпиграфом для ленинской «Искры»: «Из искры возгорится пламя».

Бард — у древних ирландцев и шотландцев певец, поэт.

Умирающий художник. (На смерть Д. В. Веневитинова). Впервые — в «Русской старине», 1870, кн. I опубликованы последние 14 строк этого стихотворения, вскоре, в кн. II того же журнала, напечатаны и первые 10 строк.

Музы — у древних греков и римлян покровительницы наук и искусства. *Веневитинов Д. В.* (1805—1827) — поэт, принадлежавший к так называемому кружку «любомудров». Безвременная смерть оборвала творческую деятельность одаренного юноши.

Тризна. Впервые опубликовано в альманахе «Северные цветы на 1831 г.». *Вадковский Ф. Ф.* — декабрист, находившийся на каторге вместе с Одоевским. Стихотворение в иносказательной форме говорит о казненных и погибших декабристах.

Сюжетом стихотворения послужило скандинавское сказание о борьбе независимых норвежских областей с королем Гаральдом. После победы короля в 885 г. побежденные, как гласит предание, бежали из Норвегии в Исландию.

Тризна — у древних славян торжественные поминки в честь умерших. *Скальды* — древние скандинавские народные поэты. *Валькирии* — воинственные девы в северной мифологии, которые распоряжались битвами и, подбирая павших героев, уносили их в жилище Одина, главного бога.

Зосима. Впервые напечатано в 1922 г. в книге И. А. Кубасова «Декабрист А. И. Одоевский».

Тема стихотворения заимствована из легендарного рассказа о видении соловецкого игумена Зосимы в «Житии Зосимы и Савватия»).

Зосима — основатель и игумен Соловецкого монастыря, бывал в Новгороде, которому принадлежал весь Беломорский край. *Святопись* — жизнеописание святого. *Марфа Борецкая* — жена новгородского посадника (в древней Руси посадник — наместник князя в городе; новгородский посадник — выборный глава города). По смерти мужа стояла во главе боярской партии. Сыновья ее были казнены и сосланы, Марфу же по приказанию Ивана III заточили в монастырь. *Вольный Новгород* — в русской прогрессивной литературе являлся символом старорусской демократии. *Св. Софии дом* — главный собор в Новгороде (построен в XI в.). *Белец* — послушник.

Неведомая странница. Впервые напечатано в 1922 г. в книге А. И. Кубасова «Декабрист А. И. Одоевский». Темой стихотворения послужила легенда, возникшая в связи с падением Новгорода.

<Отрывок из «Послов Пскова>. Впервые напечатано там же. Отрывок — часть неосуществленной поэмы, в основу сюжета которой положена была история падения Пскова в 1510 г.

Осада Смоленска. Опубликовано впервые там же. Сюжет стихотворения связан с историей героической защиты Смоленска от поляков, осаждавших его в течение 20 месяцев и взявших его лишь благодаря изменнику, который показал полякам наиболее непрочную часть стены. Стихи 27—32 говорят о следующих исторических событиях: в июле 1610 г. царь Василий Иванович Шуйский был свержен и пострижен в монахи, в сентябре поляки вступили в Москву и сильно ее разрушили.

Пищаль — старинное огнестрельное оружие. *Завал* — заграждение. *Забрало* — здесь — крепостная стена. *Развет* — мысль, умысел.

«Тебя ли не помнить?..» Опубликовано впервые там же. Это стихотворение — вольный перевод стихотворения английского поэта Томаса Мура (1779—1852), обращенного к его родине Ирландии, окончательно утратившей независимость в конце XVIII века.

Старица-пророчица. Напечатано впервые в 1831 г., в «Литературной газете», № 24. Сюжет стихотворения связан с историей падения Новгорода. Речь идет о битве 14 июля 1471 г., когда новгородцы потерпели поражение в битве с войсками Ивана III на реке Шелони.

Элегия. На смерть А. С. Грибоедова. Впервые напечатано в «Литературной газете», 1830, № 19 с цензурными искажениями. А. С. Грибоедов, друг Одоевского, был убит в Персии в 1829 г.

Дева. 1610 года. Впервые напечатано в книге И. А. Кубасова «Декабрист А. И. Одоевский». Строфа 12 подразумевает страны Запада, где было ограничено самодержавие. В этой и следующей строфе отразилось романтически-преувеличенное представление о политической свободе в этих странах.

Имеющийся в списке подзаголовок «К Василию Шуйскому» указывает, повидимому, на то, что стихотворение должно было быть отнесено к произведению, связанному с именем Шуйского.

Последняя надежда. Впервые напечатано в «Литературной газете», 1831, № 32. В рукописном списке имеется посвящение Баратынскому и дата — 1829.

Элегия (В. И. Ланской). Впервые напечатано в «Литературной газете», 1830, № 52. Стихи 64—66, очевидно, навеяны смертью А. С. Грибоедова.

Ланская Варвара Ивановна (1800—1845) — родственница Одоевского, переписывалась с ним в бытность его в ссылке, снабжала его книгами, журналами и т. д. *Обзор* — кругозор.

Узница Востока. Напечатано впервые в «Литературной газете», 1831, № 19. *Муханов Петр Александрович* (1799—1854) — декабрист.

<М. Н. Волконской>. Впервые напечатано в «Библиографических записках», 1861, № 5.

<На смерть> П. П. Ко<новницына>. Впервые напечатано в журнале «Русская бесѣда», 1859, т. I.

Коновницын Петр Петрович — род. в 1802 г., умер на Кавказе 3 сентября 1830 г. Член Северного общества, офицер гвардейского Генерального штаба. За участие в декабрьском восстании был разжалован в рядовые и сослан на Кавказ. *Узница далекая* — сестра П. П. Коновницына, которая добровольно последовала в Сибирь за своим мужем, декабристом М. М. Нарышкиным.

Василько. Сохранились лишь I, II и IV песни поэмы, которые впервые были опубликованы в «Русской старине», 1882, кн. II и III, по списку, сделанному декабристом И. И. Пущиным и находившемуся у декабриста А. П. Беляева. В письме Беляева, помещенном в журнале, указывалось: «Как я рад был увидеть на страницах «Русской старины» поэму А. И. Одоевского, сочиненную им еще в Чите и переписанную И. И. Пущиным... Третья песня, должно быть, выпала как-нибудь из моих бумаг... В ней заговор Давида о погублении Василька, разговор с Святополком, вступление Василька с дружиной в Киев, посещение им храма. раздача милостины, наконец явление его во дворец к Святополку и, по клевете Давида, напугавшего Святополка, его арестование и отправление за город...» Исходя из показаний Беляева, можно заключить, что поэма написана во время пребывания Одоевского в Чите (1828—1830 гг.).

Сюжет поэмы основан на данных Начальной летописи, в которой рассказан трагический эпизод междоусобной борьбы русских князей в начале XII века. После съезда князей в Любече в 1097 г. борьба эта не прекратилась. Давид Игоревич, враждовавший с Ростиславовичами, погубил Василька Ростиславовича.

Стогны — площадь. *Теребовль* — Трембова — город на реке Гнезна, в б. Галиции. *Святополк Изяславович* (1050—1113) — князь, сын Изяслава Ярославовича, по решению съезда в Любече получивший Киев. *Мономах* (1053—1125) — Владимир Всеволодович, сперва — князь переяславльский, позже князь киевский. *Любеч* — городок на левом берегу Днепра, где в 1097 г. происходил съезд князей с целью устранения усобиц. *Смерд* — земледелец. *Тиун* — слуга князя или боярина. *Червенские города* — города названы так по городу Червену, в X в. были захвачены поляками, в 1031 г. отвоеваны Ярославом. *Гридня* — гридница — комната в княжеском доме, где находилась стража. *Гридень* — гридни — младшая дружина древнерусских князей. *Мстиславна* — жена князя Василька. *Сурна* — музыкальный инструмент. *Ферезь* — древнерусская верхняя одежда. *Камчатный* — сделанный из камки; камка — шелк. *Буй тур* — буйный, смелый бык; выражение это встречается в народной поэзии и в «Слове о полку Игореве». *Паволока* — дорогая ткань. *Где Святослав врагами прудил синие волны Дуная...* — речь идет о первом походе князя Святослава в Болгарию, состоявшемся около 960 г. *Ярополк* — князь Ярополк Изяславович, княжил в городе Владимире-Волынском.

из которого в 1084 г. его изгнали Ростиславовичи; после вторичного водворения там был убит в 1086 г. *Нередец* — убийца Ярополка. *Ростислав Владимирович* — князь *тмутараканский* (XI в.), отец Василька, Рюрика и Володаря Ростиславовичей. *Туряк* — имя одного из воинов дружины князя Давида. *Кульмей* — один из бояр Василька. *Василь* и *Лазарь* — имена воинов из дружины князя Давида. *Выдубичь* — название одной из окрестностей Киева на берегу Днепра, где, по преданию, выплывало («выдыбало») изображение одного из языческих богов, брошенных в реку во время крещения. *Лыбедь* — приток Днепра. *Перун* — согласно славянской мифологии — главный бог, бог грома и молнии. *Стрибог* — бог ветра. *Велес* — бог, охраняющий стада. *Дажбог* — бог солнца. *Белбог* — доброе божество, бог добра. *Чернобог* — бог зла. *Поруб* — тюрьма. *Купала* — бог земного плодородия. *Калядо* — бог мира и празднеств. *Ладо* — бог веселья, красоты и любви. *Лысые горы* — старинное название одной из окрестностей Киева. *Рудица* — речка возле Киева. *Отец Святополка* — Изяслав Ярославович, сын Ярослава I, князь киевский. *Всеслав* — князь полоцкий, боролся с Ярославовичами. *Золотые ворота* — сооружены в 1037 г. князем Ярославом. *Дмитр* — конюх князя Давида. *Сновид* — конюх князя Святополка. *Торчин* — представитель племени торков, одного из тюркских племен, кочевавших в южных степях древней Руси и совершавших набеги на Днепр. Упоминаемый в поэме торчин, Берендей, играл роль палача при ослеплении Василька. *Истопка* — маленькая изба, комната.

Стихи на переход наш из Ч<иты> в П<етровский завод>. Впервые напечатано в 1922 г. в книге И. А. Кубасова «Декабрист А. И. Одоевский». Стихи сочинены во время перехода группы декабристов, в числе которых находился и Одоевский, из Читы в Петровский завод в августе 1830 г.

Сен-Бернар. Напечатано впервые в 1838 г. в «Современнике», т. X, отд. III. В основу стихотворения положен переход Наполеона через Альпы и победа над австрийцами у Маренго (14 июля 1800 г.). В последних строках Одоевский говорит о предстоящей гибели Наполеона «в снегах России».

Сен-Бернар (Сен-Бернард) — название горных хребтов в Альпах. Стихи 29—35 — говорят об египетском походе Наполеона. *Аннибал* (Ганнибал) — карфагенский полководец, боровшийся с Римом (III в. до н. э.).

Славянские девы. Впервые напечатано в 1859 г. в журнале «Русская беседа», т. IV, отд. I. Стихотворение это пользовалось большой популярностью среди декабристов и, положенное на музыку Ф. Ф. Вадковским, распевалось ими.

<При известии о польской революции>. Впервые напечатано в 1861 г. в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия», изданном Огаревым в Лондоне.

Польское восстание началось в ноябре 1830 г. и закончилось в августе 1831 г. взятием Варшавы русскими войсками. *Пять*

жертв — пять декабристов, казненных в июле 1826 г. В Варшаве была отслужена панихида по жертвам восстания 14 декабря.

«По дороге столбовой». Впервые напечатано в 1859 г. в «Русской беседе», т. II. Стихотворение посвящено жене декабриста В. П. Ивашева — Камилле Петровне, рожд. Ле-Дантю.

Туга — печаль, горе.

<Два образа>. Напечатано впервые в 1859 г. в журнале «Русская беседа», т. II. О каких образах говорит здесь Одоевский — не установлено.

<Колыбельная песня>. Впервые напечатано Розеном в изданном в 1883 г. собрании стихотворений Одоевского без последних 18 строк, запрещенных цензурой. Эти строки были опубликованы в альманахе «Литературная мысль», 1923, кн. 2.

Розен К. А. — сын декабриста А. Е. Розена, родившийся в Петровской тюрьме. В честь Рылеева младенцу было дано имя Кондратий.

«Ты знаешь их, кого я так любил». Впервые напечатано в 1845 г. в сборнике «Вчера и сегодня», ч. 1. В этом стихотворении Одоевский вспоминает «соузников-друзей» по Петровской тюрьме, привет от которых передал ему А. Ф. Янушкевич (польский деятель, высланный в Сибирь в 1832 г.).

Брак Грузии с русским царством. Впервые напечатано в издании стих. Одоевского, 1883 г. Под «женихами» подразумеваются государства, стремившиеся присоединить к себе Грузию. Грузия была присоединена к России в 1801 г.

«Я разлучился с колыбели». Впервые напечатано в издании стихотворений Одоевского, 1883 г. Декабрист А. Е. Розен указал, что это «песня, спетая Евгением (старшим сыном Розена. — *Ред.)* в Пятигорске 22 июля 1838 г. в день ангела тетки его Марии Васильевны Вольховской, рожденной Малиновской, которая до замужества и после оного заменила ему мать, уехавшую к мужу в Читинский острог, когда сыну не было четыре года от роду».

К*** («Как носятся тучи за ветром осенним»). Стихотворение впервые напечатано в «Современнике», 1853, т. 42, № XI.

«Как я давно поэзию оставил!» Впервые напечатано в издании стихотворений Одоевского, 1883 г.

Сенковский О. И. — беллетрист, редактор-издатель журнала «Библиотека для чтения». *Менцель* — реакционный немецкий писатель.

В. Ф. РАЕВСКИЙ

Песнь воинов перед сражением. Напечатано впервые П. Бейсовым в альманахе «Литературный Ульяновск», 1947 № 1 (первая редакция этого же стихотворения — под названием «Песнь воинов перед битвой» напечатана В. Базановым в книге

«В. Ф. Раевский», М.-Л., 1949 и П. Бейсовым в «Пушкинском сборнике», Ульяновск, 1949). В стихотворении речь идет об Отечественной войне 1812 г.

Старец-вождь — М. И. Кутузов. *Ксеркс* — царь персидский, вел войны с Грецией, в 480 г. до н. э. был разбит на море при Саламине. *Батыевы могилы* — т. е. могилы татар. *Сарматы* — поляки. Жуковский здесь упоминается как автор широко известных в свое время стихотворений, посвященных теме 1812 года: «Певец во стане русских воинов» и «Певец в Кремле».

Меналк. Эклога. Напечатано впервые в «Пушкинском сборнике». Ульяновск, 1949 и в книге В. Г. Базанова «В. Ф. Раевский», М.-Л., 1949. Это стихотворение интересно тем, что здесь Раевский в традиционный жанр пасторальной идиллии вводит свободолюбивую тему.

Плач негра. Впервые напечатано там же. Тема порабощения негров (выдвинутая Радищевым в одной из глав «Путешествия из Петербурга в Москву») привлекала внимание многих передовых писателей, в том числе В. Попутаева (очерк «Негр», 1804).

Послание Петру Григорьевичу Приклонскому. Впервые напечатано там же.

Приклонский П. Г. — один из близких товарищей Раевского, вошедший в кружок, созданный Раевским в 1816 г.

Солон — афинский законодатель, установивший новое демократическое государственное устройство (род. ок. 640 г. до н. э.). *Крез* — царь Лидийский (568—548 гг. до н. э.), богатейший владетель, в 546 г. был взят в плен Киром. Встреча его с Солоном принадлежит к области легенд. *Кир* — с 558—550 г. до н. э. царь Персии. *Зенобия* — пальмирская царица, известна многими завоеваниями; здесь говорится о ее пленении и порабощении в 273 г. римским императором Аврелианом. *Херила...* «Пиндаром называют» — Херил — малоизвестный греческий трагик (VI—V в. до н. э.), соперник Эсхила. *Пиндар* — знаменитый греческий поэт (522—448 гг. до н. э.).

К моим пенатам. Напечатано впервые в «Украинском вестнике», 1817, ч. VII.

Лары — домашние боги. *Крезус* — см. Крез в примечаниях к «Посланию Петру Григорьевичу Приклонскому». *Беллона* — богиня войны у римлян.

Глас правды. Впервые опубликовано в «Пушкинском сборнике». Ульяновск, 1949.

Сатурн — у римлян бог времени.

Элегия II. Впервые опубликовано там же и в книге В. Г. Базанова «В. Ф. Раевский», М.-Л., 1949. В своих показаниях в 1827 г. Раевский называет это стихотворение «Элегией к осени» и пытается завуалировать его политический смысл. На вопрос комиссии: «Какой переворот и какую бурю вы здесь подразумевали?.. И какого грозного дня вы желали, чтобы врата свободы отверзлись и добродетели луч возблистал?» — Раевский

отвечал, что он «не только никакого переворота, но вовсе никаких подобных тому идей не имел... это было осенью; следственно, писавши в такое мрачное время, и мысли имел мрачные». Здесь, как и в эклоге «Меналк», Раевский в форме традиционного жанра философски-дидактической оды выражает декабристские идеи.

Прометеев огнь — Прометей, согласно греческой мифологии, титан, похитивший у богов огонь для людей, жестоко наказанный за это Зевсом.

Послание Г. С. Батенькову. Опубликовано впервые в «Атенее», 1926, кн. 3. С Батеньковым Раевский был связан дружбой и по совместной работе в тайном обществе. Упоминание о Сибири вызвано тем, что Батеньков служил в Сибири.

Атропа — в греч. мифологии олицетворение неотразимой судьбы. *Гершель Вильям* (1738—1822) — английский астроном.

Мое прости друзьям К<исловскому> и П<риклонскому>. Впервые напечатано в книге В. Г. Базанова «В. Ф. Раевский, М.-Л., 1949 и в «Пушкинском сборнике», Ульяновск, 1949.

Приклонский и Кисловский — члены кружка, созданного Раевским в 1816 г.

Смеюсь и плачу. Первая строфа стихотворения приведена в книге Семевского «Общественные и политические идеи декабристов». Спб, 1909. Полностью впервые напечатано в книге В. Г. Базанова «В. Ф. Раевский», М.-Л., 1949 и в «Пушкинском сборнике», Ульяновск, 1949. Это стихотворение привлекло особое внимание комиссии военного суда наряду с такими стихотворениями, как «Элегия», «Послание П. Г. Приклонскому» и др. Стихотворение по своим идеям перекликается с «Рассуждением о рабстве», наиболее революционным произведением Раевского.

Визирь — титул высших государственных сановников на магометанском Востоке. *Спагис* — спаги — полки французской кавалерии, пополняемые африканскими туземцами Алжира. Здесь, возможно, содержится намек на Аракчеева. *Сократ* (род. в 496 г. до н. э.) — афинский философ. *Овидий* (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.) — знаменитый римский поэт. *Сенека* (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — философ и оратор, наставник и советник Нерона, а затем участник заговора против него. *Лукреций* (98—55 гг. до н. э.) — римский поэт-философ. *Тасс, Камоэнс* — см. примечания на стр. 811 и 812. *Галилей* (1564—1642) — знаменитый математик и физик, подвергался гонениям и был заключен как еретик, в тюрьме лишился зрения. *Херил* — см. стр. 821. *Калигула* — римский император (12—41 гг.), кровожадный и жестокий правитель, объявил себя богом, ввел коня своего в сенат в качестве консула. *Астрея* — дочь Зевса и Фемиды, богиня справедливости. *Хвостов Димитрий Иванович* (1757—1835) — известный в свое время бездарный метроман. *Глазунов* — книгоиздатель.

Путь к счастию. Впервые напечатано в «Украинском вестнике» на 1819 г., ч. VIII.

Лукулл — римский полководец, скопивший несметные богатства и прославившийся пирами и роскошью. *Зоилы* — так называют критиков-ругателей по имени Зоила, греческого ритора

III в. до н. э., критиковавшего Гомера. *Сатрап* — в древней Персии облаченные большой властью наместники провинции.

Сатира на нравы. Впервые опубликовано в «Пушкинском сборнике», Ульяновск, 1949 (отрывок в книге В. Базанова «В. Ф. Раевский»). Стихотворение сохранилось в черновых набросках и осталось недоработанным.

Это стихотворение обратило на себя внимание следователей, особенно строки: «Гражданства искра в нас зажглась». Протест против подражания «обычаям иноземным», напоминающий известный монолог Чацкого, сочетается здесь с вольнолюбивыми идеями.

Вселенные властитель и тиран — Наполеон. В следующих за этим строках речь идет о войне 1812 года. *Секвана* — река Сена, протекающая во Франции. *Боскеты* — парки. *Умный наш певец* — И. А. Крылов. *Ир* — имя нищего в «Одиссее», сражался с Одиссеем и был изранен.

Певец в темнице. Впервые напечатано в «Русской старине», 1877, кн. X. Стихотворение написано Раевским в тюрьме и адресовано А. С. Пушкину.

Книга Клии — история (Клио — муза истории). *Борецкая Марфа Посадница* — руководила борьбой Новгорода с московским царем Иваном III. *Вадим* — по летописной легенде — вождь восстания новгородцев против Рюрика.

К друзьям. Впервые напечатано в «Русской старине», 1890, кн. V. Список этого стихотворения Раевский передал на волю для распространения между офицерами и «частными людьми».

Геба — богиня молодости, разносившая богам нектар. *Ганимед* — виночерпий на пирах богов. *Эрсб* — в греч. мифологии часть Аида, подземного жилища мертвых, где находился дворец его владыки — Плутона. *Флегетон* — в греч. мифологии огненная река в подземном царстве. *Тартар* — в греческой мифологии — подземная бездна (позже под этим словом подразумевали преисподнюю). *Певец Кавказа* — Пушкин. *Амфион* — сын Зевса, звуками лиры заставлявший двигаться камни. *Альбион* — Англия. *Орлов М. Ф.* — генерал, один из вождей Союза благоденствия, командир 16 пехотной дивизии, стоявшей в Кишиневе. Был заподозрен в политической неблагонадежности в связи с арестом Раевского и в 1822 г. устранен от командования дивизией. *Денница на востоке* — греческое национально-освободительное движение.

На смерть моего скворца. Впервые напечатано там же. *Пелисон* — Раевский обращается к скворцу, имея в виду историю французского писателя Пеллисона Фонтанье (1624—1693), долго сидевшего в тюрьме и приручившего там паука, с которым делил свое одиночество. *Пифагор* — здесь разумеется идеалистическое учение Пифагора о переселении душ.

Подражание Горацию. Впервые напечатано в «Украинском журнале», 1824, ч. III.

Ганимед — виночерпий Зевса в греческой мифологии. *Марсовы поля* — поля войны (Марс — бог войны).

Песнь невольника. Впервые напечатано в «Украинском журнале», 1824, ч. IV. Стихотворение имеет автобиографический характер. (Раевский говорит здесь о своих переживаниях узника). Оно, повидимому, было переслано через друзей из заключения.

Дума. Впервые напечатано в «Русской старине», 1890, кн. V. *Саян* — Саянский горный хребет в Сибири.

<К дочери> «Мой милый друг, твой час пробил». Впервые напечатано там же.

Предсмертная дума. Впервые напечатано там же.

А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

Подражание первой сатире Буало. Впервые напечатано в «Литературном архиве», М.-Л., 1938, т. I.

Буало Никола (1636—1711) — французский поэт и критик. *Тит* (римский император) — намек на Александра I. «*Иван Каин*» — лубочный роман на «воровской сюжет». *Петрополь* — Петербург. *Графов* — поэт-стихоплет граф Д. И. Хвостов. *Грей Томас* — английский поэт XVIII века. *Астрея* — богиня справедливости. *И лучший здесь поэт* — В. А. Жуковский. *Нинона* — Нинон де Ланкло, французская красавица, жившая в XVIII веке; прославилась своим салоном и любовными приключениями.

К некоторым поэтам. Впервые напечатано в «Благонамеренном», 1820, т. X.

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — поэт и баснописец. *Княжнин Яков Борисович* (1742—1791) — драматург, автор известной тираноборческой трагедии «Вадим Новгородский». *Автор «Душеньки»* — Богданович Ипполит Федорович (1743 1820) — поэт; его поэма «Душенька» пользовалась большим успехом. *Костров Ермил Иванович* (ум. 1796) — поэт-одописец и переводчик.

«Близ стана юноша прекрасный». Впервые напечатано в «Стихотворениях» А. А. Бестужева, большая серия «Библиотеки поэта», т. I, 1948.

<Эпиграмма на Жуковского>. Впервые ошибочно напечатана в «Стихотворениях А. С. Пушкина, не вошедших в полное собрание его сочинений». Берлин, 1861. На принадлежность эпиграммы А. Бестужеву указал М. А. Бестужев в своих воспоминаниях, то же подтвердил и П. А. Вяземский. Представляет собою пародию на стихотворение Жуковского «Певец».

«С указкой втерся во дворец» — Жуковский был учителем русского языка прусской принцессы Шарлотты (жены Николая I).

Череп. Впервые напечатано в «Невском альманахе на 1830 г.».

Тост. Впервые напечатано там же.

Осень. Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1831, ч. 19.

В день именин Ал. Ив. М.....й. Впервые напечатано в Полном собр. соч. Бестужева-Марлинского, ч. XI, 1838. Адресат стихотворения не установлен.

Шебутуй. (Водопад Станового хребта). Впервые напечатано, в «Московском телеграфе», 1831, ч. XXXIX.

Разлука. Впервые напечатано в Полном собр. соч. Бестужева-Марлинского, ч. XI, 1838.

Часы. Впервые напечатано в «Литературной газете», 1830, № 27.

Сон. Впервые напечатано в Полном собр. соч. Бестужева-Марлинского, ч. XI, 1838.

К облаку. Впервые напечатано там же, с ошибочной датой 1828.

Оживление. Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1831, т. XX.

Приписки к богатому надгробию в бедности умершего поэта. Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1831, т. XX.

Эпиграмма («Люблю я критика Василья»). Впервые напечатана в «Сыне отечества», 1831, т. XX, направлена, по всей вероятности, против критика В. Т. Плаксина, напечатавшего в 1829 г. в «Сыне отечества», тт. V—VI статью «Взгляд на состояние русской словесности в последнем периоде (лекция из истории литературы)», в которой автор соглашается со всеми существующими мнениями о романтической поэзии.

Поэтам архипелага нелепостей в море пустозвучия. Впервые напечатано в «Московском телеграфе», 1832, ч. XIV. Приводя это восьмистишие в письме к Н. А. Полевому, Бестужев писал: «...С. Шевырев, Е. Кугушев, Е. Трилунный, etc. etc, etc.... это совершенно Крысий архипелаг нелепостей в море пустозвучия... Впрочем, в Шевыреве водятся иногда мысли, в Трилунном — чувства, но это так редко или так ветхо! Прочих поэтов не помню даже имен; они все, кажется, берут напрокат стоптанные туфли Пушкина» («Русский вестник», 1861, кн. III).

«Я за морем синим, за синею далью». Впервые напечатано в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», 1838, № 12, с заглавием «Мечта».

Забудь, забудь. Кн. Н. У***. Впервые напечатано в «Пантеоне русского и всех европейских театров», 1840, ч. I.

Андрей, князь Переяславский. Повесть. Над повестью Бестужев работал, находясь в заключении в Финляндии в крепости «Форт Слава». В письме к Н. А. Полевому Бестужев писал: «Он написан был в 1826 году, в Финляндии, где у меня

не было ни одной книги; написан был жестяным обломком, на котором я зубами сделал расщеп, и на табачной обертке, по ночам. Чернилами служил толченый уголь. Можете судить об отделке и вдохновении!» Из намеченных пяти глав Бестужев написал две. Обе были напечатаны анонимно, без ведома и воли автора (первая — отдельным изданием в 1828 г., вторая — в 1830 г. в виде приложения к журналу «Галатея»). В особом письме, напечатанном в «Московском телеграфе» (в 1832 г.), Бестужев отметил, что обе главы им не были доработаны.

Глава вторая. Характеристика Андрея Переяславского (младшего сына Владимира Мономаха) интересна тем, что в ней затрагивается проблема о взаимоотношениях верховной власти и народа.

Ф. Н. ГЛИНКА

Военная песнь. Впервые напечатано в сборнике «Подарок русскому солдату». Соч. Ф. Глинки. Спб, 1818.

Сетование русской девы. Впервые напечатано там же. В песне использованы образы плача Ярославны из «Слова о полку Игореве».

Сон русского на чужбине. Впервые напечатано в «Эвтерпе». М., 1831. Отрывок из этого стихотворения под названием «Тройка» приобрел большую популярность в качестве народной песни. Мы печатаем все стихотворение в первоначальной редакции, в которой обнаруживается связь сюжета с заграничными походами русской армии в 1813—1815 гг.

Усладова лира. Баллада. Впервые напечатана в «Благонамеренном», 1821, ч. 18.

Отрывок из опытов трагических явлений в стихах без рифмы. Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1817, ч. 41, с примечанием, рассчитанным на усыпление бдительности цензуры: «Вместо имен действующих лиц поставлены здесь нумера, ибо отрывок сей (два явления) не принадлежит ни к какому целому, а написан только для опыта, чтоб узнать, могут ли стихи такой меры заменить александрийские и монотонию рифмы, которая едва ли свойственна языку страстей».

Отрывки из Фарсалии. Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1818, ч. 49. В примечании Глинка указывает, что он (так же как и в «Опытах трагических явлений») ставит себе задачи испытать годность «стихов без рифм для трагедии». Однако и эти отрывки представляют собою типичные образцы декабристской пропаганды с использованием исторического материала. Героем выступает здесь столь часто упоминаемый в декабристской лирике римский республиканец Катон Младший. Первый отрывок был посвящен Глинкой речи Катона «на пределах пустынь Ливийских, куда Катон ушел с двумя легионами, воодушевленный ненавистью к «тирану»-цезарю.

Аммон — египетское божество. *Юба* — нумидийский царь, противник цезаря.

К соловью в клетке. Впервые напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1819, ч. VII.

К Пушкину. Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1820, ч. 64. Написано в связи с высылкой Пушкина из Петербурга (см. вступительную заметку к стихотворениям Глинки) и, как указал сам Ф. Глинка, «по прочтении двух первых песен «Руслана и Людмилы».

Рогдай — одно из действующих лиц поэмы Пушкина «Руслан и Людмила».

Судьба Наполеона. Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1821, ч. 73.

Но Греция встает из гроба... — имеется в виду освободительная борьба греков против турецкого владычества. *Стамбул* — Константинополь. *Оттоман* — прежнее официально-торжественное название турок, по имени турецкого султана конца XIII — нач. XIV в. — Османа.

«Не слышно шуму городского». Данная редакция этого стихотворения (известная под названием «Узник») взята из поэмы Глинки «Дева карельских лесов» (Каргосиздат, 1939).

Карелия. Поэма впервые напечатана в отрывках в альманахе «Подснежник». Спб, 1829 и полностью отдельным изданием «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой». Описательное стихотворение в IV частях Ф. Глинки. Спб, 1830. Включенный в антологию отрывок из поэмы представляет собой рассказ монаха о прибытии его в Карелию (Кариоландию).

Кончина мира, гибель дней... — имеется в виду «Апокалипсис», написанный якобы на острове Патмосе. *Омир* — Гомер. *Шелойник* — юго-западный ветер. *Соймы* — парусные суда. *Авзония* — Италия.

Стихи о бывшем Семеновском полку. Впервые напечатано в «Русском архиве», 1875, кн. XII.

Семеновский полк — один из старейших гвардейских полков, в котором служили видные декабристы, в том числе С. И. Муравьев-Апостол и И. Д. Якушкин. В 1820 г. произошло восстание солдат Семеновского полка, вызванное жестоким палочным режимом, введенным ставленником Аракчеева — полковником Шварцем. Стихотворение было написано Ф. Глинкой много лет спустя после описываемых событий.

П. А. КАТЕНИН

Наташа. Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1815, ч. 21.

Убийца. Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1815, ч. 21. Пушкин оценил «Убийцу» как одну из лучших баллад Катенина.

<Отрывок из революционного гимна>. «Отечество наше страдает». Отрывок впервые помещен на странице мемуа-

ров Ф. Р. Вигеля («Записки», т. II, М., 1928, стр. 159). Полный текст до сих пор не обнаружен. Вигель слышал этот гимн осенью 1820 г. Сохранилось свидетельство, что этот же гимн распевали несколько лет спустя ссыльные декабристы в Чите, «офицеры и солдаты слушали ее и маршировали под такт ее» (см. у В. И. Семеновского «Политические и общественные идеи декабристов». Спб., 1909, стр. 151—152).

Отрывок из Корнелева Цинны. Впервые напечатан в «Сыне отечества», 1818, ч. 44. Для понимания значения этого «Отрывка» нужно учесть, что как раз в это время (конец 1817 — нач. 1818 г.) в среде тайного общества обсуждались планы устранения Александра I: «Отрывок» перекликается с замыслом так называемого «московского заговора» вплоть до деталей (известно, что Якушкин предлагал убить царя во время богослужения в Успенском соборе). Печатая «Отрывок» в качестве самостоятельного произведения, Катенин как бы изолировал его от общей идейной концепции трагедии Корнеля и достигал прозрачности аналогии для посвященных лиц (именем римского императора Августа в то время часто называли Александра).

Корнель Пьер (1606—1684) — французский драматург. *Цинна Кней Корнелий* — участник заговора против *Августа* (63—14 гг. до н. э.) — первого римского императора. *Помпей* (166—48 гг. до н. э.) — римский полководец.

Мстислав Мстиславич. Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1820, ч. 59. В этой балладе, которая, по словам Катенина, «написана русскими красками», встречаются заимствования из «Слова о полку Игореве» («стадо галиц», «стелют, молотят снопы там из глав»).

II

Н. И. ТУРГЕНЕВ

«*Закон Природы* есть святейший»... Извлечено из дневника Тургенева 1807 г. Впервые напечатано в издании «Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1806—11 гг.», т. I, 1911.

«Приди, о истина, и поселись меж нами». Извлечено из того же источника.

Д. П. ЗАВАЛИШИН

«Я в первый раз взял в руки лиру». «Я песни страшные слагаю»... Извлечено из следственного дела Завалишина, опубликованного в материалах Центрархива «Восстание декабристов», т. III, М.-Л., 1927. Завалишин сначала отрицал факт распространения им этих стихов, но после показаний ряда лиц, собственноручно написал публикуемые тексты для следственной комиссии. Некоторые из привлеченных к следствию с определенностью утверждали со слов самого Завалишина, что стихи сочинены им самим. Так, Арбузов признался: «Стихи были писаны рукой Завалишина, который говорил, что они сочинены им самим». В другой раз, когда Арбузов спросил об этих стихах у П. Бесту-

жева, последний сказал, что «Завалишин сообщил ему оные как первый свой опыт в поэзии»... А. Беляев также признал, что «сочинены они самим Завалишиным... он нам говорил»... Завалишин сначала категорически отказывался от авторства, затем старался, учитывая исключительную политическую остроту стихов, всякими путями запутать следствие, но в конце концов был вынужден уклончиво заявить, что «если б он имел дар, то, может быть, и написал бы подобные».

А. П. БАРЯТИНСКИЙ

П. Пестелю. Старик с берегов Миссисипи. Ко дню именин. Послание Ивашеву. Напечатаны на французском языке в книге Барятинского «Quelques heures de loisir à Toulchin» М., 1824.

Стихотворения даны здесь в переводах Вс. Рождественского.

Пестель П. И. (1793—1826) — виднейший декабрист, основатель и идеолог Южного общества, казнен в числе пяти руководителей восстания. *Ивашев В. П.* (1794—1840) — декабрист, член Южного общества. *Пермес* — река, посвященная музам. *Эвтерпа* — одна из десяти муз, представительница музыки.

«Скажите, что могло вселенную заставить». Стихотворение сохранилось в форме неотделанных черновых набросков на французском языке (см. «Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова», 1934). Написано в 1824 или 1825 гг. В антологии печатается перевод наиболее идеологически острых набросков стихотворения, сделанный по рукописи Б. В. Томашевским.

В созданьи комара мы видим божество. Стих из поэмы кардинала Берни «Отмщенная вера» (песнь VI, «Деизм»). *И был бы бог, его должны мы отрицать.* Этот стих полемически направлен против утверждения Вольтера «Если бы бога не существовало, его следовало бы выдумать». Вольтеровский афоризм заимствован им из 93-й проповеди кентерберийского архиепископа Джона Тиллотского, превозносившего «приятность, удобство и необходимость бога для человеческого благополучия».

М. А. БЕСТУЖЕВ

Песня. Впервые напечатана в журнале «Былое», 1907, № VIII. Эту песню декабристы пели 14 декабря 1829 и 1830 гг. в Петровском заводе. Ранее она приписывалась А. Бестужеву.

Муравьев идет... — здесь речь идет о восстании Черниговского полка, которое возглавил С. И. Муравьев-Апостол.

Г. С. БАТЕНЬКОВ

Одичалый. Впервые напечатано в «Русской беседе», 1859, т. III, кн. 15.

«Каким огромным великаном». Впервые напечатано в «Русских пропилеях», 1916, т. II, в письме к А. П. Елагиной из Томска 11 января 1850 г. и следует после восторженных воспоминаний о 1812 г. Представляет собою отрывок.

Н. А. БЕСТУЖЕВ

Мартышка и бритва. Впервые напечатано в «Сыне отечества», 1819, ч. 52.

П. С. ВОБРИЩЕВ-ПУШКИН

Лиса-секретарь. Впервые напечатано в «Каллиопе», кн. III, М., 1817.

Волк и две лисицы. Впервые напечатано там же.

Брага. Впервые напечатано в сб. «Декабристы. Материалы», М., 1907.

Дитя и пятнышко. Впервые напечатано там же.

Н. С. ВОБРИЩЕВ-ПУШКИН

Утро в деревне. Впервые напечатано в «Каллиопе», кн. III, М., 1817.

К меценату. Впервые напечатано там же.

«Друзья! Есть наше счастье». Впервые опубликовано в сборнике «Рух декабристів на Украине», Харьков, 1826.

С. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ

«Задумчив, одинокий». Впервые напечатано на французском языке и с русским переводом в «Собрании стихотворений декабристов», Лейпциг, 1862. Печатаемый здесь текст приведен в письме декабриста М. С. Лунина сестре 13/1 января 1840 г.

Н. Ф. ЗАПКИН

М. И. Муравьеву-Апостолу. Впервые напечатано в сб. «Декабристы. Материалы», М., 1907.

Муравьев-Апостол Матвей Иванович — декабрист, брат казненного С. И. Муравьева-Апостола, один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, член Южного общества, участвовал в восстании Черниговского полка.

И. А. ЧИЖОВ

Журавли. Впервые напечатано в «Библиографических записках», 1861 г., т. III, № 14.

Нуча. Якутский рассказ. Впервые напечатано в «Московском телеграфе», 1832, ч. XLIV. По приказу Бенкендорфа тогда же было произведено расследование о путях передачи этого стихотворения в журнал.

К тексту стихотворения Чижовым были сделаны следующие примечания: «*Нуча*. Этим именем называют якуты русских. Содержание сказок своих они заимствуют по большей части из частной

жизни. Хорошие рассказчики говорят и поют попеременно. *Исых* или *Ысых*. — Так называется празднество якутов, бывающее летом, когда поспевает кумыс. Собравшись на лугу, они раскладывают огонь, делают возлияние духам, поют и пляшут. Иногда тут же бывают конские скачки, беганье, борьба и проч. *Дюгюрь* — бубен, в который бьют шаманы, призывая духов.

Где властительный прах
Схоронен на древах.

Якуты имели обычай хоронить покойников на деревьях. Гроб ставили или между ветвями, или, срубая дерева, утверждали его как бы на столбах. Сим правом долее всех пользовались шаманы. Еще и теперь можно видеть остатки подобных могил, в стороне от дорог и жилых мест.

Вот стоит на пути, и проч.

Якуты оказывают ко многим местам некоторый род суеверного благоговения. Наиболее оно относится к устаревшим деревьям, почитаемым местопребыванием духов. На них вешают вязи конских волос, звериные шкуры и другие вещи, чтобы сим снискать благосклонность духов, могущих вредить им на пути или в промыслах».

Вздох. К NN. Сибирские цветы. Впервые опубликованы в «Омском альманахе», 1947, кн. 6. Предположительно датируется 1828—1829 гг.

Русская песня. Впервые напечатана в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», 1837, № 22.

В. Л. ДАВЫДОВ

Николосор. Впервые напечатано в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», 1929 г., вып. 3—4, по записи, сделанной от Н. А. Бестужева М. И. Семевским.

Николосор — Николай I (имя образовано по аналогии с именем вавилонского царя Навуходоносора — жестокого деспота). *«При нем случилось возмущенье»*... — подразумевается восстание декабристов. *«Лет сорок сряду все прощал»*... — здесь говорится о лицемерно-лживых обещаниях Николая простить декабристов.

Ф. Ф. ВАДКОВСКИЙ

Наш следственный комитет... Впервые опубликовано в сборнике «Декабристы. Материалы для характеристики», М., 1907. Подлинник по-французски. Здесь дан перевод Вс. Рождественского.

Куплеты посвящены сатирическому обличению следственного комитета по делу декабристов. Как свидетельствует в своих воспоминаниях А. М. Муравьев, «этот секретный комитет, как он на-

вывался, был инквизиционным трибуналом — без уважения и внимания к людям, без тени справедливости или беспристрастия... Царедворцы, не имевшие иной цели существования, кроме стремления добиться благоволения своего повелителя, не допускали возможности политических убеждений, кроме своих собственных... Все средства казались им хороши. Они выдавали ложные показания за подлинные, прибегали к угрозам очных ставок, которых потом не давали...»

К тексту песни приложено следующее пояснение:

«Первый куплет поют Левашев и Дибич, второй — Бенкендорф и три почтенных члена синода, которые выслушали не моргнув глазом объявление смертного приговора наших пяти жертв; третий — Павел Васильевич Кутузов, который принимал живое участие в убийствах 11 и 12 марта 1801 г. и проявил в отношении к нам неслыханную строгость; четвертый — Александр Иванович Чернышев, который приговорил к смерти массу гвардейских офицеров, чтобы добраться до Захара Григорьевича и завладеть майоратом графа Чернышева; пятый — министр военный, старик Татищев, который был на стороже около великого князя Михаила и, несмотря на крики и вопли членов комитета, подражал точно комитету общественной безопасности 1793 г. и большей частью спал сном старческим» (подлинник по-французски).

Песня «Наш следственный комитет» написана на мотив песни Беранже («Halte là..»), созданной знаменитым французским сатириком во время возбужденного против него (в 1828 г.) властями судебного процесса. Первые четыре строки являются точным переводом четырех первых строк песни Беранже.

Желания. Впервые опубликовано в «Красном архиве», 1825, т. III (X), по копии, обнаруженной в бумагах бывшей библиотеки Зимнего дворца.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Песня. Впервые опубликована в «Красном архиве», 1825, т. III (X) по тексту, сохранившемуся в архиве Якушкиных, потомков декабриста И. Д. Якушкина. Бумага с водяным знаком «1831».

...*Чудь немецкая* — подразумевается нашествие французов на Россию в 1812 г. (слово «немецкая» употреблено здесь в смысле «иноземная»). *Одни из нас... засели в приказ...* — подразумевается деятельность И. Пущина и Рылеева, которые служили судьями и прославились как защитники угнетенных. *Кровь черниговцев* — восстание Черниговского полка в декабре 1825 г. *Ипполит* — И. М. Муравьев-Апостол — младший брат Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов, принявший участие в восстании Черниговского полка и застрелившийся при разгроме восстания в начале января 1826 г. ...*твои доченьки* — здесь речь идет о женах декабристов. *Одной уж нет...* — жена Никиты Муравьева — Александра Григорьевна умерла в Петровском заводе. *Пусть их будто учатся равно трех любить...* — подразумевается официозная пропаганда реакционного лозунга «самодержавие, православие, народность». Далее говорится, что новое поколение отвергает первые две части

этого лозунга и привержено только идее народности, но в ином, демократическом, враждебном самодержавию духе этого понятия (отсюда упоминание о древнем Новгороде, который связывался у декабристов с идеей республиканской вольности).

Приложение

ДЕКАБРИСТЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

А. С. ПУШКИН

И. И. Пущину. Напечатано впервые в «Современнике», 1841, т. XXII. Стихотворение это, в котором Пушкин вспоминает приезд к нему Пущина в 1825 году в Михайловское, было отправлено Пущину на каторгу вместе с адресованным декабристам посланием «В Сибирь».

В Сибирь. Напечатано впервые в «Полярной звезде», 1856, кн. II. Послание адресовано декабристам, находившимся на каторге в Сибири. В начале 1827 г. Пушкин передал стихотворение А. Г. Муравьевой, которая уезжала к мужу Н. Муравьеву в Сибирь. Пушкину ответил А. Одоевский (см. стр. 353).

Арион. Напечатано впервые в «Литературной газете», 1830, т. II, № 43 без подписи. Стихотворение аллегорически изображает связь Пушкина с восстанием декабристов.

19 октября 1827 г. Впервые напечатано в «Славянине», 1830, № XIII. Стихотворение написано к очередной лицейской годовщине (в этот день в 1811 г. был открыт лицей). В последнем стихе («И в мрачных пропастях земли»...) имеются в виду находившиеся на каторге друзья Пушкина — И. Пущин и В. Кюхельбекер.

«Евгений Онегин», десятая глава. Впервые напечатана с неточностями и пропусками в 1910 г. в издании «Пушкин и его современники», вып. XIII. Последняя глава «Евгения Онегина» была сожжена Пушкиным в Болдине 19 октября 1830 г. До нас дошли только зашифрованные отрывки главы, в которой поэт, повидимому, рисовал широкую картину общественно-политической жизни России со времени войны 1812 г. и до восстания декабристов включительно.

Н. М. ЯЗЫКОВ

«Не вы ль убранство наших дней». Опубликовано впервые в историко-литературном временнике «Атеней», 1926, кн. III. Стихотворение написано под впечатлением известия о казни К. Рылеева — 13 июля 1826 г. Следующие стихи в несколько видоизмененной редакции

Рылеев умер как злодей —
Да вспомянет его Россия!

были широко известны и часто приводились в различных заграничных изданиях в качестве стихов, принадлежавших самому Рылееву.

А. А. ДЕЛЬВИГ

«Снова, други, в братский круг». Опубликовано впервые в издании «Пушкин и его современники», вып XIII. Стихотворение написано к лицейской годовщине 1826 г.

Что мы двух друзей не зрим — здесь речь идет о Пущине и Кюхельбекере, осужденных за участие в декабрьском восстании.

Е. П. РАСТОПЧИНА

Послание к страдальцам. Опубликовано впервые в сборнике материалов Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина «Декабристы», Л., 1926. Стихотворение было написано вслед за исполнением приговора над декабристами, когда Растопчиной было 15 лет; в конце 40-х — начале 50-х годов поэтесса поднесла автограф этого стихотворения одному из амнистированных декабристов З. Г. Чернышеву.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Декабристам (Над вашей памятью кровавой). Впервые опубликовано в «Полярной звезде», 1858, кн. IV. В литературе высказывалось предположение, что автором стихотворения был профессор Московского университета Дмитрий Львович Крюков. Однако это предположение не является обоснованным.

А. И. ПОЛЕЖАЕВ

«Ах, ахти! ох, ура». Впервые опубликовано в журнале «Огонек», 1926, № 5, в сб. «Атеней», 1926, кн. III и в журнале «30 дней», 1926, № 2.

...от большой кутерьмы — намек на восстание 14 декабря 1825 г. Стихотворение является отрывком из большого, не дошедшего до нас в полном виде стихотворения.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Памяти А. И. Одоевского. Впервые напечатано в «Отечественных записках», 1839, кн. VII. Написано Лермонтовым в 1839 г. по получении известия о смерти А. Одоевского, с которым поэт познакомился на Кавказе в 1837 г.

Н. П. ОГАРЕВ

«Матвей Радаев». <Отрывки из поэмы>. Впервые 1-я глава напечатана была в «Полярной звезде», 1859, отрывки — в «Газете Гатцука», 1879, №№ 3 и 6. Поэма осталась незаконченной. Здесь печатается отрывок. Существует предположение, что

фамилия героя возникла из соединения имен Радищева и Чаадаева.

Горячкой умер царь в Крыму — здесь неточность: Александр I умер в Таганроге.

Памяти Рылеева. Напечатано впервые в качестве посвящения к «Думам» Рылеева, Лондон, 1860. Стихотворение было чрезвычайно популярно, неоднократно перепечатывалось и распространялось в списках, войдя в сокровищницу подпольной революционной поэзии.

И слягут бронзовые кони и Николая и Петра — имеются в виду памятники Петру I и Николаю I в Петербурге.

Героическая симфония Бетховена (памяти А. Одоевского). Напечатано впервые полностью в «Стихотворениях» Огарева, большая серия «Библиотеки поэта», т. I, 1937.

М. Л. МИХАЙЛОВ

Пятеро. Впервые напечатано в Полном собр. стихотворений М. Л. Михайлова, Academia, 1934. Стихотворение написано Михайловым в 1861 г. в Петропавловской крепости, где был заключен поэт.

В. С. КУРОЧКИН

«Долго нас помещики душили». Впервые напечатано в «Колоколе», 1866, 15 января. Приписывается Курочкину.

Н. А. НЕКРАСОВ

Дедушка. Впервые опубликовано в «Отечественных записках», 1870, т. IX. Посвящение З-н-ч-е — Зиночке, Зинаиде Николаевне, жене поэта. В образе дедушки отражены некоторые черты декабриста С. Волконского. Сказание о Тарбагатае заимствовано Некрасовым из «Записок декабриста» А. Е. Розена, изданных в Лейпциге, 1870.

Русские женщины (Декабристки). Напечатано впервые в «Отечественных записках», 1872, т. IV и 1873, т. I.

Поэма «Княгиня Трубецкая» написана вскоре после «Дедушки». Главным источником для Некрасова служили «Записки декабриста» А. Е. Розена, по материалам которых описано выступление декабристов на Сенатской площади и столкновение Трубецкой с губернатором.

В поэме «Княгиня Волконская» в качестве фактического источника использованы записки М. Н. Волконской, с которыми Некрасов познакомился в рукописи. Обе поэмы являются частью большого неосуществленного замысла поэмы или цикла поэм о жизни декабристов и их жен в Сибири. Для этого замысла Некрасов собирал материал, но реализовать его полностью не смог

из-за цензурных соображений. В рукописи остался эпилог к «Княгине Трубецкой», где, в числе других, имеются следующие строки:

Кто помнит ту годину роковую,
Кто знает сам, как много славных жен
Вослед мужей ушло в страну чужую...
. . . . . .
Высок и свят их подвиг незабвенный!
Как ангелы-хранители, они
Явилися опорой неизменной
Изгнанникам в страдальческие дни.

Быть может, мы, рассказ свой продолжая,
Когда-нибудь коснемся и других,
Которые, отчизну покидая,
Шли умирать в пустынях снеговых.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ[1]

1. *«Полярная звезда на 1823 год».* Титульный лист. Альманах «Полярная звезда» издавался А. А. Бестужевым-Марлинским и К. Ф. Рылеевым с 1823 по 1825 годы. Вышло три книги. Стр. 11.

2. *«Полярная звезда».* Обложка первой книги на 1855 г. «Полярная звезда» издавалась А. И. Герценом, начиная с 4-й книги — совместно с Н. П. Огаревым. Заглавием сборника, а также рисунком на обложке, где изображены пять казненных декабристов (П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, М. П. Бестужев-Рюмин, С. И. Муравьев-Апостол, П. Г. Каховский), Герцен подчеркивал свою преемственность революционной традиции декабристов.

В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин писал: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная звезда» подняла традицию декабристов» (В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 18, стр. 12). Стр. 25.

3. *Заголовок ленинской газеты «Искра» с эпиграфом из ответа декабристов Пушкину* («Из искры возгорится пламя»). Стр. 41.

4. *Кондратий Федорович Рылеев.* Рисунок карандашом О. А. Кипренского, 1820-е годы. Хранится в музее Института русской литературы (Пушкинский дом Академии наук СССР. Дальше указывается сокращенно — ИРЛИ). Между стр. 64 и 65.

5. *К. Ф. Рылеев «Гражданин».* Автограф. Хранится в ИРЛИ. Между стр. 80 и 81.

6. *К. Ф. Рылеев. «Думы».* Титульный лист 1-го изд. 1825 г. В центре — гравюра Александра Фролова. Стр. 139.

7. *К. Ф. Рылеев. «Исповедь Наливайки».* Черновой автограф. Хранится в ИРЛИ. Стр. 227.

8. *Вильгельм Карлович Кюхельбекер.* Гравюра на дереве Н. И. Матюшина, 1880-е годы. Хранится в ИРЛИ. Между стр. 256 и 257.

9. *В. К. Кюхельбекер. «К Пушкину».* Автограф. Хранится в ИРЛИ. Стр. 259.

10. *В. К. Кюхельбекер. «Смерть Байрона».* Титульный лист отдельного издания 1824 г. Стр. 301.

---

[1] Аннотированный список иллюстраций составил А. Ю. Вейс.

11. *Привал декабристов на пути из Читы в Петровский завод.* Акварель А. И. Одоевского, 1830 г. Хранится в ИРЛИ. Акварель Одоевского интересна не только как документальное произведение, запечатлевшее эпизод перехода декабристов из Читы в Петровский завод, но и как выразительная иллюстрация к его же стихотворению «Что за кочевья чернеются...» Рисунок публикуется впервые в Сборнике Института русской литературы «Декабристы и их время» и в настоящем издании. Между стр. 336 и 337.

12. *Александр Иванович Одоевский.* Миниатюра на кости И. П. Фридрица, 1823—1825 годы. Хранится в ИРЛИ. На обороте надпись чернилами по-французски: «Его горячая душа кажется огненным лучом, отделившимся от сердца, — так она ярка. Скрытый от всех очей, погребенный в глубине сердец его милых друзей». Между стр. 352 и 353.

13. *А. И. Одоевский.* Письмо В. Ф. Одоевскому 15 октября 1821 г. Автограф. Хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Стр. 373.

14. *Владимир Федосеевич Раевский. «Элегия II».* Автограф (из дела «Разные черновые бумаги, принадлежащие майору 32 егерского полка Раевскому»). Хранится в филиале Центрального Государственного Военно-исторического архива в Ленинграде. Стр. 459.

15. *В. Ф. Раевский.* Фотография А. М. Иваницкого. Харьков, 1869 г. Хранится в ИРЛИ. Между стр. 464 и 465.

16. *А. С. Пушкин. «Полтава»,* песнь 1-я, 1828 г. Черновой автограф. С рисунками пяти повешенных декабристов. Между стр. 480 и 481.

17. *Александр Александрович Бестужев-Марлинский. «Осень».* Автограф. Хранится в ИРЛИ. Стр. 519.

18. *А. А. Бестужев-Марлинский.* Акварель Н. А. Бестужева. 1828 г. Хранится в ИРЛИ. Между стр. 528 и 529.

19. *Камера декабриста в Петропавловской крепости.* Рисунок итальянским карандашом и белилами неизвестного художника. Хранится в ИРЛИ. Внизу написано белилами по-итальянски: «Оставьте всякие надежды вы, входящие сюда» (Данте. «Божественная комедия». Ад. Песнь III). Между стр. 544 и 545.

20. *А. А. Бестужев-Марлинский.* «Андрей, князь Переяславский». Титульный лист анонимного издания 1828 г. Стр. 549.

21. *Федор Николаевич Глинка.* Рисунок неизвестного художника. 1825 (?). Хранится в ИРЛИ. Выполнен карандашом, сепией и белилами. Между стр. 592 и 593.

22. *Павел Александрович Катенин.* Работа неизвестного художника. Масло. Хранится в ИРЛИ. Между стр. 608 и 609.

23. *П. А. Катенин.* Страница письма А. С. Пушкину 9 мая 1825 г. Автограф. Хранится в ИРЛИ. Стр. 623.

24. *Николай Иванович Тургенев.* Литография Зенефельдера по рисунку М. Антонина. Хранится в ИРЛИ. Между стр. 628 и 629.

25. *Александр Иванович Барятинский.* Рисунок Питча, сделан в 1870-х годах с оригинала Н. А. Бестужева (1830-е годы). Зл-

имствован из книги «Декабристы». 86 портретов. Издание М. М. Зензинова, М., 1906. Между стр. 640 и 641.

26. *Гавриил Степанович Батеньков.* Фотография 1850-х годов. Между стр. 652 и 653.

27. *Николай Александрович Бестужев.* Автопортрет, 1830-е годы. Хранится в ИРЛИ. Портрет исполнен масляными красками на картоне. Между стр. 660 и 661.

28. *Декабристы в Петровском заводе.* И. Д. Якушкин, П. С. Бобрищев-Пушкин и М. К. Кюхельбекер (брат поэта). Акварель неизвестного художника-декабриста 1830—1831 годов. Хранится в ИРЛИ. Между стр. 664 и 665.

29. *Михаил Александрович Бестужев.* Портрет работы Н. А. Бестужева, 1830-е годы. Хранится в ИРЛИ. Портрет исполнен масляными красками на картоне. Между стр. 672 и 673.

30. *Федор Федорович Вадковский.* Рисунок Питча. Сделан в 1870-х годах с оригинала Н. А. Бестужева (1830-е годы). Заимствован из книги «Декабристы». 86 портретов. Издание М. М. Зензинова, М., 1906. Между стр. 688 и 689.

31. *Василий Львович Давыдов.* Рисунок чернилами А. А. Ивановского, 1826 г. Хранится в ИРЛИ. Давыдов зарисован с натуры на следствии по делу декабристов. Рисунок публикуется впервые в сборнике Института русской литературы «Декабристы и их время» (Материалы и сообщения) и в настоящем издании. Стр. 693.

32. *Заседание следственной комиссии.* Рисунок карандашом и чернилами А. А. Ивановского, 1826 г. Хранится в ИРЛИ. За столом слева направо: А. И. Татищев, А. Н. Голицын, А. И. Чернышев, П. В. Кутузов, В. В. Левашев, А. Х. Бенкендорф, В. Ф. Адлерберг. Стоит справа — неизвестный (А. А. Бестужев?).

Справа, параллельно фигуре неизвестного, имеется надпись (на фотографии не воспроизведена) карандашом, позднее обведенным чернилами: «Слова А. Бестужева Мих<анлу> Пав<ловичу>: кто смел, тот грабит, а кто не смел, тот крадет». Стр. 697.

33. *А. С. Пушкин. «Евгений Онегин».* Две строфы из X главы. Черновой автограф. Хранится в ИРЛИ. Стр. 713.

34. *Мария Николаевна Волконская.* Акварель Н. А. Бестужева, 1828—1830 годы. Хранится в ИРЛИ. Рисунок выполнен в Чите. В окно виден тын острога. Между стр. 768 и 769.

35. *Петровский завод.* Общий вид. Акварель Н. А. Бестужева, 1834 г. Хранится в ИРЛИ. На переднем плане справа рисующий Н. А. Бестужев. (Автопортрет). За ним конвойный.

Справа внизу на месте повреждения листа — вклейка, на которой декабристом А. Е. Розеном сделана надпись: «Петровский железный завод за Байкалом. Снял и рисовал Николай Бестужев I в 1834 году. Барон Андрей Розен». Между стр. 784 и 785.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Мейлах. Поэтическое творчество декабристов 5

К. Ф. РЫЛЕЕВ

I

Биографическая заметка 55
Любовь к отчизне 57
К временщику 60
А. П. Ермолову 62
Послание к Н. И. Гнедичу 63
К К-му. В ответ на стихи, в которых он советовал мне навсегда остаться на Украине 66
«Давно мне сердце говорило» 68
<А. А. Бестужеву> («Ты разленился уж некстати») . . . 69
Гражданское мужество 71
На смерть Бейрона 75
Элегии 78
1. «Исполнились мои желанья» . . . . . —
2. «Покинь меня, мой юный друг» . . . . . —
«Ты посетить, мой друг, желала» 79
В. Н. Столыпиной 81
Стансы (к А. Б<естуже>ву) «Не сбылись, мой друг, пророчества» 82
Бестужеву («Хоть Пушкин суд мне строгий произнес») . . . 83
<Гражданин> 84

Думы

1. Олег Вещий 87
2. Ольга при могиле Игоря 91
3. Святослав 94
4. Святополк 98
5. Рогнеда 100
6. Боян 109
7. Мстислав Удалый 112
8. Михаил Тверской 115
9. Димитрий Донской 119

10. Глинский 123
11. Курбский 128
12. Смерть Ермака 131
13. Борис Годунов 135
14. Димитрий Самозванец 141
15. Иван Сусанин 145
16. Богдан Хмельницкий 149
17. Артемон Матвеев 153
18. Петр Великий в Острогожске 156
19. Волынский 159
20. Наталия Долгорукова 163
21. Державин 166

Думы, не включенные в издание 1825 года

Вадим 170
Марфа Посадница 171
Яков Долгорукий 172
Голова Волынского 174

Поэмы

Войнаровский 177
Наливайко 221
Палей 234
Гайдамак 236

Агитационные песни К. Ф. Рылеева, написанные совместно с А. А. Бестужевым

«Близ Фонтанки-реки» 241
«Царь наш, немец прусский» 242
«Ах, где те острова» 243
«Ты скажи, говори» 244
«Ах, тошно мне» 245
«Уж как шел кузнец» 248

Стихотворения, приписываемые Рылееву

Послание к А. А. Бестужеву («По чувствам братья мы с тобой») 249
Надпись на крепостной тарелке («Тюрьма мне в честь — не в укоризну») 250

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Биографическая заметка 253
К Пушкину («Счастлив, о Пушкин, кому высокую душу природа») 257
К самому себе 258
К Пушкину и Дельвигу (Из Царского Села) 260
К брату 262
Песня дорожная 269
Поэты 270
Ницца 276

К друзьям, на Рейне 278
Греческая песнь 280
К Ахáтесу 281
А. П. Ермолову 283
Грибоедову 285
Пророчество 287
К Пушкину 290
Участь поэтов 292
К Вяземскому 293
Проклятие 295
Жребий поэта 297
<На смерть Чернова> 299
Смерть Байрона 300
Тень Рылеева 308
19 октября 1828 года 310
Любовь узника 311
Герой и певец 312
Памяти Грибоедова 314
Клен 316
Элегия 317
Море сна 319
Ночь 321
Ветер 322
19 октября 1836 года 324
Тени Пушкина 326
19 октября <1838 года> 327
«Они моих страданий не поймут» 329
Три тени 331
Аргунь 333
Четырехстишие 334
Марии Николаевне Волконской 335
«Еще прибавился мне год» 336
«До смерти мне грозила смерти тьма» 337
Участь русских поэтов 339
На смерть Якубовича 340
Слепота 342
«Благодарю! Наш разговор» 343
Клеветнику 344

А. И. ОДОЕВСКИЙ

Биографическая заметка 347
«Таится звук в безмолвной лире» 349
Бал 350
Утро 352
<Ответ на послание Пушкина> 353
Умирающий художник 354
Тризна 355
Зосима 356
Неведомая странница 359
<Отрывок из «Послов Пскова»> 361
Осада Смоленска 362

«Тебя ли не помнить» 364
Старица-пророчица 365
Элегия (На смерть А. С. Грибоедова) 367
Дева. 1610 года 369
Последняя надежда 372
Элегия (В. Н. Ланской) 375
Узница Востока 378
<М. Н. Волконской> 379
<На смерть> П. П. Ко<новницына> 380
Василько 381
Стихи на переход наш из Ч<иты> в П<етровский завод>. 419
Сен-Бернар 421
Славянские девы 423
<При известии о польской революции> 425
«По дороге столбовой» 427
<Два образа> 429
<Колыбельная песня> 431
«Ты знаешь их, кого я так любил» 433
Брак Грузии с русским царством 434
«Я разлучился с колыбели» 436
К*** («Как носятся тучи за ветром осенним») 437
«Как я давно поэзию оставил» 438

К. Ф. РАЕВСКИЙ

Биографическая заметка 443
Песнь воинов перед сражением 445
Меналк 448
Плач негра 450
Послание П. Г. Приклонскому 451
К моим пенатам 454
Глас правды 456
Элегия II 458
Послание Г. С. Батенькову 462
Мое прости друзьям К<исловскому> и П<риклонскому> . 465
Смеюсь и плачу 469
Путь к счастию 471
Сатира на нравы 473
Певец в темнице... 475
К друзьям 478
На смерть моего скворца 483
Подражание Горацию 485
Песнь невольника 487
Дума 488
<К дочери> «Мой милый друг, твой час пробил» 491
Предсмертная дума 498

А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

Биографическая заметка 503
Подражание первой сатире Буало 505
К некоторым поэтам 509
«Близ стана юноша прекрасный» 511

<Эпиграмма на Жуковского> 513
Череп 514
Тост 516
Осень 518
В день именин Ал. Ив. М.....й 522
Шебутуй 525
Разлука 527
Часы 528
Сон 530
К облаку 532
Оживление 533
Приписки к богатому надгробию в бедности умершего поэта . 534
Эпиграмма («Люблю я критика Василья») 535
Поэтам архипелага нелепостей, в море пустозвучия 536
«Я за морем синим, за синею далью» 537
Забудь, забудь. Кн. Н. У*** 538
Андрей, князь Переяславский 539

Ф. Н. ГЛИНКА

Биографическая заметка 571
Военная песнь 573
Сетование русской девы 575
Сон русского на чужбине 577
Усладова лира 579
Отрывок из опытов трагических явлений в стихах без рифмы 581
Отрывки из Фарсалии 583
К соловью в клетке 587
К Пушкину 590
Судьба Наполеона 592
«Не слышно шуму городского» 594
Карелия 595
Стихи о бывшем Семеновском полку 601

П. А. КАТЕНИН

Биографическая заметка 605
Наташа 607
Убийца 611
<Отрывок из революционного гимна> («Отечество наше страдает») 615
Отрывок из Корнелева Цинны 616
Мстислав Мстиславич 619

II

И. П. ТУРГЕНЕВ

Биографическая заметка 629
«*Закон Природы* есть святейший» 631
«Приди, о истина, и поселись меж нами» 632

Д. И. ЗАВАЛИШИН

Биографическая заметка 633
«Я в первый раз взял в руки лиру» 634
«Я песни страшные слагаю» 635

А. П. БАРЯТИНСКИЙ

Биографическая заметка 636
П. Пестелю 638
Старик с берегов Миссисипи 639
Послание Ивашеву 644
Ко дню именин 647
«Скажите, что могло вселенную заставить» 648

М. А. БЕСТУЖЕВ

Биографическая заметка 650
Песня 651

Г. С. БАТЕНЬКОВ

Биографическая заметка 652
Одичалый 653
«Каким огромным великаном» 659

Н. А. БЕСТУЖЕВ

Биографическая заметка 660
Мартышка и бритва 661

Н. С. БОБРИЩЕВ-ПУШКИН

Биографическая заметка 662
Лиса-секретарь 663
Волк и две лисицы 664
Брага 665
Дитя и пятнышко 667

Н. С. БОБРИЩЕВ-ПУШКИН

Биографическая заметка 669
Утро в деревне 670
К меценату 672
«Друзья! Есть наше счастье» 674

С. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ

Биографическая заметка 676
«Задумчив, одинокий»... 677

П. Ф. ВАНКИН

Биографическая заметка 678
М. И. Муравьеву-Апостолу 679

Н. А. ЧИЖОВ

Биографическая заметка 680
Журавли 681
Нуча 682
Вздох 686
К N. N. 687
Сибирские цветы 688
Русская песня 690

В. Л. ДАВЫДОВ

Биографическая заметка 691
Николосор 692

Ф. Ф. ВАДКОВСКИЙ

Биографическая заметка 695
Наш следственный комитет в 1825 г. 696
Желания 700

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Песня 701

Приложение

ДЕКАБРИСТЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

А. С. ПУШКИН

И. И. Пущину 707
В Сибирь 708
Арион 709
19 октября 1827 г. 710
«Евгений Онегин», десятая глава 711

Н. М. ЯЗЫКОВ

«Не вы ль убранство наших дней» 718

А. А. ДЕЛЬВИГ

«Снова, други, в братский круг» 719

Е. П. РАСТОПЧИНА

Послание к страдальцам 720

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Декабристам 722

А. П. ПОЛЕЖАЕВ

«Ах, ахти! ох, ура» 723

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Памяти А. И. Одоевского 725

Н. П. ОГАРЕВ

«Матвей Радаев» <Отрывки из поэмы> 728
Памяти Рылеева 733
Героическая симфония Бетховена 735

М. Л. МИХАЙЛОВ

Пятеро 736

В. С. КУРОЧКИН

«Долго нас помещики душили» 738

Н. А. НЕКРАСОВ

Дедушка 740
Русские женщины (Декабристки):
Княгиня Трубецкая <отрывок> 753
Княгиня М. Н. Волконская 758

Примечания 799
К иллюстрациям 837

Редакционная коллегия:

И. А. Груздев, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
А. М. Еголин. А. А. Прокофьев, В. М. Саянов,
А. К. Тарасенков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов

Редактор А. Докусов

Художник И. Серов. Техн. редактор А. Кирнарская
Корректор З. Петрова.

№ 22568. Подписано к печати 3/IX 1950 г. А. л. 33,19. Уч.-изд. л. 36,1. Бумага 84×108/32—13 бум. л.—42,64 печ. л. Тираж 20 000.
Цена 21 р. Заказ № 975

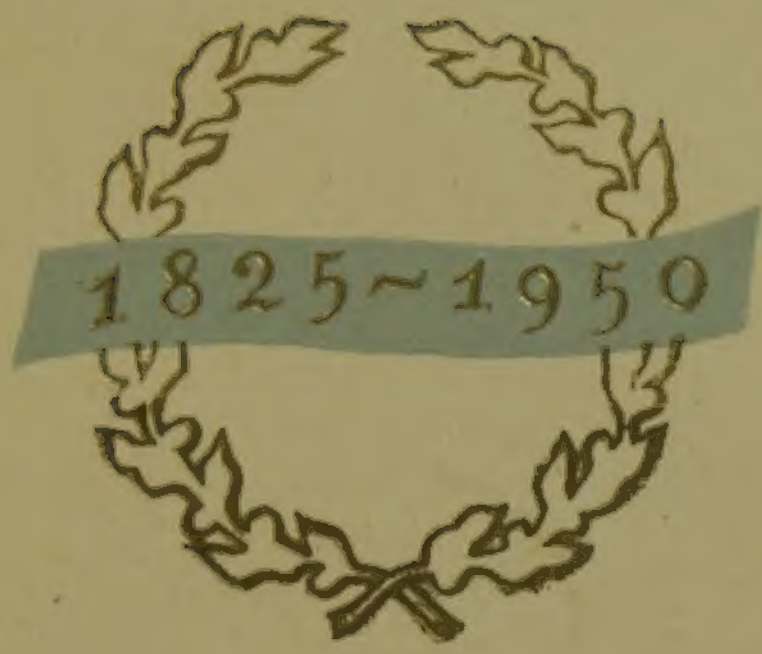
Типография № 3 Управления издательств и полиграфии Исполкома Леноблсовета

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
29	8 св.	первые	передовые	Составителя
34	13 „	Не надо ли	Но надо ли	Корректора
662	1 св.	1820	1872	Составителя
681	6 „	Тогда	Тула	Корректора
729	15 св.	захвачен бы	захвачен был	„

Наш скорбный труд
не пропадет.
Из искры возго-
рится пламя.

А. Одоевский


1825~1950